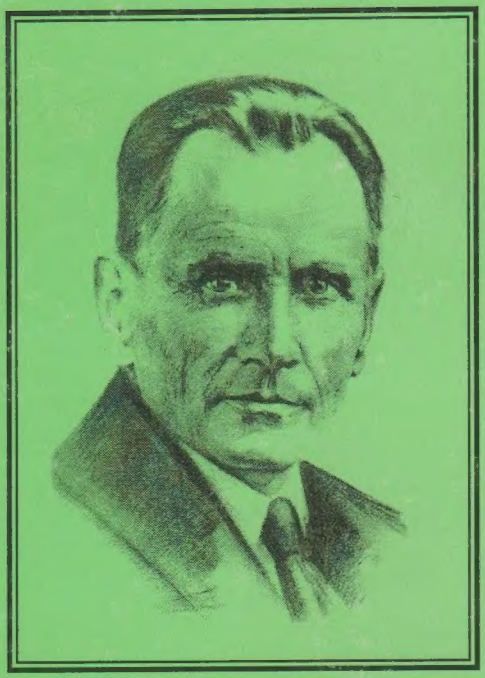

Арсеньевские чтения

Материалы международной
научно-практической конференции,
посвящённой 110-летию
ПГОМ имени В. К. Арсеньева

13–14 сентября 2000 года

ПРИМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ имени В.К.АРСЕНЬЕВА

Владивосток

kraeved.info

Приморский государственный объединённый музей имени В. К. Арсеньева

Дальневосточный Арсеньевский благотворительный фонд

Арсеньевские чтения

Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 110-летию ПГОМ имени В. К. Арсеньева

13–14 сентября 2000 года

Издательство Дальневосточного университета
Владивосток
2000

ББК 83
А85

Редакционная коллегия:
Г. А. Алексюк, д. и. н. А. М. Кузнецов,
С. С. Руснак, А. Т. Храмцова

А85 Арсеньевские чтения.
Материалы международной научно-практической конференции. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун–та, 2000 — 280 с.

ISBN 5-7444-1345-6

В материалах конференции рассматриваются проблемы собирания, изучения и сохранения научного и литературного наследия известного путешественника, ученого, исследователя. В статьях раскрывается многогранная деятельность В. К. Арсеньева как ученого и его вклад в становление и развитие планомерного изучения и освоения Дальнего Востока России, а также результаты современных исследований некоторых проблем изучения природы, природных ресурсов, экологии, экономики Дальнего Востока как продолжение исследований и изысканий ученого.

Материалы конференции представляют интерес для широкого круга специалистов в области истории, географии, биологии, экологии, геологии.

А $\frac{4702010000}{180(03)-2002}$ **ББК 83**

ISBN 5-7444-1345-6

© Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева, 2000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. АРСЕНЬЕВЕДЕНИЕ

А. М. КУЗНЕЦОВ (ВЛАДИВОСТОК)
Арсеньевские чтения: традиция и современность 9

Г. А. АЛЕКСЮК (ВЛАДИВОСТОК)
Завещано: сохранить и приумножить.
55 лет с именем В. К. Арсеньева 14

Д. Л. БРОДЯНСКИЙ (ВЛАДИВОСТОК)
Научное наследие В. К. Арсеньева 24

ФУНАЯМА ХИРОДЗИ (САППОРО, ЯПОНИЯ)
Об издании книги «Приморский край на рассвете XX века» 26

ЯДЗИМА САТОСИ (САППОРО, ЯПОНИЯ)
В. К. Арсеньев и Япония 27

С. В. ГОНЧАРОВА (ХАБАРОВСК)
Проблемы колонизации
Дальнего Востока России в работах В. К. Арсеньева 29

Ю. В. АРГУДЯЕВА (ВЛАДИВОСТОК)
Русские в исследованиях В. К. Арсеньева 32

В. П. КОРОЛЮК (ВЛАДИВОСТОК)
Арсеньев в Водном техникуме 35

В. Ф. ЗУЕВ (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ)
В. К. Арсеньев и первопроходцы
восточных железнодорожных магистралей России 40

Р. Д. ГНЕУШЕВА (ВЛАДИВОСТОК)
Творчество В. К. Арсеньева в контексте
русской культуры и литературы 46

ФУМИХИКО ЯМАДА (ЯПОНИЯ)
Писатель В. К. Арсеньев — маяк человечества 49

Ю. А. ЯРОЦКАЯ, А. И. ЗАПОРОЖЕЦ (ВЛАДИВОСТОК)
Материалы документального фонда ПГОМ им. В. К. Арсеньева — основа научно-художественного исследования жизни и творчества В. К. Арсеньева (из опыта документального театра) 50

О. В. МАЗНЯК (ВЛАДИВОСТОК)
Издание полного собрания сочинений В. К. Арсеньева — назревшая необходимость.....56

И. Г. НОВОСЕЛОВА (ВЛАДИВОСТОК)
Тема природы в дневниках В. К. Арсеньева и М. М. Пришвина.....59

П. Л. ФЕФИЛОВ (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ)
О знакомстве В. К. Арсеньева с Г. Я. Седовым.....62

Н. И. ПЛОТНИКОВА
Н. А. Байков и В. К. Арсеньев: к проблеме творческой индивидуальности 64

Н. С. ДУНКАЙ (П. КРАСНЫЙ ЯР)
Певец Дальнего Востока.....67

С. С. РУСНАК (ВЛАДИВОСТОК)
Образ охотника Дерсу из рода Узала: к 25-летию художественного фильма А. Курасавы «Дерсу Узала».....71

А. И. ЗАПОРОЖЕЦ, Ю. А. ЯРОЦКАЯ (ВЛАДИВОСТОК)
Жизнь Маргариты Арсеньевой — опыт реконструкции в документальном театре.....76

С. М. БОГДАНОВА (ВЛАДИВОСТОК)
Использование наследия В. К. Арсеньева в культурно-образовательной работе Научной библиотеки ДВГУ.....81

Л. Г. МИРОШНИЧЕНКО (ВЛАДИВОСТОК)
Выдающийся исследователь и пропагандист природы Дальнего Востока.....84

РАЗДЕЛ II.
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Л. В. КОРНЕВА (ХАБАРОВСК)
Музейные ценности в системе образования и воспитания Приамурского края в конце XIX — начале XX веков.....87

Н. И. ВЕЛИКАЯ (ВЛАДИВОСТОК)
Памяти Надежды Ивановны Алексахиной — директора Дальневосточного литературно-мемориального музея А. А. Фадеева 90

С. П. МОСКВИТИНА (ВЛАДИВОСТОК)
Семейный фонд О. Скопиченко и П. Коновалова в ПГОМ им. В. К. Арсеньева.....97

А. Л. ШУМКОВА (ВЛАДИВОСТОК)
Археологические коллекции В. К. Арсеньева в Приморском государственном объединенном музее имени В. К. Арсеньева.....101

Э. В. ГОНЕВЧУК (ВЛАДИВОСТОК)
История природоохранного дела в Приморье и её отражение в материалах Приморского государственного объединённого музея имени В. К. Арсеньева.....105

Т. Ю. БЫЧЕНКО (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ)
Наследие В. К. Арсеньева в эколого-краеведческой деятельности музея.....108

С. В. ЖЕУРОВА (ВЛАДИВОСТОК)
Музей как уникальный инструмент развивающего обучения.....112

В. А. ОБЕРТАС (ВЛАДИВОСТОК)
К истории музея Владивостокская крепость.....115

Н. В. КАСЬЯНОВ (ВЛАДИВОСТОК)
Проблемы музеефикации крепостных сооружений 119

О. М. КОТ (ВЛАДИВОСТОК)
Фондообразователь Иван Васильевич Горбачёв.....121

И. Н. КЛИМЕНКО (ВЛАДИВОСТОК)
Материалы геолога М. А. Павлова в ПГОМ им. В. К. Арсеньева.....126

Ю. В. ВОРОБЬЕВА
Редкие печати из коллекции ПГОМ им. В. К. Арсеньева.....131

И. И. БАБЦЕВА (ВЛАДИВОСТОК)
Хроника ПГОМ им. В. К. Арсеньева 135

В. В. КОБКО (ВЛАДИВОСТОК)
Старообрядчество Приморья: Итоги и перспективы полевых исследований ПГОМ им. В. К. Арсеньева 140

Э. В. ГОНЕВЧУК (ВЛАДИВОСТОК)
История формирования естественнонаучных коллекций ПГОМ им. В. К. Арсеньева 148

В. В. УВАРОВА (ВЛАДИВОСТОК)
Музейный экологический центр 152

Е. Е. ЧИНЯЕВА, Д. А. ЛИМОШЕНКО (ВЛАДИВОСТОК)
Разработка программы Объединения эколого-краеведческого профиля и механизм ее реализации 155

Н. В. КАМЕНЕВА, К. А. ЛУТАЕНКО (ВЛАДИВОСТОК)
Опыт создания постоянного раздела по истории морской биологии в экспозиции Музея Института биологии ДВО РАН 157

Ю. П. ЩУКОВСКАЯ (ВЛАДИВОСТОК)
Документы Судзухинского заповедника (1940–1951 годы) в госархиве Приморского края 159

К. Ф. КРЕСС (АРСЕНЬЕВ)
Из истории формирования коллекции значков, выпускаемых машиностроительным заводом «Аскольд» города Арсеньева 163

Т. И. НИКОЛАЕВА (АРСЕНЬЕВ)
Н. М. Никаноркин — географ, краевед, первый собиратель истории города Арсеньева 169

И. А. АВДУЕВСКАЯ, Е. Н. ШОЛОХОВА (ВЛАДИВОСТОК)
Краеведческая деятельность Информационно-методического туристско-экскурсионного центра при ПГОМ им. В. К. Арсеньева 174

Л. А. ШУБИНА (ВЛАДИВОСТОК)
Перспективы развития детских экскурсионных программ ИМТЭЦ ПГОМ им. В. К. Арсеньева 176

Г. И. МАЛЫХ (ВЛАДИВОСТОК)
Владивостокское общество спорта в начале XX века (на материалах РГИАДВ и фондов музея имени В. К. Арсеньева) 178

РАЗДЕЛ III.
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

О. Л. МОРЕВА, А. Н. ПОПОВ (ВЛАДИВОСТОК)
Сравнительная характеристика гребенчатого орнамента бойсманской и зайсановской археологических культур (по материалам памятника Бойсмана-2) 184

Г. Т. ТИТОРЕВА (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ)
Свадебный костюм нанайцев: мифология образа 187

Т. В. МЕЛЬНИКОВА (ХАБАРОВСК)
Особенности применения кожи рыбы разных пород для изготовления традиционной одежды нанайцев 190

А. Л. МЕЗЕНЦЕВ (УССУРИЙСК)
Мохэсские памятники в окрестностях Уссурийска и Южно-Уссурийское городище 195

Е. А. ЛЫКОВА
Ликвидация агрономической неграмотности крестьянства Дальнего Востока в 20-е годы 199

А. А. КИРЕЕВ (ВЛАДИВОСТОК)
Уссурийское казачество в политической жизни Дальнего Востока конца XIX — начала XX веков 206

С. А. ХОХРЯКОВ
История изучения и освоения юго-восточного Приморья в топонимике Лазовского района 209

С. Э. КИМ (ВЛАДИВОСТОК)
История азиатских диаспор Владивостока в конце XIX — начале XX века 212

А. И. ПЕТРОВ (ВЛАДИВОСТОК)
Корейцы на Дальнем Востоке России и взаимодействие русской и корейской культур: 1860-е — 1917 годы 215

С. С. ЛЕВОШКО (ХАБАРОВСК)
Влияние российского градостроительного опыта в Маньчжурии на китайское градостроительство в нач. XX века: к постановке проблемы 219

Л. Е. БАКЛЫКСКАЯ
Дальневосточный вариант русского стиля
в архитектуре Приамурской выставки 1913 года 222

Д. С. ИВАНОВА (ХАБАРОВСК)
Символы русской духовности в городах Китая 226

А. П. МАЛАХОВА (ХАБАРОВСК)
Архитектура как фактор конкурентной борьбы
крупнейших торговых домов Дальнего востока 229

В. Н. САВЕНКОВА (ВЛАДИВОСТОК)
Городская среда города Комсомольска-на-Амуре
как сфера проявления символики власти 232

В. И. РЕМИЗОВСКИЙ (ХАБАРОВСК)
Геолог Иннокентий Павлович Толмачёв 236

О. Б. ЛЫНША (УССУРИЙСК)
Никольские художники начала XX века 241

И. А. АВДУЕВСКАЯ (ВЛАДИВОСТОК)
Альберсы во Владивостоке 244

В. И. РЕМИЗОВСКИЙ (ХАБАРОВСК)
Опыт периодизации изучения геологии
и полезных ископаемых Дальнего Востока 249

Н. И. ПЛОТНИКОВА (УССУРИЙСК)
«Дела» семьи Байковых 252

Ю. ПРАСОЛОВА (ВЛАДИВОСТОК)
Тема любви в ранних произведениях Бориса Можаева 256

В. В. КЛИМЕНКО (ВЛАДИВОСТОК)
Малоизвестные страницы Сад-города 260

Н. В. БУТКОВСКАЯ (ВЛАДИВОСТОК)
К родословной старообрядцев Бутковских 262

РАЗДЕЛ I

АРСЕНЬЕВЕДЕНИЕ

А. М. КУЗНЕЦОВ (ВЛАДИВОСТОК)

АРСЕНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

История организации и проведения конференций «Арсеньевские чтения» пока не очень продолжительна. Насколько мне удалось установить, впервые они прошли во Владивостоке в 1961 году на базе Приморского Филиала Географического общества СССР [1]. Затем, после продолжительного перерыва, ряд юбилейных мероприятий, приуроченных к 100-летнему юбилею со дня рождения В. К. Арсеньева, состоялся во Владивостоке в 1972 году. Далее, в 1980 году, совершенно независимо от этих инициатив были проведены первые «Арсеньевские чтения» сугубо местного масштаба в городе Уссурийске. Они были продолжены на разном уровне в 1982, 1985, 1987, 1989, 1992 и 1994 годах. Как отдельное событие прошли в 1984 году и «Арсеньевские чтения» в Хабаровске. Затем юбилейные конференции состоялись во Владивостоке в 1987 и 1997 годах. Эта краткая летопись событий достаточно показательна, так как она все же демонстрирует значение личности В. К. Арсеньева и его наследия для современного Дальнего Востока. Материалы этих конференций примечательны также тем, что они позволяют проследить, как формировалось наше отношение и восприятие жизни и деятельности замечательного дальневосточника.

Как это ни покажется странным, но оказывается, что для каждого исторического периода складывался свой образ Арсеньева, тесно связанный со своим временем, с судьбами нашей страны. Вначале он приобрел известность как замечательный путешественник, совершивший трудные экспедиции в неизвестные области горной страны Сихотэ-Алиня. Затем, после выхода в свет книг «Дерсу Узала» и «В дебрях Уссурийского края», начинается его слава писателя. Однако при жизни В. К. Арсеньев не рассматривался как ученый-естественник, а тем более гуманитарий, хотя были у него и специальные работы и награды, но он долгое время был военным и оставался вне академической традиции. Следует также учитывать, что одновременно с Арсеньевым в начале века изучением Дальнего Востока занимались такие выдающиеся ученые, как Л. С. Берг, В. Л. Комаров, А. Н. Криштофович, С. М. Широкогоров и другие. Поэтому Владимиру Клавдиевичу было трудно конкурировать с представителями академической науки, и во время своей непосредственной деятельности на Дальнем Востоке он с полным

правом может быть отнесен, прежде всего, к ярким представителям такого замечательного явления, как российское краеведение. Офицерское прошлое и привязанность к краеведению сыграли трагическую роль в судьбе В. К. Арсеньева в последние годы его жизни и в течение всех 30-х годов. Становление тоталитаризма в стране не могло совмещаться с интересом и любовью к малой родине, родному краю. Не случайно по краеведам был нанесен один из первых ударов созданной репрессивной машины. Понадобились суровые испытания Великой Отечественной войны, а затем победоносное завершение войны с Японией, которые вернули стране ее историю и вызвали новый подъем всенародного самосознания, чтобы вернуть нам имя Арсеньева. Мы пока не знаем, кто выступил инициатором принятия в 1945 году решения Приморского крайисполкома в связи с 15-летием со дня кончины Владимира Клавдиевича переименовать Производственную улицу в улицу Арсеньева, присвоить его имя краеведческому музею и установить мемориальную доску. Но должны быть глубоко благодарны им, сохранившим вопреки всему память о замечательном исследователе Дальнего Востока и писателе. Этим же решением была начата подготовка к изданию собрания сочинений В. К. Арсеньева, которое и увидело свет во Владивостоке в 1947 году. Наряду с известными художественными произведениями, в это собрание были включены уже выпускавшиеся и ранее не издававшиеся работы научного характера. В предисловии к первому тому наш известный ученый А. И. Куренцов отметил, что «В. К. Арсеньев, хотя и проявлял склонность к местной этнографии, все-таки оставался, прежде всего, исследователем с широким диапазоном понимания географического ландшафта». Арсеньев внес большой вклад в исследование лесов, рек, геологического строения, фауны и флоры Уссурийского края, а также этнографии и археологии края [2]. Очень показательно, что в этом же 1947 году выходит в свет в Москве книга Н. Е. Кабанова «В. К. Арсеньев путешественник и натуралист» [3]. Эти публикации и позволили представить Арсеньева в новом качестве: как ученого, внесшего неоценимый вклад в изучение Дальнего Востока. В определенной степени этому признанию содействовала и временная дистанция, которая серьезным образом изменила Дальний Восток, существовавший в первой трети XX века. Но затем снова начинается период, когда интерес к наследию Владимира Клавдиевича ограничивался публикациями к памятным датам и переизданием его художественных произведений. Общие перемены в жизни страны, которые привели к перестройке, снова необычайно активизировали краеведческое движение и, как результат, проведение очень представительных «Арсеньевских чтений» в 1984 году в Хабаровске. Эту взаимосвязь наглядно отразил один из членов Оргкомитета конференции В. С. Шевченко. «Первые в Хабаровске Арсеньевские чтения открываются в дни, когда в жизни страны все явственнее сдвиги, вызванные решениями XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС, когда мы все глубже осознаем связь между курсом на интенсификацию общесоюзной экономики, принятым XXVI съездом КПСС, и ускорением темпов хозяйственного, социального и культурного развития Сибири и Дальнего Востока. Сегодня для нас все более оче-

видна взаимосвязь экономических, социальных и духовных процессов в обществе развитого социализма, роль непреходящих ценностей отечественной и мировой культуры в формировании духовного облика активного строителя коммунизма. И в первом ряду советских ученых и писателей, творческое наследие которых прочно вошло в нашу жизнь, — В. К. Арсеньев, выдающийся исследователь советского Дальнего Востока первой трети XX века, один из лучших представителей школы Н. М. Пржевальского в русской географии» [4].

Иначе складывалась ситуация с уссурийской инициативой. В 1977 году я был вынужден оставить Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР и занять место преподавателя Уссурийского государственного педагогического института. Здесь мне пришлось столкнуться с поразительными настроениями студентов, в которых сквозила апатия и неверие в то, что здесь, в городе и институте, может происходить что-то интересное и значительное. Для меня же было ясно, что будущие учителя истории не могут успешно выполнять свою роль без хорошей краеведческой подготовки, которую они должны пройти не в учебной аудитории, а в живом деле. Наиболее яркий пример деятельности по изучению родного края, конечно, представлял В. К. Арсеньев. Поэтому, в соответствии с намеченной с активистами созданного археолого-краеведческого клуба УГПИ программой развития краеведения, было решено провести научно-практическую конференцию «Арсеньевские чтения». Первая конференция состоялась в 1980 году, она была небольшой и в основном на ней были заслушаны сообщения о жизни и деятельности В. К. Арсеньева. Тем не менее, свое дело эта конференция сделала и, опробовав свои силы, мы рискнули пригласить на следующие Чтения в октябре 1982 года гостей. Я благодарен коллегам — преподавателям и студентам ДВГУ В. И. Дьякову, П. Л. Семину, Д. А. Сапфирову, Е. В. Чупахиной и другим, которые откликнулись на наше приглашение и приехали в Уссурийск. Это произвело необходимое впечатление. После преодоления очередного рубежа возникла мысль об организации уже научной конференции регионального уровня. На реализацию этой идеи ушло три года. Если раньше мы решали все вопросы на институтском уровне и всегда имели полную поддержку со стороны ректора В. И. Тарасова, то теперь нам пришлось обращаться в Министерство просвещения РСФСР, так как наш педагогический институт не имел права на издание научных сборников и для публикации материалов конференции ее было необходимо внести в план Министерства. Вот тут и начались наши мытарства. После нескольких убедительных обращений в Министерство, которое сначала запретило проведение Арсеньевских чтений, был получен положительный ответ. Из письма заместителя начальника Главного управления высших и средних учебных заведений Министерства просвещения РСФСР П. А. Жильцова: *«...Главное управление высших и средних педагогических учебных заведений сообщает, что в соответствии с договоренностью может разрешить Уссурийскому педагогическому институту, в порядке исключения, провести в 1985 году научно-практическую конференцию „Арсеньевские чтения“ при условии приведения содержания программы в соответствие с ее темой.*

Тематика докладов и выступлений на конференции не связана с постановлениями партии и правительства о реформе общеобразовательной и профессиональной школы. Между тем, богатое научное наследие В. К. Арсеньева может оказать большую помощь учителям школ в их работе по экологическому образованию и воспитанию школьников, воспитанию у них любви к родному краю и нашей Родине и в реализации многих других задач, поставленных в документах и материалах школьной реформы... Тематика докладов и выступлений на секциях „Археология каменного и бронзового веков" и „Археология железного века и средневековья" не имеет отношения к научно-исследовательской деятельности В. К. Арсеньева...» Это очень красноречивый документ своего времени, поэтому я решил привести столь пространную выдержку из него. Наиболее примечательна последняя часть этого письма, так как ведущую роль в организации Арсеньевских конференций сыграли археологи и тогда уже был поставлен вопрос о важной роли Владимира Клавдиевича в развитии дальневосточной археологии. Но, как оказалось, получить разрешение, еще не значит получить возможность опубликовать сборник тезисов докладов конференции. Разрешить это сделать мог только соответствующий Отдел Крайкома КПСС. И снова, когда на прямое обращение последовал решительный отказ, помог случай. В коридорах Крайкома я случайно встретил тогда еще доцента ДВГУ В. Ф. Печерицу, у которого готовилась совместная работа с тем лицом, которое давало разрешение на публикации. Узнав про наши беды, Владимир Федорович взял меня с собой в кабинет ответственного товарища, и в течение минуты долгожданная подпись была получена! Так в октябре 1985 года состоялись, вопреки всем препятствиям, «III Арсеньевские чтения» в Уссурийске, которую мы организовали совместно с Приморским филиалом Русского географического общества. На эту конференцию приехали гости из Владивостока, Хабаровска, из Москвы приехала А. И. Тарасова — известная своими исследованиями жизни и деятельности В. К. Арсеньева. С приветствием в адрес конференции обратился профессор Н. Е. Кабанов — участник экспедиции Арсеньева 1927 года. Конференция проходила в здании бывшей женской гимназии (сейчас корпус физико-математического факультета УГПИ), в котором в 1922 году проходила посмертная выставка друга В. К. Арсеньева — художника В. Г. Шешунова. Активную роль в ее подготовке и проведении сыграл декан исторического факультета УГПИ Ю. А. Ижко. Хабаровская делегация в лице С. А. Пайчадзе несколько настороженно восприняла конференцию в Уссурийске, так как мы до этого момента не имели связи друг с другом. Но когда все благополучно объяснилось, было решено провести следующие Арсеньевские чтения 1987 году в Хабаровске, как совместный общедальневосточный проект. В силу каких-то неизвестных нам причин новую конференцию провести не удалось. Возможно, это как-то связано с отъездом С. А. Пайчадзе в Новосибирск. Но поскольку на этот год приходилась 115-я годовщина со дня рождения В. К. Арсеньева, то тематическая конференция была проведена во Владивостоке на базе Приморского филиала Русского географического общества. В Уссурийске же в марте 1987 года также состоялась конференция «Проблемы краеведения Приморья», на которую были приглашены учителя приморских школ, которые занимались различной краеведческой работой. В подготовке этой конференции принимали участие не только Приморский филиал Русского географического общества, но и Приморский краевой институт усовершенствования учителей, и Приморское отделение педагогического общества РСФСР. С учетом реальной ситуации, сложившейся после того, как очередные Арсеньевские чтения не были проведены, и несомненной их важности в деле развития краеведения, было решено возобновить эту конференцию на базе УГПИ. В марте 1989 года состоялась конференция в Уссурийске под двойным названия: «Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения)». В ее организации приняли участие те же организации Владивостока, что и на предыдущей краеведческой конференции. В Арсеньевских чтениях в апреле 1989 года приняли участие не только специалисты Приморья, Хабаровского края, Сахалина, но и Сибири. Расширился и состав участников конференции, так как наряду с другими краеведами к участию в ней были привлечены школьники краеведческих клубов. Впервые также была выделена очень представительная секция природного краеведения. Чтения в Уссурийске получили признание, поэтому при подготовке очередной конференции 1992 года мы получили заявки и отклики уже со всей страны и публикация отобранных тезисов докладов составила приличный том. В немалой степени это явилось результатом активного участия в работе Оргкомитета нового декана исторического факультетата Д. В. Лихарева. Эта популярность вызвала необходимость сделать нашу конференцию более научной, тем более, что в разных местах Приморья начали проводиться школьные краеведческие семинары и сборы. В этой связи вспоминается показательный эпизод: когда Д. В. Лихарев поехал в Санкт-Петербург защищать свою докторскую диссертацию, то профессор Комиссаров из СпбГУ, узнав, откуда прибыл соискатель, воскликнул: «А, это там где проводятся „Арсеньевские чтения!"». Мы уже не волновались за дальнейшую судьбу Чтений, и было принято решение проводить их в два этапа: в один год по исторической и краеведческой тематике, а на второй — по естественнонаучной. В соответствии с этим решением следующая конференция в 1994 году, также достаточно представительная, прошла как VII Арсеньевские чтения по проблемам истории, археологии, краеведения. Но очевидно, что мы достигли своеобразного апогея роста, который оказался уже не совсем посильным. Во всяком случае наши коллеги-биологи ограничились в 1995 году изданием сборника научных трудов, на котором уже не было указания, что он вышел в рамках «Арсеньевских чтений». Впереди был 1997 год — 125-летняя годовщина со дня рождения В. К. Арсеньева. По разным причинам Уссурийск уже был не готов к проведению юбилейных Чтений, и Международная конференция, посвященная этому событию, была организована Приморским государственным объединенным музеем им. В. К. Арсеньева и Дальневосточным государственным университетом. В честь этого события в УГПИ все же был подготовлен сборник научных археологических работ. На этом традиция конференций, посвященных В. К. Арсеньеву, в городе Уссурийске прерывается. Однако сама идея уже была прочно укоренена, и эстафету снова принял Владивосток.

За 20 лет своего фактического существования Арсеньевские чтения сделали уже немало. На них были впервые освещены неизвестные страницы жизни и наследия В. К. Арсеньева, в частности роль и значение для него Никольск-Уссурийска. В полном объеме стала очевидной его многогранная научная, педагогическая, музейная деятельность. Вокруг этих конференций с именем Владимира Клавдиевича были сконцентрированы многочисленные специалисты и энтузиасты-краеведы, но было бы чересчур смелым утверждение, что уже все арсеньевское наследие должным образом описано и изучено. Феномен В. К. Арсеньева заключается, прежде всего, в том, что этот замечательный путешественник и неутомимый исследователь, наделенный ярким писательским талантом, благодаря своему трудолюбию запечатлел на страницах своих путевых дневников и в напечатанных произведениях целый огромный мир, который называется Российский Дальний Восток. Этот мир сейчас сильно изменился, и многое мы уже безвозвратно потеряли, но благодаря настоящему подвижнику науки Арсеньеву, мы имеем многообразные и насыщенные его образы, которые еще долгое время будут неоценимым источником данных для представителей разных областей науки.

Примечания:

1. ***А. И. Тарасова.*** *Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. С. 295.*
2. ***А. И. Куренцов.*** *Предисловие// Арсеньев В. К. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 1. Владивосток, 1947. С. IV.*
3. ***Н. Е. Кабанов.*** *Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист (1872–1930). М., 1947.*
4. ***В. С. Шевченко.*** *Предисловие// Арсеньевские чтения. Хабаровск, 1984. С. 2.*

Г. А. АЛЕКСЮК (ВЛАДИВОСТОК)

ЗАВЕЩАНО: СОХРАНИТЬ И ПРИУМНОЖИТЬ. 55 ЛЕТ С ИМЕНЕМ В. К. АРСЕНЬЕВА

Приморскому государственному объединенному музею имени В. К. Арсеньева — 110 лет. Многое изменилось в жизни музея за эти годы. Но одно осталось неизменным — глубокое уважение и благодарность к основателям и нескольким поколениям созидателей главного музея края. Имена их всем известны, о них немало сказано и написано, но заслуги их столь значительны, что новые и новые поколения дальневосточников-ученых, специалистов, краеведов обращаются к их наследию. В. П. Маргаритов, Ф. Ф. Буссе, И. П. Надаров, М. И. Янковский, Л. Я. Штернберг, Ф. К. Гек, М. Г. Шевелев, А. Д. Старцев, С. О. Макаров, В. К. Арсеньев и многие, многие другие. Они оставили нам в наследство прекрасные

коллекции и раритеты мирового уровня, а также традиции бескорыстного служения обществу, высокой духовности, патриотизма, бережного отношения к историческому и культурному наследию своего Отечества и сопредельных стран.

В ряду их имен особенно дорого дальневосточникам имя Владимира Клавдиевича Арсеньева. Владимир Клавдиевич впервые ступил на приамурскую землю солнечным, безоблачным августовским днем 1900 года. Ему было всего 28 лет. Он был профессиональным военным, офицером, прекрасно осознавал свой долг и готов был с честью выполнять его. Мечтал он о встрече с неведомым прекрасным краем. Он еще не знал, что станет выдающимся исследователем и «певцом» Дальнего Востока и не расстанется с ним до конца своей жизни. Он напишет книги о замечательной природе и людях этого края. Он много потрудится для его процветания. Его произведения будут переведены на 30 языков мира. Собранными им коллекциями будут гордиться многочисленные музеи в России и за рубежом. Его именем будут названы город, река, улицы, корабли… Но до настоящего признания в своей стране ему не суждено будет дожить…

Одним из проявлений такого признания и любви к В. К. Арсеньеву было присвоение имени ученого главному музею Приморского края. Многие годы общественность края медленно, но верно добивалось этого решения. Оно было принято Приморским краевым советом депутатов трудящихся 4 сентября 1945 года: и это несмотря на то, что жена В. К. Арсеньева Маргарита Николаевна была расстреляна как «враг народа», а дочь Наталия находилась в заключении по 58 статье.

Музей создавался, жил, прирастал и развивался всенародным участием, дарениями, меценатством, сохраняя и неся в себе огромную благодарную ответную память. Непреложным правилом музейного дела, самым строгим, являются не только сохранение экспонатов и сведений о них, но и сохранение памяти об их дарителях. Морские офицеры и гимназисты, студенты Восточного института и местная интеллигенция, предприниматели и крестьяне считали своим долгом не только бывать в музее, поддерживать его деятельность материально, но и вносить свой вклад в создание музейного собрания. Совершая первые передачи экспонатов в музей, их дарители заложили основы будущих обширных научных музейных коллекций. От коллекции этнографии коренных народов Приморья и Приамурья до разнообразнейших коллекций естественнонаучной истории восточной окраины России…

Меценатами и дарителями были многие крупные царские чиновники. В том числе военный губернатор Приморской области П. Ф. Унтербергер, доставивший в музей в 1892 году уникальный костюм воина-ительмена, датируемый концом XVIII — началом XIX веков. Передал военный губернатор в музей и ряд фотографий полуострова Камчатка собственного изготовления. Пополнял музейное собрание и старейший советник Приморского областного правления А. В. Суханов и др. Члены царской семьи Романовых — Великий Князь Константин Михайлович и Великая Княгиня Александра Иосифовна — преподнесли в дар музею 4 ящика экспонатов, в том числе шпагу английского морского офицера, убитого при

высадке десанта в Петропавловске-на-Камчатке в 1855 году, модели двадцатипушечного брига и трехпушечного клипера из кости, модели байдарки и остова байдары (чукчи, алеуты) и другие предметы.

Первая экспедиция музея снаряжалась на средства крупного владивостокского промышленника Ю. И. Бринера Среди дарителей экспонатов значились М. Г. Шевелев, все члены семьи М. И. Янковского , купец 1-й гильдии и первый городской голова Я. Л. Семенов, один из основателей Общества изучения Амурского края и заведующий Приморским переселенческим управлением Ф. Ф. Буссе, городской голова Владивостока с 1909 по 1915 годы В. П. Маргаритов, ученые-этнографы И. А. Лопатин и Б. О. Пилсудский, начальник Анадырского округа Л. Ф. Гриневецкий, востоковеды Н. В. Кюнер и А. В. Рудаков, врачи Н. В. Кириллов и Тропин, правитель канцелярии при военном губернаторе Владивостока И. П. Надаров, лесничий Н. А. Пальчевский, геолог П. В. Виттенбург, военный топограф и путешественник В. К. Арсеньев, выдающийся русский флотоводец и ученый С. О. Макаров И между ними удивительный собиратель, фигура романтическая и неразгаданная — вольный шкипер Фридольф Кириллович Гек. Его чукотская, эскимосская, корякская этнографические коллекции, поступившие в музей в 1885–1892 годах в несколько приемов, остаются выдающимися по своей научной значимости и в наши дни.

Музей сохраняет вечную признательность людям, которые сформировали единичными скромными дарами обширные историко-бытовые коллекции.

В числе неоднократных дарителей лидирует житель города Евгений Николаевич Диго, который передал в музей свыше 500 предметов. Коллекцию музея существенно дополнил известный в кругах коллекционеров города житель Владивостока В. Г. Полоухин, передав в дар музею свыше 90 кирпичей и коллекцию предметов быта. Дарителями сформированы коллекция печатей, коллекция открыток Владивостока, нумизматическая коллекция. В 1999 году известный коллекционер Константин Петрович Буркин передал на вечное хранение музею свыше 10 тысяч предметов своего собрания — монеты, памятные медали, значки, марки, раковины. В подаренной нумизматической коллекции представлена практически вся российская монетная система XVIII–XX веков, монетная система СССР до 50-х годов, а также собрание медных монет Германии XVI–XIX веков, Польши, стран Прибалтики… Среди них немало раритетных.

На протяжении 25-ти лет пополняет музейное собрание редкими и редчайшими предметами, помогает сотрудникам музея восстанавливать незаслуженно забытые имена и события Дьяченко Борис Алексеевич. Иван Васильевич Горбачев — постоянный многолетний фондообразователь музея, даритель бесценных изданий редких книг из различных областей человеческой деятельности — философии, истории, отечественной и зарубежной литературы, искусства, науки. В предметах, подаренных И. В. Горбачевым, отражена и его жизнь, плодотворная и творческая деятельность и жизнь его предков, их удивительные судьбы. Среди семейных реликвий, переданных им в музей, уникальные иконы, принадлежащие его родителям-старообрядцам, глубоко верующим, но в силу обстоятельств не передавшим детям своей веры. Из его даров сегодня музей составил личный фонд, отражающий историю Дальневосточного политехнического института с фотографиями, документами, воспоминаниями, перепиской выпускников, насчитывающий более 500 единиц хранения.

Невозможно за ограниченностью времени перечислить всех дарителей нашего музея. В списках почетных фондообразователей значатся тысячи человек, людей разных профессий, интересов, талантов. Среди новых имен в этом списке в конце XX века снова повторяются уже знакомые имена основателей и дарителей музея — Шевелевы, Янковские, Бринеры, Толмачевы, Виттенбурги, Бурачки и многие другие. Это вторые, третьи поколения тех, кто сто с лишним лет назад положили начало музею. Они восстановили и продолжили традицию своих предков.

Музей всегда будет благодарен Евгении Павловне Виттенбург, Кириллу Николаевичу Кюнеру, Вадиму Сергеевичу Шефнеру, Евгению Александровичу Луцкому, Веронике Михайловне Сибирцевой (Шушариновой), Александру Александровичу и Дмитрию Александровичу Старцевым, Новелле Николаевне Матвеевой, Татьяне Зотиковне Матвеевой, Сергею Афанасьевичу и Леониду Афанасьевичу Худяковым, Василию Владимировичу Петрову, Александру Ивановичу Алексееву, Владимиру Владимировичу Бурачку, Марии Андреевне Алексеевой (Римской-Корсаковой), Татьяне Степановне Ивлиевой и многим другим, передавшим в музей семейные реликвии.

Следуя своему предназначению — объективно документировать ход истории во всем ее разнообразии, музей продолжает формировать новые тематические коллекции, которые отражают и ее тяжелые периоды. С конца 80-х годов создаются фонды пострадавших от необоснованных репрессий, участников войн в Афганистане и Чечне, материалы комитета солдатских матерей…

В последнее десятилетие XX века в Приморском музее активно и довольно успешно формируется фонд белого движения и русского зарубежья. Массовый исход значительной части россиян за пределы родины после Октября 1917 года и установления власти Советов — неотъемлемая часть нашей истории. Русская диаспора сохранила часть российской истории в своих художественных и научных трудах, частных архивах, среди семейных реликвий, которые во множестве случаев передаются со временем в архивы стран, их приютивших, или безвозвратно утрачиваются.

Наш музей путем установления связей, длительной переписки получил целый ряд материалов из США, Европы, Австралии от потомков русских эмигрантов Рыковых, Меркуловых, Семеновых, Даттанов, Пановых и других, значительно восполнивших пробелы музейного собрания по истории русского и иностранного предпринимательства на Дальнем Востоке, по хозяйственному освоению Приморья, культурному развитию Владивостока. В результате двух экспедиций музея в штат Калифорния (США), состоявшихся благодаря бывшему генеральному консулу Российской Федерации в Сан-Франциско С. В. Кузнецову, 48 представителей российской эмиграции 20–30-х годов, их дети и внуки передали в дар

музею для фонда русской эмиграции уникальные материалы общим числом в 16 тысяч предметов. Например, впервые музейные работники, ученые, краеведы, посетители увидели подлинные фотографии и узнали о судьбе семьи Виктора Ананьевича Панова, который внес значительный вклад в развитие края, его культуру, образование. Уникальные материалы Спиридона Дионисовича и Николая Дионисовича Меркуловых, русской поэтессы Скопиченко, владивостокского художника Подгурского, Левицких и многих-многих других.

Альбом «Русские в Шанхае», полный комплект журнала «Рубеж», уникальная коллекция открыток, 260 открыток с видами Харбина и других мест рассеяния русской эмиграции в Китае, полное собрание изданий на русском языке произведений и материалов Ивана Елагина — яркого таланта русской зарубежной поэзии — вот лишь некоторые из поступивших бесценных материалов.

Мы считали, что возникла настоятельная необходимость в создании каталогов этого фонда. Приморский музей приступает к этой работе. Заключен договор с Тургеневской библиотекой в Париже об участии музея в составлении каталога книг Русского зарубежья. Очевидно, нужно расширять рамки и масштабы этой работы.

На протяжении многих лет кропотливо, день за днем собирались материалы по истории старообрядчества, сыгравшего решающую роль в хозяйственном освоении юга Дальнего Востока. В течение 14-ти лет музей проводит экспедиции в Чугуевский, Яковлевский, Тернейский, Анучинский, Пожарский, Красноармейский, Кавалеровский районы, ведет постоянную работу по сбору материалов в городах Арсеньеве и Владивостоке, поселках Большой Камень и Врангель, выявляет первоисточники в архивах.

В результате этой работы в музейном собрании сложился фонд старообрядцев, который составляет 400 единиц хранения. Он систематически пополняется за счет дарений. Следует подчеркнуть, что создан он благодаря добровольным помощникам, старообрядцам общин Владивостока, Арсеньева, сел Тополевое, Ясное, Перетычиха, Самарга, Единка, Кокшаровка и других.

Большую помощь в формировании музейного собрания оказывают работающие в музее клубы и объединения. Они дополняют систематическую работу сотрудников по комплектованию коллекций. Клуб любителей-генеалогов «Родовед» своим поисково-исследовательским трудом находит уникальные возможности для выявления источников по истории заселения края, по жизни и хозяйственной деятельности всего рода Яковских, Шевелевых, Бринеров, Старцевых.

Значительно помог своими архивными исследованиями о роде купцов Жариковых во Владивостоке член клуба А. В. Горчаков. Передали в дар музею подлинные фотографии семьи В. А. Жарикова его внук Мирослав Игоревич Гончар и его супруга Орлета Моисеевна. Постоянно пополняют фонды музея общество «Мемориал», Ассоциация узников фашистских лагерей. В числе добровольных помощников музея в деле сохранения исторической памяти — таможни Владивостока, Артема, Гродеково, Врангеля. Они регулярно пополняют коллекции оружия, икон, нумизматического собрания музея.

Приморский музей — музей пограничного региона. Именно на Дальнем Востоке России происходит соприкосновение европейской и восточной цивилизаций. Музей — активный участник этих процессов.

С первых лет его основания формируется коллекция предметов, характеризующих культуру и традиции сопредельных стран, условно именуемая Восточная коллекция. Основу ее заложили директор Восточного института профессор Аполлинарий Васильевич Рудаков, профессор Восточного института Николай Васильевич Кюнер и другие.

В 90-х годах XX века Восточная коллекция музея пополнилась благодаря активной поддержке генеральных консульств стран АТР во Владивостоке: Японии, Республики Корея, Социалистической республики Вьетнам, Индии, Китайской народной республики. Музей искренне благодарит генеральных консулов и сотрудников консульств этих стран за помощь Приморскому музею в деле комплектования коллекции, отражающей мозаику культур, языков, традиций в АТР.

В первые 25 лет своей деятельности в Книгу поступления музея было внесено 3 600 дарений — 15 тысяч экспонатов по созданным тогда разделам: этнография, природа, экономика, археология. Спустя 110 лет фонды музея возросли более чем в 20 раз. На 1 января 2000 года они составляют свыше 400 тысяч единиц хранения. Из них 280 тысяч — подлинники.

В собрании имеется свыше 10 тысяч этнографических предметов, 53 262 документа. Самый большой по численности — фонд изобразительных источников — 70 тысяч фотографий, негативов, слайдов, открыток, картин и графических листов приморских художников, обширная нумизматическая коллекция, 30 тысяч единиц составляют фонд редкой книги музея и т. д.

Таким образом, завещанное нам предшественниками достояние не только сохраняется, но и приумножается.

Систематическое пополнение сложившегося собрания и его сохранение в последние десятилетия продолжаются в новой сложной экономической обстановке. Большой поддержкой музею является участие в его делах и помощь современных приморских предпринимателей. Благодаря финансовой поддержке генерального директора благотворительной организации «Анна» И. Тумановой и генеральному директору компании «Ориент-Авиа» А. Куртанидзе во Владивостоке появились бесценные архивы Б. Г. Масленникова, автора ряда книг по топонимике Мирового Океана и А. И. Тарасовой — ученого-биографа В. К. Арсеньева. Акционерная международная торгово-экономическая компания «Чурин и К°» в лице генерального директора Перминова Бориса Николаевича помогла музею приобрести семейный архив Н. Коварской — дочери известного дальневосточного писателя Р. Фраермана. Страховая компания «Дальроссо» оплатила страховые суммы, необходимые для участия в международной выставке.

Свыше 5 лет оказывает огромную финансовую поддержку музею президент компании «Гамма-Лимитед» Виктор Алексеевич Владимиров. Дарение редких экспонатов, помощь в создании естественнонаучной экспозиции, пополнение коллекций музея — вот далеко не полный перечень меценатской деятельности

Виктора Алексеевича. Особенно значителен его вклад в дело сохранения научного, литературного и мемориального наследия В. К. Арсеньева, главным хранителем которого является Приморский музей.

Присвоение 55 лет назад музею имени В. К. Арсеньева предопределяет особенную ответственность за наследие ученого. Понимая это, коллектив сотрудников музея вот уже более полувека ведет систематическую работу по выявлению, собиранию, сохранению и популяризации арсеньевского наследия. Фонд В. К. Арсеньева в музее составляет свыше 2 тысяч единиц хранения.

Музей располагает подлинными фотографиями, сделанными ученым во время экспедиций, фотографиями его семьи, материалами биографическими и служебной деятельности. Подлинными раритетами являются топографические карты экспедиций исследователя 1906–1909 годов, составленные и исполненные черной тушью на бумаге-восковке его рукой; фотоаппарат и фотопринадлежности; комплекс подлинных материалов экспедиции Хабаровск — Советская Гавань; договор с проводником, путевой дневник 1927 года, анкета для Государственного Дальневосточного Университета, диплом действительного члена Российского Императорского Географического общества за подписями Великого Князя Николая Михайловича и вице-председателя П. Семенова-Тяньшаньского.

С 1994 года музей работает над проектом «В. К. Арсеньев и его наследие». Цель проекта — выявление, сохранение, изучение и популяризация научного и литературного наследия В. К. Арсеньева, увековечивание памяти ученого.

Первоочередной задачей было определено спасение от невосполнимой утраты мемориального дома по ул. Арсеньева, 7б (бывшей Федоровской), в котором ученый провел последние годы своей жизни. Дом был спасен, отреставрирован, и в дни празднования 125-летия со дня рождения ученого в нем открылся Дальневосточный мемориальный музей В. К. Арсеньева. Двадцатилетние усилия музея по его реставрации так и остались бы безрезультатными без финансовой поддержки президента ООО «Гамма-Лимитед» Виктора Алексеевича Владимирова, без его постоянной бескорыстной помощи.

В поддержку осуществления проекта «В. К. Арсеньев и его наследие» был создан Дальневосточный Арсеньевский центр и Дальневосточный Арсеньевский благотворительный фонд. Попечительский совет Дальневосточного благотворительного фонда возглавляет В. А. Владимиров. В 1994 году фонд учредил Арсеньевскую премию. Первыми ее лауреатами стали: В. А. Обертас, Б. А. Дьяченко, В. П. Хохлов, Н. Б. Аюшин. Но впоследствии музей не смог продолжить это начинание из-за отсутствия средств.

В 1999 году меценат и попечитель В. А. Владимиров учредил премию имени В. К. Арсеньева. Она присуждается «за наиболее значительные работы в области краеведения, музейного дела, экологии, этнографии, литературы и искусства, посвященные истории и природе российского Дальнего Востока». А также «за плодотворную работу в области сохранения Арсеньевского наследия и увековечивания его памяти». Лауреатам премии имени В. К. Арсеньева вручается Диплом, знак и денежная премия. Награждение проводится один раз в два года, в день рождения В. К. Арсеньева, 10 сентября четного года. Премия присуждается один раз в жизни. Повторное награждение исключается. Лауреатами Арсеньевской премии 2000 года стали: доктор исторических наук А. Р. Артемьев, кандидат исторических наук Б. И. Ткаченко , удэгейский писатель Н. С. Дункай, фотохудожник Ю. К. Луганский, тележурналист Н. В. Безручко.

Еще много предстоит сделать для собирания и сохранения наследия В. К. Арсеньева. Одно из приоритетных направлений деятельности Дальневосточного Арсеньевского центра — исследование, выявление и публикация научных и литературных трудов ученого. В настоящее время идет работа над каталогом «Фонд В. К. Арсеньева в Приморском государственном объединенном музее им. В. К. Арсеньева».

В судьбе творческого наследия В. К. Арсеньева много сложных, порой драматических страниц. Едва удалось спасти от гибели семейный архив сына ученого, Владимира Владимировича Арсеньева. Научный сотрудник музея И. П. Нам несколько лет вела его поиски. В 1989 году через внуков В. К. Арсеньева, проживающих в Находке, она выяснила, что архив находится в Ухте (Республика Коми), в гараже, хозяин которого собирался выбросить его на улицу. С невероятными трудностями удалось вывезти эти бесценные документы во Владивосток, в ПГОМ.

Дальневосточный Арсеньевский центр считает важнейшей заботой предотвращение гибели фотонегативов на стеклянных пластинах, сделанных ученым в его экспедициях. Ветшают дневники ученого, стираются карандашные записи. Требуется расшифровка и публикации.

Увековечивание памяти В. К. Арсеньева — еще одно направление деятельности Дальневосточного Арсеньевского центра и ПГОМ им. В. К. Арсеньева. В год 55-летия присвоения музею имени ученого планировалось установить у мемориального дома-музея памятник-бюст В. К. Арсеньева. Проект памятника разработан. Автор проекта — Николай Петрович Монтач. Но, к сожалению, установить памятник в срок не удалось.

Деятельность ПГОМ им. В. К. Арсеньева, направленная на популяризацию наследия и личности ученого, получила международное признание. В 2000 году в Японии в городе Саппоро вышла книга «Приморский край на рассвете XX века. Время Дерсу Узала и пионеры Японии и России». Авторы книги — профессоры Ядзима Сатоси, Хайя Кэйдзо, Китагава Иосио, Като Кюдзю, в ее создании приняли участие сотрудники ПГОМ им. В. К. Арсеньева И. Н. Клименко и А. Т. Храмцова. Авторский коллектив со стороны Японии так определил цель издания книги: *«Встречая 2000 год, спешим наладить новые дружеские связи между Японией и Россией. Мы считаем, что очень важное значение имеет ознакомление современных японцев с наследством (так в тексте — Г. А.) Арсеньева и историей Приморского края, имевшего издавна тесные отношения с японцами. Книга имеет научно-популярный характер и рассчитана, в особенности, на молодежь».*

Основатели музея оставили нам в наследство еще одну существенную традицию — быть нетрадиционными. Они изначально поставили перед собой задачу

уйти от кунсткамерности, что было характерно для музеев того времени. Музей Амурского края создавался как основа научной деятельности на Дальнем Востоке России, как научный и культурный центр. Таким он является и сейчас, через 110 лет после своего открытия. Культурно-образовательная работа стала одним из основных направлений его деятельности. Традиции живы, они получили дальнейшее развитие.

В 90-е годы XX века коллектив ПГОМ обдумывал, разрабатывал и частично воплощал концепцию своей деятельности в наступающем XXI веке. Каким же видит он музей на пороге III тысячелетия? Прежде всего, это центр развития и совершенствования культуры исторической памяти. Россияне в XX веке дважды отрекались от прошлого в угоду настоящему: в 1917 и в 80–90-х годах. Отрекались по-русски, с размахом, по принципу «лес рубят — щепки летят»... И полетели под колеса истории жизни бывших кумиров, купола и иконы храмов, драгоценные художественные коллекции и книги. Всем нам памятны первые годы перестройки — время безудержного, безоглядного осуждения, отречение от всего, что было в прошлом, даже призывов к уничтожению памяти о нем. А потом началось отрезвление, и мы рады, что музеи смогли противостоять процессу разрушения.

Современный музей — это не просто хранилище старинных вещей. Он — «инструмент общенародной культуры». Меняются его культурные координаты. Музей будущего — это «инструмент нового образа жизни». Человечество уже осознало, что стоит на грани экологической катастрофы. Чтобы выжить, ему необходимо другое мышление и другое образование.

В новом веке Приморский музей видится как центр развития планетарного мышления и гуманитарного образования. На это нацелена деятельность главного музея края. Такой концепцией и идеологией музея будущего руководствуется он в своей культурной и образовательной деятельности. В процессе творческих поисков формируется новая модель музея. На пороге нового, XXI века, ПГОМ им. В. К. Арсеньева осуществляет ряд гуманитарных программ. Программы «Международный музейный центр» и «Владивостокские Биеннале визуальных искусств» направлены на осуществление проекта ООН «На пути к Культуре Мира». Дальний Восток России, частью которого является Приморье, имеет древнюю и сложную историю. Наследием прошлого является ряд обид и территориальных притязаний. И тем не менее, человеческое сообщество в АТР стремится к интеграции. Мы стремимся к созданию на базе музея особой среды, содействующей налаживанию межкультурного диалога, взаимодействия и взаимопонимания в АТР, не забывая при этом о национальном самосознании и суверенитете. Международный музейный центр на улице Петра Великого, 6, в первом здании музея, уже сейчас, на начальном этапе, позволяет эффективно использовать потенциал музея как гуманитарного центра межкультурного диалога. На достижение этой цели направлен долгосрочный проект «Владивостокские Биеннале визуальных искусств», в разработке и осуществлении которого ПГОМ принял активное участие. В 2000 году на базе краевого музея состоялась Владивостокская музейная Биеннале.

Она является составной частью Второй Владивостокской Биеннале визуальных искусств (Первая состоялась в апреле 1998 года) и проходила под девизом «Творчество — язык взаимопонимания». Биеннале «призвана объединить театральных деятелей, музейных сотрудников, фольклорные коллективы, художников, архитекторов; содействовать обмену профессиональным опытом и развитию творческих связей». Музейная программа включила конкурс экспозиций, семейных альбомов, декоративно-прикладного искусства и мастер-классы традиционных ремесел; фольклорный фестиваль «Фолк-миры Пасифики», а также международную научную конференцию и круглый стол по проблемам межкультурного диалога. Таким образом, музей надеется внести свой скромный вклад в дело «выращивания» «Культуры Мира».

В то же время для дальневосточников особенно значимой остается задача сохранения и развития национального самосознания в условиях активных интеграционных процессов в мире и в АТР. Нам видится, что этот аспект будет особенно значимым в деятельности музеев Дальнего Востока и Сибири в новом веке и новом тысячелетии.

Каждый юбилей — это всегда предвидение итогов и определения перспектив. В год 110-летнего юбилея главного музея края можно с уверенностью сказать, что несколько поколений его сотрудников много потрудились для сохранения и приумножения завещанного предшественниками культурного наследия, для сохранения и развития заложенных ими традиций.

Это стало возможным благодаря всемерной поддержке и помощи жителей края, участию в его работе научных, культурных и общественных организаций города и края. ПГОМ им. В. К. Арсеньева, сотрудничает с 70 организациями и объединениями. Среди них — ДВГУ, институты ДВО РАН, ВГУЭС, ДВГТУ, Приморское отделение Фонда культуры, Приморское отделение фонда мира, компания «Гамма-Лимитед», учреждения системы народного образования, 24 туристические фирмы, общество инвалидов детства «Преодоление», Союзы писателей, художников и различные национально-культурные организации. Особенно активизировалось в последние годы сотрудничество с подразделениями администраций края и города — социальной защиты, международных связей, связей с общественностью и другими. Следует особо отметить также связи музея с консульствами различных стран в Приморье, общественными и научными организациями за рубежом.

Эти связи служат доказательством востребованности музея населением и общественностью края, признания его значительного потенциала в процессе межкультурного диалога в АТР. Без этого сотрудничества ПГОМ не смог бы должным образом исполнять свои социальные функции и осуществлять свое высокое предназначение, определенное его основателями.

Д. Л. БРОДЯНСКИЙ (ВЛАДИВОСТОК)

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В. К. АРСЕНЬЕВА

Мир знает Владимира Клавдиевича Арсеньева как путешественника — певца Уссурийской тайги и автора прекрасной повести о Дерсу. Образ гармоничного, слитого с природой Дерсу стал главным открытием В. К. Арсеньева, не затерявшимся в литературе XX века. Писатель и его герой, красота и трагизм их краткой дружбы в начале века как бы предваряли многие общечеловеческие проблемы, волнующие людей на пороге третьего тысячелетия. Художественное, нравственное, этическое наследие В. К. Арсеньева затмило его научное творчество, а оно значительно и многообразно.

В. К. Арсеньев — выдающийся географ, один из первых исследователей горной системы Сихотэ-Алиня. В его дневниках сведения по геологии, гидрологии, метеорологии, всем видам фауны и флоры Уссурийского края, Приамурья, Охотского побережья, Камчатки. Сегодня объектами исследовательских интересов путешественника занимаются коллективы академических институтов, университетов, заповедников, музеев — десятков научных учреждений. Преждевременная смерть ученого, убийство вдовы, арест и преследования дочери, разорение дома, «чистки» музеев и библиотек привели к утрате рукописей итоговых монографий «Страна Удэхе» и «Памятники старины Уссурийского края» (также пропали многие рукописи ученых, погибших от террора, войны, голода, например, рукописи Н. И. Вавилова, петербургских ученых, погибших в блокаде).

Автор единственной научной биографии В. К. Арсеньева А. И. Тарасова процитировала самооценку ученого: *«Моей основной специальностью является музееведение и исследовательская работа в области этнографии и археологии Дальнего Востока»*. А. И. Тарасова при этом сочла возможным осторожно заметить, *«что отсутствие высшего образования в известной мере сказалось не только на содержании его трудов, имеющих некоторый налет дилетантства, но и на положении, занимаемом им в науке»*. Безусловно, что при всех иных тяготах жизни, Владимиру Клавдиевичу пришлось встречаться и с высокомерием некоторых дипломированных коллег, но с положением о его дилетантизме в двух им выделенных дисциплинах, этнографии и археологии, согласиться не могу. О высоком профессиональном уровне В. К. Арсеньева, как этнографа и археолога свидетельствуют его опубликованные и рукописные работы, полевые дневники, научная переписка. Что до диплома, то его не имели многие выдающиеся ученые, например, этнограф Л. Я. Штернберг, физик Я. Б. Зельдович, географ и археолог П. К. Козлов, весьма скептически относился к ограниченности дипломированных специалистов мой учитель академик А. П. Окладников. Сегодня целые толпы дипломированных неучей жадно растаскивают и без того скудные ассигнования на науку.

В этнографии главным открытием В. К. Арсеньева стали удэгейцы — неизвестный до него народ. Хотя у В. К. Арсеньева и были здесь предшественники, но они не сумели довести разделение орочей и удэгейцев до степени аргументированной концепции. В. К. Арсеньев составил карту расселения удэгейцев, изучил их родовой состав, материальную и духовную культуру, составил словарь удэгейского языка, собрал музейные коллекции, записал легенды и сказки. Мой сокурсник, несколько раз посетивший селения современных удэгейцев, защитил по удэгейскому языку две диссертации, возможно, небезынтересные узкому кругу специалистов, но мало кому известные. За 70 лет после В. К. Арсеньева никому из десятков специалистов не удалось даже приблизиться к уровню его работ по удэгейцам (это к вопросу о дилетантизме). Кроме удэгейцев, В. К. Арсеньев собрал массу материалов по этнографии орочей, нанайцев, эвенков, коряков, китайцев и русских, украинских, молдавских переселенцев. Этнографам, фольклористам, мифологам еще предстоит черпать и черпать из наследия В. К. Арсеньева, оно в области этнографии не изучено и не освоено, думаю, даже на треть, если не менее того.

В археологии Дальнего Востока В. К. Арсеньев стал исследователем, без учета работ которого невозможно представить себе историю развития этой науки. Он открыл, исследовал, учел по сообщениям информаторов около 300 археологических памятников в Приморье, на Нижнем и Среднем Амуре, на Камчатке и Охотском побережье. Он исследовал все категории археологических памятников. На восьми городищах, пяти поселениях, двух могильниках вел раскопки.

Поселение на полуострове Песчаном, Синие Скалы, острове Сучу, могильники на рёлках (дюнах) в пойме Амура до сих пор остаются важнейшими объектами археологических работ. Дороги, старые пашни, колодцы с каменной кладкой после В. К. Арсеньева вообще никто не изучал, а шахты, пещеры, небольшие горные и береговые укрепления остаются мало и слабо изученными.

Интересы В. К. Арсеньева простирались от древнего каменного века и проблемы заселения Америки до первых русских острогов на Дальнем Востоке, т. е. охватили весь изучаемый и сегодня хронологический спектр памятников. В. К. Арсеньев владел современной ему методикой раскопок, вел стратиграфические, планиграфические, ситуационные, типологические наблюдения, тщательно картировал памятники и составил несколько археологических карт. Почему-то предпочитал фотографировать, а не рисовать находки, хотя рисовал прекрасно.

В докладах 1913 и 1916 годов можно усмотреть рыхлость аргументации, слабую проработку археологических источников, но в 1929 году уровень его работ профессиональный, о дилетантизме не может быть и речи. В. К. Арсеньев всю жизнь учился, своими учителями в науке избрал Д. Н. Анучина — создателя русской этнологической школы, Б. Э. Петри — яркого представителя этой школы. В большой степени к этнологам можно отнести С. Ф. Ольденбурга, П. К. Козлова, С. И. Руденко и многих других корреспондентов ученого. Соединяя археологию, этнографию, антропологию, лингвистику, географию, природоведческие дисциплины, этнологи пытались решать исторические задачи комплексно, сегодня бы это назвали системным подходом. В. К. Арсеньев довел комплексность своих работ до запредельной: все виды флоры и фауны, геология, метеорология

и еще масса дисциплин обнаружат информацию в его дневниках. Основная цель при этом — проследить генезис, передвижения, историю этносов.

Как археолог В. К. Арсеньев несомненно принадлежит к этнологической школе русской археологии. Замечу, что и А. П. Окладников, ученик Б. Э. Петри, принадлежит к ней же, но в советское время этнологов обругали и признаваться в таком научном родстве стало опасным.

Владимир Клавдиевич Арсеньев, при всех потерях и утратах информации, внес немалый вклад в развитие дальневосточной археологии и по праву занимает место в ряду ее выдающихся создателей, наряду с Ф. Ф. Буссе и А. П. Окладниковым. Он впервые вывел изучение древностей далекой окраины на уровень глобальных проблем мировой истории, к коим надо отнести первичное заселение Северной Азии и Америки. Он прочно связал археологию и этнографию приамурских этносов, и сегодня без ссылок на его труды не обходится ни один серьезный исследователь этих народов и древностей Приморья и Приамурья.

ФУНАЯМА ХИРОДЗИ (САППОРО, ЯПОНИЯ)

ОБ ИЗДАНИИ КНИГИ «ПРИМОРСКИЙ КРАЙ НА РАССВЕТЕ XX ВЕКА»

Хоккайдская ассоциация связей музеев северных регионов понимает, что для того, чтобы развивать и углублять дружеские связи между Японией и Россией, нужно народам обеих стран взаимно знакомиться с культурой друг друга. Мы считаем, что культурные связи, в частности связи между музеями, сыграют большую роль в деле развития дружеских отношений между нашими народами. Начиная с 1984 года, наша Ассоциация организовывает различные мероприятия в целях развития культурного сотрудничества. Издание книги «Приморский край на рассвете XX века» было задумано для дальнейшего углубления культурных связей.

Книга состоит из 3-х глав.

Первая глава знакомит с историей отношений между Японией и Приморским краем. С середины XIX века японцы имели связи с Приморьем через Японское море. К 1920 году число проживавших в крае, в основном во Владивостоке, японцев составляло более 5000 человек. До сих пор об этом мало знают в Японии. Наша книга знакомит читателей со многими интересными фактами о тогдашних японцах.

Вторая глава посвящена истории столицы Приморского края — городу Владивостоку. Владивосток — портовый город. Он имеет много особых черт. Знакомство с историей г. Владивостока дает читателям возможность углубить знание истории Приморского края.

Третья глава целиком посвящается экспедициям В. К. Арсеньева в Приморском крае. У нас в Японии широкой популярностью пользовался кинофильм, снятый известным японским режиссером А. Куросава «Дерсу Узала». Благодаря фильму многие японцы познакомились с деятельностью В. К. Арсеньева, который в начале XX века организовывал экспедиции в этом крае. На наших современников глубокое впечатление производит история экспедиций В. К. Арсеньева.

Издание такой книги как наша — первое событие в Японии и в России. Мы надеемся, что это послужит дальнейшему развитию связей между нашими странами.

При издании книги большое содействие было оказано Генеральным директором ПГОМ им. В. К. Арсеньева Г. А. Алексюк. Без этой поддержки и участия появление нашей книги было бы невозможно. Мы хотели бы выразить нашу искреннюю благодарность госпоже Г. А. Алексюк.

ЯДЗИМА САТОСИ (САППОРО, ЯПОНИЯ)

В. К. АРСЕНЬЕВ И ЯПОНИЯ

В своем выступлении я хотел бы остановиться на трех основных вопросах: библиографии работ В. К. Арсеньева на японском языке, друзьях В. К. Арсеньева в Японии и посещении им Японии.

1. Издание на японском языке книг В. К. Арсеньева

Первый перевод сочинения В. К. Арсеньева на японский язык появился не в Японии, а в тогдашней Маньчжурии (ныне Северо-Восточный край Китая) в 1938 году. Он был опубликован исследовательским отделом железнодорожной компании «Минами-Мансю-Тэцудо» в № 47 бюллетеня исследовательских материалов по Дальнему Востоку Советского Союза и Монголии, переведенных с русского языка на японский. Перевод назывался «Описание экспедиции в горах Сихотэ-Алинь».

В следующем году было опубликовано тем же исследовательским отделом «Описание экспедиции в Уссурийском крае». Ниже я привожу полный перечень изданий, вышедших до сих пор:

1938 год «Описание экспедиции в горах Сихотэ-Алинь» (перевод исследовательского отдела Минами-Мансю-Тэцудо) № 47 бюллетеня исследовательских материалов по Дальнему Востоку Советского Союза и Монголии. Запись экспедиции 1908 и 1910 года.

1939 год «Описание экспедиции в Уссурийском крае» (перевод того же отдела) № 48, того же Бюллетеня. Запись экспедиции 1902 и 1906 года.

1941 год «Дерсу Узала» (перевод Хасэгава Сиро). Издательство «Справочное бюро положения дел в Маньчжурии». Запись экспедиции 1907 года.

1953 год «Путешествие по Уссурийскому краю» (перевод Хасэгава Сиро). В 10-м томе серии «Путешествие по всему миру». Издательство Кавадэ-сёбо». Запись экспедиции 1907 года.

1965 год «Дерсу Узала. Описание экспедиции в Приморском крае» (перевод Хасэгава Сиро). В серии восточной литературы «Тоио бунко» издательства «Хэйбон-ся». Запись экспедиции 1907 года.

1966 год «Хождение по сибирской тайге» (перевод Хасэгава Сиро). В 10-м томе серии современных очерков. Издательство «Тикума-сёбо» Запись экспедиции 1902 и 1906 годов.

1975 год «Дерсу Узала» (перевод Хасэгава Сиро). Издательство «Кэвадэ-сёбо-синся». Запись экспедиции годов 1902, 1906 и 1907.

1975 год «Дерсу Узала» (перевод Като Кюдзо). В серии «Кадокава-бунко» издательства «Кадокава-сётэн». Отрывки из книг «Описание экспедиции в Уссурийском крае» и «Дерсу Узала».

Восемь вышеуказанных книг являются основными изданиями. Кроме того, были изданы и книги В. К. Арсеньева, адаптированные для детей. Они в любое время находят душевный отклик среди молодежи. Кинорежиссер Куросава Акира читал в молодости «Дерсу Узала» и был глубоко им тронут, и через 30 с лишним лет после этого в 1975 году создал фильм по книге «Дерсу Узала».

2. Друзья В. К. Арсеньева в Японии

В. К. Арсеньев был знаком с японским этнологом Тории Рюдзо и геологом Дзимбо Котора. Особенно дружеские, теплые отношения сложились у него с Тории. Трижды Тории проводил этнографические экспедиции в Восточной Сибири. В 1919 году во время первой экспедиции он встречался с В. К. Арсеньевым во Владивостоке. Арсеньев оказал ему помощь, о чем Тории писал в своей книге «Северо-Восточная Сибирь с точки зрения антропологии и этнологии». Во время второй экспедиции 1928 года они встречались во Владивостоке и вели научную беседу. 7 мая 1928 года вместе выезжали на поезде в Никольск и проводили исследования древнего земляного замка. В сочинениях Тории встречается немало описаний встреч с В. К. Арсеньевым.

3. Посещение В. К. Арсеньевым Японии

По биографическим материалам об Арсеньеве можно предполагать, что он несколько раз посещал Японию. Возможно, он заходил в Японию по дороге в Охотск и на Камчатку, или на обратном пути в Хакодатэ и в Отару за судо-

вым топливом и припасами. А с официальным визитом он был в Японии в 1927 году и посетил Цуругу, Киото и Осаку.

Согласно японским исследованиям, в настоящее время не удалось найти документы, свидетельствующие о посещении В. К. Арсеньевым Японии. Вместе с тем в пользу нашего предположения говорят следующие факты. В официальных документах упоминаются названия судов, на которых находился ученый. Эти суда заходили в порты Японии. Даты их заходов совпадают с показаниями японских документов. Для дальнейшего прояснения этих вопросов необходима работа с архивом В. К. Арсеньева во Владивостоке.

С. В. ГОНЧАРОВА (ХАБАРОВСК)

ПРОБЛЕМЫ КОЛОНИЗАЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В РАБОТАХ В. К. АРСЕНЬЕВА

«...Там, где однажды был поднят русский флаг, он не должен более опускаться...»
Николай II

Российская империя, присоединив на рубеже веков огромные дальневосточные территории, стала играть значительную роль в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе. Однако обширные владения поставили, в свою очередь, русское правительство перед необходимостью решения новых военно-стратегических, экономических и политических задач. Геополитическое положение российского Дальнего Востока, обладавшего большим природным потенциалом, не имевшего значительных военно-стратегических сил и недостаточно заселенного славянским населением, осложнялось столкновением интересов двух великих цивилизаций — русской и восточно-азиатской (Япония, Китай, Корея), а также агрессивной колониальной политикой европейских стран и США в Азиатско-тихоокеанском регионе. Главными политическими и военно-стратегическими целями России на Дальнем Востоке были — заселение края русскими переселенцами и укрепление его обороноспособности. Меры к скорейшему освоению новых Приамурских земель были приняты сразу после подписания Айгунского договора (1858 г.), определения границы между Российской и Цинской империями. С этого времени колонизация Дальнего Востока сделалась краеугольным камнем внутренней политики России на побережье Тихого океана [5].

Между тем к началу XX века Приамурский край оставался для России далекой, дикой окраиной, слабо заселенной и малоизученной территорией, к которой в пол-

ном смысле слова можно применить выражение «терра инкогнита». И самыми острыми по-прежнему были проблемы обороноспособности и колонизации. Решению этих задач были во многом посвящены меры, принимаемые русским правительством, Приамурским генерал-губернатором и экспедиции Владимира Клавдиевича Арсеньева. Колонизация российского Дальнего Востока, его экономическое и политическое положение в Восточной Азии — основные темы книг, статей и докладов, написанных В. К. Арсеньевым в период с 1912 по 1928 год.

Колонизация, по мнению Арсеньева, — это заселение страны «таким элементом, который без помощи правительства, за свой страх и риск, идет в новые земли, ясно представляя себе, что он хочет и где остановится» [2, с. 31]. Только экономически сильные переселенцы могли на новых местах образовать крепкие хозяйства. Но правительство, поставив главной целью решение военно-стратегических задач, экономическому развитию дальневосточной окраины придавало второстепенное значение.

Изначальной ошибкой правительства В. К. Арсеньев считал вмешательство правительства в самостоятельный процесс переселения: постоянная опека, пособия и льготы. Все эти меры привели к тому, что в Уссурийский край приехали люди совершенно не подготовленные, безынициативные и неимущие. «У крестьян сложилось убеждение, что правительство должно им помогать все время, пока они живут на Дальнем Востоке» [1, с. 318]. Усилия правительства, по мнению Арсеньева, должны были сосредоточиться на строительстве путей сообщения внутри страны и предоставление равных прав всем желающим переселиться. «Около богатых поселились бы бедняки, и край давно заселился бы» [1, с. 317]. Одной из ошибок, допущенных при определении колонизационной емкости Уссурийского края, была, по мнению В. К. Арсеньева та, что ценность земли определялась только с точки зрения развития земледелия и производства сельскохозяйственной продукции, без учета естественных богатств края. Между тем опыт староверов-переселенцев показывал, что на новых землях можно не только приспособиться, но и извлечь пользу. Старообрядцы «всегда отличались стремлением к жизни изолированной, ставя впереди соболевание, а на земледелие смотрели, как на подсобный промысел, предпочитая покупать муку у соседей-землеробов, чем заниматься этим делом в ущерб выгодному и весьма доходному звероловству» [2, с. 38]. Арсеньев, выступая против хищнического ведения хозяйства и бесплатной раздачи земли, считал, что только продажа земли (даже по небольшой стоимости, или в кредит) сделает крестьянина ее собственником и рачительным хозяином. Наиболее перспективными переселенцами, по его мнению, были великороссы. Такие черты характера великоросса, как консервативность, приспособляемость, завоевательные стремления и умение подойти к туземцу, делали из него замечательного колонизатора [3, с. 54].

В освоении дальневосточных территорий принимали участие и иммигранты из соседних государств: Кореи, Китая и Японии. Это представляло экономическую и политическую опасность для России. Если в начале освоения Приамурского края предполагалось, что мест, удобных для заселения, с избытком

хватит и для русских, и для арендаторов — китайцев и для корейцев, то к началу XX века ясно, что земельный фонд практические исчерпан.

Проведенные Арсеньевым исследования показали, что на протяжении всей истории Уссурийского края земледельческие культуры занимали одни и те же территории: главным образом, Южно-Уссурийский край, долины рек Уссури и Амура. Этот же район должен был стать центром русской колонизации. Между тем как и «во времена Бохая и Цзинской империи северная часть страны и центральная часть Сихотэ-Алиня была необитаема, так необитаемой она является при занятии ее китайцами; такой лесной пустыней она является и в настоящее время и такой же лесной пустыней окажется и в будущем» [4, с. 15]. Поэтому сельскохозяйственная колонизация была возможна только в Южно-Уссурийском крае, для северных же частей Забайкалья, Амурской и Приморской областей колонизация должна была носить смешанный характер: промышленно-земледельческого типа. Чисто промышленный или промысловый тип колонизации более всего подходил к природно-климатическим условиям районов Крайнего Севера. При этом, по мнению Арсеньева, необходимо было предусмотреть размещение части пришлого населения на работах в горной, лесной и рыбной промышленности [2]. Массовое переселение русских, китайцев и корейцев сильно повлияло на жизнь аборигенов, населявших Уссурийский край. Изменилось не только расселение коренных народов, значительные изменения произошли в их экономическом положении и образе жизни. В. К. Арсеньев первым выступил за наделение землей аборигенов и защитой их от произвола переселенцев. Коренное население он рассматривал как один из важнейших факторов в деле колонизации. «Из всех производительных сил Дальнего Востока туземцы представляют собой самое ценное богатство… Колонизация страны первобытной и девственной возможна только при наличии здорового и экономически крепкого туземного населения. Только с помощью их колонисты сумеют освоить естественные ресурсы страны, позаимствовав многое у соседей-аборигенов. Поэтому в задачу колонизации должно входить, прежде всего, устройство туземного населения на местах, того населения, которое уже сумело приспособиться к климату и обстановке» [2, с. 31–32].

Наиболее остро в Приамурье столкнулись интересы земледельцев: иммигрантов из Китая, русских и корейских крестьян. В. К. Арсеньев был убежден в том, что если Уссурийский край принадлежит России, то он должен быть заселен русскими и быть русской землей реально. Если русские земледельцы не могли конкурировать с более дешевым трудом китайцев и корейцев, то в интересах российского государства не следовало бы торопиться с колонизацией края иностранными подданными. Для России было бы значительно «выгоднее держать еще некоторое время край этот пустынным и сохранить свободными земли для будущих русских переселенцев» [1, с. 185]. Между тем, исследования ученого показали, что край находился под сильным экономическим влиянием соседней страны. Подданные Поднебесной Империи настолько владели ситуацией, что свободно распоряжались арендой земли в Уссурийском крае. В. К. Арсеньев приводит интересный документ, найденный в фанзе на реке Такэма во время

экспедиции 1907 года. «Китаец, занимавшийся в Уссурийском крае ловлей соболей, ликвидирует свои дела и продает реку с притоками, как охотничье место, фанзу и 140 ловушек за 400 рублей» [1, с. 185]. Таким образом, случалось, что аренду территорий в Приамурье производило не только Управление государственных имуществ, но и подданные соседней страны — китайцы. Работы и исследования В. К. Арсеньева, посвященные проблемам колонизации и обороноспособности дальневосточных территорий, остаются актуальными и сегодня, когда в Азиатско-тихоокеанском регионе продолжается борьба за раздел экономических сфер влияния, за контроль над природными и сырьевыми рынками.

Примечания:

1. *Арсеньев В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. Хабаровск, 1912.*
2. *Арсеньев В. К. Колонизационные перспективы Дальнего Востока //Производительные силы Дальнего Востока. Т. 5. Человек. Хабаровск, 1927.*
3. *Арсеньев В. К., Титов Е. И. Население как производительный фактор. //Экономика Дальнего Востока. Издательство «Плановое хозяйство». М., 1926.*
4. *Кропоткин Л. Приамурский край в сельскохозяйственном отношении. Записки ПОИРГО. Т. VII. Вып. II. Хабаровск, 1908.*
5. *Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906–1910 гг.*

Ю. В. АРГУДЯЕВА (ВЛАДИВОСТОК)

РУССКИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В. К. АРСЕНЬЕВА

Наряду с аборигенными народами Дальнего Востока, изучению которых известный путешественник и исследователь дальневосточного региона В. К. Арсеньев уделял много внимания, он обратил внимание и на другие народы, в частности, на русских. В своих многочисленных путешествиях он рассматривал условия жизни русского этноса в специфических природно-экологических и социально-экономических условиях разных районов Дальнего Востока, обращая внимание на их способность сравнительно быстро приспосабливаться к новым условиям жизнедеятельности. Так, говоря о русских крестьянах — вятских, пермских, тамбовских, переселившихся в 1855–1859 годах в низовья Амура, а оттуда на побережье Японского моря с надеждой в более теплых краях успешно развить традиционное для русских занятие — хлебопашество, В. К. Арсеньев отмечал, что они практически не получили от правительства никакой помощи и были предоставлены сами себе. Ближайшие русские населенные пункты находились за сотни верст. Бездорожье, вековая тайга, безбрежный океан окружали их. Образовав неподалеку одно от другого небольшие селения (Фудин, Новинку, Арзамазовку, Пермское), по традиции посеяли хлеб в приречной долине. Однако первым же наводнением его смыло, вторым — унесло все накошенное сено. Тигры поели весь скот и стали нападать на людей. Ружье у крестьян было только одно, да и то пистонное. Чтобы не умереть с голоду, они нанялись в работники к китайцам, жившим на побережье. Старики долго не могли привыкнуть к новым местам, зато молодежь приспособилась довольно быстро. Молодые крестьяне научились обращаться с оружием, стали великолепными охотниками, добывшими не один десяток копытных животных, медведей, тигров. Быстрое течение горных рек уже не пугало их; скоро они начали плавать и по морю [1]. Занятие хлебопашеством отходило на второй план. И все же, на тех немногих десятинах земли, что засевали крестьяне этих заброшенных деревень, они, одни из немногих русских Южно-Уссурийского края, восприняли китайский грядковый способ посева зерновых, очень удобный при обильной прибрежной влажности, из-за которой на хлебных злаках развивались грибковые заболевания и получался так называемый «пьяный хлеб», вызывавший тошноту и рвоту. Крестьяне сел Пермское и Фудин послужили примером еще одного важного начинания. Они собрали сход и всем миром решили не охотиться на самцов пятнистых оленей во время гона и рева, не тревожить зверя весной, когда самки «тяжелые» или выхаживают молодняк. Кроме того, крестьяне решили устроить заказник, для чего сами установили условные границы на определенной территории и обязались на ней не охотиться [2].

Еще лучше приспосабливались к новым условиям жизни старообрядцы, многие из которых попали на Дальний Восток из-за религиозных гонений или в поисках религиозной свободы. Несмотря на замкнутость, они отличались сильным духом, трезвостью, трудолюбием. По официальным отзывам, именно крестьяне-старообрядцы, вслед за молоканами, были лучшими хозяевами среди русского населения Приамурья и Приморья. Уходя, в силу своих религиозных воззрений, от «мирских» в самые глухие, никем не заселенные места, они не оставили свои традиционные занятия — хлебопашество и скотоводство, хотя степень их развития была неодинаковой в разных по природно-климатическим условиям районах. К примеру, неодинаковость климата по обе стороны хребта Сихотэ-Алинь, разделившем Южно-Уссурийский край на два, резко отличающихся друг от друга района — с морским и континентальным климатом, обусловила и различия в графике сельскохозяйственных работ примерно на месяц. В связи с этим, старообрядцам, перебравшимся на побережье Японского моря из континентальной части края, пришлось менять свой аграрный календарь. Староверы прибрежной деревни Амагу (Богословки), расположенной в четырехстах верстах севернее залива Св. Ольги, по свидетельству В. К. Арсеньева «…хлеба сеют в конце мая, тогда как у оз. Ханка и в области Анучина (*континентальная часть Уссурийского края — Ю. А.*) посев производится в конце марта или в самом начале апреля. Хлеба жнут в Амагу в самом конце сентября и даже в начале октября… около

Ханки к концу июля или в самом начале августа…» [3]. В Амагу на три-четыре недели позже цвели черемуха и липа, созревали травы. Поэтому и покосы здесь начинались только в начале августа, а не в июне, как в южных районах Уссурийского края. Отсутствие гнуса и обилие кормовых трав в прибрежных районах давали возможность хорошему развитию здесь скотоводства. Немалых успехов добились староверы и в коневодстве. У некоторых хозяев были довольно большие табуны с крупными, рослыми, кровными, в том числе карабахской и арабской породы лошадьми [4].

Несмотря на такие успехи в развитии хлебопашества и скотоводства, старообрядцы таежных и прибрежных районов Приморья основной акцент в своей хозяйственной деятельности перенесли на развитие охоты, рыболовства и таежных промыслов, стараясь использовать все природные ресурсы, которыми располагал Дальний Восток. Они одними из первых занялись пчеловодством, иные хозяева имели обширные, до несколько сотен ульев пасеки. Именно старообрядцы первыми в Южно-Уссурийском крае стали приручать диких оленей, которых ловили, помещали в специально для них устроенные загоны, заготавливали им впрок корма. В определенное время года у оленей срезали молодые рога — панты, варили их особым способом и изготавливали из них ценное лекарственное сырье. Его с успехом сбывали китайцам и корейцам, у которых старообрядцы и научились сложному искусству варки пантов. Занимались также добычей пантов у диких оленей, охотой на мясного и пушного зверя. В конце XIX — начале XX веков в зимнее время охотились полтора-два месяца с ружьями, капканами и другими охотничьими приспособлениями. Особое внимание уделяли охоте на соболя, поняв, что это один из самых быстрых и доходных источников обогащения. Добывали его способами, характерными для разных народов: русских, удэгейцев, китайцев, корейцев и др.

Хорошим подспорьем в хозяйстве было и рыболовство. На реках, впадающих в море, различную рыбу (форель, зубатка, красноперка, горбуша, кета, таймень, кунжа и др.) ловили практически круглый год. Для ловли рыбы пользовались сетями, неводами и другими как традиционно русскими, так и удэгейскими, нанайскими приемами добычи рыбы — самодельными ловушками (вентеря, плетеные из ивы «морды» и др.), а на очень быстрых горных речках с заломами — острогами. Для некоторых староверческих семей побережья Японского моря рыболовство стало самостоятельной отраслью хозяйства, а главной промысловой рыбой была сельдь [5]. Значительное развитие у них же получил и морской промысел — сбор морской капусты, добыча рыбьего жира.

Развиты были и другие промыслы — охота на боровую (глухари, рябчики) и водоплавающую (гуси, утки) птицу, сбор различных дикоросов: черемши, грибов, ягод, орехов. В урожайный 1907 год, по свидетельству В. К. Арсеньева, в два дня двумя людьми было собрано 40 пудов кедровых орехов [6]. Продукцию большинства таежных промыслов — шкурки пушных животных, а также мясного зверя (медведя, лося, изюбря, козы), панты и сухие рога изюбря, кедровые орехи, мед и др. успешно сбывали скупщикам, а также продавали сами в Хабаровске, Никольске, Владивостоке и даже в Японии.

Таким образом, В. К. Арсеньев первым из известных исследователей дальневосточного региона показал условия жизнедеятельности и особенности хозяйственной адаптации русских крестьян в своеобразных природных условиях Дальнего Востока, правильно подметив, что такие свойства русского крестьянина, как консервативность в традиционных занятиях и, в то же время, удивительная приспособляемость, устремленность и умение подойти к аборигену, у которого в охотничьих и рыболовных приемах он многое воспринял, делают из него истинного пионера в освоении Дальневосточного региона.

Примечания:

1. ***Арсеньев В. К.*** *В дебрях Уссурийского края. Владивосток. Книжное дело. 1926. С. 120.*
2. *Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 2 об.*
3. *Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 24 об., 26 об.*
4. ***Аргудяева Ю. В.*** *Сведения о хозяйственной деятельности старообрядцев в дневниках В. К. Арсеньева// Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие. Материалы Международн. научно-практич. конфер., посвященной 125-летию со дня рождения В. К. Арсеньева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 29.*
5. *Там же — С. 29.*
6. *Там же — С. 29.*

В. П. КОРОЛЮК (ВЛАДИВОСТОК)

АРСЕНЬЕВ В ВОДНОМ ТЕХНИКУМЕ

Среди множества имен, связанных с историей морского образования на Дальнем Востоке России, есть одно, упоминаемое отнюдь не редко, однако совсем по другим поводам. А в то же время имя это делает честь любому учебному заведению, где он когда-либо преподавал. Это имя ученого и исследователя мирового масштаба — Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Ведь помимо многих других своих бесчисленных дел и занятий, отдал он целых 5 лет жизни (в том числе — 4 последних года) и развитию владивостокской «мореходки». Преподавая вначале русский язык, а потом — основы естествознания и океанографии в первых классах «Техвода» — Владивостокского техникума водного транспорта (Водных Путей Сообщения), Владимир Клавдиевич вписал свою строку и в ту историю, которую продолжает теперь законная наследница Водного техникума, главная кузница кадров морского флота России на Тихом океане — Дальневосточная Государственная Морская Академия имени адмирала Г. И. Невельского, которой в ноябре 2000 года исполнится ровно 110 лет…

Так сложилась судьба, что 8 сентября 1923 года Арсеньев был «отчислен от Университета, вследствие ликвидации Факультета Общественных Наук», где был он преподавателем сначала по кафедре этнографии и географии Восточной Азии (1.02.1922–1.02.1923), а потом — по кафедре народоведения [1].

Через несколько дней Владимира Клавдиевича принимают на преподавательскую работу во Владивостокский техникум водного транспорта, хотя он пока еще продолжал оставаться (до 1 октября 1924 года) Заведывающим Отделом Охоты на Морского Зверя при Управлении Дальрыбы [2]. Если вспомнить, что это был первый год возвращения Советской власти в Приморье и что Арсеньев, как бывший царский офицер, состоял на спецучете в ОГПУ, то этот шаг со стороны руководства учебного заведения (готовившего кадры моряков, в том числе и для загранплаваний) представится не таким уж простецким… Можно предположить, что заслуга в том принадлежит Андрею Константиновичу Забеге, бывшему коллежскому советнику и бывшему начальнику владивостокской мореходки (на протяжении 10 лет — с 1913 г.) [3], смещенному новой властью со своего поста и переведенному на должность с названием «помнач». Во всяком случае, в алфавитной книжке корреспондентов, знакомых и родных Владимира Клавдиевича из всех тружеников морского образования хранится только его имя [4].

К сожалению, об этой странице жизни Арсеньева [5] нам осталось лишь единственное свидетельство — подписанное 29 сентября 1924 года тогдашним начальником техникума Андреем Антоновичем [6] Шаманаевым и завканцелярией С. Запольским удостоверение № 1156 о том, что В. К. Арсеньев «состоял преподавателем Русского языка на Механическом и Радиотелеграфном Отделениях Техникума в течение 1923–24 учебного года» [7]… Можно лишь предположить, что сменил он на этом посту Е. В. Фалютинского, преподававшего в 1922 году одновременно столь далекие друг от друга предметы, как русский язык и математика [8].

В 1924 году В. К. Арсеньев, после снятия с учета в ОГПУ, на некоторое время переезжает работать в Хабаровск.

С возвращением во Владивосток в 1926 году был он загружен до предела, работал в нескольких организациях и учреждениях, участвовал в деятельности различных комиссий и комитетов, организовывал экспедиции, готовил к изданию книги, а 19 февраля 1929 года был, к тому же, утвержден в должности сверхштатного доцента по кафедре краеведения при Педфаке Дальневосточного Университета [9], где преподавал этнографию. Но, несмотря на такую свою загруженность, все-таки нашел возможность вновь вернуться к обучению будущих моряков. Вот что рассказывал об этом один из его тогдашних учеников, Клавдий Николаевич Васюкевич, капитан дальнего плавания, на вечере воспоминаний о В. К. Арсеньеве 26 мая 1972 года:

«…в 1926–27 году учились в морском техникуме. Владимир Клавдиевич у нас преподавал естествознание, поскольку первые два класса были общеобразовательные, он преподавал этот предмет применительно к морю (морских животных, птиц). Целый ряд лекций нам прочитал, но они были не по расписанию.

Он два часа читал подряд. Он был прекрасным рассказчиком. Сумел так завоевать аудиторию, что когда 45 минут проходило, звонил звонок на перерыв, он не уходил, а ребятам говорил: если хотите — можете пойти покурить, а сам оставался и продолжал рассказывать. Большинство его обступало вокруг стола, и он весь перерыв продолжал говорить. Очень много интересного про наш край, про его природу, про случаи, какие были у него в жизни [10]».

В 1927 году (как в предыдущий и последующий годы) во Владивостокском техникуме В. П. С. (подчинявшемся тогда Отделу Просвещения Тихоокеанского водного транспорта, состоявшем на бюджете НКПС и располагавшемся в собственном доме по улице 2-й Парковой) было 24 педагога, 2 мастера-инструктора и 22 человека «прочего персонала» [11]. Четырехгодичное обучение проводилось в 7 группах на 2 отделениях — судоводительном и судомеханическом. Что же касается учеников, то они распределялись следующим образом:

Отделения	Подгот. группы	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	Всего
Судоводит.	-	22	33	28	36	119
Судомехан.	23	31	32	55	36	113
Общее число	23	53	65	55	36	232

В архиве В. К. Арсеньева сохранился классный журнал [12] за последний год его преподавания во Владивостокском Техникуме Водных Путей Сообщения (В. П. С.), с помощью которого можно теперь попытаться восстановить некоторые обстоятельства, относящиеся к последнему периоду жизни этого замечательного человека. Обстоятельства, конечно, отнюдь не самые значительные, скорее — фоновые, однако, когда речь идет о личности такого масштаба, как Владимир Клавдиевич, любая мелочь становится интересной…

Итак, в учебном 1928/29 году он вел занятия в начальных классах техникума — 1-м Судоводительском и 1-м Механическом — с ноября до апреля. В первом из них состояли 27 учеников (в том числе 2 девочки — Викторина Семенычева и Мария Хабарова), во втором — на одного ученика меньше. Образовательный ценз в обоих классах был не слишком высоким (6–9 лет, а в Механическом классе доходил даже до 3 лет!). Арсеньев отмечал потом, что ученики имеют значительные пробелы в знаниях, особенно по географии и по физике [13].

Примерно раз в неделю Владимир Клавдиевич приходил в эти классы (занятия проводились совместно) и рассказывал будущим судоводителям и судомеханикам о географии моря и об обитателях той стихии, в которой будущим мореходам предстояло жить и работать. Вот перечень основных тем арсеньевских уроков: введение в естествознание; цвет, состав и газовый режим морской воды; осадки морей — мелких и глубоких; острова и полуострова, моря и перешейки; классификация животных; бентос и планктон, литоральная и пеллагическая фауна; коралловые полипы и коралловые острова; морские водоросли; животные больших глубин; промысел морской капусты; осьминоги, ракушечный промысел; трепанговый промысел; убой морского зверя, морской выдры; крабовый промысел; рыбный промысел [14].

Учебные занятия тогда распределялись по триместрам. Только один раз, 26 января, Арсеньев пропустил занятие — по причине болезни, да еще через месяц сорвались 3 урока из-за его командировки в Хабаровск на 3-й краевой Съезд Советов. Всего же Владимиром Клавдиевичем было проведено в том году 22 урока с будущими штурманами и 15 — с механиками, плюс — по одному зачетному занятию в каждом классе и отдельный совместный для них урок с экскурсией на берег моря (6 апреля).

Надо отметить, что к работе своей с юными моряками Арсеньев относился очень самокритично («Основу я комкаю и основы нет», — помечал он себе на память [15]) и так же ответственно, как к любой другой. К примеру, на конференции по улучшению учебных программ в техникуме, имевшей быть 27–29 декабря последнего года его преподавания там, Владимир Клавдиевич предлагал при изложении ученикам его предмета сначала изучать океанографию, а потом уж — естествознание, увеличить число часов вдвое, чаще проводить экскурсии, использовать при обучении таблицы и рисунки, «волшебный фонарь с диапозитивами» и киноаппарат, для чего оборудовать специально «затемненную комнату» [16].

Но, к сожалению, и в Водном техникуме как бы вновь повторилась шестилетней давности история с «ликвидацией Факультета Общественных Наук» — 4 ноября 1929 года Арсеньев получает на руки справку за № 65 «в том, что он действительно состоял преподавателем ЕСТЕСТВОВЕДЕНИЯ Владивостокского Техникума В. П. С. с 1-го ноября 1926 года до 1-го ноября 1929 года, когда уволен за невключением в новые учебные планы Техникума „Естествоведения“» [17]. Справку подписали начальник техникума Лисютин, зав. учебной частью Пелль и секретарь совета Станиславский.

Особый штрих к тому, насколько высоко ценили ученики и преподаватели техникума работу Арсеньева, добавляет следующий документ:

«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 3 ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ТЕХНИКУМА ОТ 5-го НОЯБРЯ 1929-го года

СЛУШАЛИ:

..

6. О новых учебных планах и окончательном распределении поручений т. ПЕЛЛЬ.

В связи с последними такой ценный преподаватель, как В. К. АРСЕНЬЕВ, остался без уроков. Я предложил бы сообщить Центру, что такой предмет, как Естествоведение, необходимо в Техникуме оставить, а пока считать т. АРСЕНЬЕВА в числе преподавателей, без поручений, первому же курсу предложить заняться естествоведением кружковым образом. Кружком этим соглашается руководить Владимир Клавдиевич, а также прочесть ряд лекций по естествоведению бесплатно.

ПОСТАНОВИЛИ:

Совет постановил: согласиться с мнением зав. учебной частью и считать т. АРСЕНЬЕВА в числе преподавателей Техникума, без поручений.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА /Станиславский/»[18]

Стоит, наверное, добавить, что столь яростно сражавшийся за то, чтоб не потерять Арсеньева для техникума, Алексей Николаевич Пелль [19] — бывший капитан I ранга — преподавал в училище морскую практику и коммерческую геометрию [20] еще с 1913 года…

По всей видимости, и в следующем году (последнем году его жизни) Арсеньев все еще непосредственно связан с Водным техникумом, продолжая вести в нем кружок естествоведения и бесплатно читая лекции (ведь был он человеком слова, и если «соглашался руководить», то всегда делал это, и делал лучше многих).

Летом 1930 года (т. е. после окончания очередного учебного периода) Владимир Клавдиевич, как недавно назначенный начальник Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей и руководитель экспедиций Управления Уссурийской железной дороги, «принужден был в интересах государственного дела и хозяйственного строительства края» [21] инспектировать экспедиционные отряды в низовьях Амура. По возвращении во Владивосток он слег с простудой и 4 сентября в 15 час. 15 мин. умер от паралича сердца (в результате крупозной пиевмонии) [22].

В 2000 году исполняется ровно 70 лет этой скорбной дате…

Примечания:

1. *Архив ПЦ РГО — ОИАК: Ф. 14, Оп. 2, Д. 41, Л. 12.*
2. *Там же, Д. 5.*
3. *«Памятная книжка Приморской области. На 1913 год»: Изд. Приморского Областного Статистического Комитета. Владивосток, 1913. С. 34.*
4. *Архив ПЦ РГО — ОИАК: Ф. 14, Оп. 2, Д. 12, Л. 8.*
5. *«Весь деловой и торговый Владивосток на 1924 г.»: Изд. Примгубдетскомиссии. Владивосток, 1924, С. 203.*
6. *Там же.*
7. *Архив ПЦ РГО — ОИАК: Ф. 14, Оп. 2, Д. 41, Л. 33.*
8. *«Путеводитель по городу Владивостоку на 1922 г. Под общ. ред. Э. А. Лабербиса»: Владивосток, 1922.*
9. *Архив ПЦ РГО — ОИАК: Ф. 14, Оп. 2, Д. 41, Л. 16.*
10. *Там же, Д. «Неопубликованные материалы…»*
11. *«Справочник по учреждениям соцвоса и профобра Дальне-Восточного Края за 1927–28 учебный год»: изд. ДВК ОНО, Хабаровск-Благовещенск, 1928.*
12. *Архив ПЦ РГО — ОИАК: Ф. 14, Оп. 2, Д. 41, Л. 28–40.*
13. *Там же, Л. 35.*
14. *Там же, Л. 28–31.*
15. *Там же, Л. 37.*
16. *Там же.*
17. *Там же, Л. 41.*
18. *Там же, Л. 44.*

19. *«Адрес-Календарь и Торгово-промышленный Указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. X вып.»: Владивосток, 1914.*
20. *«Путеводитель по городу Владивостоку на 1922 г. /Под общ. ред. Э. А. Лабербиса»: Владивосток, 1922.*
21. *Аристов Ф. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский) //Землеведение, Т. XXXII, Вып. III–IV, Госиздат, 1930.*
22. *Архив ПЦ РГО — ОИАК: Ф. 14, Д. «Неопубликованные материалы...»*

В. Ф. ЗУЕВ (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ)

В. К. АРСЕНЬЕВ И ПЕРВОПРОХОДЦЫ ВОСТОЧНЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ РОССИИ

Пожалуй, трудно было бы точно указать, к какой именно области науки следует отнести деятельность В. К. Арсеньева. Этнограф, археолог, историк-краевед, писатель, географ, топограф? В каждой из них замечательный путешественник и исследователь Приамурского края оставил большие научные труды. Огромный вклад внес В. К. Арсеньев в поиск удобных путей сообщения, в изыскании и проектировании железнодорожных линий.

По итогам экспедиции 1906 года, которая продолжалась с 20 мая по 17 ноября, В. К. Арсеньев предложил построить железнодорожную линию от станции Шмаковка Уссурийской железной дороги до бухты Святой Ольги. Эту идею он активно защитил на совещании в Иркутске в декабре 1906 года «О путях сообщений в Сибири и на Дальнем Востоке». На этом совещании он активно защищал идею строительства Амурской железной дороги.

На основе предварительных материалов экспедиции, которая проходила с 24 июня 1908 по 21 января 1910 года, В. К. Арсеньев выдвинул ряд соображений, относящихся к разработке принципиальной схемы прокладки и организации строительства железной дороги Императорская Гавань — Хабаровск. В частности, им было предложено два варианта трассы. Он также подготовил предложение по варианту железнодорожной линии Хабаровск—Де-Кастри.

В 1914–1917 годах В. К. Арсеньев был одним из самых горячих сторонников идеи сооружения Амуро-Николаевской железной дороги.

Вместе с ведущими специалистами железнодорожного транспорта В. К. Арсеньев участвовал в разработке мероприятий по восстановлению и реконструкции железнодорожного транспорта Дальнего Востока, сильно пострадавшего за годы жестокой Гражданской войны. Большую помощь он оказал

руководству Уссурийской железной дороги в вопросах экономического обследования магистрали.

В апреле 1923 года В. К. Арсеньев выступил на техническом совещании при управлении Уссурийской железной дороги с докладом «О роли железной дороги в экономических перспективах развития Дальневосточного региона».

«...Бесспорно, что Уссурийская дорога после проведения мероприятий по ее восстановлению, реконструкции и усилению, сыграет решающую роль в промышленной, сельскохозяйственной колонизации Дальневосточного края. Говоря о далекой перспективе, если Дальревком и НКПС не решат вопросы строительства вторых путей и железнодорожных линий Кангауз—Сучан—залив Америка, Барановский—залив Посьет, Манзовка—озеро Ханко, Шмаковка—бухта Ольга, Хабаровск—Советская Гавань, Бочкарево—Николаевск-на-Амуре, Большой Невер—Якутск—Аян, то дальнейшая колонизация края будет затруднена».

По предложению В. К. Арсеньева, при управлении Уссурийской железной дороги было создано бюро экономических изысканий и проектирования. Кузовлев предложил Арсеньеву возглавить данное бюро, но Владимир Клавдиевич отказался.

В 1926–1928 годах Дальневосточным крайпланом и трестом Востизжелдор НКПС были осуществлены крупные транспортно-экономические изыскания трасс железнодорожных линий от Хабаровска по направлению к Советской Гавани, Де-Кастри и Николаевску-на-Амуре. Изыскания на Совгаванском направлении проводила экспедиция под руководством В. К. Арсеньева.

Задачи, поставленные перед экспедицией, были выполнены полностью. Был подготовлен проект железной дороги Совгавань — Хабаровск. Проект В. К. Арсеньева отличался полнотой разработки, тщательным технико-экономическим обоснованием. Он подготовил четкую научную информацию о природно-климатических, горно-геологических условиях рельефа и географии районов, через которые намечалась прокладка трассы.

В. К. Арсеньев принял активное участие в подготовке и проведении первой конференции по изучению транспортного развития Дальнего Востока в 1927 году. На этой конференции он высказался о целесообразности строительства Ленской и Амуро-Николаевской железных дорог: *«...С постройкой этих железных дорог, через таежные регионы Восточной Сибири и Приамурского края пройдет новая Байкало-Амурская магистраль, которая выйдет на Тихоокеанское побережье в конечных пунктах: Советская Гавань, Де-Кастри и Николаевск-на-Амуре...»*

7 января 1930 года по договору с правлением Уссурийской железной дороги, В. К. Арсеньев принял на себя обязанности начальника Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей.

8 февраля 1930 года состоялось расширенное заседание Далькрайкома ВКП(б), Далькрайисполкома, Далькрайплана и Правления Уссурийской железной дороги. С докладом «О задачах срочной разработки генерального плана железнодорожного строительства в крае и широкого развития изыскательских работ» выступил В. К. Арсеньев. Совещание обязало Правление Уссурийской дороги, Дальжелдорстрой уделить особое внимание достройке Ханкайской железной дороги

и Тавричанской ветке. Президиуму Далькрайисполкома было поручено категорически настаивать перед правительством на срочном строительстве Сучанской железной дороги (Кангауз—Сучан—Находка) и принять меры к ускорению изыскания железной дороги Хабаровск—Советская Гавань.

По решению данного совещания, в конце февраля 1930 года были созданы четыре экспедиции по обследованию таежных районов в направлении проектируемых железнодорожных линий. Руководителем одновременно этих четырех экспедиций был назначен В. К. Арсеньев.

В феврале–марте 1930 года В. К. Арсеньев подготовил и отправил в начале апреля девять экспедиционно-изыскательских отрядов для экономического, географического, экологического, биологического энтографического, геологического обследования районов, тяготевших к направлениям новых магистралей. В мае этого же года, силами четырех экспедиций, в количестве 19 партий, под общим руководством Арсеньева приступили к работам на обширной территории Дальневосточного края. Экспедиции под руководством опытных инженеров-изыскателей проводили рекогносцировочные изыскания железнодорожных линий: на Сахалине — П. К. Татаринцев, в районе Кангауз—Сучан—Находка — М. М. Новицкий, Хабаровск—Советская Гавань — В. П. Тараненко, Бочкарево—Селемджа—Амгунь—Николаевск-на-Амуре — С. Ф. Душкин.

Одновременно отряд под начальством Иванова производил изыскания на трассе Амгунь—Пермское-на-Амуре. Экспедиция экономических изысканий Уссурийской железной дороги во главе с Н. И. Пилиным производила проектно-изыскательские работы по усилению Владивостокского железнодорожного узла с проектированием Первореченского тоннеля. Отряды под руководством инженеров В. Ф. Упита, И. М. Савина, Ф. И. Дорофеева, Н. Д. Михеева проводили изыскания железнодорожных линий: Барановский—Посьет, Манзовка—Новокачалинск, Манзовка—Варфаломеевка—бухта Святой Ольги, Сретенск—Нерчинский завод. Одновременно с изысканием строительное управление железнодорожников под руководством Н. Н. Соколова приступило к строительству на севере Сахалина железнодорожной линии Москалево—Оха—Александровск-на-Сахалине. Приморское строительное управление во главе с И. Д. Гоциридзе строило развязку Владивостокского узла с окончанием Первореченского тоннеля. Даже это перечисление объектов свидетельствует, какая большая нагрузка и забота легли на Арсеньева, которые требовали от ученого-руководителя высокой самоотдачи в труде, проявления инициативы.

В апреле 1930 года В. К. Арсеньев разработал и направил в Правление Уссурийской железной дороги, Далькрайисполком, НКПС и СНК СССР обширную докладную записку с программой железнодорожного развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. В ней он предложил ускорить изыскание и строительство вторых путей Транссиба от станции Карымской до станции Уруши и железнодорожной линии Уруша—Тында—Селемджа—Пермское-на-Амуре—Советская Гавань. С последующим развитием системы опорных железнодорожных узлов на побережье Амурского лимана и Татарского пролива: Николаевск-на-Амуре и бух-

та Де-Кастри. Этот второй железнодорожный выход к Тихому океану Арсеньев назвал Байкало-Амурская железнодорожная магистраль.

В данной записке В. К. Арсеньев предлагал одновременно приступить к проектно-изыскательским работам и к сооружению Ленской железной дороги, железнодорожной линии Бочкарево—Николаевск-на-Амуре. В связи с проектом БАМ он предложил отказаться от идеи сооружения железнодорожных линий Хабаровск — Советская Гавань, Хабаровск—Де-Кастри. Вместо этих линий проработать вариант соединительной ветки Транссиба с БАМом: Волочаевка—Пермское-на-Амуре. В перспективе построить железнодорожную линию от станции Пивань БАМа в направлении по долине Амура до Де-Кастри, далее до мыса Лазарева с устройством летом паромной переправы, зимой железнодорожной линии по льду через пролив Невельского на остров Сахалин, с перспективой строительства подводного тоннеля. С окончанием строительства БАМа Арсеньев предлагал начать сооружение вторых путей Уссурийской железной дороги от станции Уруши до Никольск-Уссурийска с подводным тоннелем под Амуром у Хабаровска.

Арсеньев также предлагал ускорить начало строительства железнодорожной линии Кангауз-Сучан-Находка, а также железнодорожного выхода Уссурийской дороги к бухте Ольга, к заливу Посьет, к озеру Ханка, к Якутску и к порту Аян.

Для проведения проектно-изыскательских работ и транспортного строительства на Дальнем Востоке Арсеньев предложил создать Дальжелдорстрой НКПС с центром в г. Хабаровске. Академии наук СССР он предложил организовать большую комплексную научно-исследовательскую экспедицию Академии Наук на Дальний Восток для экономического исследования районов новых железнодорожных магистралей и БАМа.

«Большую практическую помощь нашей экспедиции оказал известный исследователь, путешественник и писатель Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев» — рассказывал П. К. Татаринцев.

«В тот период В. К. Арсеньев работал в правлении Уссурийской железной дороги, в должности начальника бюро технико-экономических изысканий новых железнодорожных магистралей Дальневосточного края. В 1929 году под его руководством была разработана Генеральная схема развития железнодорожной сети края на 1930–1935 годы. Им же была составлена программа строительства Сахалинской железной дороги, утвержденная СНК СССР 10 января 1930 года. По инициативе В. К. Арсеньева была сформирована Сахалинская экспедиция из специалистов Лентранспроекта и Мостранспроекта и отправлена в феврале 1930 года в порт Владивосток. Здесь он помог нам в наборе дополнительной рабочей силы и специалистами в вопросах снабжения и транспортировки экспедиции на Сахалин. Арсеньев помог с картами, составил экономическое обоснование железнодорожной магистрали, а также снабдил нас геологическими и географическими материалами.

В коротких с ним беседах я убедился, что В. К. Арсеньев был прекрасным специалистом и организатором изыскания и проектирования железнодорожных магистралей на Дальнем Востоке».

По инициативе В. К. Арсеньева в 1930 году проводились изыскания ряда вариантов железнодорожных линий к Сахалину. Так, экспедиция под руководством С. Ф. Душкина произвела рекогносцировочные изыскания железнодорожной магистрали от станции Бочкарево (Уссурийской ж. д.) по направлению Стойба—Экимчан—Керби—долина реки Амгунь—Николаевск-на-Амуре—залив Счастья. Экспедиция под руководством В. П. Таранченко провела изыскания трассы Хабаровск — Совгавань. Большой отряд под начальством П. Н. Коваля проводил изыскательские работы на линиях: Хабаровек—Де-Кастри; Софийск-на-Амуре—Де-Кастри—мыс Лазарева.

Работа этих экспедиций и отрядов осуществлялась под личным контролем В. К. Арсеньева. С целью оказания им практической помощи на месте, в июле-августе 1930 года Арсеньев посетил Нижний Амур. Здесь он побывал на озере Кизи, на мысе Лазарева, посетил поселки Софийск, Мариинск, Богородское, Нижне-Михайловское, Тыр, селения, расположенные в нижнем течении реки Амгунь.

«В. К. Арсеньев фактически являлся и руководителем нашей экспедиции. Постоянно занимался нашими делами, проблемами, практически решал все сложные вопросы жизни экспедиции. В августе 1930 года он посетил нашу базу в бухте Москальво.

Он интересовался бытом и обустройством людей, работой изыскательских партий. Провел несколько интереснейших бесед с рабочими и специалистами экспедиции, провел несколько экскурсий в тайгу по будущей железнодорожной трассе. Расставаясь с нами, он обещал приехать в Александровск. Он планировал в конце сентября 1930 года совершить поход по трассе: Александровск—Тымь—Ноглинки—восточный берег Сахалина—Оха—Москальво. Но преждевременная смерть помешала ему совершить это путешествие. А мы, изыскатели первопроходцы, лишились талантливого руководителя, организатора и высококвалифицированного специалиста изыскателя железных дорог».

«Сахалинская железная дорога, — писал В. К. Арсеньев в августе 1930 года, — ввод которой намечается в 1933 году, сыграет огромную роль в развитии советских районов острова Сахалин. Будет установлена устойчивая связь между северными и южными регионами Сахалина. Вдоль трассы железной дороги будут построены десятки нефтяных и газовых промыслов, возникнут шесть крупных рыбзаводов, более трех десятков рыббаз, девять леспромхозов, пять бумажных и фанерных заводов, двадцать восемь колхозов. Возникнут более сорока населенных пунктов. Основными пунктами выхода дороги к морю станут порты Александровск и Москальво. На восточном участке трассы, в районе села Катангли в незамерзающем Набильском заливе, будет сооружен крупный торговый порт Набиль.

Ввод в 1935 году в эксплуатацию Николаевской и Де-Кастринской железнодорожных линий на материке и морских железнодорожных паромных переправ „Залив Счастья и Москальво" и „Де-Кастри—Александровск-на-Сахалине" позволят осуществлять прямое железнодорожное сообщение Сахалинской области с другими территориями СССР».

Кандидат философских наук Александра Петровна Путинцева вспоминала: *«В 1930 году я заведовала Амурской Красной юртой, которая работала в нанайском стойбище Кондон, расположенного на реке Девятке, которая соединяет озеро Эворон с рекой Горюн, приток Амура. В июле 1930 года в Кондон на катере приехали председатель Комитета народов Севера К. Я. Луке и писатель-путешественник В. К. Арсеньев. Они ездили на озеро Эворон, где находилась база изыскательской партии Иванова. Геологи проводили обследование будущей железнодорожной трассы Амгунь—с. Пермское-на-Амуре—Советская Гавань.*

В. К. Арсеньев интересовался работой Красной юрты, жизнью и бытом нанайцев, произвел археологические раскопки на сопке Сарголь, где в XIII веке находилось древнее укрепление.

В. К. Арсеньев в тот период был физически крепким и здоровым человеком, очень энергичным и деловитым. За дневниками сидел допоздна, рано поднимался, делал зарядку и купался в реке. Неделю Арсеньев и Луке работали на Горюне и Эвороне, и уехали обратно на катере до амурского села Верхне-Тамбовского. А оттуда Арсеньев на пароходе выехал в низовье Амура.

Уезжая от нас, В. К. Арсеньев обещал написать очерк о работе Амурской Красной юрты и о жизни и быте горюнских нанайцев. Его проводником и спутником во время экспедиции на озеро Эворон и его притока Сироки, был замечательный нанайский охотник и активист новой жизни Никифор Дмитриевич Дзяпи.

Я очень сильно удивилась и огорчилась, когда узнала о скоропостижной смерти Арсеньева. Долго не верила в это. Но летом 1931 года на озере Болонь, где в то время работала Красная юрта, я встретилась с омерзительным человеком А. Н. Липским. Он считал себя великим этнографом и писателем. А на деле это был безкультурный, хамовитый и бездарный человек, большой карьерист. Он постоянно пил. Однажды в пьяном угаре высказался об Арсеньеве, что смерть его не случайна, что так ему надо царскому офицеру и японскому шпиону, что чекисты бы его арестовали, но мешала его огромная популярность в стране и мире. При этом Липский хихикнул, выпил рюмку и сказал, что „чекисты помогли Арсеньеву пораньше уйти в страну бони и что я об этом не раскаиваюсь".

Тогда я поняла, что Липский и его друзья умертвили В. К. Арсеньева, а затем оклеветали многих товарищеи писателя».

Р. Д. ГНЕУШЕВА (ВЛАДИВОСТОК)

ТВОРЧЕСТВО В. К. АРСЕНЬЕВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ

О самобытности и своеобразии писательского таланта В. К. Арсеньева достаточно сказано в исследовательской литературе [1]. Последнее время стали актуальными вопросы стилистики и поэтики творческого наследия писателя, проблемы его жанрового своеобразия. В этом ключе ученые не могли не заметить явных ориентаций Арсеньева на русскую классическую литературу. Н. В. Старовойтов справедливо в свое время заметил, что «в манере письма Арсеньева без труда можно увидеть влияние выдающихся русских художников слова» [2, 78] — Лермонтова, Гоголя. Однако, на наш взгляд, глубокого и тщательного исследования в этом направлении до сих пор не сделано.

Сложность проблемы видится нам в особом писательском имидже В. К. Арсеньева, с одной стороны, и в его месте в контексте русской литературы с другой. Первая составляющая этого положения обратила на себя внимание практически всех исследователей, увидевших в нем писателя «особого склада», который не был беллетристом «в общепринятом смысле» и «в одинаковой степени… принадлежал и науке, и искусству» [3, 128]. Вторая же — практически почти не привлекла внимание ученых. А между тем именно она, на наш взгляд, дает возможность понять характер художественного мира писателя. Характер и миросознание В. К. Арсеньева формировались в период конца XIX — начала XX вв. Изучая стилистику арсеньевских текстов, литературоведы не могли не обратить внимания на такую особенность ее, как лиризм. «Замечательной особенностью стиля произведений Арсеньева, — справедливо заметил Н. В. Старовойтов, — является его лиризм» [2, 71]. И именно лиризм «как средство передачи внутреннего состояния человека» определяет и особенности художественного стиля писателя. Но именно лиризм, «достигший своего крайнего выражения в конце XIX — начале XX веков явился той отличительной чертой, которая стала характерной для данной эпохи и отразилась и в литературе, и в музыке, и в изобразительном искусстве. Исследователи данной эпохи не могут не заметить в это время повышенного ощущения «я» художника в его осмыслении окружающего его мира. Этот лиризм с новой моделью человека в мире и вытекает «из коренной ломки всех ранее сложившихся установлений и представлений» [4, 7]. Это была специфическая особенность восприятия мира, «когда все переживается как непосредственно важное для данной личности, затрагивающее самые сокровенные ее глубины, обретая яркую эмоциональную окрашенность» [4, 7]. Эта черта проявилась и в творческой личности В. К. Арсеньева, серьезно увлекавшегося изучением русской классической литературы, писавшем стихи и мечтавшем заняться литературой. Это выразилось и в его сознании четырнадцатилетнего подростка, заразившегося страстью к неведомым странам, незнакомым народам, к путешествиям. Вспомним, что это тоже было чертой эпохи, когда многие русские писатели стремились посетить страны и континенты или мечтали об этом. Известны, например, многочисленные путешествия И. Бунина, его стремление смены впечатлений и, что важнее всего, его желание разгадать секреты человеческого бытия, крушение цивилизаций, царств и империй. Этот лиризм эпохи выразился и в том, что Бунин любил созерцать «курганы», «звезды», «Млечный путь» и разговаривать с ними. В книге В. К. Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня» в главе «Смотритель маяка» этот, присущий времени, лиризм особенно ярко представлен: *«…На небе взошла луна и бледным сиянием своим осветила безбрежное море… Все в природе замерло и погрузилось в дремотное состояние… Ночь была так великолепна, что я хотел запечатлеть ее в своей памяти на всю жизнь… Полный месяц с небесной высоты задумчиво смотрел на уснувшую землю и тихим грустным светом озарял мохнатые ели, белые стволы берез и большие глыбы лавы, которые издали можно было принять за гигантских жаб или окаменевших допотопных чудовищ»* [5, 90–91].

Данное описание не только характеризует яркая эмоциональная окрашенность, но и особое видение мира, характерное для эпохи, определившей мир писателя. В нем можно обнаружить особенности поэзии символизма. Конкретный пейзаж включен в общее мироздание, где все цельно, все живет и дышит. И в результате такой модели сознания возникают ассоциации с уже знакомыми Арсеньеву космическими пейзажами русской классической поэзии. Например, М. Ю. Лермонтова («Выхожу один я на дорогу…»). Художественный мир В. К. Арсеньева сродни и художественному миру И. С. Тургенева, мыслящему цитатами из русской классической поэзии (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов). И здесь дело не в блеске эрудиции, а в стремлении обогатить собственное высказывание особым значимым смыслом. В арсеньевском тексте мы и наблюдаем подобную ситуацию: «…все было так неподвижно, как в сказке о спящей царевне и семи богатырях» [5, 90–91].

Известно, что этой эпохе свойственен синтез искусств, когда, например, поэтическое творчество сливалось с религией и философией, когда музыка претендовала на философию, а в декоративной живописи воссоединились театр и живопись, когда появился новый синтетический балет и т. д. И этот синтез из «прежнего состояния мира» и новых идей был столь стремителен, динамичен, что не мог не отразиться и на характере творчества В. К. Арсеньева. При его изучении нельзя не заметить своеобразного слияния научного и художественного начал. Но это объединение «Брэма и Фенимора Купера», по образному выражению М. Горького, было тоже явление эпохи, явившей подобный синтез в таких творческих личностях, как В. Соловьев, В. Брюсов, М. Волошин и др. И, видимо, не случайно поэтому, констатируя в творчестве Арсеньева появление нового жанра — научно-художественного, исследователь его произведений тонко заметил, что «в точном значении — это не жанр (хотя именно этот термин утвердился в критической литературе об Арсеньеве), но скорее особый род творчества» [3, 149].

В современной науке о литературе актуальным становится направление, определенное Ю. М. Лотманом как реконструкция внутреннего мира писателя. А оно,

в свою очередь, невозможно без своеобразного синтеза научного и художественного подходов. Именно такой подход необходим и для изучения личности Арсеньева, творившего «самого себя» долго и драматично. И в этом процессе «сотворения» немаловажное значение имели гуманистические традиции русской культуры и литературы. И здесь одним из ценнейших замечаний ученых следует считать следующее: «Человек в его многосложных связях с природой становится объектом художественного изображения Арсеньева» [3, 143]. Одной из сложных и неоднозначно прочитанных в науке книг следует назвать «В горах Сихотэ-Алиня». Работал над ней писатель с 1910 по 1913 годы, то есть сразу после одной из самых трудных, полной драматизма экспедиции. Цикл очерков об этой экспедиции вошел в отдельную книгу, вышедшую уже после смерти писателя в 1937 году. Одна из актуальных проблем ее — соотношение разных культур, обычаев, миросознания. Поражает в скупых описаниях писателя деликатность и корректность в изображении «чужого мира». Вот эпизод, когда китаец Чжан-Бао берет один из обломков кости кита: *«...К нему поспешно подошел Карпушка и стал просить не трогать костей на песке. Не понимая, в чем дело, китаец бросил ребро в сторону. Ороч поспешно поднял его и бережно положил на прежнее место, старательно придав ему то положение, в котором оно находилось ранее.*

— Почему не следует трогать кости кита? — спросил я ороча.

— Ими нельзя играть, — отвечал Карпушка, — нельзя даже трогать, потому что рассердится море...» [5, 112].

Русский ученый и писатель нигде и ни в чем не высказывает пренебрежение к этому миру, возможно для европейца наивному и несовершенному. Более того — он старается примирить внутри этого азиатского мира обиженных, как бы ощущая свою миссию просвещенного европейца: *«Чжан-Бао отошел в сторону и сел на камень. По выражению лица его я понял, что он недоволен, и мне немало стоило труда уговорить его не сердиться на Карпушу»* [5, 112].

Мы коснулись лишь некоторых аспектов важнейшей проблемы в изучении творчества В. К. Арсеньева — определении места его творчества в контексте русской культуры и литературы. Но и сказанное выше позволяет утверждать, что В. К. Арсеньев — плоть от плоти писатель своего времени, вобравший основные признаки его и воплотивший их в своем творчестве.

Примечания:

1. ***См. работы:*** *Рогаль Н. В. К. Арсеньев. Критико-биографический очерк. — Хабаровск, 1947; Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист. 1872–1930. — М., 1947; Азадовский М. К. Арсеньев. Критико-биографический очерк. — М., 1956; Кузьмичев И. Писатель Арсеньев. — Л., 1977; Крившенко С. Творческий подвиг Арсеньева (Трилогия «В дебрях Уссурийского края») // Крившенко С. Дорогами землепроходцев. — Хабаровск, 1984. С. 166–177. и др.*

2. *Старовойтов Н. В. Грани таланта//Структура литературного произведения. Межвузовский сборник. — Владивосток, 1975. С. 64–79.*
3. *Старовойтов Н. В. Формирование художественных принципов В. К. Арсеньева и жанровое своеобразие его творчества (Ранний период) //Вопросы журналистики и литературы. — Владивосток, 1972. С. 128–149.*
4. *Неклюдова М. Г. Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX — начала XX века. — М., 1991.*
5. *Арсеньев В. К. Сочинения в шести томах. — Владивосток, 1947–1949. — Т. III.*

ФУМИХИКО ЯМАДА (ЯПОНИЯ)

ПИСАТЕЛЬ В. К. АРСЕНЬЕВ — МАЯК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Меня потряс в свое время писатель В. К. Арсеньев тонким показом дружбы высокообразованного интеллигента — исследователя Дальнего Востока и аборигена из таежной глухомани. Я понял через фильм соотечественника Акиры Куросавы «Дерсу Узала», которого зовут у нас Фудзиямой в кинематографе, возможность такой дружбы. Человечность в отношениях между людьми любых социальных статусов, даже между людьми из разных стран, сближает больше любого образования. Я как бы нащупал золотую жилу, своего рода золотой ключик к пониманию истоков дружбы людей разных национальностей. И погрузился в арсеньевские книги с большим удовольствием — в философию гуманизма для всех времен и народов. Я ездил по арсеньевским местам с моим другом — педагогом Владимиром Свиридовым, чьи книги для моей души очень перекликались с арсеньевскими. Например, с его новой книгой «В отрогах Сихотэ-Алиня», которую я получил от него на Ханке, где чуть не погибли в снежную стужу заблудившиеся Дерсу Узала и В. К. Арсеньев.

Два года, как я живу в России, приехав сюда обучать японскому языку приморских студентов. За это время влюбился в страну и ее людей, особенно приморцев. Очень сердечные люди. Прежде всего, не могут не приглянуться женщины, а у девушек исключительно чарующие улыбки, делающие их подобными Венере.

У россиян глубокая и приятная, восхитительная культура, наиболее проявившаяся для меня в литературе, живописи, музыке. Больше всего меня сблизили с духом России Пушкин, Чайковский, Достоевский, Толстой… Несомненно, они — сокровище России.

Но есть еще причина, по которой я влюбился в Россию: Владивосток с его природными рельефами с наступлением весны не похож ни на какой другой

уголок планеты. Сибирь и Дальний Восток — неповторимая природная прелесть, самая натуральная в мире. Прекраснейшие места, какие я видел в жизни. Всюду гармоничное соответствие людских характеров и природы. Не удивительно, что именно здесь родился учебный международный творческий непрерывный конкурсный фестиваль «Человечество и природа». Да, именно здесь есть что защищать людям науки, литературы, искусства.

Лишь сообща мы спасем планетную природу. Каждый из нас должен бороться за подлинные человеческие права и достоинства везде на Земле. Сегодня мы ведем совместную борьбу за сохранение общей окружающей среды. Но даже сейчас отношения между Россией и Японией все еще оставляют желать лучшего. Капиталовложения моей страны сильно продвинули экономику Кореи, Тайваня… Давно очередь за соседним Приморьем.

Жизнь великого исследователя Дальнего Востока, талантливого, очень впечатляющего глубиной гуманизма, с его книгами — зеркалом его пути, добрый пример для всех нас на планете Земля. Я лично хотел бы, чтобы в каждом из землян жили одновременно Арсеньев и Узала, их сердца и души в наших поступках. Для меня дружба Арсеньева и Узала — зерно дружбы всего человечества.

Ю. А. ЯРОЦКАЯ, А. И. ЗАПОРОЖЕЦ (ВЛАДИВОСТОК)

МАТЕРИАЛЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФОНДА ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА — ОСНОВА НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. К. АРСЕНЬЕВА (ИЗ ОПЫТА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ТЕАТРА)

В 1997 году после открытия Дома-музея В. К. Арсеньева возник вопрос о том, как будет жить дом. Особенность Дома-музея — существование внутреннего пространства в ином времени, сохранение внешних проявлений жизни тех, кто умер более полувека назад, а также интерес многих горожан к прошлому Владивостока и судьбам тех, кто составляет славу нашего города, позволили сотрудникам музея в содружестве с актерами театров города начать работу по созданию «живого» документального театра.

Эстетическая программа театра противопоставляет его театру чистого вымысла. Мы выступаем против манипуляции с фактами, апеллируем к первоисточникам, создаем свою театральную литературу (сценарий). Мы хотим «оживить» историю, озвучить ее, сделать зримой. Литературной основой театра стали материалы документального фонда ПГОМ, произведения В. К. Арсеньева и М. М. Пришвина.

Документальный театр — это в каком-то смысле и театральная лаборатория, театр эксперимента. В нем осуществляется поисковая работа в области режиссуры, сценографии, новой театральной литературы, актерской игры, в области отношений театра со зрителем, поиски различных форм общения с ним.

Каждая наша постановка — это новый опыт. Опыт публичного чтения глав из романов В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Опыт спектакля-репетиции «Со мной был Дерсу». Опыт семейного вечера «Музыка в доме Арсеньевых».

В своих постановках мы исследуем и изучаем эстетику таких не очень известных театральных форм, как интерьерный театр, дидактический театр, театр в кресле, интимный театр, или опыт более популярных театра чтеца, камерного театра. Работа велась в течение двух лет, в своем выступлении мы расскажем о ее результатах.

Первым опытом сотрудничества актеров, музыкантов, музейщиков была композиция «Музыкальный вечер в доме Арсеньевых». Работа театра предполагала исследование на четырех уровнях: изучение фондовых материалов, создание сценария, режиссерское исследование, актерское воплощение. В основу сценария были положены богатые и интересные материалы, переданные в ПГОМ известным арсениеведом А. И. Тарасовой: воспоминания родных и знакомых В. К. Арсеньева. Сама А. И. Тарасова опиралась при написании книги на документы, относя воспоминания к вспомогательным материалам, что закономерно для ученого-архивиста. Для нас же воспоминания явились основным материалом, важны были и факты, и стиль. Опираясь на книгу А. И. Тарасовой, мы отобрали из ее архива те воспоминания, которые не содержали грубых искажений истины. Мелкие же неточности являлись для нас вполне допустимыми, т. к. композиция представляет собой семейный вечер, а не научный доклад. В работе использовались сведения, полученные А. И. Тарасовой от М. К. Харченко — младшей сестры ученого. Не помня брата ребенком, будучи на 17 лет моложе его, встретившись с ним только один раз в жизни на несколько дней, она оставила о нем интересные воспоминания. Как и все, кто обращается к исследованию жизни В. К. Арсеньева, мы прочли записи племянницы ученого Ольги Николаевны Моллер-Окулист. Кроме того, мы познакомились с воспоминаниями сестры В. К. Арсеньева В. К. Богдановой, ее дочери В. В. Богдановой и невестки Л. Хлопониной, брата ученого А. К. Арсеньева, бывшего ученика унтерофицерской школы, которой в 1900 году руководил В. К. Арсеньев, И. Тарновского, знакомой семьи В. К. Арсеньевых Н. А. Кановер, подруги детских лет дочери В. К. Арсеньева Натальи З. Чесноковой.

Мы поняли, что воспитание в семье Арсеньевых было патриархальным. Родители — бывшие крепостные крестьяне — крепко вросли корнями

в народную культуру, и в этом была их сила. Суровый, энергичный, властный, целеустремленный отец, страдавший от непослушания и, как ему казалось, разболтанности старших сыновей, на самом деле, стал источником всех их жизненных побед. И Анатолий, и Владимир силой характера, целеустремленностью, самостоятельностью, внешней холодностью обязаны Клавдию Федоровичу. Свободолюбие отбросило их далеко от дома — одного на Черноморский флот, другого на Дальний Восток — сила отцовского характера сохранила в них родовые арсеньевские черты.

Кроме безусловного главенства отца, о патриархальности жизненного уклада семьи свидетельствует число детей — 10 (из них одна дочь приемная), проживание в семье матерей Клавдия Федоровича и Руфины Егоровны, рано начинавшееся трудовое воспитание, содержание эстетического воспитания. Большую роль в жизни семьи играла народная музыка. Возможно, традиционный уклад жизни семьи родителей, погруженность с рождения в древнюю народную культуру и создали тот феномен, в который не все верят — глубокое понимание Арсеньевым основ аборигенной культуры. Предпосылкой такого понимания могло быть воспринимаемое исследователем на интуитивном уровне, познанное им в реальной жизни, сходство всех древних культур и обусловленная этим готовность впустить чужую культуру не только в научное исследование, но и в свою жизнь.

В процессе подготовки сценария возникла необходимость восстановить тексты и музыку нескольких произведений, которые имеют отношение к жизни В. К. Арсеньева, но не являются общеизвестными. Так, мемуаристка упоминает любимый романс сестры В. К. Арсеньева Лидии, обозначая его лишь несколькими словами (полный текст ей неизвестен), брат ученого поступает так же с солдатской песней, любимой, как он утверждает, Арсеньевым. Мы приносим благодарность музыкантам Андреане Агбалян, Леониду Букину, Сергею Макаркину, которые взяли на себя труд отчасти найти, отчасти вспомнить тексты и музыку этих произведений. Таким образом, в процессе работы не только архив обогатил наши знания, но и мы пополнили архивные материалы. Это показывает, что научно-художественные исследования приносят пользу не только благодарной публике, получающей удовольствие от необычного представления, не только исследователю, глубже познающему предмет изучения, но и музею, который, осваивая новые формы работы, имеет возможность пополнить свои фонды.

Важную роль в спектакле играет стиль воспоминаний, который многое говорит о мемуаристах — их образовании, эмоциональности, внутреннем мире. В этом контексте сами погрешности против чистоты стиля бывают интересны и значительны, раскрывают особенности личности автора воспоминаний, порой личности по-настоящему яркой.

Возможно, есть смысл опубликовать воспоминания И. Тарновского, человека, не получившего хорошего по понятиям своего времени образования, но живого, памятливого, своеобразного рассказчика. Его воспоминания погружают читателя в мир простой солдатской жизни начала XX века, дают представление о служебных обязанностях В. К. Арсеньева, его взаимоотношениях с солдатами,

общение с которыми на протяжении долгих лет было ежедневным. Воспоминания Тарновского и Александра Арсеньева свидетельствуют о том, что и во время службы ученый не был оторван от народной культуры — он знал и любил солдатские песни. Как явствует из воспоминаний — рекрутские и походные. Многие солдаты были выходцами из крестьян, поэтому нет сомнений в том, что народная песня сопровождала ученого во всех походах.

Если воспоминания Тарновского дают представление о том, какие люди окружали В. К. Арсеньева на службе и в экспедициях, то одним из самых интересных членов семьи ученого, вероятно, можно считать его сестру Марию Клавдиевну. В архиве А. И. Тарасовой хранятся не только воспоминания сестры ученого, но и воспоминания о ней, и описание встречи ее с А. И. Тарасовой, сделанное последней. Анна Ивановна пишет, что увидела очень пожилую, спокойную, даже холодноватую женщину. Ее рассказ был конкретен и сух. Племянница Марии Клавдиевны пишет, что та не согласилась диктовать журналистам рассказ о своей жизни. От себя добавим, ей было что рассказать. Совсем молодой она эмигрировала в Чехию, где окончила Консерваторию, долго жила во Франции, после войны вернулась на родину. Не только в ее внешности, манере держаться, но и в характере поражает сходство с братом. Внешняя сдержанность скрывает богатство внутренней жизни, удары судьбы отражаются благодаря воспитанной в семье силе характера, привычке полагаться на себя, жить своим трудом. По счастливому совпадению певица, занятая в спектакле, имеет не только голос того же тембра, что Мария Клавдиевна, но и внешне на нее похожа.

Таким образом, главными героями нашей первой постановки стали родные и знакомые ученого. На наш взгляд, ценностью этой работы было в числе другого и то, что в доме В. К. Арсеньева прозвучали подлинные слова тех, кто его знал, в старые стены вернулась музыка, исполнявшаяся теми, кто был ему близок и им самим. Это был опыт реконструкции атмосферы жизни семьи, который, естественно, повлек за собой попытку осмыслить и воплотить на своеобразной сцене нашего театра образ таинственной и противоречивой женщины — жены ученого Маргариты Николаевны Арсеньевой. Об этой работе мы в свое время подробно рассказали. Добавим лишь, что здесь впервые на сцену выведен сам В. К. Арсеньев. Пока исследование о Маргарите Николаевне доведено лишь до стадии сценария. За короткое время существования театра мы не смогли реализовать все сценарии, работа над которыми в силу своей специфики представляет трудность для режиссера и актеров.

Таким нереализованным проектом пока остается и сценарий спектакля «Неведомый друг мой», посвященного судьбам и творческому диалогу В. К. Арсеньева и М. М Пришвина. Идея данной работы возникла после знакомства с дневниковыми записями М. М Пришвина, в которых писатель рассказывает о своей встрече с Арсеньевым в 1928 году. В своем архиве А. И. Тарасова собрала также все выписки из дневников Пришвина, а их немало, в которых писатель рассуждает о личности и творчестве В. К. Арсеньева. Обращает на себя внимание пренебрежительный тон, в котором выдержан рассказ о встрече в Москве.

Арсеньев назван «географом», представлен человеком, который столь сильно увлечен наукой, что даже не понимает, как пуста жизнь его края без культуры. Пришвин уверяет, что об этой пустоте он говорил Арсеньеву на протяжении всей беседы. Почему же, спрашивается, два писателя-натуралиста не смогли найти общего языка, что помешало им понять друг друга? Интересен и тот факт, что в своих дневниковых записях Пришвин обращается к личности Арсеньева не один раз. Географ притягивает к себе писателя, будто являясь для него загадкой, которую непременно нужно разгадать. Пришвин даже побывал в Приморье, правда, уже после смерти Арсеньева. Что думал он найти в этом крае, в этой, по его выражению, «пустоте»? В поисках ответа на эти вопросы мы и создавали сценарий, который получил, на наш взгляд, очень точное название, являющееся цитатой из дневника Пришвина. В основу сценария были положены дневниковые записи Пришвина разных лет, письма В. К. Арсеньева и М. Н. Арсеньевой и фрагменты из книг обоих авторов.

Судьбы этих двух людей во многом похожи. Арсеньев был всего на полгода старше Пришвина. Оба занимались профессиями, связанными с землей. Пришвин — агрономией, Арсеньев — топографией. Точкой отсчета явился 1906 год — год первого путешествия Пришвина и первой крупной экспедиции Арсеньева. Впоследствии под впечатлением своей экспедиции в Олонецкую губернию Пришвин написал книгу очерков «В краю непуганых птиц», а Арсеньев посвятил описанию экспедиции роман «По Уссурийскому краю». Хотя, на взгляд актеров, голоса двух авторов звучат в унисон, и открытого конфликта заметить невозможно, истоки его обнаруживаются именно здесь. Для Пришвина эта экспедиция — возможность найти первобытный уклад жизни, найти людей, неотделимых от природы. Но где он ищет первобытность? В Олонецкой губернии, ближайших от Петербурга местах, не тронутых, по его представлению, цивилизацией. Люди, как считает Пришвин — враги природы, они добывают себе пропитание в борьбе с ней. Для Арсеньева, разумеется, Олонецкая губерния в плане первобытности интереса не представляла. По прихоти судьбы он нашел тех людей, которых искал Пришвин — людей, неотделимых от природы. Но врагами природы они не были, а жили ее дарами, были в общении с ней, даже когда она не ласкала, и находились в соответствии с окружающей их обстановкой. На наш взгляд, Пришвин — человек европейский, для него был характерен антропоцентричный взгляд на мир, поэтому так непонятен, но привлекателен для него Арсеньев, подвергшийся восточному влиянию, считающий человека лишь частью творения, подвластной высшим могучим силам природы. В повести «Женьшень», написанной под впечатлением поездки на Дальний Восток, Пришвин постоянно полемизирует с Арсеньевым, хотя знает, что его оппонент мертв, следовательно, полное взаимопонимание невозможно. Вероятно, поэтому так сильна в повести тема одиночества, которая рождает образ ручейка, голос его постоянно слышен герою — ему кажется, что это умершие близкие друг другу люди встретились и не могут наговориться.

Этот образ удивительно совпадает с образами писем Арсеньева последних лет его жизни: «мои друзья-туземцы все уже по ту сторону смерти», «хочу уйти навсегда, уйти к Дерсу». В нашем сценарии мы попробовали создать диалог двух писателей, длящийся от юности и переходящий в монолог после смерти одного из них.

Таким образом, архивные материалы дали толчок исследованию художественных текстов. Мы прошли путь от исследования фондовых материалов и построения спектаклей на их основе к более глубокому пониманию художественного текста и работе непосредственно с ним.

Все спектакли, которые были осуществлены за два года, ставились в Доме-музее В. К. Арсеньева. Это помещение не имеет сценической площадки и зрительного зала, но зато этот дом имеет особую атмосферу, ауру невидимого присутствия Владимира Клавдиевича. Сценография документального театра давала возможность погрузить зрителя в живую жизнь романов В. К. Арсеньева во время публичного чтения глав «По Уссурийскому краю» и спектакля «Со мной был Дерсу». Они могли чувствовать себя участниками этой жизни и в то же время оставаться наблюдателями, слушателями — зрителями. Актеры, читающие главы романов, чувствовали себя не только чтецами, но в определенной мере персонажами, от имени которых они говорили текст — Дерсу, Арсеньева, Олентьева. Они не создавали художественного образа и не играли, как в драматическом театре — их текст состоял не только из прямой речи героев. Но они должны были создать в сознании зрителя ясный образ своего персонажа. Перед нами встала проблема, какими средствами можно (и можно ли?) создать образ, не прибегая к костюму, гриму и другим средствам, которые существуют в драматическом театре?

Экспериментом в этой области было решение образа Дерсу. Роль этого персонажа было предложено исполнить одновременно двум актерам. Собственно, исполнитель образа Дерсу скульптор Сергей Протасов не является профессиональным драматическим актером. Он был приглашен на роль, т. к. вполне может быть назван «лесным» человеком по образу жизни и мироощущению, сыграло роль и его внешнее сходство с другом В. К. Арсеньева. Это был молчащий, загадочный Дерсу. Мелодикой речи гольда овладела актриса Е. Кучук, «озвучивавшая» персонаж. Думается, нам удалось снять покров обыденности с хрестоматийно известной дружбы белого человека и аборигена, открыть для себя и зрителей путь исследования и размышлений.

Углубившись в свои театральные эксперименты, мы пока не имели возможности узнать, в каких еще музеях в России и мире работают подобные театры и каковы принципы их работы. Но мы знаем наверняка, что научно-художественные исследования продуктивны и уверены, что такая форма работы, как музейный театр, театр в музейной экспозиции и на основе музейных фондовых материалов имеет хорошие перспективы. Наша работа была посвящена исключительно Арсеньеву — его жизни и творчеству, но сколько еще интересных личностей ждут своих сценаристов и режиссеров? Возможно, наступит день, когда мы станем свидетелями и участниками фестиваля музейных театров.

О. В. МАЗНЯК (ВЛАДИВОСТОК)

ИЗДАНИЕ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ В. К. АРСЕНЬЕВА — НАЗРЕВШАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Интерес к литературе исследователя Уссурийского края В. К. Арсеньева всегда был очень велик. Его книги волновали умы и зажигали сердца людей, учили их любить наш изумительный русский край у берегов Тихого океана, поражая их своей великой познавательной силой. Известный краевед М. К. Азадовский справедливо назвал произведения Арсеньева «энциклопедией дальневосточной литературы». По числу изданий и по их тиражам книги Арсеньева стоят на первом месте среди писателей Дальнего Востока России. Начиная с двадцатых годов, они широко издавались как на родине, так и в других странах.

Но минуло почти восемьдесят лет с тех пор, как были изданы первые книги писателя, а только однажды в свет вышло относительно полное собрание его сочинений. Хотя еще при жизни В. К. Арсеньева многие центральные и дальневосточные издательства планировали публикацию собрания сочинений писателя. Издательство «Молодая гвардия» 21 июня 1929 года заключило с Арсеньевым договор об издании в течение четырех лет пятитомника. В 1930 году решено было издать десятитомник. Автор успел подготовить только четыре тома, но издание этих собраний сочинений осталось неосуществленным.

В те годы не было в России мальчишки, который не зачитывался бы знаменитым «Дерсу Узала». На стройки Дальнего Востока ехало множество людей, и книги Арсеньева были для них практически единственной информацией об этом крае. Работы Арсеньева, карты, составленные им, сослужили большую службу специалистам в самых разных сферах. Его доклад о проблемах приграничных территорий, наших морских угодий, был в 1933 году рекомендован для изучения всем членам и кандидатам бюро Далькрайкома.

Поэтому, несмотря на настойчивые усилия недругов В. К. Арсеньева опорочить его имя, на то, что многие его родственники и друзья были репрессированы, написанные им книги продолжали издаваться.

То, что собрание сочинений Арсеньева было издано в первые послевоенные годы, совсем не случайно. Режим, подчас с презрением относившийся к предкам, уничтожавший памятники выдающимся гражданам, в тяжелые военные годы обратил свой взгляд к героической истории государства. Появились ордена и медали, несущие имена героических соотечественников. Прекратились притеснения служителей православной церкви, которые в своих проповедях призывали народ на священную войну с захватчиками. Снимались фильмы о героических событиях нашей истории. И сразу после Победы, в то время, когда страна вос-

станавливала разрушенное хозяйство, когда множество людей переселялось в Приморский край, принимается решение выпустить шеститомник сочинений В. К. Арсеньева. В 1945 году имя Арсеньева было присвоено музею и улице, на которой он жил последние годы.

31 января 1946 года состоялось заседание бюро крайкома ВКП(б), где вторым пунктом повестки был вопрос «об издании сочинений В. К. Арсеньева». Бюро проходило под руководством тогдашнего руководителя краевой партийной организации Н. М. Пегова, который и выступил по этому вопросу.

Как значится в протоколе № 335:

«...Учитывая большую научную ценность и познавательность произведений и деловой переписки ученого-географа, исследователя природы Приморского края и писателя В. К. Арсеньева, бюро крайкома ВКП(б) постановило:

Обязать Примиздат (тов. Изгарева) в течение 1946 и 1947 годы издать полное собрание сочинений и деловой переписки В. К. Арсеньева.

Для подготовки сочинений и писем В. К. Арсеньева к изданию, организовать комиссию под председательством ученого секретаря Приморского филиала Всесоюзного географического общества Н. А. Навандовского.

Обязать комиссию и Примиздат представить к 15 марта 1946 года в крайком ВКП(б) подробный план издания сочинений В. К. Арсеньева...»

Учитывая уровень принятия решения, неудивительно, что уже к 1 мая следующего года был напечатан первый том сочинений.

В этой спешке не обошлось без недоработок. В рецензиях на первый том авторы указывали на неаккуратность издательства, большое количество опечаток и даже неточность названия. Но все они считали издание собрания сочинений исторически важным и справедливым фактом. В этом же, 1947, году отмечалось 75-летие со дня рождения Арсеньева. Было издано много статей и очерков о путешественнике. В большинстве из них авторы подчеркивали огромные заслуги Арсеньева перед Родиной, большое воспитательное значение его произведений для подрастающего поколения, снова поднимали вопросы увековечивания его памяти.

Так, еще в сентябре 1946 года участник экспедиций Арсеньева Н. Кабанов выразил пожелание Приморскому филиалу Всесоюзного географического общества учредить премию имени В. К. Арсеньева за лучшие краеведческие работы, произведения о Дальнем Востоке.

Но за последующие полвека все эти пожелания, а нередко и принятые решения, в большинстве случаев оставались на бумаге. Конечно, на карте края появился город Арсеньев, где стоит памятник путешественнику и его проводнику Дерсу Узала, есть памятник исследователю в Кавалерово. Но все-таки большей частью вспоминали о нем к юбилейным датам. И только в последние 10–15 лет усилиями краеведов, работников музея, краевых властей, меценатов внимание к личности Арсеньева становится достойным его вклада в развитие Приморья и всего Дальнего Востока.

Сегодня задачи объединения усилий всех, кому не безразлична судьба арсеньевского наследия, решает Дальневосточный арсеньевский центр. Им проводится

работа по выявлению, собиранию, публикации наследия ученого, продолжению его научных традиций. Финансовую поддержку этой работы обеспечивает Дальневосточный благотворительный арсеньевский фонд. Его основной целью является формирование материальной и научно-методической базы краеведческого движения, проведение научно-практических конференций, семинаров.

Спасен от разрушения, и открыл двери для посетителей мемориальный дом-музей В. К. Арсеньева. Проводятся международные конференции и издаются их материалы. Издан уникальный автобиографический фотоальбом. Учреждена премия имени В. К. Арсеньева, о необходимости которой на протяжении десятилетий говорили известные арсеньеведы. В ближайшие дни она торжественно будет вручена первым ее лауреатам. Готов к отливке и памятник Арсеньеву, которого давно ждет Владивосток.

В Интернете создан сайт Арсеньевского центра (http://www.arseniev.org), на страницах которого будут размещаться сведения о путешественнике и его близких, статьи и фотографии. Учитывая широкие возможности Интернета, намного проще станет устанавливать контакты с людьми, интересующимися темой Арсеньева, в дальнем и ближнем зарубежье. А вот издание нового полного собрания сочинений и научных трудов В. К. Арсеньева пока остается мечтой. А ведь Арсеньев очень современен и сегодня. Его книги представляют интерес не только для краеведов, они помогают познавать наш мир, лучше изучать и сохранять природу, заботиться о ее воспроизводстве.

Круг работ Арсеньева очень разносторонен, иногда читая его, кажется, что это труды целого научного коллектива, а не одного человека. Нас и сейчас поражает, насколько глубоко и широко мыслил Арсеньев. Его всегда заботило будущее Дальнего Востока, он высказывал мысли по укреплению сухопутных и морских границ, его интересовали переселенческие вопросы, заботили судьбы малочисленных народов, волновали проблемы использования богатств моря и суши, флоры и фауны. В. К. Арсеньев уделял много внимания созданию заповедников, а подчас вступал в открытую борьбу с расхитителями природных богатств.

Сегодня большинство этих проблем так же важно для нашего края, а многие из них стали еще острее. Арсеньевский центр планирует издать собрание сочинений В. К. Арсеньева в 2004 году, но время издания можно было бы приблизить. Выпуск такого объемного издания — дело достаточно сложное и требует больших финансовых затрат. Хотелось бы, чтобы больше представителей бизнеса в Приморье вспомнили те традиции меценатства, которые были отличительной чертой русского купечества и предпринимательства. Только народ, бережно хранящий память о своих достойных предках, может называть себя великим.

И. Г. НОВОСЕЛОВА (ВЛАДИВОСТОК)

ТЕМА ПРИРОДЫ В ДНЕВНИКАХ В. К. АРСЕНЬЕВА И М. М. ПРИШВИНА

Жанр дневников писателей занимает особое место в литературе XX века и имеет своеобразные черты, отличающие его от дневников других веков. «Я» писателя, всегда устремленное в собственное настоящее, является основной жанровой чертой дневников. Вопрос о месте индивидуума в мире — одна из основных философских проблем начала XX века.

В этот период в литературе возрастает потребность в жанрах, где идея свободно осмысляющего сознания объемлет мир, где личностное начало составляет ведущую черту. К таким жанрам относятся, в частности, дневник и эссе. Но важнее всего то, что в силу своих жанровых особенностей они могут принимать участие и в формировании литературных процессов на метажанровом уровне.

Дневниковые записи В. К. Арсеньева — это записи человека, который отмечает не только то, что необходимо для ведения путевого дневника исследователя, но и отражает настроение человека, глубоко чувствующего природу. Поэтому в его «Путевом дневнике № 2» за 1927 год важное жанроопределяющее значение будет иметь лирическое начало. Оно выражено в ощущении трагичности исторических изменений в обществе. Точно отмечая рельеф местности, который стал следствием древних геологических процессов, писатель в то же время видит в природных явлениях не только образцы для наблюдений, но и примеры вечного творчества природы. Но если красота природы постоянна и величественна, то исторические перемены в жизни людей после революции не вселяют оптимизма в душу писателя. Он отмечает, что молодежь не желает «заниматься ни земледелием, ни огородничеством и метит устроиться где-нибудь в кооперативе или на государственной службе, словом, всячески старается приобщиться к казенному пирогу… Это просто граждане, просто жители» [1, 316].

Потеря свободы труда ведет к утрате личностного начала, к тому, что вечное дело жизни — работа на земле — не будет передано от отца к сыну. И это В. К. Арсеньев воспринимает трагически и для человека, и для природы. «Цель жизни утрачена. Земля, поднятая с таким трудом из-под леса, со смертью его должна будет перейти в чужие руки!» [1, 316].

Исследователь пишет, что утрачено главное в человеке — чувство свободы, чувство хозяина в щедром доме природы. Противостоит этому историческому времени свобода самой природы, красота естественного мира.

Но необходимо отметить, что такие фрагменты в дневниковых записях В. К. Арсеньева фрагментарны и, скорее, представляют небольшие лирические отступления от исследовательских записей ученого-путешественника. Конечно, это связано с тем, что по определенным причинам В. К. Арсеньев не мог рассказать полностью о своих чувствах. Появившиеся в последнее время исследовательские

материалы о трагической судьбе, о сложных духовных исканиях ученого говорят о невероятно противоречивом состоянии души человека, стремящегося к свободе самоосуществления в двадцатые годы нашего века, когда власть государства над личностью становилась уже очевидной. Дневниковые записи Арсеньева можно с полным правом отнести к жанру путевого дневника.

Совершенно иной подход к образам природы в дневниках М. М. Пришвина. В «Дневниках» М. Пришвина категория «я» является главной жанровой координатой, но оно имеет особые черты. «Я» писателя теряет имманентную замкнутость, обретает особую емкость, обращаясь к анализу и состояния мира, и состояния своей души. Это рефлексия писателя на то, что представляет собой состояние мира в этот час.

Момент собственного настоящего, его фиксация, его переживание и осмысление — вот что движет повествование в дневнике. К этому моменту переживания обращены все факты из жизни автора дневника, они собраны вокруг настоящего момента самоопределения «я». Мера «я» в «Дневниках» М. Пришвина всеобъемлюща: это самонаблюдение и самоанализ одновременно. С одной стороны, писатель сосредоточен на внутренней жизни души, на своей рефлексии на внешнее бытие, на своих ощущениях. С другой стороны, это внешнее бытие сопряжено с его личностным началом, с его внутренним духовным космосом. В «Дневниках» Пришвин не фиксирует конкретику событий своей жизни, не пишет о том, чем был занят, с кем встречался. Дневниковая запись — это размышления о самом ходе жизни, стремление уловить не подробности хода быта, а черты бытия.

Импульсивное движение творческого процесса как бы втягивает объекты материального мира в сферу авторских переживаний, подключает внешнее бытие к внутреннему отклику души писателя, соотнося все время «этнографическое и психологическое», логическое и чувственное, «предметно-материальное и невыразимое». Субъект сознания в «Дневниках» Пришвина сосредоточен на осмыслении не только своих рефлекторных чувств, но и проблем онтологического плана. Поэтому дневники являются одним из пограничных жанров, в котором находят сочетание различные сферы быта и бытия, личности и мира. Пришвин ощущает себя как само явление этого мира. Он не занимает позицию миросозерцателя, каким является, например, повествователь в дневниковых записях И. А. Бунина. В дневниках Пришвина космос души — это не внешнее, а внутреннее ощущение, это состояние его души. Не беспредельность мира, а широта души, которая и является миром его существования, его космосом.

В процессе повествования М. Пришвин сам фиксирует и процесс обращения к своему внутреннему «я», и анализ этого «я» через космос души, открытой миру. Он говорит о своеобразном «перетекании» своих чувств через осмысление своего «любовного внимания к миру», о своем духовном космосе, о том чувстве, которое «порождает любовное внимание к миру» [2, 164].

Сознательная сосредоточенность на своем внутреннем «я» проговаривается как цель, как своеобразная установка самим писателем. Например, в эпизоде, когда Ремизов говорит, что Пришвин не хочет описывать людей, писатель отмечает

действительно важное для себя: он посвящает себя пережитому — тому, что он прочувствовал: «потому что сердечной жизни человека (себя)» он не понимает и боится «трогать это догадкой, спугивать, непережитое отдать бумаге, расстаться с будущим» [2, 165].

Жизнь в этой сфере «пережитого» определяет ритм дня: «Вместо молитвы вечером собираю пережитое… и мысль моя тогда, получив опору в вере, крепнет и становится действительной» [2, 167]. Формирование мысли из пережитого — такова цель писателя.

Это расширение духовного пространства, которое сообщает душе любовь, открывает «я» личности и к миру природы: «Теперь, когда молодые пониматели находят друг друга, они находят не самих себя, как думают, а берег той обыкновенной земли, на которой жили предки наши, исполняя закон Судьбы (вот почему природа кажется в это время такой прекрасной)» [2, 150].

Писатель осмысливает природу и в ином плане — в плане обобщения и переосмысления образа как философской категории. Ассоциативно в одном из фрагментов дневника соединяются слова «вык» и «век». Но нам важно отметить, что это ассоциативное переключение происходит при переходе от описания бытового эпизода до подключения к логическим размышлениям о бытие. «Вык — кличка моего бычка. Название далось само собой, но я укрепил его размышлением, когда я однажды сидел на террасе, а бычок стоял и жевал, его ритмичные жевки можно было считать, и мне казалось, будто это жевание — ход природного времени» [2, 39–140].

Писатель сразу же переключается к размышлению об антиномии «природного» и «человеческого» времени. «Мчится бешено наше человеческое время, неделя отвечает за год… но там, где жуют, все остается по-старому, вечному. „Вык — это век“, сказал я себе… какой-то „Вык-Век“, для которого мы все живем, страдаем, творим и который все жует, переваривает» [2, 140].

«Вык-Век пережевал даже идею бессмертия и превратил ее в рай — за хорошие дела на земле, в ад — за дурные, Вык-Век — всеядное существо…» [2, 140].

Импульсивное движение творческого процесса как бы втягивает объекты материального мира в сферу авторских переживаний, подключает внешнее бытие к внутреннему отклику души писателя, соотнося все время чувство и размышление. Поэтому «Дневники» Пришвина являются одним из пограничных жанров, в котором находят сочетание различные сферы быта и бытия, личности и мира.

Итак, записи Пришвина — это дневник, но он эссеистически насыщен осмыслением переживаемого настоящего. Дневник не подменяется эссе, но он приобретает качество эссе. Он выходит за пределы дневниковой записи к широчайшему «не-я», которое и являет само «я», оно — само космос.

Эссе как жанр может уходить от «я» через процесс самоанализа к любым историко-литературным проблемам. В дневнике «я» выявляется как сам предмет, как тема самоанализа, часто это размышление о том, что ты как личность собою представляешь — именно этот вопрос задает себе автор.

Для дневника главная тема — собственное «я», от нее писатель не уходит никогда. Но в дневнике возможен определенный эссеистический «крен»: это как

раз тот процесс, который находится рядом с фиксацией настоящего, с записью того, что происходит, с самоанализом. Тема собственного «я» (главный предмет дневника) приобретает эссеистическую акцентировку: она развертывается как самоанализ — личностный самоанализ, размышление о себе, что «я» представляет собой в данный момент. Такой процесс самоанализа сопровождается выходом к «не-я», но «я» не исчезает, а продолжает оставаться доминантой.

При этом степень выявленности «я» может пульсировать: где-то «я» и только «я» — личность с космосом души в данную минуту. Эссеистическое мироощущение может создавать ощущение «выхода» в любое время. «Я» дневника никогда не покидает «становящегося настоящего», оно может сдвинуться, предстать как «не-я», но это всегда состояние, сопряженное с «я», это один из ликов «я», это форма, где «я» являет свой вид.

Примечания:

1. *Арсеньев В. К. Последний дневник //Рубеж. 1995. № 2. С. 313–330.*
2. *Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. Книга вторая. — М., 1994. 383 с.*

П. Л. ФЕФИЛОВ (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ)

О ЗНАКОМСТВЕ В. К. АРСЕНЬЕВА С Г. Я. СЕДОВЫМ

Доказательств их личного общения и знакомства пока не найдено. Существуют предположения, мнения о совпадении должностных действий, связанных с научно-подвижнической деятельностью обоих исследователей. По всей вероятности Владимир Клавдиевич Арсеньев был знаком с Георгием Яковлевичем Седовым, служившим в период Русско-японской войны 1904–1905 годов на Дальнем Востоке. Предположительно, оба были разведчиками В. К. Арсеньев — сухопутным, Г. Я. Седов — морским, оба занимались картосъемкой, оба служили в одном военном округе в одно и то же время. Об этом как-то упоминал известный хабаровский исследователь творчества В. К. Арсеньева Георгий Георгиевич Пермяков, но документальных подтверждений не привел… Естественно, путешествия и экспедиции В. К. Арсеньева и Г. Я. Седова состоялись, решая различные оборонные задачи Дальневосточного края.

Не случайно, в вышедшей к 125-летию со дня рождения В. К. Арсеньева, в богато иллюстрированном издании — «Владимир Клавдиевич Арсеньев» [1], биографии в фотографиях воспоминания друзей, свидетельствах эпохи, на странице 191, помещена фотография Г. Я. Седова в одном ряду сподвижников В. К. Арсеньева, П. И. Полевым, Ю. М. Шокальским, В. Г. Тан-Богоразом и другими.

Оба имели звания штабс-капитанов, служили в 1906–1907 годах во Владивостоке, следовательно могли встречаться в составе военного округа.

Г. Я. Седов активно выступал во Владивостокской прессе, в частности в газетах «Далекая окраина», «Уссурийская жизнь», где поднимал проблемы флота, освоения Северного морского пути, обороны Нижнего Амура, качества морских карт и атласов… Он обращался с докладной запиской-рапортом в адрес губернатора Приморской области генерал-майора Флуга. Седов просил разрешение и поддержку открыть пароходное сообщение между рыбалками Нижнего Амура и городом Николаевском, с целью развития рыбного промысла. Седов писал: «Я же, как морской офицер и истинно русский человек, любящий свою Родину, намереваюсь действовать только в интересах своей Родины, и с возникновением войны со всеми — своими пароходами перехожу в распоряжение крепости, которой могу служить лучшим разведчиком в Лимане». Причем Седов считал, что руководить пароходством должен морской офицер, так как гражданский предприниматель с помощью флота имел бы возможность детально изучить как все укрепления, так и фарватер Амурского Лимана, что с возникновением войны может пагубно отразиться на крепости. Как утверждает краевед из Санкт-Петербурга М. Р. Федоров, Арсеньев оказывал услуги морякам и рекомендовал, где прятать флот. В 1928 году в своей записке в адрес Хабаровского крайкома ВКП(б) Арсеньев ставил вопросы развития Доброфлота и активизации плавания наших судов вдоль побережья дальневосточной окраины. Седов же отстаивал идею стоянки флота в Пальвинской протоке на Амуре, чтобы уберечь флот от ветров, а также из соображений обороны. И особо выделял для этой цели бухты Камчатки, где флот бы мог пополнять запасы воды и топлива. Оба ставили вопросы укрепления береговой черты и боролись с засильем иностранцев. В 1913 году с Арсеньевым встречался Ф. Нансен, очень поддерживал его литературные опыты описания природы, в момент полюсной экспедиции Седова к Северному полюсу высказывал поддержку его экспедиции.

В статье Юрия Филатова «Служил на Тихом океане» газета «Красное Знамя» от 19 января 1980 года писала, что Арсеньев слал письма родным в Петербург, где спрашивал: какова судьба Седова? Нашли ли его? Это было во время поиска полюсной экспедиции в 1913–1914 годах.

В одном из писем старейший николаевский кревед В. И. Юзефов 15 января 1990 года в мой адрес писал: «Он считает вполне возможным, что Г. Я. Седов и В. К. Арсеньев были знакомы».

В августе 1913 года В. К. Арсеньев выступал на съезде врачей Приморской области, газета «Тихоокеанская Звезда», 8 сентября 1990 года, статья В. Соловьева — «Первый съезд врачей», где говорил о положении инородцев на Дальнем Востоке, а Г. Я. Седов, «О положении инородцев в долине реки Колымы в 1909 году», что опубликовано в записках гидрографии, том 41, типография морского министерства, 1917, с. 262–326.

Оба офицера высших академий не проходили, но были подвижниками и выдающимися членами ИРГО, пропагандистами освоения и изучения новых

малоизученных земель. Седов изучал Лиман Амура, Татарский пролив, Колыму, Новую Землю, Арктику, Арсеньев изучал Чукотку, Командоры, Камчатку, Приморье, Сихоте-Алинь и Приамурье.

Арсеньев работал под руководством ученого генерал-губернатора Н. Л. Гондатти и сделал немало полезного для края. Седов работал под руководством ученых-гидрографов А. И. Варнека, М. Е. Жданко, А. И. Вилькицкого.

Из изложенного можно предположить, что даже если между Арсеньевым и Седовым не было тесных личных связей, они знали друг о друге и общались. Не случайно в то время их имена были известны на Дальнем Востоке.

Примечания:

1. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Владивосток: Издательство «Уссури», 1997.

Н. И. ПЛОТНИКОВА

Н. А. БАЙКОВ И В. К. АРСЕНЬЕВ: К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Н. А. Байков и В. К. Арсеньев. Одно имя мало известно в русской литературе, хотя достаточно знакомо в мировой, другое — овеяно славой, но оба по праву принадлежат истории русской литературы.

Основываясь на новых фактах биографий писателей-дальневосточников Н. А. Байкова и В. К. Арсеньева, найденных нами в архивных документах (г. Хабаровск), можно сделать вывод о том, что в жизни и творчестве их было много общего.

Как свидетельствуют документы, они одновременно отправились служить на Дальний Восток. Владимир Клавдиевич в мае 1900 года был переведен в 1-й Владивостокский крепостной полк, а Байков в 1901 году начинает службу в Заамурском округе пограничной стражи КВЖД.

Их объединяет любовь к природе, восторженность девственными местами и, одновременно, потребность понять жизнь местных народов, их проблемы, неравнодушное отношение к судьбе Дальнего Востока, что привело обоих путешественников к литературному труду.

В 1915 году Н. А. Байков издает в Петербурге свою первую книгу «В горах и лесах Маньчжурии» (в Деле СД-2/1185 в собственноручно заполненной Байковым анкете отмечено, что эта книга — «Сборник рассказов». 400 стр. текста и 45 фотографий). Известно, что и Арсеньев работал именно в это время над

своими книгами «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». В письмах Арсеньева к Штернбергу и Анучину [1, 130, 139] есть упоминание о том, что к 1915 году его книги тоже были написаны, но в отличие от Байкова он не успевает издать их, «так как возникают трудности из-за бумажного голода». К тому же самая первая книга была напечатана в виде очерков в газете «Приамурье» в 1913–1914 годах. А полностью книга «По Уссурийскому краю» была издана только в 1921 году при активном участии Маргариты Николаевны на авторские средства, и потом, в 1923 году, напечатана и вторая книга «Дерсу Узала». В 1926 году Арсеньев издает книгу «В дебрях Уссурийского края», в которую вошли эти две книги, но в некотором сокращении. В 1924 году книги Арсеньева были изданы в Германии.

В 1991 году опубликована замечательная, исторического характера, работа Мелихова о Маньчжурии, где несколько строк отведено и книге Байкова «В горах и лесах Маньчжурии»: Так, автор пишет: *«...в этой, вышедшей задолго до известных трудов Арсеньева книге чрезвычайно ярко, живо, по личным впечатлениям описывались богатейшая природа дальневосточной тайги и жизнь ее обитателей, охота в тайге промысловиков...»* [2, 290]. В этой цитате настораживает слово «задолго», хотя на самом деле работа у обоих писателей шла одновременно, только в силу исторических обстоятельств они сами оказались по разные стороны границы, а значит и судьба их книг оказалась разной.

Смущает одно обстоятельство: как бы интерес к «открытию» творчества Н. А. Байкова не привел к умалению достоинств творчества В. К. Арсеньева. Поэтому считаем необходимым говорить о том, что даже в таких деталях необходима научная точность.

Не так давно стал известен и другой факт: писатели, хотя и заочно, но были знакомы. Об этом свидетельствуют письма Н. А. Байкова В. К. Арсеньеву, хранящиеся в архиве Общества изучения Амурского края (ОИАК) [3] и опубликованные А. Хисамутдиновым в 1998 году в альманахе «Россияне в Азии» [4]. До этого времени они не были известны широкому кругу исследователей и читателей, так как наследие писателей-эмигрантов долгое время в России не популяризировалось.

1928 год. Н. А. Байков — Арсеньеву:

«В июне поеду в Баргу и в Монголию на тарбаганский промысел и думаю пробыть там около месяца. С октября по февраль придется обследовать район горно-таежный, т. е. от Харбина к востоку. Осенью или зимой мы все ждем Вас к себе. Мне лично очень бы хотелось с Вами познакомиться. Из Ваших трудов я имею от Вас следующие брошюры: 1) Женьшень (искатели); 2) За соболями; 3) Соболь в Уссурийском крае; 4) Дерсу-Узала. Как поживаете? Летом, вероятно, будете в экскурсиях и только зимой мы будем иметь удовольствие видеть Вас у себя. Мечтаю об этом и льщу себя надеждой увидеться с Вами. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Н. Байков». [4, 240]

Во вступлении к статье «Маньчжурский тигр» Н. А. Байков пишет: *«Известный исследователь Уссурийского края и путешественник Владимир Клавдиевич Арсеньев, знаток природы Приморья, любезно предоставил в мое распоряжение много ценных наблюдений, произведенных им во время путешествий по Уссурийскому краю»* [5, 1]. Все это подтверждает их знакомство, но, к сожалению, они так и не смогли встретиться.

Исследователи творчества В. К. Арсеньева традиционно обращаются к его дневниковым записям, считая, что именно они легли в основу созданных им научно-художественных произведений, а основой творчества Байкова, скорее всего, были его научно-популярные статьи, дневниковые записи. На наш взгляд, статьи «Корень жизни» [Харбин, 1926] и «Маньчжурский тигр» [Харбин, 1928] явились подготовительным этапом к написанию одного из лучших произведений Байкова Н. А. «Великий Ван». Наибольший интерес представляет «Маньчжурский тигр», сопровождающийся большим количеством рисунков тигра и всех его анатомических частей. Казалось бы, для писателя в этом труде главным является реальность, факт, как область природы, которую отражает натуралист, но здесь же чувствуется и писатель-художник: *«Эти незаметные серые герои были моими учителями и наставниками в деле трудной, сопряженной с опасностями, охоты на крупного зверя. Простые люди, уроженцы внутренних губерний России, мирные пахари и землеробы — преобразились здесь в смелых зверобоев, рыцарей без страха и упрека, оживив собою бессмертные типы героев романов Ф. Купера и Майн Рида, которыми так увлекается молодое поколение всего человечества»* [5, 1]. В этой же статье Байков обращается к поверьям, связанным с образом тигра, помеченного иероглифом Ван. Но здесь он передает в основном только то, что ему рассказали китайцы. В «Великом Ване» автор возвращается к этой теме, но рассматривает ее как философскую гипотезу взаимосвязи человеческого естества с окружающим миром. Его волнуют вопросы смерти и бессмертия, греха и наказания, искупления вины человечества.

Важнейшей особенностью художественного творчества обоих писателей было то, что они являлись не только писателями-натуралистами, учеными, что, естественно, наложило отпечаток на различные стороны изобразительной манеры каждого из них, но и то, что они были замечательными писателями-художниками. Можно найти много общего в творческой манере каждого из них, и, тем не менее, и тот и другой — яркие, самобытные личности.

То, что оба писателя формировались под влиянием лучших русских классиков, не вызывает сомнения: это и Тургенев, и Аксаков, и Короленко. И, конечно же, свое воздействие имела этнографическая литература: книги Пржевальского, Венюкова и многих других. Они увидели, поняли, приняли мир и красоту дальневосточной тайги, той природы, которая многих пугала и отталкивала. Для творчества этих писателей-этнографов также характерен удивительно глубокий лиризм.

В. К. Арсеньев: *«Несмотря на постигшую нас неудачу, мы не могли быть равнодушными к красотам природы. Художники, ботаники или просто любители природы нашли бы здесь неистощимые материалы для своих наблюдений»* [6, 85]. Н. А. Байков: *«Рассвело. Яркое солнце бросало уже свои лучи в заросли*

дремучего леса, скрылись таинственные существа темной ночи, светло и радостно стало на душе» [7, 76]. Каждый из них по-своему открывает природу Дальнего Востока, внося в эти описания лирическое одушевление.

Оба писателя оказались под влиянием ее экзотики: необычной, яркой, красочной. И хотя каждый из них отдал дань романтической атмосфере в своих произведениях, но остался верен другой традиции — реалистической. Каждый из них обратился и к социальным проблемам, и к проблемам колонизации, и к особенностям жизни таежных аборигенов, и к большому количеству других вопросов.

Примечания:

1. ***Кузьмичев И.*** *Писатель Арсеньев. Личность и книги. Л., 1977.*
2. ***Мелихов Г. В.*** *Маньчжурия далекая и близкая. — М.: Наука. Глав. редак. вост. литер., 1991.*
3. *Архив общества изучения Амурского края (ОИАК). Ф. 108. Оп. 3. Д. 6. Письма Н. А. Байкова.*
4. *Россияне в Азии. 1998. № 5.*
5. ***Байков Н.*** *Маньчжурский тигр. Харбин, 1928.*
6. ***Арсеньев В. К.*** *«По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала». Новосиб. книж. изд., 1994.*
7. *Харбин. Ветка русского дерева. Новосибирск, 1991 (гл. Н. Байков «Охота на тигра»).*

Н. С. ДУНКАЙ (П. КРАСНЫЙ ЯР)

ПЕВЕЦ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Семья служащего железной дороги города Петербурга была многочисленной — четыре сына и шесть дочерей, из которых одна была приемной. Старший сын Александр вопреки воле отца стал капитаном дальнего плавания. Младший сын, названный Владимиром, родившийся 10 сентября 1872 года, стал знаменитым путешественником, всемирно известным писателям, певцом Дальнего Востока.

Игорь Кузьмичев в своей книге «Писатель Арсеньев» приводит такие сведения: *«В сравнительно недавно обнаруженном письме самого Арсеньева к его однофамильцу, тульскому историку В. С. Арсеньеву (от 20 октября 1912 года), говорится: „Мой прадед был вывезен в Россию Петром Великим. Оч был немец, но жил раньше в Голландии: фамилия его была Гот Мейер. Каково его социальное положение было на родине, я сказать не могу. Он был человек очень образованный, и, кажется, занимался химией. Мой дед был помещик в Пермской губернии, имел уже русскую фамилию Арсеньев. Как это случилось, сказать не могу. Наше духовенство будто бы не хотело венчать лютеранина на русской“»* [1].

Двадцати лет отроду Владимир Арсеньев призывается в армию и после месяца службы был произведен в младшие унтер-офицеры. Затем его командировали в Петербургское пехотное училище для прохождения курса наук. В январе 1896 года он получил звание подпоручика с переводом в 14-й пехотный Олопецкий полк в Польше. Здесь, на службе, он изучал «Историю русской этнографии», автор которой остался мне неизвестным.

В мае 1900 года В. К. Арсеньев получил перевод во владивостокский крепостной пехотный полк. Жил в домике на Первой речке с женой и сыном.

После смены местожительства Арсеньев написал следующие строки: *«С юных лет я заинтересовался Уссурийским краем и тогда же прочитал всю имеющуюся литературу об этой стране. Когда моя мечта сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое замирало от радости в груди»*. Но знал ли тогда 27-летний поручик, какие испытания обещает ему Дальний Восток?

В. К. Арсеньев начинает совершать сначала короткие походы в окрестностях Владивостока, с годами удлиняя маршруты.

В течение почти трех десятков лет неутомимым путешественником и этнографом обследованы обширные территории Дальнего Востока: Северное побережье Японского моря Приморского края, бассейны рек Самарга, Иман, Бикин, Хор, Анюй, Тумнин, верховья Уссури, побывал на озере Ханка, ходил по Охотскому побережью, дважды совершил путешествие на Камчатку и поднимался на Авачинский вулкан.

В своих длительных походах в разные годы Арсеньев часто встречался с аборигенами Дальневосточного края: орочами, нанайцами и чаще всего удэгейцами. Со своей стороны могу сказать, что путешественник всей душой полюбил этот лесной народ, с теплотой отзываясь о нем. Им написана замечательная монография «Лесные люди — удэхэйцы».

Н. Е. Кабанов, участник экспедиции 1927 года, автор монографии «В. К. Арсеньев, путешественник и натуралист» писал: *«Наряду со строгим, правдиво-научным описанием природы Арсеньев обладал талантом подать материал в прекрасной художественной форме»*.

Я же считаю В. К. Арсеньева певцом Дальнего Востока. Его перу принадлежат книги «В дебрях Приморья», «В горах Сихотэ-Алиня», «Сквозь тайгу», «По Уссурийскому краю». Свою главную книгу, правда недописанную, он назвал «Страна удэхэ» и хотел посвятить памяти Штернберга. Симпатии читателей вызвала книга «Дерсу Узала», дважды экранизированная. Из Италии отдыхающий в Сорренто А. М. Горький прислал В. К. Арсеньеву письмо, в котором писал: *«Вашу книгу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брэма и Фенимора Купера — это поверьте, не плохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура чем «Следопыт», более художественная. Искренне поздравляю Вас»*.

6 августа 1902 года состоялась первая встреча В. К. Арсеньева с Дерсу Узала, положившая начало большой дружбы между столь разными людьми. Вот как

описывается встреча у Арсеньева: *«Наш гость был из молчаливых. Наконец, Олентьев не выдержал и спросил прямо: „Ты кто будешь?“*

— Моя гольд, — ответил он коротко.

— Ты, должно быть, охотник? — спросил я его опять.

— Да, — отвечал он, — моя постоянно охота ходи, другой работы нету. Рыба лови понимай тоже нету. Только один охота понимай.

— А где ты живешь? — продолжал допрашивать его Олентьев.

— Моя дома нету. Моя постоянно охота ходи, как дома живи.

— Как тебя зовут? — спросил я незнакомца.

— Дерсу Узала, — ответил он».

Сын знаменитого путешественника, Владимир Владимирович Арсеньев, ясно помнил гольда. По его рассказам он выглядел моложе своих лет. Высок, подтянут, подвижен, ходит быстро. Он говорит: *«Произносить надо Дерсу Узала, с ударением на последних слогах. Это имя реально существовавшего человека, верного соратника отца»*.

В дневнике Арсеньева много говорится о проводнике. Подлинное его имя Дерчу Оджал. Тут я засомневался в подлинной принадлежности Дерсу, называвшего себя гольдом. Из его слов известно, что он был бродячим охотником. Между тем, Пржевальский и Лопатин писали, что гольды (нанайцы) жили по берегам Уссури и Амура, вели оседлый образ жизни, умели ловить рыбу в любое время года, даже занимались огородничеством.

Нанайский поэт Андрей Пассар все время утверждал, что Дерсу Узала — бикинский удэгеец и потому легендарному проводнику нужно поставить памятник на реке Бикин, а именно в селе Красный Яр.

Как-то в Хабаровске писатель-натуралист Всеволод Петрович Сысоев спросил меня: *«Николай Семенович, как Вы думаете, какой все же национальности был Дерсу Узала?»* Мой ответ звучал категорически: *«Только — удэгеец и больше никто!» «Во, во, я такого же мнения!»* — обрадовался он.

Комментарии самого Арсеньева из книги «По Уссурийскому краю»: *«Ему (Дерсу) теперь 53 года, у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья и бересты. Первые проблески его детских воспоминаний были река, шалаш, огонь, отец, мать и сестренки»*. Эпизод, описанный в книге «Дерсу Узала» говорит о том, что Дерсу не гольд, а удэгеец: *«Я так увлекся созерцанием звездного неба, что совершенно забыл о том, где я нахожусь. Вдруг голос Дерсу вывел меня из задумчивости.*

— Посмотри, капитан, — сказал он, — это маленькая уикта (звезда)».

Теперь посмотрим на удэгейцев в начале XX века глазами В. К. Арсеньева: *«Нахтохуские удэгейцы невысокого роста, сухощавы, имеют овальное лицо с выдающимися скулами, вогнутый нос, карие, широко расставленные глаза с небольшой монгольской складкою век, довольно большой рот, неровные зубы и маленькие руки и ноги. Цвет кожи удэгейцев можно было бы назвать оливковым, со слабым оттенком желтизны. Летом они так сильно загорают, что становятся похожими на краснокожих.*

Одежда удэгейцев состоит главным образом из трех кафтанов: двух нижних, матерчатых, и одного верхнего, сшитого из тонкой изюбровой кожи, выделанной под замшу. Рубашки застегиваются с правого плеча сбоку, как поддевки, надеваются с напуском вокруг талии. Рукава около кистей стягиваются особыми нарукавниками (адапти). Затем принадлежностями костюма являются короткие штаны и наколенники, привязываемые ремешками к поясу. Головной убор состоит из белого капюшона, спускающегося на спину и плечи, и маленькой шапочки, на которой в стоячем положении прикреплен беличий хвостик и несколько красных шнурков с кисточками.

Весь костюм с головы до ступней ног, спереди и сзади, обшит цветными полосами и обильно украшен орнаментом, изображающим спиральные круги, стилизованных рыб, птиц, животных...

Удегейцы — большие любители металлических украшений, особенно браслетов и колец. Каждый мужчина и даже мальчики носят на поясе два ножа: один обыкновенный охотничий, другой маленький, кривой, которым владеют искусно и который заменяет им шило, струг, буравчик и долото.

Удэгейцы — удивительные мастера плавать по рекам на своих долбленных челноках. Кому случалось видеть горные реки, тот может себе представить, насколько опасно по ним плавать. Тут нужны отвага, ловкость, глазомер и физическая сила. Малейший промах, малейшая оплошность, и все погибло».

Личный архивный фонд В. К. Арсеньева был приобретен около 1938 года Приморским филиалом Географического общества СССР у дочери путешественника Натальи Владимировны Арсеньевой и хранится во Владивостоке. Все материалы распределены по пяти разделам и соответственно внесены в 5 описей: 1. Научные труды, научно-художественные произведения и материалы к ним; 2. Материалы биографические и о деятельности; 3. Письма; 4. Иллюстративные материалы; 5. Материалы других лиц.

Самой ценной частью фонда являются материалы 1 раздела, в особенности дневники за 1906–1927 годы, сохранившиеся довольно полно.

Труды В. К. Арсеньева по этнографии явились важным этапом в развитии науки. Ему принадлежит большая заслуга и в изучении фольклора орочей, удэгейцев, нанайцев. Часть фольклорных сборов В. К. Арсеньева опубликована (13 сказок, легенд и преданий) часть же отлеживается в полевых дневниках, хранится в архиве Географического общества СССР, до сих пор не изданы.

Фольклорный материал, собранный В. К. Арсеньевым, ценен тем, что содержит данные о материальной и духовной культуре дальневосточных аборигенов. Так, Владимир Клавдиевич заметил, что некоторые сказки (особенно шаманские) удэгейцы не рассказывали ночью и вечером, а только днем, потому что верили в их реальность.

Внимательное изучение фольклора дало В. К. Арсеньеву возможность увидеть различия между прибрежными и уссурийскими удэгейцами. *«На берегу моря у удэге сказок больше, они полнее... В бассейне Уссури и на Амуре поэзия богаче у гольдов. От них многое уже успели позаимствовать удэге. Все это указывает, что прибрежный район исстари был действительной родиной удегейцев. Шаманство на берегу моря тоже значительно глубже и полнее».*

В 1924 году в Берлине вышла из печати книга В. К. Арсеньева «В дебрях Восточной Сибири». Это издание представляло собой перевод его книг «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Предисловие к книге по просьбе В. К. Арсеньева написал известный норвежский полярный исследователь Ф. Нансен. Издана книга превосходно. Золотое тиснение на прочном цельнотканном переплете, плотная белая бумага, четкий шрифт, отлично воспроизведенные фотографии.

Произведения В. К. Арсеньева по числу публикаций за рубежом занимают первое место среди книг дальневосточных авторов. Только с 1945 по 1980 годы зарегистрировано свыше 60 зарубежных изданий его трудов. Полюбились книги В. К. Арсеньева читателям Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Португалии, Голландии, Бельгии, Италии, Индии. И хотя ныне количество зарубежных изданий книг Арсеньева несколько сократилось, интерес к его творчеству сохраняется. Причем не только переводятся и издаются его произведения, но и исследуется творчество, жизнь певца уссурийской тайги.

Примечания:

1. И. Кузьмичев Писатель Арсеньев. Ленинград, 1977.

С. С. РУСНАК (ВЛАДИВОСТОК)

ОБРАЗ ОХОТНИКА ДЕРСУ ИЗ РОДА УЗАЛА: К 25-ЛЕТИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА А. КУРАСАВЫ «ДЕРСУ УЗАЛА»

«...— Ты кто такой будешь?
— Я — гольд, Дерсу из рода Узала...»
В. К. Арсеньев. «В дебрях Уссурийской тайги»

Моему отцу посвящается...

Прошло уже более 25 лет с тех пор, как на экраны вышел фильм «Дерсу Узала» в постановке знаменитого японского режиссера Акиры Куросавы. Фильм был удостоен Золотого приза на IX Московском Международном кинофестивале, Приза международной Ассоциации кинокритиков, а также премии Американской академии киноискусства «Оскар» [1], как лучший иностранный фильм 1975 года. Его закупили более 90 стран [2].

Это была не первая экранизация романа В. К. Арсеньева. В 1961 году режиссер А. Бабаян на студии «Центрнаучфильм» поставил художественный фильм «Сквозь тайгу» («Дерсу Узала»), который рассказывал о путешествии 1906 года по Уссурийскому краю. Но событием мирового кино стал фильм А. Куросавы.

Успех фильма широко комментировался японской печатью. Упоминалось, что опыт режиссера уникален. Впервые в истории японского кинематографа Куросава снял фильм за рубежом, на иностранном языке, с иностранной съемочной группой. Помимо известного японского кинорежиссера в экспедицию входили японский режиссер Томацу Кавасаки, оператор Асакадзу Накаи [3], оператор-постановщик «Мосфильма» Федор Добронравов [4], режиссер Владимир Киршон. В работе над сценарием принимал участие Ю. Нагибин [5]. Таким образом, сама работа над фильмом являла собой уникальный пример сотворчества и межкультурного диалога.

Это было не первое обращение А. Куросавы к произведениям русских писателей. В одном из своих интервью он говорил: «Я начал образование с русской классики. Я врос в нее, и это отразилось на моем творчестве. Моя любовь к Достоевскому выразилась в «Пьяном ангеле», в характере героя «Красной бороды». Она проявляется везде понемногу и не всегда сознательно» [6]. Куросаве принадлежит экранизация пьесы М. Горького «На дне». А в 1951 году на экраны вышел фильм по роману любимого писателя Куросавы Ф. Достоевского «Идиот». «Хотел поставить «Братьев Карамазовых», — признавался режиссер, — но слишком велик объем произведения, слишком масштабен и огромен мир его героев».

То, что русская тема в творчестве мастера была продолжена дальневосточным сюжетом, не случайно. У Куросавы было свое глубоко личное отношение к роману Арсеньева «Дерсу Узала». В беседе с Ю. Нагибиным Куросава перевел значение иероглифа своей фамилии и имени: луна, появляющаяся на заходе солнца (встает луна, а незакатное солнце багрит ее светлый лик). Куросава нашел это видение у Арсеньева и потому так полюбил эту книгу, счел ее предназначенной его творчеству [7]. Еще в юности, когда он был ассистентом режиссера, мечтая об экранизации, Куросава написал сценарий фильма о гольде из рода Узала. Но *«желание воссоздать истинную атмосферу, в которой жил Дерсу Узала заставило отказаться от мысли снимать натурные сцены в Японии... Я понял, что это следует делать лишь там, где мог сформироваться подобный недюжинный цельный характер»* [8]. И судьба предоставила ему эту возможность. После участия в Московском кинофестивале [9] он возвращается к своей давней идее. Куросаве было 66 лет, когда он начал работу над фильмом «Дерсу Узала».

Что привлекло известного мастера в произведении В. К. Арсеньева и его герое?

Вырезки старых газет сохранили для нас высказывания режиссера. *«Хотя Владимир Арсеньев не профессиональный писатель, а путешественник и исследователь, я очень уважаю его и как художника. Как и другие творцы русской литературы, он обладает способностью глубоко проникать в человеческие души... Я хочу сохранить основной дух книги и ее линии, быть как можно ближе к оригиналу, тем более, что образ главного героя выписан живо и красочно. Но как бы честно я не шел по стопам Арсеньева, свободная интерпретация неизбежна»* [10].

Образ Дерсу для Курасавы — воплощение гармонии человека и природы. *«Я хочу показать на экране человека, живущего в гармонии с природой»* — говорил Курасава. Социальным контекстом фильма было обострение экологической проблемы в начале 70-х, когда Япония стала первой жертвой промышленного рывка. В Токио — промышленно-химический смог. На плантациях салатных трав засыхали растения, а люди покупали кислород. Для героя Куросавы — охотника Дерсу — природа, насыщенная животным и растительным миром — его дом. Он умеет жить в гармонии с природой, понимает и оберегает ее. Все проявления и обитатели этого мира для Дерсу — «люди», с которыми он умеет общаться. Куросава, как и Арсеньев, передавая простоту описаний Дерсу, нигде не умаляет его достоинства. Фильм воссоздает тонкую ткань взаимоотношений между людьми, между человеком и природой. За этим — удивительная возможность взаимоперехода состояний человека и природы, возможность гармоничного сосуществования в мире. Тонко передана психологическая атмосфера человеческих взаимоотношений: Арсеньев и Дерсу, Дерсу и солдаты, Дерсу и старик-китаец. Может быть, в поисках основ подлинности человеческого бытия — секрет обращения Куросавы к образу Дерсу.

Нагибин отмечал редкостную слитность темы и художника, благодаря которой гуманное, чистое, исполненное благородства произведение Арсеньева режиссер Куросава может воплотить на экране столь же обаятельно и значительно. И стремился понять ту «пластику кинематографа, которую ищет Куросава».

Особая линия фильма — взаимоуважение и взаимопонимание в отношениях Арсеньева и Дерсу. Юрий Соломин [11], приглашенный на роль В. К. Арсеньева, так интерпретировал внутреннюю тему образа своего героя: *«Речь идет о взаимоотношениях двух людей, казалось бы, очень непохожих друг на друга. У них разные национальности, биографии, воспитание, образование, имущественное положение, психология. Но оба они влюблены в одно прекрасное, именуемое природой. Один родился здесь, в этих лесах, и здесь же ему суждено умереть. Другой, чтобы приехать сюда, оставил Петербург, отказался от благополучной возможности служить в Польше и всю жизнь посвятил изучению дальневосточного края. И эта общая, породнившая их любовь оказывается сильнее того, что их разделяет...»* [12]. И все же главный образ фильма — Дерсу — воплощение мудрости, знания, жизненного стиля коренных народов Приморья.

На роль Дерсу Куросава хотел пригласить Тосиро Мифуне, который снимался в его картинах (доктор в «Красной бороде», Рогожин в «Идиоте»). Мифуне принадлежал к театральной школе «Но», которая *«воспитывает в своих актерах умение отказаться от себя, возможность полного перевоплощения. Артист „Но" ищет экстатическое состояние абсолютного переключения на жизнь и мир персонажа — до забвения всей прежней сути своего конкретного существования»* [13]. Поэтому Куросава был уверен, что Мифуне станет настоящим воплощением образа Дерсу. Но это оказалось невозможным, и начались пробы советских актеров на главную роль в будущем фильме. На роль пробовались

более 10 человек. Наконец выбор был сделан и на центральную роль приглашен заслуженный артист РСФСР, народный артист Тувинской АССР Максим Монгужукович Мунзук. К этому времени за его плечами было более ста ролей на сцене Тувинского музыкально-драматического театра и три работы в кино: «Люди голубых рек» (1959), «Пропажа свидетеля» и «Предварительное расследование». Актер рассказывал, что Куросава дважды смотрел фильм «Пропажа свидетеля», где Мунзук играл роль бурятского охотника Тыхе-Доржи, встречался с режиссером-постановщиком фильма Владимиром Назаровым [14]. В одном из интервью Куросава сказал: *«Жаль, не удалось пригласить на роль Дерсу Тосиро Мифуне. Но, пожалуй, Максим Мунзук из Тувинского театра, которого мы сейчас пробуем в этой роли, будет чувствовать себя в тайге даже лучше...»* [15].

В роли Дерсу он был очень естественен. В интервью журналисту рассказывал: *«Я рано остался сиротой. Тайга меня вынянчила. У охотников я выучился грамоте, с их же помощью на таежных тропах постигал смысл жизни...»* — чем не Дерсу? Не случайно после фильма и в Кызыле, и далеко за пределами автономной области его называют Дерсу.

За эту роль Максим Монгужукович был удостоен премии Давида де Донателло в Риме и приза французских кинокритиков в Париже.

Воплотив на экране образ таежного охотника и следопыта, сам страстный охотник, он отказался от этого: *«После того, как я посмотрел этот фильм со стороны, как зритель, я ни разу не выстрелил из своего ружья. Ни разу! Хотя по-прежнему часто хожу на охоту. Мне кажется, мой любимый герой внушил мне свою главную заповедь: нельзя убивать живое ради спортивного интереса»* [16].

Не обошлось и без политики. За два месяца до выхода фильма «Дерсу Узала» на экраны Токио китайское посольство в Японии и общество японо-китайской дружбы «Нихон то тюгоку» разослало всем газетам, журналам, телевизионным компаниям объемистый бюллетень с подзаголовком «Критика антикитайского фильма „Дерсу Узала“, выпущенного советскими ревизионерами». В нем говорилось, что «фильм Дерсу Узала изображает китайцев плохими», «Дерсу Узала» оправдывает захват китайской территории», «Советский Союз использовал Куросаву в своих антикитайских целях и сделал его соучастником своего преступления». Неудовольствие вызывали сцены в фильме, связанные с жестокостью хунхузов [17].

Фильм отличает эстетическая выстроенность монтажа кадров. До того как прийти в кинематограф Куросава был художником. Все, кто видел, как работает Куросава, отмечали, что он видит кадр как живописец, он добивается в кадре цвета, выверенности композиции с той же придирчивой тщательностью, с какой выписывает художник каждую деталь на холсте. Вот здесь мешает прошлогодняя трава — ее надо выполоть. Здесь торчиг в кадре ненужное деревце — надо подрезать... Практически вся картина была отснята на натуре в тайге, павильонные съемки составляли незначительную долю, поэтому большое значение имеет метод, которым снимает фильм Куросава. Съемка, как правило, ведется у него сразу тремя камерами, с трех разных точек, причем вся сцена фиксируется строго в своей временной последовательности — от начала до конца. Такой

метод работы дает актеру чувство раскованности, свободы, он не стеснен рамками кадра, направленным на него объективом — и потому так достоверно поведение героев в картинах Куросавы. К тому же многокамерный метод помогает и в монтаже находить предельно точные, плавные и органичные стыки.

Действие в фильме длится медленно, неспешно... Перед нами разворачивается тонкая ткань человеческих чувств и взаимоотношений. Слышны с детства знакомые звуки родного леса... Так случается, что произведение — дает имя, вводит в пространство человеческого сознания и самосознания то, с чем знаком по сновидениям, чьи отдельные черты были разбросаны в мимолетностях жизненных переживаний и наблюдений... Книги В. К. Арсеньева открыли миру Уссурийскую тайгу и мир ее жителей. В фильме Акиры Куросавы возможностями кинематографа создан обаятельный образ «своего» для многих дальневосточников. Образ, чувственное переживание которого непосредственно связано с токами этой земли, этих мест и глубинно увязан в сознании с моей Родиной.

Конечно же, такая легендарная кинолента должна вернуться к зрителю и не только в видеокассете, но и в широкоформатной версии. Фильм «Дерсу Узала» — одно из тех уникальных явлений, которое может стать центром внимания как для русских, так и для японских исследователей, поклонников таланта великого мастера. Этим Куросава реально способствует сближению и пониманию.

Можно почувствовать, как видит Куросава (как видят и чувствуют японцы) природу, как любуется подлинностью человеческих отношений, как умеет оценить красоту души человека. И благодаря взгляду «другого» отчетливее пережить, осознать своеобразие «своего». Где-то в глубине души живет мой Дерсу и так хочется пережить гармонию этого мира подобно Дерсу.

Примечания:

1. *Это вторая премия, первую А. Куросава получил за фильм «Расёмон» в 1950 году.*
2. ***Гамов А.*** *Костер Дерсу//Советская Россия, № 192 (9743), 19 августа 1988 года, С. 4.*
3. *К этому времени Накаи снял более 132 картин, в том числе «Семь самураев» и «Красная борода».*
4. *Ф. Добронравов участвовал в создании «Неуловимых мстителей», «Горячего снега», «Попрыгуньи».*
5. *До этого выступил сценаристом 25 кинофильмов, а «Дерсу Узала» стал первой киноработой по чужому произведению.*
6. ***Черток С.*** *Человек и природа //Советский экран. С. 12–13.*
7. ***Нагибин Ю.*** *«Есть люди, в жизни которых звезды играют особую роль» //Литературная Россия, № 19 (539), 11 мая 1973, С. 20.*
8. *Советские фильмы на Международном конофестивале //Советская Чувашия. 22 июля 1975.*

9. *Куросава впервые побывал в Москве в 1971 году, когда на Московском международном кинофестивале вне конкурса был показан его фильм «Додес-ка-ден» («Под стук колес»). Это была первая цветная картина Куросавы, первый фильм, сделанный им после пятилетнего молчания, и первая кинокартина ассоциации «Четыре всадника», членами которой являются четыре выдающихся художника японского кино — Акира Куросава, Кейсуке Киносита, Кон Итикава и Мосаки Кобаяси.*
10. **Черток С.** — *С. 13.*
11. *Это был его 21-й фильм. До этого он закончил съемки в двух фильмах «Хождение по мукам» и «Блокада». Впервые за многие годы работы в театре Соломин взял отпуск, чтобы целиком посвятить себя фильму.*
12. **Бородин А.** *Сквозь тайгу //Советский экран, № 8, 1975. С. 10–11.*
13. **Нагибин Ю.** *«Есть люди, в жизни которых звезды играют особую роль»//Литературная Россия, № 19 (539), 11 мая 1973, С. 20.*
14. **Тимофеев В.** *Встреча с... Дерсу Узала //Тихоокеанская звезда, 22 февраля 1974.*
15. **Тимофеев В.** *Встреча с... Дерсу Узала //Тихоокеанская звезда, 22 февраля 1974.*
16. **Гамов А.** *Костер Дерсу //Советская Россия, № 192 (9743), 19 августа 1988 года, С. 4.*
17. **Викторов Ф.** *Пекин против Акиры Куросавы //Литературная газета, 6 августа 1975.*

А. И. ЗАПОРОЖЕЦ, Ю. А. ЯРОЦКАЯ (ВЛАДИВОСТОК)

ЖИЗНЬ МАРГАРИТЫ АРСЕНЬЕВОЙ — ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ТЕАТРЕ

В последнее время в прессе было несколько публикаций о жене знаменитого ученого и писателя. Реабилитированная в годы оттепели, она до сегодняшнего дня остается загадкой. Как режиссера и сценариста, работающих в жанре документального театра, нас привлекает в ней полное совпадение имени и отчасти судьбы с именем и судьбой булгаковской героини. Была ли Маргарита Николаевна Арсеньева Маргаритой? Или в судьбу Мастера вошла случайная, корыстная, чужая, честолюбивая женщина?

Ее фотографии, воспоминания и публикации о ней, немногочисленные копии документов — те источники, которые были использованы в нашем научно-художественном исследовании, результатом которого стал сценарий спектакля о жизни

Маргариты. Самыми подробными являются воспоминания племянницы Маргариты Николаевны — Ольги Моллер, некоторое время жившей в семье Арсеньевых, интересны воспоминания дочери известного в Приморье писателя Трофима Борисова и невестки младшей сестры Арсеньева Веры. Для первых двух женщин воспоминания о Маргарите — это воспоминания детства, третья женщина по возрасту ближе нашей героине, именно в ее воспоминаниях Маргарита описана как высокомерная, эгоистичная, корыстная женщина, купающаяся в роскоши.

Конечно, вначале мы попали под власть этого образа. Но ведь мемории, являясь помощью в исследовании, сами нуждаются в исследовании. Сопоставив свидетельства современников Арсеньевой — ее знакомых, родственников ее и ее мужа, мы смогли понять причины резких отзывов о ней со стороны некоторых родных Арсеньева. Безусловно, Маргарита Николаевна знала себе цену. Обладая большими способностями и очень сильным характером, она не имела возможности продолжить образование после окончания гимназии. Поступив на Бестужевские курсы, она проучилась там только год. Наследственное заболевание — туберкулез — стал причиной остановки в учебе. С этого времени до конца своей жизни Маргарита Николаевна работала, работала даже когда пыталась вылечиться и вернуться к учебе — нанималась присматривать за ребенком, когда же стало ясно, что болезнь не отпустит, вернулась во Владивосток, здесь она работала в разных учреждениях как до замужества, так и после рождения дочери. Так что избалованной барыней и бездельницей она не была, а деньги ценила, вероятно, не от жадности, а потому что знала, как они достаются. В семье Арсеньевых женщины, как правило, не работали, занимались хозяйством, поэтому образ жизни Маргариты Николаевны и круг ее интересов не были близки и понятны семье ее мужа.

Вряд ли можно говорить о том, что Маргарита Николаевна выходила замуж за деньги и славу знаменитости. В силу определенных обстоятельств у Арсеньева после развода с первой супругой были стесненные материальные обстоятельства, а писательская слава пришла к нему во многом благодаря трудам Маргариты Николаевны.

Они встретились в трудное для обоих время в доме отца Маргариты Николаевны Николая Матвеевича Соловьева, который был в близких отношениях с Арсеньевым, вероятно, наши герои встречались и раньше, но роковым для них стал 1918 год. Арсеньев в это время переживал семейную драму, а Маргарита Николаевна — любовную. Жена и сын ученого остались в Хабаровске, а сам он, вернувшись из экспедиции во Владивосток, занялся подготовкой к печати своего первого романа. Ольга Моллер вспоминала, что рукопись перепечатывала Маргарита Николаевна, она же как первый читатель делилась с автором своими мыслями о книге, и даже, кажется, автор кое-что из ее замечаний учел.

Тема любви в нашем исследовании очень важна и очень сложна. Мы отдаем себе отчет в том, что прошло еще очень мало времени со дня смерти наших героев. Живы родные, чьи образы мы воссоздаем в нашем спектакле, чьи воспоминания подвергаются анализу и критике. Мы понимаем, что говорить о личной жизни таких близких по времени, таких любимых многими и известных людей надо

корректно, вначале мы сомневались, надо ли вообще. Но жизнь человека — это не только служение делу. И вдохновением писатель бывает обязан любви, и в любви раскрывается душа человека, и любовь изменяет и душу, и жизнь.

Воспоминания сохранили историю несчастной любви Маргариты Николаевны — обман любимого, попытка самоубийства, пуля от дамского пистолета, принадлежавшего обманувшему, была извлечена из щеки женщины через много лет после случившегося, огромная доза снотворного повлияла на здоровье. Эта трагедия произошла перед встречей Соловьевой с Арсеньевым, наверняка весь маленький город знал о происшествии, вероятно, узнал о нем и Владимир Клавдиевич. Значит, не только любовь, но и сострадание были основой этого союза, который не только родные Арсеньева, но и тетка Соловьевой считали мезальянсом. Мария Матвеевна, сестра отца Маргариты Николаевны, жила в семье Арсеньевых после их свадьбы, занималась их дочерью и очень жалела любимую племянницу, считая, что старый муж (Арсеньев был старше жены на 20 лет) заживает ее век.

Арсеньеву необходимо было получить развод. Не желая компрометировать первую жену, он, по воспоминаниям родных, пошел на инсценирование сцены своей собственной неверности, в результате развод был получен, но церковь наложила епитимью на виновника — Арсеньеву было запрещено в течение 3 лет вступать в брак.

Совместная жизнь Арсеньевых начиналась с потрясений не только в недрах семей Соловьевых и Арсеньевых, но и в недрах государства. 1918 год лишил Арсеньева родителей, брата, двух сестер (они погибли 25 ноября от рук бандитов на Украине). Революция ворвалась в судьбу ученого одновременно с поздней любовью, последние годы его недолгой жизни были омрачены необходимостью приспосабливаться к изуродованной жизни, но его словам, только семья была его счастьем. Трогательные слова есть в записях Ольги Моллер: *«Арсеньев будто бы говорил, что готов с радостью выполнить любую прихоть своей жены, любой ее каприз»*. Маргарита Николаевна стремилась к достойной жизни, обеспеченной и наполненной интеллектуальным трудом. Ее активное участие в издательских делах мужа отмечали многие исследователи. Она ездила в Москву по делам, связанным с публикацией художественных произведений мужа. Навещая во время этих поездок родню мужа, — семью Веры Клавдиевны, — она не подозревала, что за ней ревниво наблюдает молодая женщина, чьи слова о Маргарите — резкие и неприязненные — вначале оттолкнут от нее исследователей, а потом заставят искать истину, сопоставлять данные писем, воспоминаний, документов, искать слова и краски для того, чтобы воссоздать образ жены Мастера — Маргариты.

Сохранилось мало ее фотографий. Наталья (дочь Арсеньевых) в одном из своих писем объясняла, что ее мама считала себя нефотогеничной, не любила фотографироваться. Известен ее ранний портрет — юная девушка в шляпке, украшенной цветами, с пухлыми щечками и ласковыми глазами. На поздних фотографиях мы видим изысканную тонкую женщину с худым лицом и усталым, холодным взглядом. Она была очень эффектна — это подчеркивают все, кто ее

…ил. Сохранилась красивая легенда (ее можно услышать от старожилов Владивостока и сейчас) будто Арсеньев любил, чтобы на его столе стоял букет синих цветов — они напоминали ему глаза Маргариты. Она прекрасно, по-королевски, держалась (это заметно на всех фотографиях, а особенно на фотографии из альбома Полевого, где она резко выделяется среди других служащих в Дальрыбе женщин). Она любила окружать себя красивыми вещами: одежда ее всегда была элегантна, она красиво одевала мужа и дочь, со вкусом обставила дом, который появился у семьи в последний год жизни Арсеньева.

Этот ее образ «для всех» скрывал трудную жизнь жены великого человека. Долгие разлуки, отсутствие своего гнезда, необходимость работать, растить дочь сестры и помогать старенькой, очень больной тетке. И самое главное в ее жизни — добровольно принятые на себя обязанности секретаря мужа — ведение переписки не только с издателями, но и с разными другими корреспондентами (в письме к Арсеньеву она сетует, что не может ответить отправителю, т. к. не знает его адреса). Судя по всему, она была в курсе всех его дел, забавно, что единственная записка Арсеньева жене, обнаруженная А. И. Тарасовой, является деловым поручением. Можно предположить, что ее жизнь, так долго не складывавшаяся, никогда не была легкой, но замужество дало ей возможность проявить свои способности, отдать энергию настоящему делу, вероятно, многие книги Арсеньева обязаны ей своим появлением на свет. И как не вспомнить булгаковскую Маргариту, в подвальчике жадно читающую рукопись Мастера, пророчащую славу, торопящую рыжую Маргариту? Многие женщины претендовали на роль прообраза этой героини, но ни одна из них так не напоминает ее внешностью, именем и судьбой. Кстати, теоретически встреча Булгакова и Арсеньевой могла состояться в Москве, где Маргарита Николаевна останавливалась у своих родственников Гнедичей и вращалась в кругу литераторов.

Письма Арсеньева конца двадцатых годов полны горечи, печали, жалоб на «одиночество в тайге», он пишет, что все его друзья туземцы «уже по ту сторону смерти». Европейский мир разрушил аборигенную цивилизацию, столь любимую Арсеньевым, он понимал, что в этом есть и его вина. Он пишет о своем желании умереть, ему только нужно подрастить дочь, хотя бы до 18 лет. Как реагировала жена на его тоску? Ее письмо сестре ученого Вере, в котором Маргарита Николаевна описывает последние дни Владимира Клавдиевича, вроде бы свидетельствует о том, что смерть мужа была для нее неожиданным ударом. Между прочим, она пишет, что только дочь удержала ее от последнего шага, и что во время болезни Наташи ее не страшила мысль о смерти дочери, которая могла бы «развязать ей руки». Маргарита Николаевна также сообщает, что Арсеньев не оставил завещания, т. к. она не давала ему писать, даже не думая, что его болезнь смертельна, а когда наконец спохватилась, «карандаш выпал у него из рук». Между тем, дочь Трофима Борисова вспоминала, что после смерти Арсеньева его вдова часто приходила в дом к ее родителям и однажды в слезах призналась, что уничтожила завещание мужа, в котором он просил похоронить его в тайге «где-то под Хабаровском». Она же хотела иметь возможность

бывать часто на его могиле и похоронила мужа на Эгершельдском кладбище, которое вскоре было закрыто для посещений, как и весь полуостров. Здесь расположились военные. Борисова вспоминала, что Арсеньева восприняла это как Божью кару за нарушение воли покойного. Мы не беремся судить о степени точности этих воспоминаний, на возможность этого разговора указывает тот факт, что кладбище действительно было закрыто. Место под Хабаровском, конечно, ассоциируется с Корфовской, где, по словам Арсеньева, находилась могила Дерсу. Слишком гордая и самонадеянная женщина, наша героиня не побоялась выйти замуж против воли церкви, поступить против воли покойного, а впоследствии против чувства самосохранения.

После первого ареста на предложение родных поселиться в Москве она, по воспоминаниям Ольги Моллер, ответила, что лучше быть первой во Владивостоке, чем в столице затеряться в толпе. Она погибла в 1938 году. Так же печально, как ее жизнь, заканчивается наша пьеса словами из «Мастера и Маргариты»: «Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна...»

Воспоминания о Маргарите Николаевне стали не только объектом нашего исследования, но и частью спектакля, большая часть текста пьесы состоит из них. Это делает пьесу живой — ведь в ней звучат неповторимые голоса реальных людей, писавших и диктовавших свои воспоминания мимоходом, не шлифуя язык, не лишая его естественности и индивидуальности. Этим они подарили нам и свои образы, образы персонажей пьесы. Монологи главной героини частью сочинены (первый небольшой монолог), частью представляют собой контаминации писем Маргариты Николаевны. В пьесе есть сцены, посвященные теме любви. Решить их нам помогло бросающееся в глаза сходство событий, произошедших в жизни нашей героини с сюжетом «Бесприданницы» Н. Островского. Мы посчитали правильным не выдумывать сцены объяснений, а перенести две из них в нашу пьесу из драм «Бесприданница» и «Бедность не порок». Этот прием позволил нам о личном рассказать бережно, не скрыв сути, но и не ворвавшись грубо в тайны чужой жизни. Мы отдаем себе отчет в том, что наша речь сильно отличается от речи людей начала века, вероятно, нашим героям ближе был речевой мир Островского, соответствия такого рода в пьесе документального театра очень важны. Ведь нашей целью является исследование характера реального героя, поэтому фантазия сценариста направлена на поиски наиболее естественного решения. Мы не считали для себя возможным широко применять стилизацию, полагая, что для научно-художественного исследования этот прием слишком груб. Конечно, мы не могли быть совершенно объективными, слишком велико обаяние нашей героини, но мы предоставили слово многим из тех, кто ее знал. А зрители в документальном театре тоже исследователи — пусть они думают сами.

С. М. БОГДАНОВА (ВЛАДИВОСТОК)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАСЛЕДИЯ В. К. АРСЕНЬЕВА В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ДВГУ

Цель данного сообщения — осветить лишь несколько аспектов использования наследия Владимира Клавдиевича Арсеньева в учебной и культурно-просветительной работе Научной библиотеки ДВГУ.

Сотрудники библиотеки Дальневосточного государственного университета ежедневно сталкиваются с бессмертным наследием Арсеньева. И мы гордимся, что Владимир Клавдиевич в 1923 году был профессором кафедры географии и этнографии Владивостокского учительского института и с присоединением в 1923 году к ГДУ продолжал в нем работать.

В ДВГУ и, непосредственно, в библиотеке свято хранится память об ученом, писателе, педагоге, книголюбе. В Научной библиотеке вуза имеются документы, раскрывающие его многогранную деятельность. Среди них: сочинения в 6-ти томах 1947 года издания, избранные произведения в 2-х томах 1949 года издания. Не стоят свободно на книжных стеллажах художественные произведения: «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня», «Сквозь тайгу», «В кратере вулкана», «Жизнь и приключения в тайге», а также «Биография в фотографиях, воспоминаниях друзей — свидетельства эпохи» и материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В. К. Арсеньева. Они имеются на научном, учебном, художественном абонементах и в читальных залах № 2 естественных и № 3 гуманитарных наук.

В Музее редкой книги, фонд которых внесен в электронный каталог, находится документ В. К. Арсеньева и Е. И. Титова «Быт и характер народностей Дальневосточного края». Эти затертые, пожелтевшие от времени страницы говорят о многом — тысячи студенческих рук прикасались к ним!

Нашей библиотекой пользуются студенты, профессорско-преподавательский состав не только ДВГУ, но и других вузов, и помощь они получают от сотрудников всех отделов Научной библиотеки. Так, библиографы готовят библиографические справки, дают консультации. Формы работы со студентами, связанные с популяризацией, изучением трудов Владимира Клавдиевича, разнообразны. В научных и учебных процессах — это подготовка фундаментальных докладов, дипломных, курсовых работ, рефератов, сообщений. В институтах: истории и философии, физики и информационных технологий, Владивостокском институте международных отношений, Институте международного туризма

и гостеприимства, особенно, на факультетах Института окружающей среды на изучение дисциплин: краеведение и туризм, география Дальнего Востока, Основные проблемы физической географии, История освоения России отводится от 34 до 68 лекционных часов, проводятся семинары, конференции, а также ведутся факультативные занятия по изучению Дальневосточного региона. Вот примерная тематика дипломных и курсовых работ:

Рекреационные ресурсы Владимира Клавдиевича Арсеньева. Пишет выпускница заочного отделения Евтушенко Наташа (руководитель, преподаватель А. М. Сазыкин);

защитились: И. А. Белошапкина по теме: *«Организация краеведческой научно-исследовательской работы школьников»* и И. А. Котова — *«Город как объект краеведческого изучения»* (руководитель, старший преподаватель Г. А. Какоркина), Маркова-Цой — по теме: *«Природно-ресурсный потенциал Приморского края, его рациональное использование»* (руководитель, преподаватель Н. Г. Степаненко), И. В. Просвиркина — по теме: *«Картографические методы исследования в эколого-географической экспертизе»* (Руководитель, профессор И. Г. Зонов директор Института окружающей среды).

Интересна и многообразна тематика курсовых работ:

1. Арсеньев и его вклад в развитие и изучение Приморского края;
2. По экспедициям Владимира Клавдиевича Арсеньева;
3. История открытия и освоения Дальнего Востока и другие.

Естественно, в конце каждой работы имеется список использованной литературы и в него свои знания вложили мои коллеги. Это симбиоз сотрудничества библиотеки, студентов и профессорско-преподавательского состава. В своей работе сотрудники библиотеки используют традиционные и нетрадиционные формы работы. К традиционным мы относим выдачу литературы, оформление тематических выставок, проведение обзоров книг, связанных с жизнью и деятельностью В. К. Арсеньева. Так, к 140-летию основания города Владивостока на научном абонементе оформлялась выставка «В. К. Арсеньев и его наследие» и ныне действующая — «Земля у нас одна».

На художественном абонементе была прекрасно оформлена выставка: «А город этот необыкновенный, возник он на восходе из глубин» (заведующая Пудочкина Людмила Захаровна).

В зале периодических изданий оформлялись выставки «История мировых цивилизаций»; «К 140-летию любимого города»; «По тропам В. К. Арсеньева».

Эту фотовыставку совместно с научно-методическим отелом НБ ДВГУ оформлял заслуженный работник культуры, лауреат международных и российских фотоконкурсов, Председатель клуба любителей В. К. Арсеньева — Юрий Кириллович Луганский. Она демонстрировалась и при проведении семинара библиотек, так как Научная библиотека ДВГУ является Зональным методическим центром библиотек вузов Дальневосточного района. В сентябре в читальном зале №2 естественных наук действует выставка «Путешественник, ученый, писатель», посвященная 70-летию памяти Арсеньева (умер 4 сентября 1930 года). Тематические выставки демонстрируются при проведении научно-практических конференций, университетских мероприятиях, для членов Ученого совета ДВГУ, институтов и на учебе сотрудников библиотеки. Привожу характерную выдержку из «Книги отзывов», находящуюся в научно-методическим отделе: *«Благодарю Научную библиотеку родного мне ДВГУ, который я закончила в 1968 году, за прекрасную выставку, подготовленную для участников научно-практической конференции: „Опыт использования памятников природы, истории и культуры Приморского края в экскурсионной деятельности“»* — так оценила творческую работу библиотекарей Нина Кирилловна Москалёва, заведующая музеем Дальзавода, внештатный экскурсовод Общества изучения Амурского края.

Научная библиотека ДВГУ является и культурно-образовательным просветительским центром по пропаганде, изучению и использованию научного и литературного наследия Владимира Клавдиевича Арсеньева. Неизгладимое впечатление осталось у коллег от музыкальной композиции, посвященной истории города Владивостока и 30-летней творческой деятельности В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке, подготовленной научно-методическим отделом. От прекрасного рассказа Ю. К. Луганского, его изумительных фотографий, чудесных песен в исполнении поэтессы, композитора Галины Николаевны Николайчук веяло добротой, любовью и уводило на те далекие таежные тропы, по которым проходили Владимир Клавдиевич и Дерсу Узала. Ведь Арсеньев был сам истинным певцом природы, и природа утверждалась им как первооснова культуры. На примере жизни и деятельности Владимира Клавдиевича сотрудники библиотеки прививают любовь своим читателям, сами повышают профессиональный и культурный уровень. В библиотеке работают «Школа начинающего библиотекаря», постоянно-действующий семинар, 4 секции для руководящих кадров вузовских библиотек. В рамках «Клуба деловых встреч» проходили творческие огоньки с директором издательства ДВГУ Прудкогляд Татьяной Владимировной и членом Союза писателей, поэтом Борисом Лапузиным, где звучали поэтические строки о природе, любви к Отчизне, к родному Приморью. В плане работы «Клуба любителей В. К. Арсеньева» намечена встреча с доктором, профессором Христофоровой Надеждой Александровной и презентация ее учебника по экологии. В сентябре сего года на базе читального зала №2 естественных наук пройдут «Дни знаний» в память ученому, писателю, педагогу, лектору и, конечно, книголюбу — Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву.

Л. Г. МИРОШНИЧЕНКО (ВЛАДИВОСТОК)

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПРОПАГАНДИСТ ПРИРОДЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Давно, в конце прошлого века, молодым офицером приехал Владимир Клавдиевич Арсеньев на Дальний Восток. Перед ним лежал большой, богатый, малоизученный край с интересной природой. Он полюбил этот край, полюбил его неповторимую природу и отдал его изучению тридцать лет своей жизни. Он исходил Уссурийский край вдоль и поперек, много раз переваливал через горный хребет Сихотэ-Алинь, плавал на лодках по горным порожистым речкам, с котомкой за плечами ходил по вековечной уссурийской тайге.

Свои первые походы по Уссурийскому краю В. К. Арсеньев совершил в 1902–1903 годах. Производя географическое и военно-статистическое изучение Южного Приморья, В. К. Арсеньев уделял большое внимание описанию растительности. За первыми экспедициями последовали экспедиции 1906 и 1907 годов, исследовавшие Сихотэ-Алинь и несколько раз повторившие часть маршрутов своих предшественников К. И. Максимовича и А. Ф. Будищева. В 1908 году в ознаменование 50-летия присоединения Приамурского края к России В. К. Арсеньев по поручению РГО произвел третью крупную экспедицию в северную часть Приморья. Она продолжалась до 1910 года. Затем, в 1911 году, он совершил небольшое путешествие от оз. Ханка по р. Даубихе через Сихотэ-Алинь к бухте Ольга.

В 1912 году В. К. Арсеньев прошел Нахтоху по р. Такемы, перевалил Сихотэ-Алинь и вышел к р. Иман. В 1918 году он совершил поездку на Камчатку по поручению Приморского переселенческого управления для обследования р. Камчатки. Летом 1926 года, как пишет Н. Е. Кабанов, В. К. Арсеньев возглавил экспедицию Наркомзема СССР по изысканию колонизационных фондов.

В 1927 году Арсеньев совершил последнюю свою большую экспедицию по маршруту Советская Гавань — Хабаровск. Вместе с ним исследования вели профессор В. М. Савич, который возглавлял один из отрядов, сотрудник Хабаровского музея зоолог А. И. Карданов и четыре студента Дальневосточного университета — Н. Е. Кабанов, П. С. Гончаров, К. К. Высоцкий, Г. И. Карев. Основной задачей экспедиции было обследование еще не заселенных обширных территорий и выяснение возможностей их сельскохозяйственного и лесопромышленного освоения. В сложных условиях экспедиция пересекла пять отрогов Сихотэ-Алиня, прошла на лодках по рекам Хади, Тутто, Копи, Иоли, Анюю, Мухеню и другим — более 1000 км. и пешком — 863 км. Участники собрали большие ботанические и зоологические материалы. Описание этой экспедиции дано В. К. Арсеньевым в книге «Сквозь тайгу».

В. К. Арсеньев составил превосходные общегеографические описания южной части Дальнего Востока, осветив первым ее глубинные горные районы. Его маршрутные съемки долгое время были единственными для этих районов картографическими материалами, они значительно облегчили последующие топографические работы и хозяйственное изучение природных ресурсов, в том числе и лесных.

В. К. Арсеньеву принадлежит установление в Приморье границы маньчжурской и охотской флористических областей. Или, как он их назвал «флор», которую известный ботаник и зоограф А. И. Куренцов предложил назвать «Линией Арсеньева». В своих отчетах В. К. Арсеньев указал северные и южные границы ареалов ряда древесных и кустарниковых пород, распространение главнейших типов леса, дал сведения о границах былых лесных пожаров, уделил внимание луговой и болотной растительности. Не будучи ботаником и лесоводом, он внимательно изучал природу Приморья и собирал растения. Получая определение видов от ботаников В. Л. Комарова, И. В. Полибина, Н. А. Десулави, В. К. Арсеньев использовал ботанические сборы в своих работах, давая верную характеристику флоры и растительности.

В своих более чем 60-ти научных и литературно-художественных трудах В. К. Арсеньев центральное место отвел растительности. Его описания леса являют собой блестящие образцы строго научного и высокохудожественного изображения. В произведении «Сквозь тайгу» он пишет: *«Величественно-декоративный вид имела здешняя тайга. Утренние заморозки разукрасили ее во все цвета радуги. Обыкновенная какалия сделалась темно-фиолетовой; растущая с ней в сообществе лещина сменила свой зеленый наряд на бурокоричневый. Наиболее ярко окрашенными оказались клен и виноград. У них можно было видеть все переходы от малинового цвета к багряному и нежно-пурпуровому. По берегам реки в изобилии рос боярышник. Я узнал его по обилию крупных и полупрозрачных оранжево-красных плодов, за которыми иногда совсем не было видно листвы. Раньше других стала вянуть амурская липа. Сначала пожелтели отдельные ветви ее — наиболее слабые и чем-нибудь пораженные, а потом и вся крона. Японская береза никла тонкими длинными ветвями и осыпала на землю золотисто-желтую листву свою. Только один дуб сопротивлялся осенним холодам и ни за что не хотел сбрасывать свой летний наряд»* [1].

В труде «В дебрях Уссурийского края» В К. Арсеньев сообщает: *«...на всем протяжении от Анюя до Немпту на двести с лишним километров произрастают громадные первобытные леса, которых еще никогда не касалась рука человека и где ни разу не было пожаров. Высокие стволы пробкового дерева с серою и бархотною наощупь корою, казалось спорили в величии и красоте с могучими кедрами. Если последнему суждено вековать в долинах среди широколиственных пород, тогда он предпочитает одиночество, но здесь, в горах кедр произрастал группами и местами составлял от пятидесяти до семидесяти процентов насаждений»* [2].

В. К. Арсеньев — не только выдающийся путешественник и исследователь, но и талантливый писатель — страстный пропагандист природы Дальнего Востока. Широкую известность получили его художественные произведения —

«По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня», «Сквозь тайгу», «Встречи в тайге» и др.

Книгу В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», вышедшую на Дальнем Востоке, одним из первых заметил М. Горький, живший тогда в Италии. *«Какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну»*, — писал он об этой книге.

Произведения В. К. Арсеньева читаются миллионами людей, и на них воспитаны несколько поколений исследователей Сибири и Дальнего Востока.

Научные заслуги В. К. Арсеньева были оценены Русским географическим обществом и рядом других научных обществ.

Примечания:

1. *Арсеньев В. К. Сквозь тайгу. 1936. С. 138.*
2. *Арсеньев В. К. В дебрях Уссурийского края. Владивосток. 1936. С. 116.*

РАЗДЕЛ II

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Л. В. КОРНЕВА (ХАБАРОВСК)

МУЗЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ПРИАМУРСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Важнейшей задачей исторической науки сегодня является воссоздание объективной и полной картины истории, в том числе и истории отечественной культуры. Помимо исторической значимости памятники культуры, отражая материальную и духовную жизнь прошлых поколений, являются мощным средством воспитания личности, способствуя ее патриотическому и эстетическому воспитанию.

В связи с этим представляется необходимым проанализировать систему использования музейных ценностей в сфере образования и воспитания в период становления и развития музейного дела на Дальнем Востоке. Актуальность этой темы заключается в том, что изучение опыта разносторонней науки — просветительной работы музеев Приамурского края в конце XIX — начале XX веков дает возможность объективно оценить действия музейных деятелей прошлого века, творчески использовать его сегодня в культуно-образовательной деятельности.

Общеизвестно, что Россия является основоположником музейной педагогики, базирующейся на краеведении. Важность последнего в воспитании подрастающих поколений отражена еще в одном из указов царя Алексея Михайловича, предписывающем составлением родословных книг, отражающих не только родословные связи, но и героические свершения предков, членов семей. Первые специализированые «педагогические» музейные экспозиции возникли в городе Москве XIX века в структуре Московского университета такие, как музей натуральной истории, выставки физических орудий и медицинских инструментов.

Идеи о необходимости музейно-экскурсионной работы с детьми были выдвинуты передовыми педагогами Н. И. Новиковым, Ф. Я. Янковичем, В. Ф. Зуевым. Они нашли отражение в «Уставе народных училищ» 1796 года и «Школьном уставе» 1804 года. Огромное значение для развития отечественной музейной

педагогики сыграло открытие в Москве в 1872 году Политехнического, в 1883 году Исторического музеев, основание в 1892 году Третьяковской галереи.

Музеи Приамурского края, являющиеся неотъемлемой составной частью научных обществ, обладали четким краеведческим профилем, соответствуя задачам ПО ИРГО. В фондах музеев Приамурского отдела — Хабаровского, Владивостокского, Сахалинского, Читинского, Кяхтинского и др. было сформировано немало материалов по истории Приамурского края, которые отражали его географическое положение, экономические связи и не нарушали их краеведческого профиля.

Возможность использовать собранного в музеях материала в образовательных и воспитательных целях привлекла к организации и деятельности в них местную интеллигенцию, особенно учительство. Преподаватели народных и городских училищ, гимназий и прогимназий рассматривали музеи как научные и культурно-просветительные учреждения, несущие знания о крае, в народные массы, воспитывающие у учащихся любовь к родине, влияющие на развитие местной экономики.

Музеи шли навстречу пожеланиям общественности. Например, в отчете о деятельности ПО ИРГО за 1896 год, т. е. спустя два года после открытия в Хабаровске музея, сообщается, что *«...с целью сделать посещение музея более полезным и поучительным... приглашены представители всех учебных заведений г. Хабаровска, которым соответствующие объяснения...»* Познакомили с музейными коллекциями Хабаровских учителей члены совета отдела М. В. Веденский, М. А. Соковкин, С. Ф. Полянский П. Т. Быков, Е. Е. Москалев. *«После этого учебного заведения посещать музей систематически во главе со своими преподавателями и преподавательницами, служившими для своих питомцев как бы живым каталогом».*

Многие посетители музея *«искали в нем решение научных и практических вопросов, не довольствуясь поверхностным обозрением коллекций, требовали определения названий предметов...»*

Гродековский музей ставил перед собой цель *«сделаться научным и образовательным учреждением, в коллекциях которого были бы многостороннее, отчетливо и с достаточной полнотой представлены местная природа и культура».*

Тем не менее, дальневосточное учительство выдвигало очень серьезные претензии к музеям края. Не всегда удовлетворяло педагогов то, как были представлены музейные коллекции, отсутствие музейных сотрудников «объяснения» коллекций, сопроводительных текстов, каталогов, часы и дни работы музеев.

Краевой педагогический журнал «Приамурский школьный листок» в 1917 году в статье «Организация внешкольного образования» поднимает вопрос о возможности создания *«таких учреждений, как подвижные музеи, передвижные библиотеки, подвижные специальные курсы и выставки...»*

«Наряду с научными (стационарными) музеями общественного типа, как наш Хабаровский Гродекова музей, существуют еще музеи образовательные (подвижные)... Задачами и целями начального образования как школьного, так и внешкольного, научные музеи могут служить лишь отчасти... они далеко не выполняют своего назначения в смысле наибольшей демократизации знаний, глубины и ширины

просветительного влияния на школу, общество. В образовательном отношении они никоим образом не могут считаться всеобщим достоянием...»

На повестку дня выносится создание образовательных передвижных и стационарных музеев в Приамурском крае, которые не будут архивами, неприкосновенными складами известных памятников, учебно-показательными выставками. Они должны стать *«учреждениями живыми, постоянно действующими, обслуживающими образовательные нужды не только посетителей, но и дающие свои сокровища школам, аудиториям, вечерним и воскресным классам, курсам, детским садам, даже отдельным семьям... Здесь не только публика идет в музей, но и сам музей идет к публике, проникая в народное сознание, популяризируя научные истины».*

Преподаватели школ Приамурского края уже в начале века ставили вопрос перед Приамурским отделим ИРГО, и его музеями в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске и др. о *«полезном значении систематического ознакомления учащихся с природой, жизнью и историей далекой и своеобразной окраины».*

Для этого крайне не хватало учебных пособий, исторической литературы. В 1915–1916 годах дирекция народных училищ Амурского края, хранителя Благовещенского музея Е. В. Гонсовича *«Его очерки написаны живым и простым языком рассказчика, описания картинны и интересны... Книгу оживляют приводимые стихотворения местных поэтов. Вся она согрета симпатичным настроением, проникнута патриотическим духом и горячей любовью... к Амурскому краю».*

Использование просветительного опыта музеев Приамурского края прошлых лет, особенно связанного с деятельностью одного из видных музейных деятелей, талантливого и неутомимого популяризатора науки, директора Хабаровского музея в 1910–1919 годах и 1924–1926 годах В. К. Арсеньева крайне необходимо сегодня. Сохранилось немало материалов, свидетельствующих о большой научно-просветительной и образовательной деятельности В. К. Арсеньева во время работы на посту директора Гродековского музея. Так, осенью 1914 года состоялась ученическая экскурсия на хребет Хехцир воспитанников Хабаровского реального училища под руководством подполковника, директора Гродековского музея В. К. Арсеньева. *«При всяком удобном случае внимание экскурсантов обращалось на те явления, которые были типичны для Приамурского края и интересны в научном отношении».*

Главное внимание Совета ПО ИРГО, как запишет в своем отчете за 1915–1916 годы В. К. Арсеньев, было направлено на поддержание в порядке и развитии принадлежащих Приамурскому отделу библиотек и музеев, *«представляющих собою ценные научные и культурно-просветительные учреждения, способствующие изучению края и распространению знаний».*

Таким образом, музеи Приамурского края с первых дней своего функционирования становились научно-просветительными центрами, целенаправленно занимающимися изучением края, историческим образованием учащихся.

Изучение взаимоотношений музеев Приамурского края с учебными заведениями позволяет говорить о том, что музеи, их общественные советы никогда

не замыкались в себе, как учреждения, занимающиеся сбором, хранением, популяризацией и изучением коллекций, являющихся культурным достоянием. Они стремились создать условия для беспрепятственного осмотра коллекций, изучения и использования их в своей научной, культурно-образовательной и практической деятельности.

Н. И. ВЕЛИКАЯ (ВЛАДИВОСТОК)

ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ ИВАНОВНЫ АЛЕКСАХИНОЙ — ДИРЕКТОРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ А. А. ФАДЕЕВА

11 сентября 1996 года газета «Наше время» сообщала: *«Ушел из жизни прекрасной души человек, целиком отдавший себя делу просветительства. Проработавший 20 лет. И каких лет! Это были годы неутомимого труда и неутомимой деятельности ради людей, ради создания истории района в стенах нашего музея».*

Надо же было обстоятельствам сложиться так, что с берегов Авачинской бухты, из далекого камчатского села Телички Надюша Тутышкина девочкой-школьницей, а потом девушкой-студенткой приезжала на лето с камчатскими друзьями Янченко в Чугуевку, где у Ирины Дмитриевны жила мама. Вот у нее, у бабы Арины, в домике, расположенном рядом с только что открывшемся в сторожке Свитычей-Фадеевых музеем, и останавливалась обычно Надя, не зная, не ведая, что Дом-музей Александра Фадеева скоро станет ее личной судьбой.

И вот закончен в 1973 году Петропавловский педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Летом 1974 года Надя вновь в Чугуевке. И Чугуевка не отпускает ее. С 15 августа 1974 года она становится заведующей читальным залом районной библиотеки. На должности этой Надюша пробыла всего одиннадцать дней, а 26 августа она становится старшим научным сотрудником Дома-музея Александра Фадеева. И началось ее служение музею, которому она отдала двадцать лет своей короткой жизни. Приход ее в музей А. Фадеева оказался судьбоносным и для него.

Директор музея Повар Раиса Владимировна обрела в Наде и друга, и помощницу, горячо принявшуюся за дело. Вдвоем они стали стремительно развивать поисковую, собирательскую работу, развертывать переписку с родными и друзьями Александра Фадеева, с ветеранами-дальневосточниками, с музеями и архивами страны. Основное направление научно-исследовательской, собира-

тельской, экспозиционной и пропагандистской работы было связано с темой «Писатель, боец, коммунист».

На крохотной площади летнего дома Фадеевых они организовали только в 1974 году 8 выставок. В 1975 их было уже 23.

Развертывается переписка с музеями им. Бахрушина, им. «Молодой гвардии» в Краснодоне. Идут письма от Зои Секретаревой, Татьяны Федоровны Адельгейм, Елены Николаевны Кошевой. Музей получает 44 новых поступления. В Наде открывается дар собирателя и пропагандиста, дар борца за развитие музея. Перед Чугуевским райисполкомом, перед Приморским крайисполкомом ставится вопрос о строительстве нового здания для музея.

Мое знакомство с Надей произошло в 1976 году, когда мы отмечали 75-летие Александра Фадеева. Начиная с 1971 года, ДВГУ совместно с Институтом мировой литературы им. Горького по инициативе Нины Ивановны Дикушиной начали проводить научные конференции. Традицию эту мы бережем уже тридцать лет. Надя участвовала в конференции. Она поведала о делах и печалях музея. Когда мы приехали в Чугуевку, строительство нового здания было в плачевном состоянии. Возводились стены деревянного сруба.

Тем временем Раиса Владимировна Повар покидает Чугуевку, и с 1 июня 1977 Надежда Ивановна Алексахина становится директором музея. Через год из своего далека Раиса Владимировна пишет: *«А еще очень-очень желаю, чтобы ты, Надя, как можно дольше работала в музее, боюсь он без тебя пропадет. Не бросай его, а?»*

Не напрасно Раиса Владимировна возлагала надежду на свою помощницу. Само имя ее — Надежда — как никакое другое подходило к этой маленькой, хрупкой женщине, страдающей многими болезнями, но обладающей поразительно сильной волей, духовным упорством, мощным сгустком энергии, каким-то всепобеждающим магнетизмом, который заражал всех окружающих.

Она буквально врывается в битву за строительство здания, которое соответствовало бы своему назначению-статусу мемориально-литературного музея. Она звонит во все колокола. Вовлекает в это сражение Союз писателей, соратников Фадеева, ветеранов-дальневосточников. Вероятно, можно было бы написать полный драматизма сценарий, проследив хронологию этого «хождения по мукам», связанного со строительством нового Дома-музея.

Сохранился зеленый блокнот Надюши. В нем адреса, адреса, адреса (их более 300). Адреса и телефоны… Это своеобразное зеркало, отражающее размах деятельности Надежды Ивановны.

О характере ее писем можно в какой-то мере судить по переписке с Ниной Ивановной Дикушиной, старшим научным сотрудником Института мировой литературы. По моей просьбе Нина Ивановна выслала ксерокопии писем Нади. Теперь их можно передать в дар ее фонду, который создается в музее им. Арсеньева.

Письма эти — поразительный человеческий документ. Они пронизаны теплотой человеческих отношений, глубочайшим уважением, доверительностью, но главное в них то, что высвечивается натура Нади, тот стержень, на котором держится ее

характер. Это сильная воля, целеустремленность, страстная преданность делу, фанатическая увлеченность им. Судьба музея становится делом ее жизни.

Вот одно из характернейших писем Нади. Она в декретном отпуске. Первенцу, сыну Димочке, один месяц и шесть дней. Радость материнства велика, но выражена она в последних строчках письма, а все остальное его пространство занято тревогой о другом — о детище-музее, болью о том, как он строится. Сруб *«стоит, пугая посетителей»*, — сообщает Надя. Письмо ее — это вопль — вопрос, вопрос, куда кинуться с просьбой, чтобы дать жизнь музею. Все перипетии строительства в письмах с болью описаны. Надя сообщает, что из краевого управления культуры приезжал П. Ф. Марченко, назвал строящийся деревянный дом «сараем», но распорядился продолжать строительство. А в доме этом, пишет Надя, *«потолок провисает, стены не выдерживают тяжести потолка». «Так обидно за писателя! Неужели лучшего он не заслужил?!»* И Надежда Ивановна срочно шлет письма в Приморский крайисполком, в Министерство культуры РСФСР, в ЦДЛ, в ЦГАЛИ, друзьям А. Фадеева. *«Очень стыдно за этот музей»*, — говорит она.

По существу, на своих плечах она выносит тяжесть борьбы за строительство иного, кирпичного здания для музея. И новый Дом-музей, ставший украшением Чугуевки, был построен и торжественно открыт к восьмидесятилетию писателя всего лишь через четыре года после вступления Нади в должность директора музея. Осенью 1981 года — 18 сентября — в Чугуевку нахлынуло более ста писателей и ученых. Строители вручили Надежде Ивановне символический ключ Дома-музея, и новая экспозиция начала свою жизнь. Это была победа, великий праздник!

Собирательская работа развернулась еще более интенсивно. К концу 1982 года в музее было 3 363 единицы хранения, а к концу 1983 их стало 4 819. Иначе говоря, за один год фонд вырос на полторы тысячи единиц хранения.

Пожалуй, десятилетие 1976–1986 годов было наиболее бурным и значительным в развитии мемориального музея. В музей поступали документы, фотографии, книги, журналы, газеты, нумизматика, пополнялся вещественный фонд. Среди экспонатов были дневник «соколят» (П. Нерезова и Г. Билименко), архив Татьяны Фадеевой, архив Аси (Александры Филипповны) Колесниковой, переписка матери Фадеева Антонины Владимировны, блюдо из ее сервиза, табакерка и старый молитвенник Иллича-Свитыча и многое другое.

Если обратиться к переписке, которую вела Надежда Ивановна и сотрудники музея, можно подивиться ее географии, охватывающей многие республики СССР, десятки городов и сотни адресатов. В их числе Фадеевы — Татьяна, Михаил, Александр, — М. А. Алигер, А. С. Бушин, В. П. Боборыкин, Т. Бек, Р. Г. Гамзатов, Н. И. Дикушина, А. Б. Джигарханян, Андрей Дементьев, Е. Евтушенко, В. И. Зарахани, Е. Н. Кошевая, А. Ф. Колесникова, Ада Лазо, Е. Д. Михайлова, В. Н. Озеров, Т. П. Пашковская, Г. Преображенская и другие. В один год отослано было 500 писем.

А какие письма в ответ получает музей! Чего стоят письма Тамары Федоровны Адельгейм, актрисы, которую любил Александр Фадеев! Они все проникнуты горя-

чей заинтересованностью судьбой музея. Тамара Федоровна связывает музей с ВТО (*«Сказала, что „Вы народный музей". Фотографии пришлют. Даром»*). Она заботится о связи с театрами, ставящими произведения Фадеева, раздобывает их список. Присылает редчайшие книги, разыскивает их и выменивает на книги из своей библиотеки. В результате в Чугуевке хранятся библиографические раритеты (сб. «Творческие черты пролетарских писателей», В. Ермилов «За живого человека», А. Фадеев «За художника материалиста и диалектика»). Т. Ф. Адельгейм шлет в музей газеты, журналы. Спрашивает: *«Есть ли у Вас газета о его смерти? У меня только одна. Но если у вас нет — я пришлю»*. Сообщает: *«Послала разные фото его друзей тех лет — Петра Павленко, Бориса Барнета, Охлопкова, Долорес Иббарури и др., чтобы Фадеев находился среди друзей»*. Передает в музей единственную вещь Фадеева, которая у нее хранилась, его ручку.

Надежда Ивановна шлет Татьяне Федоровне благодарственные письма. Она отвечает: *«Прошу Вас не благодарить меня, меня это очень смущает. И слишком Вами высоко оценена моя небольшая помощь в создании музея Александра Фадеева»*. Татьяна Федоровна буквально живет интересами музея, и письма пронизаны заботой о нем. *«Посылаю Вам сорок конвертов, не обижайтесь. Вам пригодятся»*. Сотрудникам музея шлет салфеточки, чтобы уютно было выпить чашку чая в перерыв между экскурсиями. Когда у Нади родился сын, она выслала для него подарки. В письме от 29 июня 1976 года Татьяна Федоровна пишет: *«Если бы я была моложе, я бы приехала к Вам жить, и вероятно нашла бы там душевный покой, которого мне так недостает в жизни. Поменяла бы квартиру на Чугуевку и была бы полезна, нужна — я уверена»*. Татьяна Федоровна Адельгейм высоко оценивает деятельность Нади: *«Музей Фадеева во многом Вами создан — это работа масштабная. И даже не знаю, что Вас могло бы удовлетворить, какая работа другая»* (письмо от 8 октября 1978 года).

Последние годы своей жизни Татьяна Федоровна провела в доме ветеранов кинематографии. Когда она скончалась (умерла в поезде по дороге в Сочи) и оказалась похороненной в маленьком городке, Надежда Ивановна Алексахина отправила туда письмо в школу, рассказала об Адельгейм, о любви Фадеева к ней и просила оберегать ее могилу.

Письма, хранящиеся в музее, говорят не только о собирательской работе Надежды Ивановны. Они представляют собою драгоценное свидетельство красоты человеческих отношений, они выражают душевную теплоту, которую умела Надя передать людям и вызвать у них ответную реакцию.

Вот несколько фрагментов из писем Веры Михайловны Туровой Билименко.

Февраль 1980 года. *«Дорогие друзья! Сегодня получили от Вас поздравительную телеграмму с 80-летием Григория Тарасовича Билименко. Я и мои дочери со слезами на глазах читали Вашу телеграмму. Как многое она всколыхнула, как многое вспомнилось... Давно, очень давно, вернее многие десятилетия нас никто не поздравлял с этим дорогим для нас событием. Нам ваша память, ваше внимание очень дорого. Спасибо и еще раз спасибо!»*

1987 год. *«Дорогая Надежда Ивановна! Мне было приятно знать, что Вы в музее не забываете „соколят“, а значит и Григория Билименко». «Вы вылетаете в Москву, Надежда Ивановна! Я предлагаю Вам „приют та ласку“, т. е. я предлагаю Вам, если у вас нет ничего лучшего, остановиться у меня».*

9.11.82. *«Очень беспокоюсь о здоровье Надежды Ивановны. Прошу Вас написать мне хотя бы несколько строк о ней».*

23.02.83. *«Дорогие товарищи! Напишите мне, пожалуйста, что с Надеждой Ивановной, как ее здоровье, родила ли, где она сейчас, и адрес?»* Письма содержат и бесценные документы. Мария и Нина Борисовна Марченко, потомки Куземченко, в доме которого располагался фельдшерский пункт, присылают подробнейшее описание этого дома, его план. Все любовно вычерчено, сохраняется представление о масштабах комнат, расположении окон, дверей. В письме своем Марченки благодарят музей, Надежду Ивановну: думали, что все это никому не нужно.

Пик собирательской работы пришелся, как свидетельствует нынешний директор музея Л. В. Бадюк, на 1984 год. В музей поступило более тысячи экспонатов. Музей вел огромную научно-просветительскую работу. В 1985 году музей посетило 14 280 человек. Проведено было 316 экскурсий. В 1986 году в мемориале побывало 12 764 человека. Экскурсии шли одна за другой иногда 2–3 одновременно. В 1985 году статус Дом-музея А. Фадеева меняется. Он становится филиалом Приморского объединенного музея им. В. К. Арсеньева. Более широкими становятся задачи музея. Надежда Ивановна начинает вынашивать идею создания мемориального комплекса, этнографической зоны в селе Чугуевка, куда включается восстановление «сторожки» (летнего домика Фадеевых), реконструкция нового здания, строительство несохранившегося фельдшерского пункта (дома Б. Н. Куземченко), реставрация дома старожилов села Неретеных и Петра Склемы. В пространство мемориала включается и древнее городище джурчженей (IX–XII век), где Саша Фадеев играл со своими сверстниками в «охоту на тигра», в «казаки-разбойники».

В чугуевском музее хранится текст доклада Надежды Ивановны, подготовленный для научной конференции. Девятнадцать страничек этого доклада «О перспективах развития литературно-мемориального музея А. А. Фадеева и превращении его в музейный комплекс» прочитываются на одном дыхании. Они пронизаны такой увлеченностью, такой страстью, убежденностью в значительности и святости дела сохранения исторических ценностей, что остаться спокойно-равнодушным при его чтении просто нельзя. Образная точность описания домов Куземченко, Неретиных, Склемы, мемориальных предметов такова, что невольно видишь их перед собою. Видишь подворье фельдшерского пункта, повозку, необходимую для фельдшера, лошадь, сеновал, всю картину бытового убранства дома. В докладе описано, что и как надо делать, в какие сроки. В нем даже даны рекомендации художнику-проектировщику, который должен проникнуться ощущением истории, должен знать, например, что в доме Петра Склемы располагались партизаны. И для достоверности можно бы, считает Надя, использовать оружие, например, пулемет, который имеется в музее.

План создания мемориального комплекса, разработанный Надеждой Ивановной, был не пустой маниловской мечтой, а реально возможным воскрешением прошлого. Это руководство к действию, горячий монолог увлеченного, но реально мыслящего человека.

План получил одобрение музея им. В. К. Арсеньева. Его начали «пробивать». 29 апреля 1988 года Приморский краевой совет народных депутатов принимает решение создать к 1991 году на базе филиала Приморского объединенного музея им. В. К. Арсеньева литературно-мемориальный, историко-этнографический комплекс. Но осуществить этот план, мечту Надежды Ивановны Алексахиной, не удалось.

Слов нет, Россия переживает трудный период своей истории. И, тем не менее, по всей России начинают вестись реставрационные работы, воскрешающие наше прошлое, которое должно быть глубоко и объективно осмыслено во всех его противоречиях, трагических и иронических коллизиях. Роль музеев здесь велика. Именно они — мостик между прошлым и будущим.

А пока Дом-музей бедствует, он требует серьезного ремонта.

Приближается столетие со дня рождения Александра Фадеева. Эта дата должна быть достойно отмечена. К этому взывает и память о Надежде Ивановне Алексахиной, которую именовали истинным Рыцарем Фадеева (дарственная надпись на книге Л. Н. Большакова «Когда им было двадцать»), хранительницей фадеевского огня (письмо из Читы В. А. Галактионова от 21.10.89).

Глядя на давнюю фотографию Надюши-школьницы, где она стоит в белом фартуке, трудно себе представить, что в этой маленькой, тоненькой, хрупкой девушке сосредоточено столько душевной энергии, силы, которая разгорится в страстный огонь деяния, одержимости, преданности делу большой общественной значимости.

Фотографии Нади почти всегда вызывают какое-то особое чувство. И, пожалуй, главное передано в том выражении удивления и восхищения, которое видится в лице и позе Марии Петровны, вдовы Шолохова, приветствующей Надю в станице Вешенской, где собрались директора музеев страны. Надюша протянула к Марии Петровне свои тонкие, какие-то девичьи руки. Вся фигурка — порыв благодарности. А Мария Петровна замерла перед Надей в удивлении, как перед чудом. Вот уж поистине «есть женщины в русских селеньях».

Я увезла из Чугуевки фотографию, где Надюша дана крупным планом перед микрофоном. Она говорит, улыбаясь. Улыбаясь, как всегда. А на втором плане — люди, внимательные глаза человека внемлющего, сосредоточенного на том, о чем говорит Надя. Это одна из основных ситуаций ее жизни.

На чугуевской доске почета «Гордость района» в свое время висела фотография Надежды Ивановны. Ею вправе гордится не только Чугуевка, Приморский край. Ею вправе гордится Россия.

В домашнем архиве Надежды Ивановны, который тщательно хранит ее мама Татьяна Сергеевна, всегда верный друг и помощник Нади во всех

делах ее, собрана целая стопа, десятки почетных грамот от Чугуевского райкома КПСС, райисполкома, Приморского крайисполкома, от общества «Знание», от администрации края, Союза писателей, министерства культуры.

И среди многочисленных грамот — благодарственное письмо школы за хорошее воспитание дочери. Успевала все. Могла, затаив боль потери своего сына — первенца, решиться, несмотря на категорические запреты врачей, обрести второго ребенка и любовно растить свою дочь Верочку. Преодолела беду разрушившейся семьи. И никто не слышал от нее жалоб. Умела все нести в себе стойко и мужественно. Откуда только брались силы?

Уйдя на пенсию (со здоровьем стало плохо), она не оставляет без внимания музей, пишет Н. И. Дикушиной: *«Конечно, в музее сейчас трудные времена, как и повсюду. И посетителей мало, и денег не дают, но Людмила Бадюк (новый директор) не унывает. У меня для такого оптимизма нет уже сил».* И кажется ей теперь, что можно *«жить надеждой только, когда имеешь в сердце Бога». «Вера моя в Бога сознательна, искренняя! Библию надо читать сердцем».* И Надежда Ивановна истово, как прежде служила музею, памяти Фадеева, теперь отдается работе в воскресной школе, служению духовной чистоте. Она несет в своем слове веру в добро, справедливость, проповедует любовь.

Светлая память ее чистому духовному облику. Великая благодарность ей за святое дело ее жизни, создание Дома-музея Александра Фадеева. Спасибо ей — Надежде Ивановне Алексахиной, — что она была с нами. Поклон ей, ее могиле. И постараемся уберечь, не разрушить созданного ею, а дать ему новый импульс жизни.

Примечания:

1. *Максименко Л. В. Культурно-просветительная деятельность музеев Петрограда-Ленинграда 20-х — нач. 30-х годов. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Санкт-Петербург, 1997. С. 2.*
2. *Материалы конференций музейных работников, состоявшихся в гг. Москве и Екатеринбурге в 1998 г. Государственный центральный музей современной истории. М. 1999. С. 228–230.*
3. *Там же С. 231.*
4. *Фонд ХКМ Оп. 1 Д. 496 С. 14.*
5. *Там же С. 15.*
6. *Приамурский школьный листок. 1917 г. 1 января С. 24*
7. *Там же С. 27.*
8. *Там же С. 28.*
9. *ГАХК, Ф. 830. Оп. 3. Д. 75, Л. 40*
10. *Приамурский школьный листок 1917 1 марта С. 22*
11. *Там же С. 31*
12. *ГАХК. Ф. II — 2, Оп. 1. Д. 6. С. 2*

С. П. МОСКВИТИНА (ВЛАДИВОСТОК)

СЕМЕЙНЫЙ ФОНД О. СКОПИЧЕНКО И П. КОНОВАЛОВА В ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА

История и судьба русской диаспоры за рубежом являются неразрывной частью истории и судьбы России. И естественно, что ПГОМ им. В. К. Арсеньева, как документирующая организация, не мог не уделить должного внимания российской диаспоре в странах Рассеяния, приступая к научной и практической работе по программе «Сохранение наследия российских соотечественников за рубежом».

В 80–90-е годы велась активная переписка, в результате которой появилась возможность установить связи с потомками покинувших страну в разное время русских эмигрантов. Только благодаря переписке ПГОМ им. В. К. Арсеньева были получены в дар и пополнили музейное собрание материалы, рассказывающие о судьбах десятков семей известных предпринимателей и представителей русской интеллигенции. А в результате поездки сотрудников музея в США в 1995 и 1997 годах был создан фонд «Русское Зарубежье» в ПГОМ им. В. К. Арсеньева, насчитывающий более 4-х тысяч предметов. В этот фонд входят материалы как вывезенные эмигрантами из России, так и образовавшиеся в результате деятельности эмигрантских организаций и частных лиц за рубежом. В фонд «Русское Зарубежье» вошли материалы Янковских, Бринеров, Шевелевых, материалы Русской Православной церкви за рубежом, эмигрантских общественных организаций, таких как «Общество ветеранов Великой войны» и «Общество кадет». Интерес у исследователей вызовут и материалы, переданные в ПГОМ им. В. К. Арсеньева Борисом Коноваловым, мужем известной поэтессы О. Скопиченко. В фонд вошли мемуары, воспоминания, печатные издания (книги, журналы, газеты), фотографии и документы О. Скопиченко и Бориса Коновалова. Среди материалов — уникальные сборники и книги прозаиков и поэтов Русского Зарубежья как дальневосточной, так и западной ветвей эмиграции. До недавнего времени в России их не знали. Но не менее значимы материалы (фотографии и документы), которые позволили ближе соприкоснуться с жизнью и судьбой Ольги Скопиченко, узнать о человеке, который был с нею до конца и в радости и в горе.

Скопиченко Ольга Алексеевна, в замужестве Коновалова, родилась в 1908 году в Сызрани. Отец — офицер, участник первой мировой и гражданской войн. В семь лет начала писать стихи. В годы гражданской войны некоторое время жила в Троицке. *«Тогда жизнь шла скачками — от обозов к эшелонам, от эшелонов к временным бивуакам в военных городках (из*

рассказа О. Скопиченко „Заутреня в Даурских сопках"»). Рассказы О. Скопиченко основаны на достоверных событиях, автор избегает выдумки, и ее рассказы скорее мемуарная, чем собственно художественная проза. В главе из повести «На спинах верблюдов», вышедшей в 1988, году Скопиченко вспоминает о трудном и трагическом переходе ее семьи с небольшим отрядом через безводную солончаковую степь на пути в Китай. В 1923 году семья поселилась в Харбине. Скопиченко окончила там русскую гимназию, в Харбине же она поступила на юридический факультет. В середине 1920-х годов начала печататься в газетах и журналах, в том числе в «Рубеже». Сблизилась с Марианной Колосовой, чьи стихи оказали на Скопиченко сильное влияние. Студенческие годы Скопиченко и Колосова жили вместе в «сторожке», описанной в рассказе Скопиченко «Неожиданный завтрак». О Колосовой говорится также и в рассказе «Устрицы» [1].

В 1926 году Скопиченко издала свой первый сборник стихов — «Родные порывы». В 1928 году переехала в Тяньцзинь, где вышел ее второй сборник «Будущему вождю». А через год Ольга Алексеевна переехала в Шанхай, работала на табачной фабрике, сотрудничала в газетах «Слово» и «Шанхайская заря». Теперь в музее появились подлинные фотографии этого периода жизни О. Скопиченко. А на одной из фотографий на обратной стороне надпись — Шанхай. Литературное общество. Третья слева в первом ряду — О. Скопиченко. В начале 30-х годов появилось содружество «Шанхайская Чураевка» по типу Харбинской. Ольга Скопиченко входила в это объединение. Литературоведы отмечают, что именно в Шанхае она «выросла» в смысле техники и чувства поэзии [2].

В Шанхае был опубликован третий сборник «Путь изгнанника». В музее хранится экземпляр этой книги с дарственной надписью автора.

В 1947 году Ольга Скопиченко вышла замуж за Бориса Михайловича Коновалова. Борис Михайлович родился в 1902 году, был кадетом Хабаровского графа Н. Н. Муравьева-Амурского кадетского корпуса. В гражданскую войну Коновалов служил на о. Русском во Владивостоке.

Самый ранний и любопытный документ из семейного архива — царская грамота, которая была дана Михаилу Коновалову — отцу Бориса Михайловича, поручику 25 пехотного Смоленского полка от 9 сентября 1900 года. Не менее интересен и следующий документ — аттестат кадета VII класса Коновалова Бориса Михайловича Хабаровского Графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса, 1922 год. Борис Михайлович передал и свой паспорт эмигранта, выданный ему в Шанхае 19 марта 1938 года. Все три документа — подлинники, прекрасно сохранились в семейном архиве и отражают этапы жизненного пути Бориса Коновалова и той далекой России.

Вернемся к последнему документу. Он возвращает нас в Шанхай, в 40-е годы. Это было непростое время для русской эмиграции — тяжелые военные годы. А потом, после окончания войны, в 1945 году произошло разделение эмиграции как бы на два лагеря. Одна половина стала ратовать за возвращение на

родину, другая, не поддавшись пропаганде, покинула Шанхай в самые последние минуты и перебралась на о. Тубабао на Филиппинах. Там семья Коноваловых прожила два года в эвакуационном лагере.

О последних днях пребывания на Тубабао и переезде в США рассказывает интересный документ, переданный Борисом Коноваловым — самодельный журнал «OUR HERALD» — «Наш вестник».

После переезда в Сан-Франциско Ольга Скопиченко много лет сотрудничала в Сан-Францисской газете «Русская жизнь». Изредка печаталась в других эмигрантских изданиях («Грани», «Возрождение», «У золотых ворот»). Сейчас все эти издания хранятся в фондах ПГОМ им. В. К. Арсеньева. Книжный фонд музея пополнили и книги из личной библиотеки поэтессы. Среди книг — сборник «Неугасимое», изданный в Сан-Франциско в 1954 году, брошюра «Памятка», в которую включены стихи и проза, посвященные Владыке Иоанну, Западно-Американскому и Сан-Францисскому, умершему в 1966 году и канонизированному в 1976 году.

Среди переданных материалов особенно уникальны сборники стихов Ольги Скопиченко, — рукописные издания тиражом не более 50 экземпляров. Это книга «Дед Мороз на Тубабао», изданная в 1949 году (рисунки выполнены вручную), а также самодельный экземпляр альбома стихов «У самого синего моря». Текст набран на пишущей машинке, с рисунками на обложке и некоторых страницах.

В 1990 году Ольга Скопиченко потеряла зрение. В 1994 году (на титульном листе 1993) вышла ее итоговая книга «Рассказы и стихи» [3], включившая 43 рассказа и стихотворения разных лет. Основная тема стихов Скопиченко — Россия: «Мы имя русское, как ладанку носили. Мы родину иконой проносили». Эта тема варьировалась в течение пятидесяти лет. В приподнятом тоне, лирически, иногда публицистически Скопиченко подводит итог: «И только ею на земле жила». Непосредственно окружающая действительность (Китай, США) редко входила в ее стихи. Многие стихи, вошедшие в этот сборник, посвящены воспоминаниям о «золотом детстве» в России, лихолетью гражданской войны, другие — Св. Георгию, Сергию Радонежскому, Александру Второму и «Голгофе последнего царя». В мае 1997 года Ольга Скопиченко умерла. Похоронена в Сан-Матео, в Калифорнии. Борис Коновалов передал в музей фотографию могилы Ольги Коноваловой (Скопиченко). Вместе с фотографией он передал и документ, которым Ольга Скопиченко очень дорожила — Благословенную грамоту Ольге Алексеевне Скопиченко-Коноваловой в честь 50-летия ее литературной деятельности.

Жила она одной Россией и вернулась сюда своими книгами, стихами, фотографиями, документами, вернулась благодаря своему мужу — Борису Михайловичу Коновалову.

Конечно, семейный фонд Скопиченко-Коноваловой уникален прежде всего тем, что он мемориален. Но только часть этого фонда открывает нам жизнь и судьбу двух русских людей.

Значительную часть фонда составляют отдельные газетные и журнальные экземпляры, такие как «Грядущая Россия» — вестник Русской национальной монархической мысли, издававшийся в 50-е годы, «Российское единство» — издававшийся в 60-е годы объединением американцев-антикоммунистов русского происхождения, журналы «Церковное слово» и «Православная жизнь» 70–80-х годов. Журналы более десяти направлений — религиозные, политические, литературно-художественные.

Книжный фонд музея пополнился книгами из личной библиотеки поэтессы. Это религиозная литература. Ольга Алексеевна была человеком глубоко верующим. Она интересовалась историей православия. Среди этих книг есть настоящие раритеты. Это «Илилтропион или сообразование человеческой воли», изданная в Киеве, в типографии Киево-Печерской Успенской Лавры в 1890 году, и вышедшее в 1991 году шестое издание книги «Как живут наши умершие, как будем жить и мы по смерти монаха Митрофана». 1897 год.

В семейном фонде хранится и научно-вспомогательный материал — около 130 карт, изданных Национальным географическим обществом в Вашингтоне в 60–70-е годы. Это географические, физические, астрономические карты. Карты мира всех материков, всех штатов США, крупнейших европейских государств, которые сопровождаются текстами на английском и русском языках.

Таким образом, в результате исследования фонда, установлено, что общее количество единиц фонда семьи Скопиченко-Коновалова составляет 320, из этого числа наиболее многочисленный книжный фонд — более 150. К основным группам материалов фонда относятся: биографические материалы, корреспонденция, печатные материалы (периодические издания), фотографии и документы.

Характеризуя этот фонд, нужно отметить его научную ценность и значимость. Музей всегда будет благодарен всем передавшим в музей свои семейные реликвии. И пусть в жизни музея звучат имена дарителей — в данном случае имя Бориса Михайловича Коновалова.

Примечания:

1. ***О. Скопиченко.*** *Рассказы и стихи. Сан-Франциско, 1994.*
2. ***В. Петров.*** *Шанхай на Вампу. Очерки и рассказы. Вашингтон, 1985.*
3. ***О. Скопиченко.*** *Рассказы и стихи. Сан-Франциско, 1994.*

А. Л. ШУМКОВА (ВЛАДИВОСТОК)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В. К. АРСЕНЬЕВА В ПРИМОРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЪЕДИНЕННОМ МУЗЕЕ ИМЕНИ В. К. АРСЕНЬЕВА

К жизни и творчеству Владимира Клавдиевича Арсеньева — известного путешественника, ученого, исследователя Дальнего Востока интерес — краеведов, историков и археологов не ослабевает с середины 50-х годов XX века [1]. Результатом этого интереса стало создание конференции «Арсеньевские чтения» в 1984 году, на которых были представлены статьи и об археологической деятельности В. К. Арсеньева [2].

Археологи отмечают большой вклад ученого в дальневосточную археологию. Им было отснято топографически, измерено и описано 128 археологических памятников [3]. Иллюстрируя деятельность Арсеньева — археолога, авторы указывают на разрозненность собранных при раскопках материалов археологических коллекций. Отмечают, что они поступили в музеи Владивостока, Москвы, Ленинграда, Хабаровска, Казани. Большая часть их находится в Хабаровском краеведческом музее им. Н. И. Гродекова — 1 033 единицы [4]. Коллекции, собранные исследователем в Приморском крае, хранятся не только в ПГОМ им. В. К. Арсеньева. Из 40 номеров коллекций хабаровского музея три из Приморского края, собранных в бухте Джигит, на полуострове Песчаном, в долине реки Уссури [5]. Две коллекции, собранные В. К. Арсеньевым в 1907 году (между Тернеем и р. Кусун, между Ольгой и Тернеем), хранятся в фондах первобытного отдела Государственного Эрмитажа [6].

В Приморском государственном объединенном музее им. В. К. Арсеньева находится пять коллекций, собранных ученым в период 1921–1922 годов. Четыре собраны в Приморье на полуострове Янковского и полуострове Песчаном. Из них две коллекции, относящиеся к раскопкам на полуострове Песчаном в 1921 году, были описаны в работе А. П. Окладникова [7]. О проведении В. К. Арсеньевым археологических разведок в 1921–1922 годах на полуострове Янковского (Сидими) нет упоминания в биографических работах об ученом, но как раз сами коллекции и документы позволяют утверждать, что они проводились. Материалы вышеуказанных коллекций относятся к янковской культуре (ранний железный век). Арсеньев датировал ее неолитом. Принадлежность наконечников копья и дротика к коллекции, собранной исследователем в области Ян-де-Янге (музейный номер МПК 1093), вызывает сомнения, т. к. в документации к коллекции есть этикетка, относящая эти предметы к находкам на побережье Пенжинского залива Охотского моря. Атрибуция этих орудий продолжается.

13 августа 1921 года В. К. Арсеньевым совместно с братьями Васюкевич и М. Береговским проводились археологические разведки на полуострове Янковского (Сидими). Ими была собрана коллекция предметов быта, названная «Коллекция предметов быта, остатков костей животных периода неолита». Номер коллекции в музее МПК 500. В ней:

1. Фрагменты сосудов . . . . . 27 ед.
2. Фрагменты раковин . . . . . 2 ед.
3. Фрагменты костей животных . . . . . 27 ед.
4. Отщеп шиферного сланца . . . . . 1 ед.
5. Обломки шлифованных орудий . . . . . 2 ед.
6. Топор каменный . . . . . 1 ед

Итого: . . . . . **60 ед.**

В музее также хранится карта — схема с указанием мест разведок, произведенных Арсеньевым, братьями Васюкевич и Береговским, и перечислением находок, составленная В. К. Арсеньевым. Фотокопия карты — схемы опубликована [8].

14–19 октября 1921 года под руководством В. К. Арсеньева на полуострове Песчаном были проведены разведки на средства Общества изучения Амурского края. Две коллекции музея стали результатом этой экспедиции.

«Коллекция предметов по археологии неолитического периода, состоящая из раковин, каменных орудий и изделий из глины» (музейный номер МПК 379):

1. Кости и обломки челюстей животных . . . . . 123 ед.
2. Раковины моллюсков . . . . . 3 ед.
3. Наконечники стрел из камня . . . . . 14 ед.
4. Обломки наконечников копий из камня . . . . . 3 ед.
5. Рукоять кинжала из камня . . . . . 1 ед.
6. Заготовки орудий . . . . . 8 ед.
7. Шлифованные топоры и их обломки . . . . . 21 ед.
8. Пряслице . . . . . 1 ед.
9. Бусина . . . . . 1 ед.
10. Обломки орудия . . . . . 2 ед.
11. Обломок кургана . . . . . 1 ед.
12. Отщепы . . . . . 11 ед.
13. Рог оленя со следами распиловки . . . . . 1 ед.
14. Обломки заготовок орудий . . . . . 2 ед.
15. Обработанная кость насадка (набалдашник в виде головы птицы) . . . . . 1 ед.
16. Проколки костяные . . . . . 3 ед.
17. Наконечники стрел из кости . . . . . 3 ед.
18. Обработанная кость с отверстием . . . . . 1 ед.
19. Зубы животного . . . . . 11 ед.
20. Клык животного . . . . . 5 ед.
21. Челюсть животного . . . . . 2 ед.

22. Обломок ретушированного орудия и отщеп . . . . 2 ед.
23. Плоская прямоугольная обработанная костяная пластина . . . . . 1 ед.
24. Орудие из кости для нанесения орнамента (стек) . . . . . 1 ед.

Итого: . . . . . 222 ед.

«Коллекция, состоящая из остатков посуды неолитического периода» (МПК 498):

1. Светильник . . . . . 1 ед.
2. Фрагменты плоскодонного сосуда . . . . . 5 ед.
3. Фрагменты сосудов . . . . . 384 ед.

Итого: . . . . . 390 ед.

О проведении археологических разведок на Песчаном В. К. Арсеньевым был составлен подробный отчет с картами, схемами, фотографиями [9].

Коллекция под музейным номером МПК 517 — «Коллекция предметов неолитического быта, состоящая из остатков пищи, сосудов, каменных орудий» собрана В. К. Арсеньевым на перешейке, соединяющем м. Бринера и полуостров Янковского в 1922 году. Полевых документов к коллекции в музее не обнаружено. В ней:

1. Фрагменты сосудов . . . . . 3 ед.
2. Раковины . . . . . 3 ед.
3. Фрагменты костей . . . . . 4 ед.
4. Обломки каменных орудий . . . . . 2 ед.

Итого: . . . . . 12 ед.

Предметы из коллекции МПК 1093:

1. Наконечник стрелы из камня . . . . . 1 ед.
2. Наконечник дротика из камня . . . . . 1 ед.

Итого: . . . . . 2 ед.

В археологической коллекции ПГОМ им. В. К. Арсеньева 686 единиц хранения, и в настоящее время идет работа по созданию каталога археологических коллекций В. К. Арсеньева.

Примечания:

1. ***А. П. Окладников.*** *Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. С. 18–19.*

А. П. Окладников. *Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М., 1963.*

А. И. Тарасова. *Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985.*

В. И. Дьяков, С. А. Сакмаров. Археологические изыскания В. К. Арсеньева: судьба материалов и рукописей. //Записки Общества изучения Амурского края: Владивосток, 1996. С. 23–28.

Д. Л. Бродянский. Очерки Дальневосточной археологии. Владивосток, Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 49–78.

2. *А. И. Тарасова.* Документальное наследие В. К. Арсеньева //Сборник: Арсеньевские чтения. 7–8 апреля 1984 г. Тезисы докладов и сообщений. С. 19.

В. И. Дьяков, О. В. Дьякова. Археология в жизни и трудах В. К. Арсеньева//Сборник: Арсеньевские чтения. 7–8 апреля 1984 г. Тезисы докладов и сообщений. С. 25–28.

Н. А. Клюев. Вклад В. К. Арсеньева в развитие археологии в Приморье//Сборник: Арсеньевские чтения. 7–8 апреля 1984 г. Тезисы докладов и сообщений. С. 28–29.

Е. М. Лосан. Каталогизация археологических и этнографических коллекций В. К. Арсеньева в Хабаровском краеведческом музее //Сборник: Арсеньевские чтения. 7–8 апреля 1984г. Тезисы докладов и сообщений. С. 60–63.

3. *В. И. Дьяков, С. А. Сакмаров.* Археологические изыскания В. К. Арсеньева: судьба материалов и рукописей //Записки Общества изучения Амурского края: Владивосток, 1996. С. 25.

4. *В. И. Дьяков, О. В. Дьякова.* Археология в жизни и трудах В. К. Арсеньева//Сборник: Арсеньевские чтения. 7–8 апреля 1984г. Тезисы докладов и сообщений. С. 27.

5. *Е. М. Лосан.* Каталогизация археологических и этнографических коллекций В. К. Арсеньева в Хабаровском краеведческом музее //Сборник: Арсеньевские чтения. 7–8 апреля 1984 г. Тезисы докладов и сообщений. С. 60.

6. *Д. Л. Бродянский.* Очерки Дальневосточной археологии. Владивосток, Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 49–78.

7. *А. П. Окладников.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М., 1963. С. 12–17.

8. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Биография в фотографиях, воспоминаниях друзей. Владивосток, 1997. Издательство «Уссури». С. 282.

9. Отчет В. К. Арсеньева хранится в ОИАК, опубликован в книге А. П. Окладникова «Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока».

Э. В. ГОНЕВЧУК (ВЛАДИВОСТОК)

ИСТОРИЯ ПРИРОДООХРАННОГО ДЕЛА В ПРИМОРЬЕ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В МАТЕРИАЛАХ ПРИМОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ В. К. АРСЕНЬЕВА

Истории становления и развития природоохранного и музейного дела на тихоокеанском побережье России в конце XIX — начале XX веков неразрывно связаны между собой. В числе пионеров природоохраны на Дальнем Востоке можно назвать известных деятелей Владивостокского музея и учредившей его краеведческой организации — Общества Изучения Амурского края (ОИАК) Н. А. Пальчевского, А. К. Мольтрехта, В. К. Арсеньева. Лица, по долгу службы или по роду своих увлечений занятые изучением уникальной природы юга Дальнего Востока, первыми осознали всю степень ее хрупкости и уязвимости и необходимость безотлагательного принятия мер по ее защите от варварского уничтожения. Уже в то время ни у кого не возникало сомнения, что наладить действенную систему охраны природы невозможно без всестороннего и тщательного изучения охраняемого объекта.

В период, предшествовавший появлению на территории РДВ государственных научных организаций, которые могли бы проводить такое изучение, их функции брали на себя отделения Географического общества (ГО) или любительские краеведческие объединения. В Приморье именно музею ОИАК была отведена роль такого «научно-исследовательского центра на общественных началах», призванного объединять местные научные силы и координировать их деятельность, сохранять и пропагандировать результаты научных исследований. В музее накапливались, изучались и систематизировались коллекции, собранные в самых разных районах края, в том числе на территориях будущих заповедников и в районах наиболее активного природопользования.

Активная природоохранная деятельность ОИАК отражена на страницах его отчетов. Своего рода «природоохранный манифест» был оглашен директором музея А. К. Мольтрехтом на юбилейном заседании в 1914 году: *«Мы должны спасти от неминуемой гибели, пока не поздно, Уссурийскую природу. Общество должно признать своим священным долгом способствовать сохранению первобытной природы Края и спасти хоть образцы ее устройством биологической станции и флористического заповедника»* [1]. В разные годы Общество выдвигало оригинальные предложения по созданию «океанографического музея», «флористического заповедника» в районе Океанской,

ботанического сада на западном берегу р. Лянчихе, и, что особенно интересно, заповедника и морской ихтиологической станции на о. Стенина, который в настоящее время входит в состав Дальневосточного морского заповедника. Заслуживает внимания доклад вице-президента ОИАК Н. А. Пальчевского «Потребность учреждения во Владивостоке морской биологической станции» (1899). Автор, два года исполнявший обязанности заведующего надзором за морскими промыслами, обосновывает необходимость изучения и оценки запасов морских промысловых животных (не только позвоночных, но и краба, трепанга, устрицы) и введения государственного контроля за их добычей. Определяя задачи будущей станции, Н. А. Пальчевский отметил необходимость создания демонстрационных аквариумов и наглядно-учебных коллекций для пропаганды взглядов, *«...что животное и растение это не мертвые рубли менового товара, а организмы живые, знать которые лицам, их заведывающим, нужно во всех направлениях, а не с одной точки извлечения временного дохода...»* [2] — замечательный пример предвидения той просветительской деятельности, которую будет спустя столетие проводить первый в России морской заповедник.

В 20-е годы охрана природы и ее пропаганда стали основным аспектом деятельности ОИАК. В 1925 году на съезде представителей дальневосточных отделов ГО, проходившем в Хабаровске, был одобрен предложенный ОИАК (реорганизованным к тому времени во Владивостокский отдел ГО) план организации трех «народных заповедников»: в Южно-Уссурийском крае, в горной области Сихотэ-Алинь и на севере Приморской области. В 1926 году Обществу удалось добиться от Окрисполкома принятия мер по охране птичьего базара на о. Карамзина. Остров был объявлен заповедником, а о. Попова получил статус заказника.

На протяжении многих лет с ОИАК и музеем сотрудничали Южно-Уссурийское отделение ГО, Приморские Сельскохозяйственное и Лесное общества. Последнее, к слову, являлось одним из фактических организаторов заповедника «Кедровая Падь». В послереволюционный период добрую традицию сотрудничества с музеем продолжили Дальневосточный краевой НИИ (впоследствии — Дальневосточный филиал АН СССР) и все вновь создаваемые заповедники, а также Приморское отделение общественной природоохранной организации — Всесоюзного общества охраны природы. Таким образом, в фондах музея на протяжении более чем векового периода его деятельности собирался и систематизировался материал, отражающий историю природоохранного дела в Приморье, от его истоков до современности.

На сегодняшний день фонд документальных источников музея насчитывает свыше 300 документов, копий и подлинников, отражающих вопросы природопользования и охраны природы, в числе которых копия постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1935 года «Об утверждении сети полных заповедников общегосударственного значения», постановление Владивостокского горсовета рабочих и красноармейских депутатов от 10 января

1935 года «Об охране лесов и зеленых насаждений от хищения и истребления», паспорт и охранное обязательство, выданные Всероссийским обществом охраны природы на памятник природы «Тисовая роща», фотокопия решения Президиума Международного координационного совета программы «Человек и биосфера» от 19 февраля 1979 года о включении Сихотэ-Алиньского заповедника в состав биосферных и т. п. В 60–80 годы фонд пополнили интересные коллекции из личных архивов заведующей Ботаническим кабинетом Южно-Уссурийского отделения ГО Е. Н. Клобуковой-Алисовой, первого директора Сихотэ-Алиньского заповедника К. Г. Абрамова, сотрудницы Уссурийского заповедника, первого на Дальнем Востоке специалиста в области биологии и культивирования женьшеня З. И. Гутниковой и др.

Фонд фотодокументов располагает 400 ед. хр. диапозитивов и фотографий, отображающих ландшафты, животный и растительный мир заповедников. Среди авторов коллекций — Ю. Б. Шибнев («Кедровая Падь, 1972–1979 годы), Е. Н. Суворов (Сихотэ-Алиньский заповедник, 1981 г.), Е. М. Нескоромный (Сихотэ-Алиньский заповедник, 1982–1983 годы).

Фонд редких библиографических материалов и периодических изданий — один из наиболее крупных. Дать более-менее точную количественную оценку интересующих нас материалов достаточно сложно, т. к. они представлены не столько сборниками, монографиями, буклетами, сколько отдельными статьями и небольшими заметками в периодической печати. Из наиболее ранних публикаций по природоохранной тематике, кроме упомянутых выше материалов, можно отметить опубликованные на страницах местной периодической печати доклад члена Приморского сельскохозяйственного общества А. Д. Старцева о необходимых мероприятиях по охране пятнистого оленя (1914 г.), текст обращения славянского лесничего к гражданам с призывом организовать «охотничий кружок» для охраны дичи (1916 г.), проект организации заповедника в верховьях рек Хора, Анюя и Немпту (1928 г.) и т. д.

Фонд естественнонаучных коллекций — одно из наиболее старых и, как следствие, наиболее интересных музейных собраний. В орнитологической коллекции, которая насчитывает 2 818 единиц хранения в виде тушек и чучел, представлены редкие виды, внесенные в Красные книги всех рангов, в т. ч. 34 вида, внесенных в Красную книгу РСФСР. Особую ценность представляют шкурки и чучела добытых в разные годы на территории Приморья, а ныне больше здесь не встречающихся дрофы, красноногого ибиса, овсянки Янковского (по 3 экз. каждого вида). Анализ коллекции был проведен в 1996–1997 годах студентом ДВГУ И. В. Середкиным.

В гербарной коллекции довольно широко представлены редкие и охраняемые виды, такие как микробиота перекрестнопарная, бразения Шребера, тис остроконечный и др. — всего более 20 видов флоры РДВ, внесенных в Красную книгу РСФСР (1978) и столько же рекомендованных к охране. Некоторые из них собраны в тех районах, где до настоящего времени не сохранились. Часть ботанических сборов выполнена в районах проектируемых, либо существующих заповедников. Более

200 листов собрано консерватором музея Н. П. Крыловым в 1918 году в долине р. Судзухе (Киевки) от устья до с. Беневского — вдоль западной границы будущего Лазовского заповедника. Около 100 листов поступило в 1928 году из заповедника «Кедровая Падь», от его заведующего В. К. Кузнецова, 50 листов — от сотрудника Южно-Уссурийского отд. Географического общества Инн. В. Козлова с о. Фуругельма, ныне входящего в ДВГМЗ. Встречаются также единичные сборы, выполненные тем же коллектором в 1920 году на территории современного Уссурийского заповедника, и И. К. Шишкиным на о. Петрова в 1930 году.

Анализ состава энтомологической коллекции требует участия квалифицированных специалистов, но даже предварительный просмотр позволил выявить ряд редких видов жесткокрылых, таких как жук-олень Дыбовского, реликтовый усач и др.

Проведенный нами анализ фондовых коллекций позволяет сделать следующие выводы:

Музей обладает рядом уникальных коллекций, которые по времени формирования восходят к этапу становления природоохранного дела в крае: это естественнонаучные сборы из районов будущих резерватов, библиографические материалы, документирующие историю зарождения и развития природоохранной деятельности в крае, материалы о деятелях науки, внесших заметный вклад в дело создания заповедников и организации в них исследовательской работы.

Современное состояние охраны природы в Приморье отражено в материалах заповедников, научно-исследовательских институтов, государственных и общественных природоохраных организаций.

Т. Ю. БЫЧЕНКО (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ)

НАСЛЕДИЕ В. К. АРСЕНЬЕВА В ЭКОЛОГО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ

«Само понятие музея неотделимо от другого понятия, понятия наследия. Наследие — это то, что составляет собственность каждой страны, каждого региона, каждой этнической группы, это то, что позволяет соответствующей человеческой группе познавать себя, утверждать свою общность, так же как и обновляться, доказывая свою жизнеспособность» — так сформулировал назначение музея в современном мире Ю. Линде, президент Международного совета музеев (1977–1983).

Деятельность Комсомольского-на-Амуре краеведческого музея по сохранению культурного наследия своего региона состоит в документировании процессов и явлений природы и общества, а также использовании их в научных, образовательно-воспитательных и пропагандистских целях. Согласовать эту деятельность музея с глобальными процессами современности позволяет экологизация всех форм работы его отдела природы.

Принятая мировым сообществом концепция устойчивого развития земной цивилизации, основанная на идее оптимизации демографической ситуации и качества жизни населения, созвучна с девизом «Сохраним ценности экологической культуры мира», провозглашенным 5 июня 1998 года в Москве — столице Всемирного дня охраны среды.

Раскрытию глубинного смысла девиза посвящена Московская декларация по экологической культуре. В ней говорится о том, что *«человеку во всех формах своего поведения в природе и социуме предстоит перейти... к экологическому природосообразному мышлению и деятельности, проектировать новую траекторию развития... согласовать ценности различных культур... Понятие экология и культура становятся ключевыми, помогают осмыслить ход истории, сохранить национальные корни культур, менталитет стран и народов, возникших в результате огромного многообразия взаимодействий человека и природы, ландшафта и этноса»*.

Сопоставив эту цитату с той, что дана в начале статьи и с концепцией устойчивого развития, можно увидеть их триединство. Поэтому эколого-краеведческая деятельность нашего музея позволяет актуализировать прошлую культурную практику своего региона в контексте его современного развития и требующих решения региональных экологических проблем.

Регион Нижнего Приамурья является объектом эколого-краеведческой деятельности Комсомольского-на-Амуре краеведческого музея. Осуществляя преемственность в изучении природы Нижнего Приамурья и взаимодействия местного населения с природной средой, автор статьи исследовал краеведческую деятельность Владимира Клавдиевича Арсеньева в нашем регионе, связанную с его экспедиционными изысканиями 1908–1910 годов на Сихотэ-Алине. Материалом для этого послужили книги В. К. Арсеньева, публикации разных авторов о его экспедициях и, конечно же, архивные источники.

Результаты исследования демонстрировались на выставке, посвященной краеведческой деятельности В. К. Арсеньева в регионе Нижнего Приамурья.

1998 год был ознаменован 90-летием начала самой деятельной и героической экспедиции В. К. Арсеньева на Сихотэ-Алинь. Памятью об этом подвиге Арсеньева и его спутников в истории изучения нашего региона стала эколого-краеведческая экспедиция со школьниками, организованная отделом природы Комсомольского-на-Амуре краеведческого музея.

Маршрут экспедиции проходил через село Троицкое Нанайского района, реку Анюй, откуда начиналась 25 июня 1908 года экспедиция В. К. Арсеньева на Сихотэ-Алинь.

Цель нашей экспедиции — положить начало организации в регионе Нижнего Приамурья эколого-краеведческого движения молодежи, направленного на

формирование экологической культуры через активную деятельность по исследованию и сохранению природы на примере комплексных экспедиций В. К. Арсеньева.

Владимир Клавдиевич Арсеньев был не только неутомимым и самоотверженным путешественником, исследователем, ученым, но и патриотом своей Родины, человеком высоконравственного мировоззрения. Поэтому очень важно осуществить историческую преемственность поколений, живущих в нашем регионе, через изучение краеведческого наследия В. К. Арсеньева и проведения молодежью собственных исследований, которые приблизят их к решению проблем выживания на своей земле.

Немаловажно увлечь молодежь экспедиционной работой, зажечь в душе искру исследователей-путешественников. Поскольку прав тот, кто сказал, что все исследователи, работай они днем и ночью, не уменьшают количества вопросов, которые ставит перед ними природа. А посему каждый из них имеет шанс обрести свое место в истории изучения природы и собственными усилиями попытаться постичь ее тайны и законы.

Пропаганда знаний о крае и воспитание любви к нему всегда находились в центре внимания В. К. Арсеньева. В этих целях он использовал свой блестящий литературный талант, его книги — подлинная поэма о природе Сихотэ-Алиня.

Находясь в экспедиции со школьниками на берегу р. Ашоя, были воспроизведены описания этой реки из книги Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня» (1949 г.). В своем произведении Владимир Клавдиевич запечатлел природу почти в ее первозданном виде. С тех пор нетронутыми человеком остались лишь самые труднодоступные уголки осевой части горных хребтов.

Сочетание сложных природных условий, где значительная часть лесных экосистем существует на пределе своих возможностей, с различными направлениями хозяйства обусловливает специфику и остроту проблем природопользования в регионе и охраны окружающей среды. Некоторые природные комплексы Нижнего Приамурья, находясь под мощным воздействием антропогенного фактора, резко теряют свое биоразнообразие. Кульминационным моментом обострения экологической ситуации в регионе является потеря территорий своих средо- и ресурсоформирующих свойств и явная угроза здоровью местного населения.

Отсюда следует, что исследование изменения экологического состояния конкретных природных систем и установление причинно-следственных связей этих изменений должны быть в центре внимания эколого-краеведческих экспедиций со школьниками.

«Только тогда исследования будут практичными, когда они научные», — подчеркивал В. К. Арсеньев. Знакомство с литературой и сбор библиографических сведений из имеющихся трудов он считал первым этапом всякого серьезного исследования. Именно с этого начинается подготовка школьников к предстоящей эколого-краеведческой экспедиции.

В краеведческом музее школьники изучают материалы фондов и научно-популярную литературу, делая выписки по теме своего исследования. Для познания школьниками истории взаимоотношений человека с природной средой и знакомства с особенностями природы Нижнего Приамурья в экспозиции музея проводятся тематические экскурсии, лекции, встречи с учеными и краеведами.

В биографическом очерке «В. К. Арсеньев» Н. Рогаль приводит выдержку из докладной записки Владимира Клавдиевича, адресованной уполномоченному Главнауки на Дальнем Востоке: *«Ко всякому исследователю предъявляются три требования: 1) он должен уметь приготовиться к путешествию, 2) уметь собрать научный материал и 3) уметь его обработать... Если хоть одно из этих требований... не будет выполнено, два других аннулируются»*.

Поэтому чрезвычайно важно при подготовке к экспедиции провести со школьниками методические занятия для того, чтобы научить их фиксировать всю свою исследовательскую работу в полевых дневниках, правильно собирать и обрабатывать естественнонаучный материал, а также оформлять результаты своих исследований.

Газета «Приамурские ведомости» (1910 г.) поместила в разделе хроники сообщение штабс-капитана Арсеньева о его экспедиции в 1908–1909 годах в общественном собрании, которое привлекло многочисленную публику и представило громадный интерес. Лекция продолжалась два с половиной часа и сопровождалась демонстрацией обширной коллекции по зоологии и этнографии, а также прекрасной картой обследованного пространства. По окончании лектор был награжден шумными знаками одобрения аудитории.

Общественное признание значимости эколого-краеведческих экспедиций со школьниками имеет по меньшей мере два главных момента. Во-первых, самоутверждение участников экспедиции как начинающих краеведов и исследователей. Во-вторых, привлечение молодежи к исследованию своего региона.

Результаты эколого-краеведческих исследований ежегодно освещаются на городских экологических конференциях школьников. Приобретение опыта исследовательской работы является предпосылкой творческого и гармоничного освоения молодежью историко-культурного и природного пространства жизни своего региона.

Накопленный в течение ряда лет и научно-обработанный материал, обобщающий методику подготовки и проведения со школьниками экологических исследований в условиях экспедиции, явился основой создания автором статьи методического пособия для учителей «Эколого-краеведческие экспедиции со школьниками» (1999 г.).

Примечания:

1. ***Ревякин В.*** *Музеи мира. — М., 1993.*
2. *Экологическая культура и образование, тез. Доклад сессии научного совета по проблемам экологического образования РАН //Под ред. Л. П. Симоновой и С. Н. Глазачева. — М., 1998.*
3. ***Воронов Б. А., Мирзеханова З. Г., Шлотгауэр С. Д.*** *Территория, хозяйство, экология. — Хабаровск, НИИВЭП, 1991.*

С. В. ЖЕУРОВА (ВЛАДИВОСТОК)

МУЗЕЙ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ

Со словом «музей» у многих людей связано представление о тишине пустых залов, о величественной красоте мраморных статуй, о пожелтевших страницах старых рукописей, о толстых фолиантах, но, пожалуй, только в глубокой древности музеям, как храмам, была присуща незыблемость бытия.

Современный музей — это иное. Это место, где человек прикасается к прошлому, исследует настоящее, задумывается о будущем, а главное — постигает самого себя. Поэтому для современного культурного человека так значимы Эрмитаж, Лувр, но почему-то мы забываем, что в каждом, даже самом небольшом городе есть свой местный Музей, богатства которого имеют не меньшую ценность, чем знаменитые шедевры.

История музейного строительства в Приморье тесно связана с началом географического и экономического освоения этих территорий в 60-е годы XIX века.

«Стремление к изучению родного края, — писал в своих воспоминаниях В. П. Маргаритов, первый директор Музея общества изучения Амурского края, — проникло во Владивосток и зародило благую мысль устроить Музей в нашем далеком уголке, славящемся у всех неизведанными природными богатствами».

Создание во Владивостоке Общества изучения Амурского края и Музея (1884) имело важное значение для становления музейного дела в крае. Общество сплотило в своих рядах представителей интеллигенции, ученых, исследователей, прогрессивных общественных деятелей, в лице которых Музей получил заинтересованных, энергичных, бескорыстных помощников. Благодаря целенаправленной деятельности учредителей Музей с первых лет своего существования имел целеустремленное краеведческое направление.

Большая часть экспонатов Музея добыта безвозмездным трудом людей, работающих с одной целью: принести посильную пользу краю, изучить его, осветить его прошлое и ознакомить с добытыми результатами.

Активная деятельность музея ОИМК способствовала повышению его авторитета в научных и общественных кругах как в России, так и за рубежом.

Свое краеведческое направление музей сохранил и до наших дней. Сегодня в фондах ПГОМ им. В. К. Арсеньева насчитывается более 200 тысяч предметов музейного назначения, каждый предмет имеет свою историю и этим интересен нам. Этот благодатный материал — своего рода кладезь для юных приморцев. Поэтому музей занимает сегодня прочное положение в образовательном процессе Гимназии № 1 г. Владивостока.

Программа музея рассчитана на самые разные возрастные ступени, например, для самых маленьких (начальное звено) предлагается цикл занятий музейного всеобуча: «Путешествие по Уссурийской тайге», «Путешествие под

водой», «Легенды и были о динозаврах», «Как растут камни», «Археологические находки в Приморье».

Ребята постарше откроют для себя многие тайны животного и растительного мира Японского моря, которому посвящена значительная часть экспозиций музея. А история развития Дальневосточной археологии может стать предметом исследования старшеклассников. Где еще как не в музее можно узнать, что археологи открыли на территории Приморья около 600 древнейших поселений, что население края прошло все основные этапы развития, о чем свидетельствуют археологические памятники палеолита, неолита, бронзы и железного века. Экспонаты поведают и о том, что на территории Приморья обнаружены памятники двух ранних средневековых государств: «Бохай» и «Золотая империя чжурчженей».

На основе музейного материала, различных фондовых коллекций, лекционных циклов, сеансов показа слайд-фильмов, экскурсий по музейным экспозициям был создан краеведческий курс: «Знай и люби свой край родной». Весь курс состоит из пяти отдельных циклов:

I. История и природа родного края
II. История города Владивостока
III. Коренные народы
IV. Традиционная народная культура
V. Экология и Приморье заповедное.

Задача этого курса — всестороннее изучение своей малой родины и накопление краеведческого материала. Чтобы знать и любить свою родину, нужно хорошо знать свой родной край, пройти по его дорогам и тропам, оказать посильную помощь в охране природы, памятников истории и культуры.

Именно краеведческий принцип дает возможность строить преподавание географии согласно дидактическому правилу «от известного к неизвестному», «от близкого к далекому».

Авторский курс ставит следующие цели: воспитывать чувство патриотизма, научить применять географические знания при изучении родного края, изучить историю родного края, исторических объектов, памятников культуры, развить индивидуальные способности детей, сформировать у детей интерес к профессиям, которые нужны краю; привить навыки охраны природы, рационального использования природных ресурсов; а самое главное — пробудить пытливый, активный интерес к окружающему миру, к исследовательскому характеру работы.

Положительное влияние на любого человека, и на ребенка особенно, оказывают факторы родной природы, ее красота, разнообразие, географическая специфика. Н. В. Гоголь когда-то сказал, что ландшафт, который видит ребенок, влияет на его взгляд на мир. Трудно с этим не согласиться. Красота родного края радует, вдохновляет, успокаивает, бодрит и даже лечит и, самое главное, привязывает к отечеству.

В формировании отношения к стране многое зависит от позиции и настроя самого учителя. Да, проблем в настоящий момент много, но постоянно говорить

о неудачах недопустимо, надо искать и видеть вокруг себя хорошее, а если есть проблема, то стараться вместе с детьми преодолевать ее. Да, дети сегодня не могут многое изменить, но важно сохранить желание понять проблему, стремление ее разрешить, тем самым изменяя к лучшему нашу жизнь. Очень важно формировать положительный образ страны, края посредством положительной информации и соучастия, развивать мысль о том, что красоты природы — национальное достояние родного края.

Реализуя девиз «Развивая, воспитываем», гимназия проводит тематические экскурсии на базе ПГОМ им. В. К. Арсеньева, тематические уроки, встречи с людьми, причастными к миру природы, писателями, учеными и деятелями культуры.

Воспитывая чувство гордости за свой регион (малую родину), мы проводим для гимназистов поездки по краю. В рамках расширения изучения стран азиатско-тихоокеанского региона совершаем экскурсионные туры по изучению истории, культуры, традиций, экономики в Китай, Корею, Японию. У нас в гимназии принято, что эти поездки заканчиваются творческими работами, рефератами, фото-экспозициями, выставками собранного и обработанного материала.

Для нас важно, чтобы исследование родного края не ограничивалось лишь получением и обработкой нового материала: необходим момент «проживания».

Так, гимназистам было предложено задание: проанализировать рекламные проспекты по Приморью, составить различные маршруты, показывающие красоту и разнообразие родного края. Ребята предложили интереснейшие проекты в области социально-экономического развития, смелые решения по энергосбережению Приморья и по созданию альтернативных форм источников энергии.

Смотром настоящих геологических знаний стало ежегодное участие старших классов в краевой геологической олимпиаде на базе ПГОМ им. В. К. Арсеньева.

«Не зная прошлого, нельзя понять настоящее и не возможно предвидеть будущее» — эти слова В. Г. Белинского очень важны для меня как учителя. Местом, где происходит соприкосновение времен, является Музей.

Итак, на сегодня музей обладает колоссальной силой и имеет образовательное и воспитательное значение, помогая учащимся увидеть не только красоту и неповторимость родной земли, но и понять и оценить влияние антропогенного фактора на окружающую природу.

Музей — это не пустые тихие залы, не забытые пыльные рукописи, а место совершенствования личности, развития творческих способностей. Музейные экспонаты оживают, раскрывают свои тайны тем, кто хочет и умеет увидеть великое в малом, постичь взаимосвязь истории человечества, истории России и истории маленького уголка земли — Приморья.

Знание природных характеристик своего района, его благоприятных и неблагоприятных особенностей развития, экологического состояния, природоохранных мероприятий, осуществляемых различными организациями, делает учащегося сопричастным судьбе своей малой родины, формирует у молодого поколения чувство личной ответственности за состояние не только своего края, но всей России.

В. А. ОБЕРТАС (ВЛАДИВОСТОК)

К ИСТОРИИ МУЗЕЯ ВЛАДИВОСТОКСКАЯ КРЕПОСТЬ

Музеи являются одним из показателей уровня культуры того или иного города, региона и даже страны, так как в наши дни представляют собой важные культурно-просветительские центры, научные учреждения и собрания движимых памятников истории и культуры. Сфера культурного влияния музеев более многогранна, чем библиотек, клубов, зрелищных учреждений. И в России, и за рубежом есть даже небольшие города, в которых один музей приходится на 5–10 тысяч жителей. Так, в Луцке (Украина) 10 музеев приходится на 100 тысяч жителей, в Тарту (Эстония) — 15 музеев на 105 тысяч жителей, в Суздале — историко-архитектурный заповедник из 7 музеев на 30 тысяч жителей, а в маленьком итальянском городе Урбино на 11 тысяч жителей приходится 17 музеев. Конечно, музеи рассчитаны не только на жителей данных городов, но и на туристов. В то же время их наличие создает в городе определенную «музейную ауру», способствуя повышению общего уровня городской культуры.

Наши дальневосточные города по числу музеев относительно количества их населения значительно отстают. Во Владивостоке с его девятью общедоступными музеями один музей приходится на 80 тысяч жителей, а в Уссурийске, в Находке — более чем на 150 тысяч. Музеи, безусловно, бывают разные, и один многопрофильный музей по богатству и многообразию фондов может заменить 10–20 небольших специализированных. Но, как писал еще в середине XIX века Проспер Мериме, рядовой горожанин в музее бывает дважды в жизни: один раз в молодости его приводят, во второй раз он приводит своих детей. Из этого следует, что совокупное количество посещений будет больше, если самих музеев будет больше. Возможно, такое понимание посещаемости музеев уже устарело, но нельзя не согласиться, что чем больше в городе музеев, тем больше их совокупное культурно-просветительское влияние на население. И поэтому открытие каждого нового, пусть даже небольшого, музея надо приветствовать.

Самым молодым музеем г. Владивостока является музей Владивостокской крепости, открытый 30 октября 1996 года. От других музеев города он отличается тем, что это единственный в регионе негосударственный музей и тем, что само здание музея является одновременно и музейным экспонатом: музей расположен в фортификационном сооружении Владивостокской крепости.

Сам музей существует и функционирует 4 года, а история его создания насчитывает 12 лет. В последние годы в местных средствах массовой информации неоднократно появлялись публикации, искажающие эту историю, смещающие многие акценты. Поэтому возникла необходимость в рамках настоящей конференции, рассматривающей и историю музейного дела в крае, объективно рассказать, как создавался этот уникальный и очень важный для Владивостока музей.

Комплекс фортификационных сооружений бывшей Владивостокской крепости — совершенно уникальный памятник истории и культуры. Сама крепость, как действующий оборонительный комплекс базы Тихоокеанского флота России в конце XIX — начале XX веков, оказала огромное влияние на формирование пространственной структуры г. Владивостока и породила в нем ряд архитектурно-градостроительных проблем, не решенных до сих пор. Крепость была упразднена в 1923 году, но ее мощные, не поддающиеся времени и динамиту сооружения продолжали существовать. Они остались бесхозными, зарастали лесом, и город о них быстро забыл. До середины 70-х годов ни в одной публикации по истории Владивостока не найти даже термина «Владивостокская крепость». Но были очень распространены легенды о том, что бетонные сооружения на побережье и на окраинах города настроили японцы в период интервенции 1918–1922 гг. А если это настроили японцы, то, значит, ценности эти сооружения не представляют. И в 60–70-е годы, когда Владивосток быстро рос территориально, ряд фортификационных сооружений, оказавшихся на пути строителей, были снесены, без всяких раздумий и без желания выяснить, имеют ли они какую-либо историческую ценность.

Между тем, в каждом городе среди подростков, молодежи всегда находятся любители таинственного, охотники побродить по руинам, подземельям, а, если их нет, то по чердакам старых домов. Такие были и во Владивостоке. Толчком к началу научного изучения крепости стала встреча в 1975 году автора этой статьи с двумя студентами химического факультета ДВГТУ: Н. Аюшиным и В. Калининым, которые, как оказалось, в школьные годы исследовали все доступные для посещения и недоступные сооружения крепости и накопили огромный фактологический материал в виде собственноручно сделанных обмеров, вычерченных схем, чертежей и фотографий. Занимаясь историей застройки Владивостока, я к тому времени уже владел историческими сведениями о крепости и был знаком с архивной документацией по ней, хранящейся в Центральном государственном военно-историческом архиве, где я работал в 1974 году.

Началось наше научное сотрудничество, базой для которого стало Приморское отделение Всероссийского общества охраны памятников. Мы теоретически и практически изучали крепость, создавали базу данных, параллельно проводили лекции, беседы, экскурсии по сооружениям крепости. Уже в 1977 году для Управления культуры Приморского крайисполкома были составлены, а затем утверждены в Министерстве культуры паспорта на некоторые крепостные сооружения как на памятники истории и культуры. В 1980 году первые четыре сооружения Приморским крайисполкомом были приняты под государственную охрану как памятники военно-оборонительного зодчества. И Президиум Приморского отделения ВООПИК решил создать отдельную секцию памятников военно-оборонительного зодчества, объединив в ней усилия всех членов ВООПИК, кто интересовался историей крепости и мог внести свою лепту в изучение и охрану ее памятников.

В 80-е годы к нам в секцию стало приходить все больше людей разного возраста, интересовавшихся крепостными сооружениями. Одни самостоятельно

старались изучать историю крепости, считая, что этим занимаются только они, и спешили рассказать о своих «открытиях». Другие бродили по сооружениям, не зная, что это такое, и хотели узнать об этом в Обществе. Некоторые приносили находки: снаряды, ржавые замки броневых дверей казематов, мелкие детали военного обмундирования начала XX века, саперные лопатки и прочее. И вот, чтобы направить изучение крепости в единое русло, чтобы воспрепятствовать разграблению фортификационных сооружений, утрате ценных раритетов, в 1988 году президиум Приморского отделения ВООПИК решил создать при отделении историко-патриотический клуб «Владивостокская крепость».

Первое собрание желающих стать членами клуба состоялось 26 января 1989 года. На собрании был избран оргкомитет клуба для разработки его Устава. В состав оргкомитета вошли: Н. Аюшин, В. Калинин, В. Обертас, А. Радушкевич, Б. Борисов, В. Козько, Д. Минченко, Т. Савинова. И вот при разработке Устава клуба возникла идея создания Музея истории Владивостокской крепости. Предопределило ее то, что в качестве прототипа Устава клуба было решено использовать Устав созданного в 1884 году Общества изучения Амурского края. А в его четвертом параграфе было записано, что целью ОИАК является учреждение во Владивостоке общедоступного музея для ознакомления населения края с его историей и природными богатствами. Аналогично в разделе втором Устава клуба нами было записано, что целями клуба являются:

— изучение, сохранение и пропаганда Владивостокской крепости;

— создание общественного музея истории этой крепости.

16 февраля 1989 года Устав был утвержден, а 23 марта того же года клуб был зарегистрирован как общественное объединение. Началась его активная деятельность. Работа по сбору экспонатов, графических материалов, исторических документов велась с первых дней существования клуба. Все это рассматривалось как основа фондов будущего музея, но решение о том, чтобы разместить музей на базе Безымянной батареи, где он сейчас существует, появилось далеко не сразу. В то время казематы батареи были полностью засыпаны грунтом и строительным мусором, по их покрытиям как по дороге ездили автомашины. Пределом мечтаний членов клуба было просто открыть, расчистить руины сооружения, чтобы горожане могли видеть этот старейший из сохранившихся во Владивостоке памятников оборонительного зодчества. Еженедельно по выходным дням члены клуба с ломами и лопатами приходили откапывать казематы, но вручную они при всем желании не могли снять, и, тем более, вывезти с территории батареи около полутора тысяч кубометров грунта и мусора. И только когда работой энтузиастов заинтересовалась заведующая отделом культуры горисполкома Н. И. Полозова и помогла строительной техникой, удалось снять четырехметровый слой грунта, очистить руины батареи и отметить на ее территории 30 августа 1989 года 100-летие со дня основания крепости.

В 1990 году по заказу отдела культуры горисполкома архитектор реставрационного участка В. Хегай разработал проект реставрации батареи, к сожалению, некачественный и потребовавший переделки, и с 1991 года там начались вялотекущие реставрационные работы, растянувшиеся до конца 1995 года. Батарея

была передана на баланс Приморского отделения ВООПИК, и Н. Полозова, перешедшая в 1991 году на работу в отделение, стала заказчиком и хозяйственным распорядителем этих работ.

Вопрос же о размещении будущего музея в 1990–1991 гг. рассматривался ПО ВООПИК неоднократно. Были варианты его устройства в цокольном этаже здания Приморского филиала Географического общества СССР, в одной из крепостных казарм на ул. Верхне-Портовой, в крепостном Укреплении № 1 на ул. Днепровской. И только в 1992 году, когда клуб «Владивостокская крепость», работавший вместе с ПО ВООПИК в здании Географического общества, вынужден был перебазироваться в один из незаконченных ремонтом казематов Безымянной батареи, было принято решение музеефицировать саму батарею. Для этого бывшие снарядные и пороховые погреба казематов батареи были во время ремонта соединены в анфиладу, а окружающая территория превращена в площадку для открытой экспозиции орудий и крупной техники. В сборе экспонатов, в формировании фондов музея участвовали в той или иной степени все члены клуба, но наибольший вклад внесли Н. Аюшин, В. Калинин, С. Авилов, Б. Борисов, В. Козько, С. Серебрякова, А. Соболев, В. Гришечкин, Т. Смирнова, Д. Анча, А. Стехов, С. Воробьев и автор этой статьи. Научную концепцию музея разработал в 1995 году вице-президент и «идеолог» клуба — В. Калинин. Проект экспозиции музея был начат архитектором Г. Лыковым, но вскоре он отказался от этой работы и, фактически, всю внутреннюю экспозицию пришлось выполнять В. Обертасу, привлекая к работе преподавателей и студентов Архитектурного института ДВГТУ. Экспонируемые макеты фортификационных сооружений выполнялись макетчиком В. Томашом, преподавателями А. Качурой и В. Обертасом, студентами Р. Протасовым, П. Гежиным, Н. Музыченко, П. Шевченко. Портреты Н. Н. Муравьева-Амурского, П. Ф. Унтербергера, живописный фон двух диарам писала преподаватель кафедры дизайна, заслуженный работник культуры России Н. Д. Калинина. Она же участвовала в окраске макетов и консультировала колористические решения. В оформлении выставочных стендов, витрин участвовали члены клуба Н. Аюшин, Д. Анча, В. Калинин, В. Козько, Б. Борисов и, опять же, студенты А. Колдин, Д. Сергеев, А. Гаврилов, А. Бурдонов, А. Черноиванов, преподаватель С. Ким. Именно руками этих людей и благодаря их бескорыстной помощи превращены бывшие снарядные погреба и убежища в музейные залы. Без их труда не состоялось бы 30 октября 1996 года открытие музея. Ныне же многие из перечисленных имен старательно стираются.

Что касается открытой экспозиции музея, то в ее создании основная заслуга принадлежит Н. И. Полозовой, так как она смогла договориться с флотскими учреждениями, получить, организовать перевозку и установку целой коллекции артиллерийских орудий и крупной техники. Работы по доводке этой техники, установке, благоустройству территории и снабжению материалами выполнял очень умело и оперативно П. Н. Полозов.

Музей крепости существует, и будет существовать, но у него нет возможностей развития, нет условий для накопления и хранения фондов, для научной работы. А без этого музей становится выставкой. Перспектива просматривается

только в создании на базе сооружений всей крепости историко-архитектурного музея-заповедника. Музеев-заповедников в России много. Но все они сформированы на основе древних кремлей, монастырей. Заповедник же на базе крепости начала XX века был бы уникальным в стране и способствовал бы развитию туризма и процветанию Владивостока как туристского центра.

Н. В. КАСЬЯНОВ (ВЛАДИВОСТОК)

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Музеефикация фортификационных сооружений решает сразу две задачи: сохраняет эти памятники истории и культуры, превращая их в объект музейной экспозиции, и одновременно сокращает материальные затраты на создание музейного комплекса. В мировой практике накоплен достаточно большой опыт музеефикации фортификационных сооружений. Многие фортификации стали основой военно-исторических музеев, хотя тематика размещаемых в них музеев далеко не всегда имеет военную направленность.

Разумеется, консервация, реставрация и музеефикация крепостных укреплений должны обеспечиваться соответствующей законодательной основой. Весьма детально разработано и успешно реализуется законодательство, регламентирующее охрану памятников культуры, а также природных ландшафтов, в Соединенных Штатах Америки. В 1916 году там была создана Служба национальных парков, чтобы «защитить пейзаж, природные и исторические объекты… и дать широким массам населения возможность пользоваться всем этим, сохраняя их нетронутыми для будущих поколений». Закон 1935 года провозгласил «национальную политику, ставящую целью сохранить ландшафты, исторические здания и объекты национального значения как источник вдохновения и воспитания для народов Соединенных Штатов». В 1966 году принят закон о сохранении национального исторического наследия, предусматривающий финансирование работ по сохранению культурного достояния и составление Национального регистра, включающего все «объекты… представляющие интерес с точки зрения истории, архитектуры, археологии и культуры Америки». Памятники военно-оборонительной архитектуры рассматриваются в США как национальное достояние; сохранившиеся фортификационные сооружения внесены в Национальный регистр.

Атлантический вал — мегалитический ансамбль Второй мировой войны и одна из грандиознейших защитных систем недавнего прошлого — представлял собой своего рода оборонительную стену всего северного побережья европейского континента. После войны значительная часть укреплений была разрушена, тогда как многие сохранившиеся фрагменты в настоящее время музеефицированы.

Так, в Дании превращены в музей остатки сооружений Атлантического вала вдоль побережья страны, возведенные Германией в период оккупации в 1942–1944 годах. Центр музейного комплекса находится на мысе Ханстхольм; в состав этого необычного музея входят береговые батареи, бункеры, полевой госпиталь, открытая экспозиция вооружения, радарные станции.

В нашей стране классическими примерами музеефикации крепостей — градообразующих центров — стали исторические и архитектурно-художественные музеи-заповедники Московского Кремля, кремлей других старинных городов, Петропавловской крепости Петербурга. Общеизвестный символ России — Московский Кремль — столь привычен, что забывается его исходная, уже практически утраченная фортификационная функция, зато вполне осознается нынешняя функция носителя символики государственной мощи.

Примером музеефицированной крепости, сохранившей исторический и архитектурный облик, может служить Петропавловская крепость — исторический центр Петербурга, дата закладки которой — 16 (27) мая 1703 года — считается и датой основания города. В 1922 году Петропавловский собор и Трубецкой бастион были превращены в музеи, а в 1966 году приняты меры по превращению крепости в исторический и архитектурно-художественный заповедник. Кронверк Петропавловской крепости, возведенный в 1850–1860 годах в стилизованных формах средневекового крепостного зодчества и исходно служивший артиллерийским арсеналом, постепенно превратился в хранилище реликвий боевой славы русской армии и в 1872 году получил наименование Артиллерийского музея. С 1965 года это Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Ныне общественный фонд «Крепости Балтики» добивается музеефикации фортов Финского залива, охранявших морские подступы к Петербургу: Красная Горка, Серая Лошадь, Тотлебен, Обручев, Александр Первый и других.

Брестская крепость в Белоруссии, заложенная в 1833 году, неоднократно модернизированная и представлявшая к началу Первой мировой войны мощную крепость 1-го класса, прославлена героической обороной 1941 года. В 1965 году Брестской крепости присвоено почетное звание крепости-героя с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»; такой статус обеспечивает охрану и музеефикацию фортификационных сооружений крепости (цитадели, отдельных укреплений и фортов).

Среди городов российского Дальнего Востока наибольшим потенциалом для развития музейной сети обладает Владивосток. Как известно, Владивосток был основан как форпост России на Тихом океане и объявлен крепостью в 1889 году. С историей Владивостокской крепости связано и имя В. К. Арсеньева: во время русско-японской войны задачей конно-охотничьих команд крепости под руководством штабс-капитана В. К. Арсеньева было противодействие разведывательно-диверсионной деятельности японцев в Южно-Уссурийском крае.

Расположенные в черте города сооружения Владивостокской крепости — памятника военно-оборонительного зодчества конца XIX — начала XX веков, включающего 16 фортов и около сотни других фортификационных сооружений, могут быть приспособлены для размещения музейных экспозиций. Чтобы не утратить их как часть нашей истории и памятник военно-оборонительного зодчества федерального значения, необходима именно музеефикация этих сооружений, хотя экономическая ситуация делает неизбежной некоторую степень коммерциализации использования фортификаций Владивостокской крепости. В идеале же весь комплекс крепостных сооружений может стать музеем-заповедником — как уже предложил В. А. Обертас.

Во Владивостоке есть первый опыт превращения сооружений крепости в музей — Безымянная батарея, находившаяся десятилетиями в руинированном состоянии, в 1991–1996 годах была отреставрирована Приморским отделением ВООПИК и приспособлена для размещения музея истории Владивостокской крепости. Для музеефикации могут быть успешно использованы крепостные форты, в особенности форты проекта 1910 года; пригодны также некоторые береговые батареи, причем не только царского периода. Так, частью музея Тихоокеанского флота недавно стала Ворошиловская батарея на Русском острове — уникальное сооружение советского времени.

Наибольшими возможностями для размещения музейных экспозиций обладают форты № 6 и № 7; их туннельные казармы — потенциальные музейные залы. В подбрустверных галереях этих и других фортов возможно развертывание различных экспозиций линейного характера. Обширная территория фортов пригодна для устройства открытых экспозиций. В рамках исторических реминисценций перспективно также воссоздание исходного облика некоторых фортификаций.

Итак, консервация, реставрация и музеефикация фортификационных сооружений — общая тенденция мировой практики. Уникальный архитектурно-ландшафтный комплекс Владивостокской крепости с монументальными фортификациями, органично вписанными в рельеф местности, весь в целом должен стать историко-архитектурным музеем-заповедником.

Крепость Владивостока, неразрывно связанная с его основанием и историей, может и должна стать таким же символом города, как Московский Кремль и Петропавловская крепость Петербурга.

О. М. КОТ (ВЛАДИВОСТОК)

ФОНДООБРАЗОВАТЕЛЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГОРБАЧЕВ

В повседневной жизни ПГОМ им. В. К. Арсеньева часто звучит фамилия дарителя Ивана Васильевича Горбачева. Первое поступление от Горбачева датируется 1986 годом, последнее — 2000. К 100-летию музея в 1990 году Иван Васильевич передал материалы с напутствием: «В музей переданное мной — лучшая

память о моих родителях, о семье Горбачевых». Супруги передали в дар музею около 1 000 экспонатов.

Иван Васильевич Горбачев родился 11 сентября 1909 года в г. Красноярске, в семье железнодорожного рабочего шестым ребенком. Родители были глубоко верующими людьми, принадлежали к поморскому согласию («беспоповцы»). Отец Василий Ульянович (1874–1959) всю жизнь работал на железной дороге. Мать — Анна Яковлевна (1879–1959), в девичестве Никифорова, вела домашнее хозяйство.

Семья переехала на Дальний Восток в начале XX века из Витебской губернии, Двинского уезда, деревни Щедряты. Родители жили на станции Арга Амурской железной дороги с 1930 года и до самой смерти. В Аргу переехали с соседней станции Михайлово-Чесноковская (пригород г. Свободного), где жили с 1915 по 1930-й годы. Отец Василий Ульянович работал по найму с 1901 года на ремонте полотна железной дороги артельным старостой, бригадиром. Переданные в музей Иваном Васильевичем документы отца датируются 1902–1937 годами. В частности *«удостоверение, выданное крестьянину деревни Щедряты Двинского уезда Василию Ивановичу Горбачеву в том, что в 1901–1902 гг. он исполнял свои обязанности тщательно. Контора Климентия Саблинского по сооружению Санкт-Петербургской линии. 1902 г.»* Хранится и удостоверение Василия Ульяновича Горбачева о работе на постройке губернского дома в г. Благовещенске десятником с 1 мая по 15 августа 1910 года. Справка от 16 августа 1910 года. Можно отметить и *«страховое удостоверение для пользования бесплатной медицинской помощью, выданное Горбачеву Василию Ульяновичу правлением Уссурийской железной дороги 31 декабря 1930 г.»*.

По воспоминаниям сына, родители были грамотными, мудрыми людьми, обладали широким кругозором, а природный ум сочетался с силой воли. Так, в 1924 году Василий Ульянович, откликнувшись на призыв партии, написал заявление о приеме в ряды ВКП(б). Местный партиец сказал: *«Василий Ульянович, ты наш человек. Мы тебя знаем, примем, но отрекись от Бога»*. На что В. У. Горбачев ответил: *«Если принимаете меня с Богом, я вступлю в партию, если нет, то вступать не буду»*.

Как вспоминает И. В. Горбачев, детство в доме родителей было счастливым. В доме на станции Арга были спальня, столовая и кухня. В праздники стол стоял под белой скатертью, над столом — керасиновая 15-линейная лампа под молочным абажуром с надписью «Чудо-лампа-патент». В левом углу столовой находилась треугольная полка с тремя иконами, большая икона, закрывавшая угол, не сохранилась. Слева и справа от большой иконы стояли иконы в окладе «Софийская премудрость» и «Четьи минеи с целебником». Обе иконы XIX века переданы в фонды музея.

Металлические иконы «Богоматерь с младенцем» (бронзовое литье, позолота, XIX в.) и «Богоматерь. Знамение» (бронзовое литье, XIX в.) хранились в сундуке. Эти старообрядческие иконы Анна Яковлевна передала дочери Марии Васильевне Мартыновой. В 1988 году Мария Васильевна отдала их брату Ивану Васильевичу. В 1990 году они поступили в музей.

Лампадки в виде лепестка из голубого стекла. Кадило ручное, на рукоятке, не на цепи. В обряде участвовала только своя семья, поскольку на станции Арга семей старообрядцев их толка больше не было. Лестовка принадлежала Анне Яковлевне, умершей в 1959 году на 81-м году жизни. После ее смерти И. В. Горбачев взял лестовку себе, затем передал в музей.

Анна Яковлевна прекрасно шила, обшивала всю семью. В фондах хранится сертификат (паспорт) на швейную машинку «Зингер», которую приобрела Анна Михайловна в Харбине в июне 1906 года. Вместе с паспортом был прислан и *«счет компании „Зингер" в г. Харбине от 9 июня 1906 года госпоже Горбачевой Анне Яковлевне за ручную швейную машинку»*.

И. В. Горбачев окончил школу-семилетку и один курс Приамурского политехникума путей сообщения в г. Хабаровске. В 1926 году поступил в ГДУ на технический факультет. В музее хранится почтовая карточка от 9 сентября 1926 года с сообщением о том, что он принят в число студентов ГДУ. Окончил ДВПИ в 1931 году. В автобиографии Иван Васильевич написал: *«Основными учителями считаю профессоров В. П. Вологдина и С. А. Данилова»*. Перспективный ученик был оставлен при институте для научной работы и преподавания курса «Металловедение». С тех пор вся жизнь И. В. Горбачева была связана с ДВГТУ (ДВПИ). Общий стаж работы доцента, кандидата технических наук Горбачева в вузе почти 60 лет.

В 1945 году в г. Свердловске защитил кандидатскую диссертацию, выполнив там же большую экспериментальную часть. Заведовал кафедрой в ДВПИ более 20 лет. В отставку подал после тяжелой болезни. Иван Васильевич 32 года был научным руководителем металлографической лаборатории, выполнил свыше 700 исследований, анализов, экспертных заключений для предприятий всего Дальнего Востока. Первая научно-исследовательская работа была выполнена в 1932 году, и впоследствии И. В. Горбачев всю жизнь занимался вопросами теории металлических сплавов, графитизации и фазовых превращений в чугунах, решением практических проблем производства. Научные работы печатались в «Трудах ДВПИ», в центральных научно-технических журналах.

С 1971 года, с открытием в ДВПИ новой специальности, занимался постановкой нового курса металлографии, курса металловедения на сварочной специальности. По курсу металловедения им было поставлено 16 лабораторных работ, написаны руководства для студенческих занятий по курсам «Металловедение» и «Металлография», введены научно-исследовательские работы. В частности, И. В. Горбачев написал первое в СССР руководство «Сводка данных и результатов лабораторных исследований по металлургии сварки, металлографии и свойствам сварных швов». Горбачеву принадлежит документальное подтверждение приоритета ДВГТУ в подготовке первых электросварщиков в СССР.

Опытом и знаниями Горбачев делился со многими. Так, в 1930-е годы по совместительству работал инженером-металлографом в отделе заводских лабораторий Дальзавода, заведовал кафедрой технологии металлов ДВВИМУ. В годы Великой Отечественной войны участвовал в актуальных тогда разработках

производства вооружения в г. Владивостоке, провел несколько научных исследований, за что в 1943 году был награжден значком «Отличник соцсоревнования», Почетной грамотой Военного совета ТОФ. И. В. Горбачев за свою плодотворную и многолетнюю работу отмечен многочисленными наградами, почетными грамотами, нагрудными знаками, благодарственными письмами… Его имя занесено в книгу почета ДВГТУ, научно-педагогическая работа отмечена медалью «50 лет ДВПИ» [1]. Многие наградные материалы им также переданы в фонды музея.

В фонд редкой книги Иван Васильевич передал из личной библиотеки большую коллекцию исторической, общественно-политической и экономической литературы, издаваемой в СССР в 1920–1950-е гг. В своей автобиографии он пишет: *«Книги начал собирать со студенческой скамьи в 1920-е годы, под влиянием профессора Зильбермана, читавшего диамат и истмат настолько талантливо, что студенты заслушивались»*. Среди книг два тома «Капитала» К. Маркса 1923-го года издания. Книги были приобретены женой Ивана Васильевича Софьей Николаевной, бывшей студенткой восточного факультета ГДУ (1925–1930). Кстати, в мае 2000 года Софья Николаевна Горбачева, в девичестве Корчуганова, передала в дар музею свое студенческое удостоверение, зачетную книжку и свидетельство об окончании в 1930 году японского отделения восточного факультета Дальневосточного государственного университета.

Хочется упомянуть об уникальном «Часовнике», изданном Московской старообрядческой книгопечатней в 1906 году, о раритетных трех сериях «Обиходной рецептуры» Эльпе, изданных А. С. Суворины в Санкт-Петербурге в 1893 году, о «Словаре иностранных слов» Н. Гавкина, изданного в Киевской типографии С. В. Кульженко в 1914 году.

Значительно пополнилась и музейная коллекция открыток. По воспоминаниям Ивана Васильевича, открытки приобретались им во Владивостоке в газетном киоске на ул. Ленинской (возле нынешнего Матросского клуба). Это комплект открыток с видами Владивостока 20–30-х годов, несколько наборов открыток с видами Москвы. Альбом почтовых карточек «Москва зимой», изданный трестом «Мосреклампсправиздат» в 1929 году тиражом 5000 экз. Этот альбом И. В. Горбачев приобрел во время первой творческой командировки в Москву в 1931 году.

К 100-летнему юбилею Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева Иван Васильевич передал в дар большой комплекс материалов по истории своей семьи. В семье было семеро детей: три сына и четыре дочери (трое умерли в детстве). Самые ранние семейные фотографии датируются 1910-м годом, так же как и семейная переписка.

Брат Ивана Васильевича Яков Васильевич Горбачев (1900–1961) служил телеграфистом в штабе И. П. Уборевича. 25 октября 1922 года вместе с народно-революционной армией Д. В. Р. и партизанами вступил во Владивосток. Участник Великой Отечественной войны. До 1961 года работал бригадиром службы пути на ст. Арга Амурской железной дороги, умер от туберкулеза. В фондах хранится фотография Якова — солдата Народно-революционной армии Д. В. Р., датируемая 1922 годом и часы карманные фирмы «Павел Буре» начала XX в. Служебные часы выдали Якову в начале службы телеграфистом.

Сестра фондообразователя Марфа Васильевна Горбачева (1895–1950) окончила женскую гшимназию. В России только после 1905 года стали принимать в гимназии детей старообрядцев. Затем она учительствовала в деревне Амурской, в 1913 году вышла замуж за машиниста Шляхова Владимира Константиновича, репрессированного в 1930-е годы. В документальном фонде хранятся письма Марфы отцу и матери, датируемые 1911–1912 гг., в которых она писала о жизни и учебе в Благовещенской гимназии, фотографии Марфы-гимназистки. Далее письма охватывают период с 1941 по 1945 годы, когда Марфа Васильевна Горбачева-Шляхова писала родителям о своей жизни в г. Сталино Кемеровской области.

Хочется отметить и комплекс материалов семьи Ирины Васильевны Горбачевой-Сушинской. Ирина (1807–1988) окончила несколько классов гимназии. Сохранились документ о том, что она *«5 марта 1909 года состояла ученицей Красноярской женской гимназии, в удостоверение чего выдан сей билет № 383»*, а также книжица *«с правилами для учащихся в женских учебных заведениях Иркутского генерал-губернаторства»*. Замуж Ирина вышла за техника-чертежника Сушинского Ефима Федоровича (1885–1963). Впоследствии он стал помощником начальника участка службы железной дороги в Никольск-Уссурийске. В 1934 году произошло крушение поезда на его участке и Ефима Федоровича осудили за халатное отношение к работе. Судил военный трибунал железнодорожной станции Никольск-Уссурийск. В заключении работал на строительстве железной дороги Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре. Хранится его билет ударника этого периода. После освобождения семья уехала в Алма-Ату. Среди многих экспонатов можно отметить чертежную шкатулку с выдвижными ящичками и перья, датируемые началом XX века, которые принадлежали Е. Ф. Сушинскому, семейную серебряную солонку начала XX века на поддоне с гравировкой из шести тюльпанов и листьев с клеймами мастера и пробирного управления, нижегородского и Тульского пробиреров.

История всегда привлекала И. В. Горбачева. Он много работал в архивах, собирал материалы об учениках В. П. Вологдина, преподавателях и выпускниках ДВГТУ, вел обширную переписку. Иван Васильевич — один из основателей музея ДВГТУ, много лет был председателем совета музея. Почти 15 лет И. В. Горбачев оказывал активную, систематическую помощь в комплектовании фондов ПГОМ им. В. К. Арсеньева. Дарителя отличал музейный подход к отбору предметов. Он был прекрасным специалистом в области истории, истории материальной культуры, искусствоведения, литературоведения… Мог точно выделить исторические факты или факты современной жизни, интересующие музей и безошибочно выявить предметы музейного значения.

Благодаря неоднократным поступлениям от И. В Горбачева значительно пополнились коллекции ПГОМ им. В. К. Арсеньева по темам: «Старообрядческое население Приморья», «Быт переселенцев начала XX в.», «Религия», «История высшего образования в Приморском крае», «История Владивостока» и другим.

Буквально до последнего времени Иван Васильевич был полон сил и энергии, не терял связи с ДВГТУ, часто приходил в наш музей. 11 сентября 1999 года ему исполнилось 90 лет. Юбиляр принял множество приветственных адресов и поздравлений, а через 5 месяцев — 26 февраля 2000 года скончался.

Примечания:

1. *Кива Л. А. Иван Васильевич Горбачев//Персональный библиографический справочник. Владивосток, 1995.*

И. Н. КЛИМЕНКО (ВЛАДИВОСТОК)

МАТЕРИАЛЫ ГЕОЛОГА М. А. ПАВЛОВА В ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА

Весной 1999 года в музей были переданы интереснейшие материалы жительницей нашего города Ревaненко Зинаидой Александровной — всего 213 ед. хр. Долгое время они пролежали в сыром гараже частного дома на станции Океанская. Не удивительно, что на первый взгляд они напоминали ворох никому не нужных бумаг, фотографий, альбомов — пожелтевших от воды и пыли, с пятнами, разрывами и утратами.

Уже при первом просмотре оказалось, что материалы имеют самое непосредственное отношение к истории нашего края и города, к истории страны. Весь архив принадлежал ныне хорошо известному дальневосточному геологу Павлову Михаилу Алексеевичу (1884–1938), жизнь которого в 1930-е годы сложилась трагично. В 1931 году Михаил Алексеевич был арестован и приговорен к расстрелу «за шпионаж в пользу империалистических государств» (ст. 58, пп. 6,7). Расстрел заменили заключением сроком на 10 лет. Однако в июле 1938 года Павлов был вновь приговорен к расстрелу «за саботаж». Приговор привели в исполнение незамедлительно. Реабилитировали посмертно в 1957 году.

Очевидно, все это стало достаточно веской причиной для того, чтобы надолго забыть о существующем архиве. Благо, что он не был уничтожен совсем.

При анализе материалов удалось установить, что в них содержится значительное количество фотографий биографического характера. В первую очередь, это портреты родителей Михаила Алексеевича — Марии Тихоновны и Алексея Михайловича Павловых, портреты сестер Веры и Марии, брата Петра, первой жены Михаила Алексеевича Ольги Александровны (ур. Клушиной), фотографии их сына Алексея. Наконец, огромное количество снимков самого Михаила Алексеевича — начиная с периода его учебы в царскосельской классической гимназии, затем в Санкт-Петербургском университете, заканчивая фотографиями его

работы на Урале и на Дальнем Востоке. За период учебы в университете Павлов активно включился в исследовательскую работу и с 1908 года ежегодно выезжал на полевые работы на европейский север России — сначала в качестве коллектора, а затем самостоятельно, вследствие чего учеба в университете продолжалась почти 10 лет.

Изучая материалы дальневосточного периода, удалось найти достаточно много фотографий и документов, подтверждающих его работу в Дальгеолкоме и факт его личного знакомства и сотрудничества с многими ведущими учеными Дальгеолкома — П. И. Полевым, А. И. Козловым, И. А. Преображенским, Я. А. Макеровым, Н. П. Алексинским и др. В частности, это фотография сотрудников Дальгеолкома. Снимок был сделан в 1928 году во дворе Дальгеолкома, на фоне здания, где проживал тогдашний заведующий Дальгеолкомом Петр Игнатьевич Полевой. По устному свидетельству Бориса Петровича Полевого (сына Петра Игнатьевича), снимок был сделан по случаю отъезда его отца в Ленинград. В 1928 году П. И. Полевого действительно перевели в Геологический комитет на должность старшего геолога по нефти Дальнего Востока, и вся семья переехала в Ленинград [1].

Именно тогда квартира, в которой проживали Полевые, перешла к В. К. Арсеньеву. Из воспоминаний Б. П. Полевого известно, что Владимир Клавдиевич был частым гостем в семье Полевых на Федоровской, 7б. Уже тогда жена В. К. Арсеньева, Маргарита Николаевна, мечтала когда-нибудь поселиться в этой квартире, и сразу же после отъезда Полевых, не дожидаясь возвращения Владимира Клавдиевича из экспедиции, перебралась в новую квартиру. Кстати, на общем снимке сотрудников Дальгеолкома есть и Маргарита Николаевна Арсеньева, которая в то время работала там. По всей вероятности, Павлов и Арсеньев могли быть также знакомы.

Кроме того, в архиве содержатся отдельные оттиски статей П. И. Полевого: «Задачи и организация геологических исследований Дальневосточного края», «Горно-поисково-разведочное дело в Дальневосточном крае», «Нефть Дальневосточного края» с дарственными надписями автора М. А. Павлову.

Не менее интересными оказались фотографии, касающиеся работы М. А. Павлова в Шкотовской учительской семинарии. Известно, что в первых числах августа 1919 года в связи с наступлением отрядов Красной армии было принято решение эвакуировать весь Уральский горный институт, где в то время работал Павлов, в г. Владивосток. Приехавшие с Урала преподаватели сразу же влились в состав вновь образованного Владивостокского политехнического института. Михаил Алексеевич занял в новом вузе должность доцента и «зам. и. о. проф». по кафедре минералогии. Поскольку жилого фонда у нового института не было, М. А. Павлов был вынужден поселиться вместе с семьей в поселке Шкотово. Ради заработка М. А. Павлов согласился преподавать в Шкотовской учительской семинарии — вел общую геологию и минералогию. В общей сложности в Шкотово М. А. Павлов вместе с семьей прожил более 3-х лет [2]. К сожалению, на двух групповых фотографиях второго выпуска Шкотовской учительской семинарии (1921–1922), имеющихся

в архиве, изображения самого Павлова нет. Однако на снимках есть изображение не менее известного в истории нашего края человека — ученого, учителя, преподавателя высшей школы на Дальнем Востоке, автора ряда работ по методике преподавания русского языка, по педагогике и краеведению — Кедроливанского Александра Георгиевича (1862–1945), который в 1920–1922 годах исполнял должность директора Шкотовской учительской семинарии [3].

Есть в архиве фотографии, подтверждающие поездку Павлова с группой студентов старших курсов института весной 1922 года в Японию для экскурсии на медный рудник Ашио-Нико в районе Чичибу, где Михаил Алексеевич собрал уникальную коллекцию образцов горных пород и руды [4]. Об этой поездке свидетельствует и небольшой фотопортрет Павлова, на лицевой стороне которого сохранился оттиск визовой печати г. Владивостока.

Изучая архив Михаила Алексеевича, неизбежно приходишь к выводу, что он был талантливым человеком — выдающийся геолог профессионально владел многими музыкальными инструментами, знал нотную грамоту и обладал абсолютным слухом. Это подтверждают имеющиеся в архиве фотографии. На одной из них Михаил Алексеевич изображен с флейтой в руках в составе большого оркестра. Снимок, к сожалению, не датирован, но, скорее всего, относится к владивостокскому периоду. Об этом свидетельствует, в первую очередь, возраст М. А. Павлова, а также часть городского пейзажа, напоминающего Владивосток, на фоне которого сделан снимок. Среди оркестрантов, кроме всего прочего, есть несколько матросов и гражданских лиц, одежда которых характерна именно для 20-х годов, то есть того времени, когда Павлов жил во Владивостоке.

Пожалуй, самыми многочисленными в архиве дальневосточного периода стали фотографии, касающиеся работы Павлова в Верхне-Сучанском районе, где он изучал условия залегания угольных пластов, собирал коллекцию образцов, особое внимание уделяя растительным остаткам и их отпечаткам. Здесь он, по сути, продолжил работы своего отца, который с 1901 по 1904 год работал Управляющим во Временном Управлении по оборудованию Сучанского каменноугольного предприятия Приморской области [5].

Однако украшением всей коллекции материалов Павлова стали подлинный фотоальбом и отдельные подлинные фотографии, относящиеся к 1912–1914 годам. Это время, когда М. А. Павлов, еще будучи студентом Санкт-Петербургского университета, принял участие в экспедиции Г. Я. Седова на Северный полюс.

Седов Георгий Яковлевич (1877–1914) в 1898 году окончил Мореходные классы в Ростове-на-Дону, стал штурманом дальнего плавания. В 1901 году сдал экзамены экстерном на курс Морского кадетского корпуса, был произведен в прапорщики и прикомандирован к Главному гидрографическому управлению морского министерства. Уже в 1902–1903 годах Седов был участником экспедиции в Северный Ледовитый океан, а во время Русско-Японской войны командовал миноносцем в Амурской флотилии. В 1909 году Г. Я. Седов отправился в устье реки Колымы, исследовал его для подхода п/х «Колымы», а в 1910 году обследовал Крестовую губу у западной земли Новой Земли. В 1912 году старший лей-

тенант Г. Я. Седов выступил с проектом санной экспедиции к Северному полюсу. Часть маршрута экспедиция должна была проделать на паруснике «Святой мученик Фока» (до Новой Земли) [6].

Вот тогда-то Михаил Алексеевич и предложил свои услуги Г. Я. Седову в его экспедиции на Северный полюс в качестве геолога. Участником экспедиции стал и Владимир Юльевич Визе (1886–1984), геофизик, впоследствии видный советский ученый, полярник с мировым именем, научный руководитель экспедиции на «Сибирякове», которая в 1932 году за одну навигацию прошла от Архангельска до Владивостока [7]. Членами седовской экспедиции они стали не случайно. Визе и Павлов были друзьями со времени учебы в царскосельской классической гимназии, вместе поступили в Санкт-Петербургский университет, вместе ездили на летнюю практику в Левозерскую тундру и на приполярный Урал, вместе явились и к Г. Я. Седову, горя желанием участвовать в его экспедиции.

27 августа 1912 года судно «Святой мученик Фока» вышло из Архангельска и у Новой Земли стало на зимовку, к земле Франца Иосифа пришло в августе 1913 года, но из-за отсутствия угля вынуждено было остаться на вторую зимовку. В феврале 1914 года Г. Я. Седов заболел цингой, но тем не менее в сопровождении двух матросов вышел к Северному полюсу. Не дойдя до острова Рудольфа, Седов умер, похоронен на мысе Аук этого острова.

М. А. Павлов в марте 1913 года с двумя матросами со «Святого мученика Фоки», Линником и Коноплевым, пересек с запада на восток по 76-й параллели северной широты Новую Землю, затем работал на Земле Франца Иосифа, на острове Джексона. Все, что делал тогда геолог Павлов на Северном полюсе, было впервые, именно поэтому четыре географических объекта на карте Арктики носят его имя: гора и ледник на Новой Земле, озеро на острове Джексона, мыс на востоке острова Рудольфа Земли Франца Иосифа.

Экспедиция завершилась трагично для Г. Я. Седова, и это не удивительно. Правительство отказало ему в субсидиях, экспедиция была организована на частные средства, в ее составе было всего 14 человек и ее оснащение было весьма скромным. Тем не менее, молодым ученым — Павлову и Визе — она принесла мировую известность.

На заседании Петербургского общества Естествоиспытателей М. А. Павлов выступил с двумя докладами — «О геологических работах, произведенных на Новой Земле и на Земле Франца Иосифа в экспедиции к Северному полюсу в 1912–1914 гг.» и «О научных работах экспедиции к Северному полюсу в 1912–1914 гг.» Михаил Алексеевич стал довольно известным человеком, его постоянно приглашали в различные общества выступить с рассказами об экспедиции. Однако результаты исследований не были исчерпаны только такими докладами, немалая часть материалов Павлова обрабатывалась им в течение долгих лет, частично они были опубликованы уже на Дальнем Востоке.

На подлинных фотографиях альбома экспедиции на Северный полюс можно найти подтверждение многому из того, о чем было сказано выше. Во-первых, сохранились два подлинных портрета Г. Я. Седова, выполненные очевидно

профессиональным фотографом и членом седовской экспедиции на северный полюс Николаем Васильевичем Пинегиным [8]. Далее, многочисленные фотографии парусника «Святой мученик Фока», с хорошо видимым названием на его борту, несколько фотографий, сделанных в день отплытия из Архангельска 27 августа. На фотографиях запечатлены все члены экспедиции и провожающие. Снимки сделаны на палубе судна и на причале. Безусловно, уникальными стали снимки, выполненные уже в ходе самой экспедиции, во время зимовки и работы по маршрутам санных экспедиций. На одной из страниц альбома привлекает портрет М. А. Павлова, где он изображен без привычных усов. Подпись под фотографией поясняет это: «В своем кабинете. Ноябрь 1912 года. Зимой необходимо бриться, чтобы не намерзал лед на лице». Не менее интересна фотография участников экспедиции в театральных костюмах, сделанная сразу после спектакля пьесы «Тамара», где роль героини исполнил матрос Пустошный, а роль кавказца матрос Линник (в 1913 году так отмечали масленицу). На одной из групповых фотографий, выполненной в кают-компании, изображены капитан судна Н. П. Захаров, механик И. А. Зандер, штурман Сахаров, фотограф Н. В. Пинегин, а также Г. Я. Седов, М. А. Павлов, В. Ю. Визе и П. Г. Кушаков. Снимок сделан в июне 1913 года.

Неоценимую помощь в работе над архивом оказали надписи с пояснениями, выполненные Н. А. Павловым на страницах альбома и на фотографиях, что в значительной степени подтверждает их достоверность и документальность.

К сожалению, в архиве не сохранилось никаких других письменных источников, касающихся этой экспедиции, если не считать открытку (открытое письмо), отправленную М. И. Павловым своей жене Ольге Александровне из Архангельска в Павловск еще в мае 1911 года, в период подготовки экспедиции. На открытке буквально несколько слов: «Завтра уходим в море… Жив и здоров чего и тебе от всей души желаю. Погода роскошная: жарко и безветрие… Мои приветствия и лучшие пожелания О. А. и Шуре. Целую, М.».

В заключение хочется отметить ту роль, которую сыграл в деле появления этих материалов в музее Ремизовский Виктор Иванович (геолог, кандидат наук, действительный член Приамурского географического общества). В течение нескольких лет он буквально по крупицам собирал материал о наших дальневосточных геологах, делал запросы в архивы, музеи, встречался со многими геологами и историками, делал запросы в управление ФСБ по Приморскому и Хабаровскому краям, установил переписку со многими родственниками. Одно из таких писем при знакомстве с архивом М. А. Павлова и попало в руки Реваненко З. А. Именно это письмо подсказало Зинаиде Александровне идею передать архив в музей.

Реваненко З. А. — вторая жена приемного сына М. А. Павлова, Бориса Васильевича Фронерта. Борис, как стало известно, был сыном второй жены Михаила Алексеевича Павлова, Елены Михайловны Фронерт, от первого брака с немцем по происхождению Вилли Фронертом. Б. В. Фронерт (1920–1999) по образованию метеоролог, долгое время плавал на научно-исследовательских судах в должности синоптика. От первого брака у Бориса Васильевича есть две дочери — Елена и Ольга. Обе живут в г. Владивостоке. Архив Павлова Зинаида Александровна забирала

уже после смерти Бориса Васильевича, следовательно, он знал о запросах В. И. Ремизовского, но по какой-то причине не нашел нужным отвечать. Однако письмо Ремизовского он вложил в архив отчима, который хранил в гараже.

Итогом же работы В. И. Ремизовского стала великолепная книга — «Первый состав Дальгеолкома и становление геологического образования на Дальнем Востоке» (издана в 1999 году Дальневосточным государственным техническим университетом), одна из глав которой целиком посвящена М. А. Павлову.

Таким образом, поступивший в музей архив вне всякого сомнения является уникальным по своему содержанию. И это не только богатейший иллюстративный материал по становлению и развитию Дальневосточной геологии. Музей впервые приобрел подлинные изобразительные источники по истории освоения русскими людьми необъятных просторов Арктики, которые с полным правом можно назвать раритетами. Еще большую привлекательность этим материалам придает то, что участником этих событий стал наш земляк.

Примечания:

1. ***Ремизовский В. И.*** *Первый состав Дальгеолкома и становление геологического образования на Дальнем Востоке. Владивосток, 1999. С. 96.*
2. *Там же. — С. 208.*
3. *Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 225.*
4. ***Ремизовский В. И.*** *Первый состав Дальгеолкома и становление геологического образования на Дальнем Востоке. Владивосток, 1999. С. 210.*
5. *Там же. — С. 197*
6. *БСЭ, т. 38. С. 372 (М. — Л., 1955).*
7. *БСЭ, т. 8, С. 48 (М. — Л., 1951).*
8. ***Ремизовский В. И.*** *Первый состав Дальгеолкома и становление геологического образования на Дальнем Востоке. Владивосток, 1999. С. 202.*

Ю. В. ВОРОБЬЕВА

РЕДКИЕ ПЕЧАТИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА

Изучение печатей как знаков удостоверения имеет большое практическое значение, так как каждая печать является продуктом определенной исторической эпохи. Изображения и подписи на печатях в сочетании с другими видами исторических источников могут дать исторической науке ряд новых интересных данных.

В собрании Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева хранится небольшая, но по-своему очень интересная коллекция печатей-матриц и оттисков, среди которых есть печати VIII, XII, XVIII веков, конца XIX — начала XX веков и современные печати. Главным образом это печати русского происхождения, но есть и бохайские, чжурчженьские, якутские, японские и китайские печати.

Задача моего сообщения — рассказать о наиболее интересных и редких из них.

Одна из печатей принадлежала бохайскому князю (МПК 608; П1–62). Она была найдена в земле на территории Верхне-Улахинской крепости, в устье р. Сидими и передана в музей общества изучения Амурского края еще в 1889 году В. Ф. Михайловским. В приложении к Запискам Общества изучения Амурского края, (т. XII., табл. III, рис. 36, Владивосток, 1908 г.) имеется оттиск этой печати. Из пояснения к оттиску явствует, что печать «очень древняя, достоверно до сих пор не прочитанная, принадлежала князю, т. е. драгоценная печать, очень вероятно бохайского князя».

Э. В. Шавкунов (академик, профессор) указывает на то, что форма печати, ее размеры и ряд других признаков говорят о том, что она была изготовлена не раньше VIII столетия и действительно принадлежит бохайскому чиновнику, об этом свидетельствует и надпись на самой печати, прочитанная Э. В. Шавкуновым. Но прежде о самой печати.

Печать бронзовая, с массивным квадратным клише, с прямоугольной рукояткой. На клише изображены рельефно четыре иероглифа, а на тыльной стороне печати есть врезанная иероглифическая надпись, которая сообщает, что это: «Печать начальника тюрьмы. Начало одиннадцатого месяца второго года периода датун. Сделана под наблюдением чиновника Сунхэ». Появление на оборотной стороне печати четкого текста не случайно. Дело в том, что на клише печати, как правило, было четыре иероглифа, их размещали таким образом, чтобы не оставалось пустующих мест. Печатный почерк на печати к тому же стремились невероятным образом усложнить. Во всех случаях усложненность надписи преследовала одну цель — устранить возможность подделки. В конечном итоге нередко сам владелец почти не мог прочесть текст надписи на клише. Тогда и стала появляться вторая, более четкая надпись на тыльной стороне печати. Следует отметить, что форму и методы изготовления печатей бохайцы позаимствовали у своих соседей — китайцев. А, как известно, китайские печати стали образцом для печатей многих других народов Дальнего Востока.

Как образец, китайская печать появляется и у чжурчженей, однако в 1115 году Отдел церемоний империи Цзинь создал статут чиновничьих печатей, закрепив за ними стандартный размер и материал. Золотыми печатями пользовались только император и члены его семьи, а также три военных сановника. Серебряными — князья второй степени; медными и бронзовыми все прочие чиновники.

В фондах хранится одна из таких печатей (МПК 1653; П1–63).

Она была найдена в валу чжурчженьской крепости у г. Никольск-Уссурийска в 1887 году Н. П. Борисевичем. Это бронзовая печать с квадратным клише, с рукояткой в виде усеченной пирамиды. На тыльной стороне печати, а также на двух боковых гранях клише имеются врезанные иероглифические надписи. Смысл надписи следующий: «Печать левой и правой конторы высочайше командируемых уполномоченных филиала государственного совета. Сделана в 1-й день 9 месяца года гуаймао 1183 г.» Как известно из письменных источников, уполномоченные государственного совета во время военных действий отправлялись по всем дорогам для наведения строгого порядка (журн. „Эпиграфика Восточной и Южной Азии“, М., 1972 г., с. 83). Описание печати и перевод надписи были выполнены востоковедом М. В. Воробьевым.

Как считают исследователи, чжурчженьские печати представляют интересное явление в дальневосточной сфрагистике и заслуживают особого внимания. В этом плане наибольший интерес вызывают многочисленные чиновничьи и частные печати с надписями, выполненные чжурчженьским письмом. По внешнему виду они ни в чем не уступают печатям Китая. С технической и художественной стороны цзиньские печати отличаются четкостью выполнения иероглифов, выдержанностью их расположения. Именно таким образом выполнена чжурчженьская печать, рассмотренная в сообщении.

Большой интерес вызывает печать-матрица (МПК 2594; П1–34), изготовленная из бронзы, деревянной рукояткой, принадлежавшая одному из тунгусских князей (Якутия). Печать была найдена на Охотском побережье в 1931 году и передана в музей. Судя по изображению на клише печати вооруженного всадника, налицо несомненное заимствование в начертании основных символов с русской государственной печати и герба. Как известно, в начертании русской государственной печати наблюдается неразрывное сочетание двух символических изображений — фигуры вооруженного всадника и двуглавого орла. Эти символы сложились постепенно в процессе образования централизованного государства. В частности, изображение всадника вооруженного копьем или мечом появляется еще на печатях князя Василия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского). Это изображение встречается на русских печатях буквально до начала XX столетия. Считается, что всадник — символический образ русского воина, защищавшего родную землю от врагов. На нашей печати также изображен всадник — однако, он верхом на олене, в руках его лук, за спиной колчан со стрелами. По внешнему обводу печати идет надпись: «КНАЗЦА: ЛВА: ІВАНОВА». Известно, что чукотские и якутские старейшины, головы, князцы (бывшие тойоны, стоявшие во главе племени или рода), также имели в XVIII в. свои печати. Местная знать, в частности князцы, участвовали в разборе судебных дел, а со второй половины XVIII века князцы и старшины должны были по своему усмотрению разверстывать ясак в своих улусах и уплачивать его в государственную казну. Эта печать своего рода исторический документ, подтверждающий процесс освоения и заселения русскими огромных просторов крайнего Севера и Дальнего Востока.

Печати Российской империи конца XIX — начала XX столетия имели очень широкое применение. Их нельзя рассматривать в отрыве от геральдики, т. к. на них обычно изображался герб. Ярким примером таких печатей является массивная печать-матрица конца XIX столетия, принадлежавшая Военному губернатору и командующему войсками Приморской области. У печати бронзовое дискообразное клише с втульчатым насадом для деревянной фигурной ручки, покрытой

черным лаком. Изображение на клише выпуклое. В центре клише изображен двуглавый орел, увенчанный короной, со скипетром и державой в когтях. На фоне орла даны изображения гербов девяти главных губерний Русского государства. В центре, на груди орла, герб Москвы и Московской губернии (утвержден в 1856 г.), на щите — великомученик и Победоносец Георгий на коне, поражающий дракона копьем. Кроме этого, даны гербы Новгородской, Владимирской, Астраханской, Казанской, Таврической, Черниговской, Витебской губерний. По кругу у кромки клише сделана надпись: «Военный губернатор и командующий войсками Приморской области». Несколько слов о появлении на русских печатях двуглавого орла. Как свидетельствуют письменные и вещественные источники, это изображение впервые стало появляться на восковых великокняжеских печатях со времени Ивана III (1462–1505 гг.). Как известно, двуглавый орел являлся гербом Византийской империи. После падения Византии, в результате нападения турок — османов, Иван III женился на византийской принцессе Зое Фоминичне Палеолог. Иван III считал себя уже законным наследником византийских императоров, поэтому и взял себе византийский герб, на котором был изображен двуглавый орел — символ двуединой империи. (Несмотря на наличие двух частей Восточной и Западной и двух отдельных императоров, Римская империя считалась единой. Это единство нашло свое отражение и в гербе. Византийская империя, наследница Восточной части Римской империи, сохранила в своем гербе изображение двуглавого орла).

Появление на русских печатях двуглавого орла служило одним из внешних выражений политической теории преемственности власти московскими князьями из Рима и Византии. Отсюда идея Москвы — третьего Рима. В данном случае печать принадлежала Военному губернатору и командующему войсками Приморской области, — практически первому лицу, которое концентрировало в своих руках верховную власть в области. Интересно, что на печати есть адрес ее изготовителя. На тыльной стороне клише надпись: «Вейсенгольцъ, Вейсенгольцъ сынъ Иркутскъ», т. е. печать была изготовлена по спецзаказу в Иркутске предпринимателем немцем — Вейсенгольцем.

Еще одним примером таких печатей является личная печать адмирала Петра Васильевича Казакевича (1814–1887 гг.). Изготовлена она из цельного куска горного хрусталя колывановскими мастерами (Урал) в 50-е годы XIX века. Сама печать средних размеров, ручка фигурная, резная. На клише изображен герб рода Казакевичей, полукругом награды, по которым можно ориентировочно определить время изготовления печати.

Печать была привезена из США внуком Дмитрием Владимировичем Казакевичем в 1949 году, музею же она попала в 1987 году от Степанова В. И., жителя Москвы.

Петр Васильевич Казакевич в чине лейтенанта под командованием Г. И. Невельского на транспорте «Байкал» принимал участие в открытии судоходности устья р. Амура. В 1856–1865 годах в чине капитана I ранга, с 1859 года — в чине контр-адмирала был — 1-м военным губернатором Вос-

точной Сибири, командующим Сибирской флотилией. В 1871 году в чине вице-адмирала П. В. Казакевич был назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором Кронштадта, а в 1887 году стал членом Военного Совета адмиралтейства.

Еще одна интересная печать, хранящаяся в фондах музея, принадлежала Григорию Даниловичу Разградскому, соратнику Г. И. Невельского, руководившему затоплением фрегата «Паллада», этой самой печатью была поставлена последняя точка в существовании фрегата, ею был скреплен последний документ, решивший его судьбу.

Фрегат «Паллада» спущен на воду 1 сентября 1832 года в Петербурге. Долгое время плавал на Балтике в составе эскадры вице-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена, в 1847 году ходил в Англию. В октябре 1852 года из Кронштадта вышел в Японию под флагом Е. В. Путятина. Прибыл в Нагасаки в начале августа 1853 года. Весной 1854 года экипаж произвел опись восточного побережья Кореи и расположенного к северу залива (сейчас Посьет). 20 мая пришел в Императорскую гавань. 12 января 1856 года по распоряжению В. С. Завойко затоплен в гавани Хаджи разоруженный фрегат «Паллада».

Печать Разградского Г. Д. — сургучная, с деревянной фигурной ручкой, покрытой черным лаком, с втульчатым насадом для бронзового клише, овальной формы. На клише — врезное изображение, овальный щит со стрелой в центре, увенчанный короной, за щитом перекрещиваются по два копья с кистями с каждой стороны, алебарда, две шпаги, два пистолета. Печать передана женой внука Г. Д. Разградского.

Познакомившись с некоторыми печатями нашей коллекции, можно вполне убедиться в том, что печати имеют не только вспомогательное значение. Они действительно являются ценным историческим источником, дающим огромную и достоверную информацию в деле изучения истории страны и общества в целом.

И. И. БАБЦЕВА (ВЛАДИВОСТОК)

ХРОНИКА ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА

Хроника из истории Приморского государственного объединенного музея имени В. К. Арсеньева:

18 апреля 1884 года:

Принято решение общего собрания общества изучения Амурского края о создании музея в городе Владивостоке.

30 сентября 1890 года:

Открыт музей Общества изучения Амурского края в здании, построенном на средства жителей города Владивостока (ул. Петра Великого, 6).

1896 год:
Музей ОИАК вошел в состав Приамурского отдела Русского Географического общества.

1902 год:
Пристраивается правое крыло к зданию музея на Петра Великого, 6. увеличивающее полезные площади в 1,5 раза.

1905 год:
Проведено электрическое освещение в здании музея.

1909 год:
Возведена двухэтажная пристройка, где размещается библиотека и лаборатория.

1910 год:
Введено паровое отопление в здании музея.

21 сентября 1913 года:
Норвежский путешественник Фритьеф Нансен посетил музей ОИАК.

Декабрь 1918 года:
Здание музея ОИАК было реквизировано для нужд французской военной миссии.

1919–1920 годы:
Здание музея ОИАК занято управлением снабжения и продовольствия при Временном правительстве.

1921 год:
Музей ОИАК вновь начал свою работу после перерыва (1918–1920 годы).

17 февраля 1925 года:
Декретом СНК музей ОИАК получил статус самостоятельного и стал называться Владивостокский Государственный Областной музей (Петра Великого, 6).

1925 год:
Здание ОИАК (Петра Великого, 6), построенное в 1890 году на средства жителей города Владивостока, было закреплено за музеем Межведомственной комиссией.

1927 год:
Норвежский путешественник посетил Владивостокский Государственный Областной музей.

1933–1938 годы:
Музей назывался Приморский Государственный Областной музей.

10 мая 1939 год:
По Указу начальника музейно-краеведческого отдела Наркома РСФСР музей стал называться: Приморский краевой краеведческий музей (Петра Великого, 6).

1945 год:
Решение Приморского крайисполкома № 818 от 4/09/1945 года и распоряжение Совета Народных Комиссаров РСФСР № 2700 от 25/10/1945 года «Об увековечении памяти исследователя Советского Дальнего Востока В. К. Арсеньева». Решением исполнительного комитета Приморского краевого совета депутатов принято решение: Приморскому краевому краеведческому музею, в котором работал В. К. Арсеньев, присвоить имя В. К. Арсеньева.

1965 год:
Приморский краевой краеведческий музей им. В. К. Арсеньева передал часть фондовой коллекции, на основе которой был создан музей Морского торгового флота.

1965 год:
Министерство культуры издает приказ об открытии во Владивостоке Приморской картинной галереи.

29 июня 1966 года:
Открыта Приморская картинная галерея. Основой галереи явилась художественная коллекция Приморского краевого музея им. В. К. Арсеньева.

20 февраля 1975 года:
Принято решение № 219 Исполнительным комитетом Владивостокского городского совета депутатов трудящихся «О передаче здания по ул. Суханова, 9 на баланс краеведческому музею им. В. К. Арсеньева для создания Дома-музея.

15 июня 1976 года:
Постановление № 578 бюро Приморского крайкома КПСС и крайисполкома «бывшее здание ТИНРО передать на баланс краеведческого музея имени В. К. Арсеньева».

15 июля 1976 года:
Постановление бюро крайкома КПСС и крайисполкома «Об открытии в городах Уссурийске, Спасске, Лесозаводске, Партизанске, Дальнереченске филиалов краевого музея».

3 ноября 1977 года:

Исполнительный комитет Владивостокского городского Совета народных депутатов принял решение: освободившееся здание на ул. Светланской, 20 передать на баланс Приморскому краевому краеведческому музею им. В. К. Арсеньева.

5 ноября 1977 года:

Открыт Дом-музей К. А. Суханова, председателя городского Совета рабочих и солдатских депутатов — отдел Приморского краевого краеведческого музея им. В. К. Арсеньева (Суханова, 9).

5 ноября 1977 год:

Открыт музей «Ленин и Дальний Восток» — отдел Приморского краевого краеведческого музея им. В. К. Арсеньева (Светланская, 20).

18 августа 1978 года:

Решение Владивостокского горисполкома № 821 «Об открытии мемориального Дома-музея В. К. Арсеньева». Для выполнения решения необходимо было осуществить реставрацию здания на ул. Арсеньева, 7б, в котором в последние годы проживал исследователь.

1978 год:

Музеи городов стали филиалами Приморского краевого краеведческого музея им. В. К. Арсеньева: Партизанск (основан в 1976 году), Дальнереченск (основан в 1970 году), Находка (основан в 1977 году).

1985 год:

Закрыт музей «Ленин и Дальний Восток».

25 февраля 1985 год:

Приморским краевым советом народных депутатов принято решение о создании музейного объединения: Приморский Государственный Объединенный музей им. В. К. Арсеньева. В объединение вошли музеи городов: Арсеньева (основан в 1969 году), Дальнереченска (основан в 1970 году), Партизанска (основан в 1970 году), Находки (основан в 1977 году).

1985 год:

Введена в строй 1-я очередь здания ПГО музея им. В. К. Арсеньева (Светланская, 20).

1986 год:

ПГО музей им. В. К. Арсеньева переехал на Светланскую, 20 (здание стало головным).

1986 год:

Музей истории города Спасска (основан в 1986 году) вошел в объединение (вышел в 1994 году).

1986 год:

Литературно-мемориальный музей А. Фадеева вошел в объединение (основан в 1975 году, новое здание — 1976 год).

1987 год:

Введена в строй 2-я очередь здания ПГО музея им. В. К. Арсеньева (Светланская, 20)

1987 год:

Открыта экспозиция головного музея (Светланская, 20).

1989 год:

Введена в строй 3-я очередь здания музея ПГО музея им. В. К. Арсеньева (Алеутская).

1989 год:

Музей истории города Лесозаводска вошел в Объединение (основан в 1987 г.).

1989 год:

Музейно-выставочный центр города Дальнегорска вошел в объединение (основан в 1977 году, гос. 1988 год, вышел в 1994 году).

1991–1995 годы:

Капитальный ремонт здания музея (Петра Великого, 6).

1994 год:

Создан Дальневосточный Арсеньевский центр.

12 декабря 1995 года:

Открыто здание музея после капитального ремонта (Петра Великого, 6).

1997 год:

Благодаря финансовой поддержке мецената музея В. А. Владимирова завершена реставрация здания и открыт Дальневосточный мемориальный музей В. К. Арсеньева (Арсеньева, 7б).

18 марта 1997 года:

Создан Дальневосточный Благотворительный Арсеньевский фонд.
Учреждена Первая премия В. К. Арсеньева

4 июня 1997 год:

Приморскому государственному объединенному музею им. В. К. Арсеньева выдано свидетельство о регистрации музея как государственного учреждения от 04.07.97 года 25 № 1245. Зарегистрирован устав государственного учреждения культуры Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева от 04.07.1997 № 1245.

1997 год:

Создан Музейный экологический центр.

В. В. КОБКО (ВЛАДИВОСТОК)

СТАРООБРЯДЧЕСТВО ПРИМОРЬЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА

Сегодня уже не приходится доказывать актуальность темы старообрядчества для нашего региона. Ставшая уже традиционной международная конференция «Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока» вот уже в течение 8 лет привлекает внимание российских и зарубежных ученых и исследователей. Одной из главных надежд, которую мы возлагали на конференцию, было выявление и объединение научных сил дальневосточного региона, работающих по этой теме. Конференция оправдала наши надежды: если в 1994 году среди 53 участников Первой международной конференции дальневосточников было только 10, то через четыре года на Второй международной конференции по старообрядчеству их было уже 43. Нужно отметить, что в большинстве своем исследования местных историков, этнографов, музыковедов, лингвистов были посвящены узким проблемам истории и культуры старообрядчества. Музей в этом смысле учреждение уникальное — в нем сосредоточиваются и изучаются источники самых разных типов: документальные, изобразительные, вещественные, поэтому именно музей мог бы помочь составить целостное представление о местном старообрядчестве. Еще в начале 80-х годов XX века у нас появилась, по тем временам преждевременная и отчасти крамольная, мысль о создании временной выставки или постоянной экспозиции, посвященной старообрядцам края, вклад которых в хозяйственное освоение края был незаслуженно забыт.

Южно-Уссурийский край заселялся и осваивался старообрядцами с середины XIX века. Появившиеся здесь старообрядцы принадлежали к двум основным

направлениям в старообрядчестве — поповцам и беспоповцам. Поповцы, как правило, обосновывались на жительство в крупных населенных пунктах (Никольск-Уссурийск, Владивосток), крестьяне — беспоповцы (часовенные, поморцы, самокресты, спасовцы) расселились со временем по всему краю. Самым многочисленным было часовенное согласие. Заселение старообрядцами региона начиналось с Приханкайской долины, распространялось по долинам крупных рек Уссури, Улахе, Даубихе. Освоение северного побережья края в силу объективных причин (бездорожье, труднодоступность) началось лишь с начала XX века, но именно в этом регионе старообрядцами сделан наибольший вклад в дело освоения северных территорий.

Предварительное знакомство с фондовыми материалами показало, что почти за столетний период существования музея в нем отложилось лишь несколько случайных предметов. Начинать работу нужно было с чистого листа. Специалисты-музейщики знают, что создание экспозиции от замысла до воплощения иногда может длиться несколько лет, но мы и не предполагали, что даже прошедших 14 лет полевой работы будет явно недостаточно. Цели, которые мы поставили перед собой, на начальном этапе казались нам вполне реальными: разведка, уточнение информации о расселении старообрядческих общин в Приморье, уточнение мест выхода старообрядцев, переселившихся в край. Традиционно важной задачей музея была работа по сбору вещественных памятников. Во время первых интервью мы даже не пытались ограничить информацию, записывали все, что нам рассказывалось, пелось, показывалось. К тому же нас подстегивало и вполне понятное опасение, что ситуация в стране может вновь круто измениться, и эта возможность будет утрачена. Нам удавалось фиксировать разные проявления традиционной старообрядческой культуры, которые были взаимосвязаны друг с другом и из которых постепенно складывалось понятие местной традиционной культуры в целом.

Дальнейшие экспедиции требовали более тщательной подготовки, разработки серии специальных вопросников (сведения об информаторе с определением по принадлежности к согласию, анкета по населенному пункту, по жилищу, по хозяйственным постройкам, по одежде и т. д.).

Наши первые экспедиции, состоявшиеся еще в начале 80-х годов XX века, удачными назвать нельзя, и только ветер перемен и, возможно, уже приобретенный опыт помогли нам в 1986 году обрести такое долгожданное… знакомство. Именно этот год мы и считаем точкой отсчета наших полевых исследований. Незаметно прошло 14 лет, и появилась естественная потребность в осмыслении результатов наших исследований для того, чтобы двигаться дальше.

В течение всех лет полевых исследований состав экспедиции практически не менялся: главный хранитель музея Н. Б. Керчелаева, историк по образованию, В. В. Кобко, зав. сектором хранения музея, филолог по образованию. Интервью, диалог с собеседником, пожалуй, самое сложная сторона работы исследователя, особенно в среде старообрядческой. Мы убеждались не раз, что 2 человека — это наиболее оптимальный вариант для достижения взаимопонимания при

интервьюировании: один из исследователей ведет разговор, поддерживает его вопросами, другой — записывает. В тех случаях, когда старообрядцы не только не разрешают пользоваться магнитофоном, но не разрешают делать даже записи в тетрадь, нам вдвоем удается запоминать достаточное количество информации. Безусловно, нашу слаженность в работе, понимание друг друга с полуслова во многом определяет стаж нашей совместной в музее работы, более 20 лет.

Незаменимыми помощниками, разделившими вместе с нами все радости, трудности, разочарования экспедиции, были операторы С. Куликов, В. Асьмирко, водители А. Егоров, К. Мусофронов.

Все эти годы полевые исследования проводились нами в пяти районах края, местах традиционного расселения старообрядцев (Чугуевском, Тернейском, Анучинском, Кавалеровском, Красноармейском), 29 населенных пунктах, в том числе городах Владивостоке, Уссурийске, Арсеньеве, Партизанске… В связи с тем, что одни старообрядческие поселения первого этапа заселения Южно-Уссурийского края (Петропавловка, Богословка) уже не существуют, в других старообрядцы уже не живут (Ильинка, Осиновка), мы решили начать нашу полевую работу в Чугуевском р-не. Этот район активно заселялся старообрядцами — выходцами из Алтая, Сибири, Урала, Поволжья в 80-х годах XIX века. Именно в этом районе сохранилось наибольшее количество старообрядческих поселков. В этом районе и г. Арсеньеве мы работаем ежегодно в течение всех 14 лет. В общей сложности мы провели в экспедициях 114 дней, проинтервьюировали 177 человек. Жаль, что исследователи, работающие в поле, не пишут воспоминаний. Самые яркие страницы экспедиционной жизни, встречи с людьми почти всегда остаются за страницами полевых записей, а строгий стиль и рамки научных статей диктуют свои законы. В лучшем случае это скупые упоминания фамилии, имени, отчества информатора, в худшем просто инициалы человека, подарившего нам подчас бесценную информацию. Каждый полевой сезон мы проживаем со своими героями их жизни, жизни их предков, зная подчас их родословие лучше, чем свое. Невозможно не откликнуться сердцем, не привязаться навсегда душой к этим людям. Обман, корыстные и потребительские со стороны исследователя отношения здесь невозможны, рано или поздно они станут очевидны, и это обернется бедой. Нам повезло: со многими старообрядцами нас связывает многолетняя дружба, переписка. Наши коллеги из Москвы, Новосибирска, те, кто уже давно занимается исследованиями по этой теме, называют своих информаторов «благодетелями». Это старое русское слово прекрасно выражает суть этих людей.

В результате экспедиционных работ был создан сложный комплекс источников, насчитывающий 819 ед. хр.

Анализ этого материала мне не случайно хотелось бы начать с характеристики полевых материалов, поступивших в фонд редкой книги музея. Трудно преувеличить роль книги в старообрядческой культуре. По единодушному признанию специалистов, кириллическая книга выполняет главную структурообразующую роль, «роль… основного хранителя и инструмента воспроизводства всей системы традиционного мировоззрения, традиционной общественной и культурной жизни» [1]. Поэтому логично было бы начинать полевую работу с изучения

книжной традиции, свойственной старообрядческому населению региона. В нашем случае ситуация складывалась по-иному: в связи с отсутствием специалиста-археографа в крае, острой нехваткой служебных, четных книг в старообрядческих общинах мы сознательно отодвинули от себя задачу поиска, описания, собирания кириллической книги. Мы опасались, что неумелыми действиями создадим трудности в этом направлении тем, кто придет за нами, но очень скоро мы убедились, что любое направление исследования выводило нас на книгу. Невелико количество привезенных из экспедиций книг за несколько последних лет. Всего — 12. Это книги, которые старообрядцы сами изъявили желание передать или продать музею. В некоторых старообрядческих семьях нам удалось записать состав личных библиотек. Книги стали неплохим дополнением к уже имеющемуся в музее собранию рукописной и старопечатной книги. Естественно, что судить об особенностях местной книжной традиции по нашим отчасти случайным приобретениям нельзя, но тем не менее они представляют немалый научный интерес. Среди них — 3 рукописи и 9 старопечатных книг, принадлежащих старообрядцам — беспоповцам и старообрядцам, приемлющим священство. Хронологические рамки собрания — XVII — начало XX века.

Старопечатные издания представлены в основном XIX–XX веками старообрядческими типографиями московскими (Печатный двор, П. П. Рябушинского, единоверческая типография при Свято-Троицкой Введенской церкви), Почаевской типографией, типографией Дмитрия Рукавишникова в Клинцах. Среди печатных изданий наибольшее количество книг литургического содержания (часовники, минея служебная, каноники, катехизис), учительные, четные, полемические. Записи на страницах рукописных и старопечатных книг являются интереснейшим историческим источником. Так, одна из владельческих записей сообщает, что книга принадлежала одному из старообрядческих священников г. Владивостока: «Сия книга глаголемая малый катехизис благословлен в вечное владение Даниилом Георгичем Кудрявцевам память дан уряднику Леонтию Петровичу Черникову 17 октября 1910 г».

Рукописных находок совсем немного — 3. Одна из них «Цветник», четный старообрядческий сборник. Судя по составу входящих в него произведений, принадлежал старообрядцам — беспоповцам (Слово Ефрема Сирина о Антихристе, Слово Палладия мниха о втором пришествии Христове и т. д.) и датируется XVII веком. Другая книга — представляет собой сборник духовных стихов с апокрифом Сон Богородицы, XIX век. О третьей рукописи следует сказать особо. Она представляет собой «Родословие» — историю часовенного согласия старообрядцев. Это копия рукописи, составленной о. Нифонтом, руководителем и наставником известного в XIX веке сибирского монастыря, того самого монастыря, который после его смерти возглавили его ученики о. Савва и о. Силуян. Ранее я уже писала, что о. Силуян в 10-х годах XX века перебирается на Дальний Восток и становится руководителем часовенного согласия в Приморье. «Родословие» было написано о. Нифонтом по поручению Екатеринбургского собора в 1887 году, это рассказ о деяниях урало-сибирских крестьян-старообрядцев в

XVIII, отчасти XIX веках, их борьбе за чистоту веры, свободу убеждений. Ученым известно довольно большое количество вариантов этой рукописи, обнаруженных на Урале в Сибири. В Приморье — это первый и пока единственный экземпляр рукописи.

Большая часть экспедиционного материала представлена фото, негативами — 526 ед. хр, из них — 189 подлинные семейные фотографии, 287 ед. хр. — фото, негативы, выполненные участниками экспедиций со следующими сюжетами: портреты старообрядцев, традиционного жилья, внутренних интерьеров, одежды и т. д.

В связи с этим типом источников следует особо остановиться на техническом оснащении экспедиций. Уже с самого начала 90-х годов участники экспедиции пользовались диктофонами, видеокамерой. Благодаря этому в музее начал формироваться архив аудио- и видеоматериалов. Фонофонд пополнился записанными в экспедициях интервью старообрядцев с воспоминаниями о жизни семьи, села, традиционных занятиях, одежде, пением стихер, духовных стихов, рассказами о чудесах, исполнением свадебных, лирических песен. Это в общей сложности более 30 часов записей. Нашими операторами С. В. Куликовым и В. Асьмирко сделано более 12 часов видеозаписей: в том числе установка памятного креста старообрядцам, расстрелянным за участие в восстании 1932 года в п. Охотничий (Улунга), подготовки к Пасхе, эпизоды пасхальной службы, вид поселений, интерьеры жилищ, традиционной одежды и, конечно, воспоминаний старообрядцев. Экспедиционный видеоматериал позволил создать первый на Дальнем Востоке 20 минутный видеофильм о приморских старообрядцах «Староверы».

В документальный фонд музея из экспедиции поступило всего 18 ед. хр. Это справки о реабилитации репрессированных старообрядцев, ксерокопии некоторых документов из архивов РГИА и ГАПК по истории старообрядческих общин в Приморье.

Фонд изобразительных источников по этой теме тоже не так велик (19 ед. хр.), но его основу составляют рисунки известного приморского художника А. Камалова, запечатлевшего еще в начале 90-х годов старообрядцев одной из самых больших общин края, к сожалению, теперь уже многих ушедших из жизни, внутренний интерьер моленной, традиционную одежду, бытовые сцены.

Результаты первых же экспедиций поставили перед нами закономерный вопрос об уровне сохранности старообрядческой культуры. Основываясь на данных письменных источников, архивных материалов, вряд ли можно было ожидать высокой степени сохранности. На это в немалой степени оказала влияние историческая судьба старообрядцев Приморья: относительно позднее по сравнению с уральским и сибирским регионами переселение старообрядцев, постоянные внутренние миграции по краю, связанные на начальном этапе заселения с поисками лучших, плодородных, не затапливаемых земель, поисками религиозной свободы, стремлением сохранить в чистоте веру, в более поздний, послереволюционный период — в связи с начавшейся коллективизацией, репрессиями, массовым исходом старообрядцев в Китай, политикой партии и государства по отношению к крестьянству (укрупнениями коллективных хозяйств, ликвидацией

бесперспективных деревень, и, наконец, обнищанием и разорением в деревне в связи с начавшейся перестройкой. Полевые этнографические исследования, а также современное состояние старообрядческих общин подтвердили наши выводы о том, что традиционная старообрядческая культура в регионе находится в стадии угасания. В такой ситуации становится более или менее понятным, почему так невелико количество вещественных памятников, характеризующих традиционные занятия, ремесла, одежду старообрядцев, привезенных из экспедиций (231 ед. хр.). Основным направлением в комплектовании было тематическое.

Земледелие — 5 ед. Основой местного крестьянства было земледелие, правда, необходимо учесть, что в районах северного побережья, где земледелие было проблематичным, ведущую роль в хозяйстве выполняла охота. Среди материалов — грабли, серпы, лопаты для зерна. На северном побережье края нами зафиксированы деревни, где в хозяйстве сохраняются крупные сельскохозяйственные орудия труда, средства передвижения, но транспортировка их во Владивосток остается проблематичной.

Охота — 7 ед. Среди них — капканы на мелких пушных зверей, детали ловушки «кулемка». Дополнить его может аудио и видеоматериал о традиционных способах охоты с показом различных типов ловушек.

Рыболовство — 5 ед. («мордушка», «телевизор», остроги). Этот материал также может дополнить полевая информация, аудио- и видеозаписи. При необходимости предметы рыбной ловли можно реконструировать, изготовить модели.

Животноводство — 3 ед. (кнут, ботало коровье, путо).

Пчеловодство — 5 ед. (различные виды кормушек для пчел, роевня, дымокур и прекрасно сохранившийся станок для прокатки вощины).

Собирательство — 5 ед. Богатый дикоросами таежный край прекрасно дополнял пищевой рацион старообрядцев ягодой, дикоросами, которые в неурожайные, голодные годы помогали выжить. Среди предметов — желубилка, севалка для шишек, гребенка для сбора шиповника, совки для ягод.

Средства передвижения — 9 ед. (хомут для лошади, лыжи охотничьи, дуга, сани для перевозки дров).

Наиболее полно представлены предметы, характеризующие традиционные ремесла:

— ткачество, обработка волокнистых растений 18 ед. (чесалки, челноки, поpики, вороб на корневых ножках, трепало, гребни, прялка, самопрялка);

— обработка кожи, шитье обуви, одежды — 15 ед. (крюки для обработки кожи, кожемялка-белик, инструменты для шитья обуви, лекала для шитья обуток, рукавиц, швейка. Собран полный комплект инструментов для изготовления валенок. Сам процесс изготовления записан на видеопленку);

— обработка дерева, бересты — 13 ед. (инструменты для изготовления бочек, бадей, инструменты для изготовления туесов, станок для изготовления веретен).

Значительный материал собран по теме «традиционное жилище». Среди них схематические чертежи, планы старообрядческих поселений, планы хозяйственных

построек, планы домов — 50 ед., наличники — 3 ед., мебель — 6 ед., (кровати деревянные, качалка детская, сундуки, зеркало, полочки для икон), предметы убранства жилища — 20 ед. (полотенца, полотенца стеновые, скатерти, коврик, покрывало, подзоры, вышивки), печная утварь 11 ед. (клюка, ухваты, опалубка для изготовления печной трубы, лопата для хлеба, каток для чугуна, заслонка печная, колотушка для лучины).

Предметов, характеризующих пищу, посуду, собрано 20 ед. (кувшин, ступы, сечки, терки для крахмала, корыто для рубки капусты, туеса и т. д.)

Полевые материалы по традиционной одежде характеризуют одежду по половой, возрастной принадлежности (мужская, женская, детская), по назначению (повседневная, праздничная, обрядовая), обувь. Материал может характеризовать одежду старообрядцев — выходцев из различных областей России (Поволжья, Забайкалья, Восточного Казахстана, Алтая).

Материалы экспедиции — одна из наиболее полно атрибутированных коллекций в музее: каждый предмет определен, зафиксирована легенда, выяснена среда бытования предмета, в данном случае важна также конфессиональная принадлежность, установлены имена мастеров, владельцев предметов. На основе полевых материалов в разные годы в музее работало три временных выставки (1993, 1994, 1999).

В ходе полевой работы уже довольно скоро обозначились главные приоритетные направления, по которым музей работает уже многие годы: беспоповские старообрядческие общины края (история и современность), бытование социально-утопической легенды о Беловодье в старообрядческой среде края, пустынножительство на Дальнем Востоке, старообрядческое восстание 1932 года и репрессии, эсхатологические настроения в среде старообрядцев края, старообрядческие общины г. Владивостока, материальная культура старообрядцев юга Дальнего Востока, более детально изучались темы традиционного жилища, одежда. Новый интересный фактический материал, полученный по этим темам в ходе экспедиционной работы музея, позволяет говорить о хороших перспективах работы по этим направлениям. В то же время полевой материал позволил нам поставить новые темы для исследований: хозяйственно-экономическая деятельность старообрядческого населения в сельском хозяйстве, в среде торгово-промышленного капитала. В последнее время в связи с различными экономическими реформами особенно остро ощущается востребованность хозяйственного опыта старообрядчества, ведь широко известно, что еще в начале XX века именно старообрядцами утверждались новые торговые отношения, новые формы хозяйствования и 2/3 всего частного капитала было сосредоточено в руках старообрядцев. Как ни удивительно было для нас, но именно в музей приходят представители приморских предпринимателей, желая узнать секреты экономического процветания старообрядцев.

Среди многочисленных исследований по истории российского старообрядчества, посвященных их родословным не так много. Пальму первенства в исследованиях такого рода в крае следует отдать нашим коллегам из п. Кавалерово В. П. Хохлову, Т. А. Тюнис, педагогу, Т. А. Васильевой, директору музея п. Кавалерово. Благодаря их усилиям в музее появились родословные схемы приморских старообрядцев Басаргиных, Мартошевых, Ошлаковых. Неоценимую помощь музею в его работе оказывает Идея Назаровна Грабовенко, жительница г. Владивостока, уже в течение нескольких лет успешно работающая над историей старообрядческих родов Бутковских, Николаевых, Ефимовых, Спиридоновых. Реконструкция родословий старообрядческих родов, семей предполагает, прежде всего, работу с информаторами, их семейными архивами. В течение экспедиционной работы нам удалось составить несколько десятков родословных схем различной полноты, все они требуют дальнейшего уточнения, дальнейшей работы уже с архивными материалами, сохранившимися метрическими старообрядческими книгами. При музее уже в течение 7 лет работает клуб «Родовед», где всегда можно получить квалифицированную помощь специалистов.

Слабая изученность на Дальнем Востоке традиционной книги ставит перед нами задачу всестороннего изучения кириллической старопечатной и рукописной книги. В связи с тем, что происходит быстрое умирание традиционной культуры, резко сократилась кириллическая грамотность, знание книги. В этом случае исследователям Дальнего Востока могли бы оказать действенную помощь специалисты российских археографических центров. Проведение нескольких семинаров, посвященных изучению книги, позволили бы решить многие проблемы (обучение навыкам работы с кириллической книгой, выявление старопечатных и рукописных книг в государственных книгохранилищах и частных собраниях края, составление научного каталога старопечатных и рукописных книг, реконструкция старообрядческих библиотек и книжных собраний в старообрядческих общинах края и, наконец, самая важная проблема — подготовка кадров, местных специалистов, историков древних книг).

Не менее перспективным направлением в экспедиционной работе музея является изучение устной культуры. Даже наши фрагментарные исследования показали, что устная старообрядческая традиция в жанровом отношении в Приморье довольно разнообразна. За время полевой работы нами записаны жития, легенды, апокрифы, рассказы о чудесах, духовные стихи, свадебные, лирические песни, частушки, которые оказались очень важны при изучении идеологии, религиозного сознания старообрядцев края. Дальнейшие исследования в этой области помогут углубить наше понимание старообрядческой культуры как единой системы.

На наш взгляд остается еще одна важная проблема, та самая, которая на первых порах приостановила наши исследования в этом направлении — контроле, а вернее бесконтрольности над археографическими экспедициями. Эта проблема продолжает оставаться актуальной для всего региона России. Мы можем привести десятки примеров вывоза неизвестными лицами огромного количества старопечатных книг из Приморья. Все они называли себя сотрудниками институтов, музеев, реставраторами, не оставляя после себя никаких обязательных в этом случае документов, кроме раздражения и недоверия у местного старообрядческого населения к тем, кто пришел за ними. Эта проблема актуальна не только для археографов, но и для этнографов. Многие собиратели, желая получить

доступ к желаемым предметам, выдают себя за сотрудников музея им. В. К. Арсеньева, таких примеров тоже немало. Куда потом исчезают редкие для нашего региона вещи — остается только предполагать. На сегодняшний день нет механизма контроля за действиями недобросовестных исследователей, вероятно, еще долго эта проблема не будет решена.

Итак, экспедиции музея положили начало систематическому, целенаправленному изучению старообрядчества региона. Краткий обзор полевого материала показывает, что Приморье, в силу объективных причин, относится к региону с невысоким уровнем сохранности старообрядческой культуры. Он же способствует выявлению ее региональных особенностей и определению перспектив будущих исследований.

Примечания:

*1. **Поздеева И. В.** Русское старообрядчество конца XX в. //Алтарь России. Владивосток-Большой Камень. 1997. С. 8.*

Э. В. ГОНЕВЧУК (ВЛАДИВОСТОК)

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА

Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева располагает старейшим на Дальнем Востоке собранием естественнонаучных коллекций. Начало их комплектованию положено музеем Общества изучения Амурского края (ОИАК) и совпадает с датой его основания. В числе первых поступлений — энтомологическая коллекция и гербарий, пожертвованные в 1884 году местным предпринимателем и краеведом М. И. Янковским, «Гербарий южно-уссурийской флоры», собранный в 1887 году О. Л. Янковской в бухте Сидими. В 1889 году Ф. Ф. Буссе изготовил по заказу музея коллекцию спиртовых препаратов рыб (до наших дней не сохранилась). До начала XX века пополнение естественнонаучных коллекций велось, в основном, за счет пожертвований лиц, деятельность которых была связана с лесо- и землеустройством, геологоразведочными работами. Так, в 1892 году лесничим Уссурийского казачьего войска Н. А. Пальчевским из служебной командировки в Императорскую Гавань (ныне Совгавань) доставлена «Коллекция образцов леса Уссурийской тайги» — спилов древесины различных пород, в 1893 году от начальника горной экспедиции Д. Л. Иванова поступила петрографическая коллекция, в 1899–1900 годах — гер-

барий с о. Беринга, собранный начальником Командорских островов Н. А. Гребницким. В целом, пополнение естественнонаучного фонда шло медленно и носило случайный характер. Результаты инвентаризации 1893–1895 годов подтвердили, что коллекции по природе края требуют пополнения. В 1903 году на должность консерватора принят С. В. Дюкин, и музей приступил к плановому комплектованию естественнонаучного фонда, но с началом русско-японской войны эти работы были прекращены.

Формирование систематических коллекций начинается с 1908 года, когда ОИАК удалось изыскать средства и организовать ряд экспедиций в малоизученные районы края. Большие энтомологические, орнитологические, ботанические коллекции собраны участниками Ханкайской экспедиции в 1908–1909 годах А. И. Черским, М. Н. Черской, С. В., М. В. и Н. В. Дюкиными и А. А. Тарабаровым, а также С. В., М. В. и Н. В. Дюкиными в ходе экспедиции 1909 года в район р. Тетюхе (Рудной). Весомые результаты дала экспедиция в район р. Одарки 1911 года: гербарий из 7 тыс. листов, 375 экз. птиц, 110 — млекопитающих, 74 — земноводных и пресмыкающихся, 71 — водных беспозвоночных и 23 ящика насекомых на слоях ваты — всего свыше 16 тыс. экземпляров. В составе экспедиции работали А. И. и М. Н. Черские, препаратор музея ОИАК А. Г. Кузнецов и ученик Владивостокской мужской гимназии В. М. Бергер, впоследствии — известный энтомолог, первый исследователь уссурийских короедов. В 1914–1916 годах консерватор музея Н. П. Крылов командирован ОИАК в район бухты Терней, для проведения стационарных зоогеографических исследований в северной части Сихотэ-Алиня. В 1915 году исследовательские работы были продолжены в окрестностях мыса Олимпиады. Объем коллекций составил 6 364 экз., в т. ч. свыше 4 800 экз. насекомых и более 1 тыс. гербарных листов. В результате аналогичных работ в 1916 году, в Императорской Гавани музейные естественнонаучные коллекции пополнились 7 459 экземплярами. По результатам работ был опубликован отчет, в котором Н. П. Крылов одним из первых исследователей-зоологов предпринял попытку зоогеографического районирования Уссурийского края. Таким образом, период с 1908 по 1916 годы явился для ОИАК самым плодотворным в плане естественнонаучной экспедиционной деятельности. Обильный и интересный экспедиционный материал значительно пополнил коллекции музея, а целый ряд коллекций был передан в столичные научные учреждения.

В тот же период в музей поступили коллекции, собранные крупными комплексными экспедициями: Амгунь-Амурской Переселенческого управления 1909 года (гербарий И. В. Кузнецова из бассейна р. Амгунь), Гидрографическими Восточного (1908–1914 гг.) и Ледовитого (1910–1915 гг.) океанов (петрографические, ботанические, зоологические, орнитологические, ихтиологические сборы Б. В. Давыдова, Ф. А. Дербека, Л. М. Старокадомского, М. И. Ткаченко, В. А. Белоусова и др. с Камчатки, Сахалина, островов и побережья Охотского и Японского морей). В 1912 году П. В. Виттенбург провел первую геологическую съемку п-ова Муравьева-Амурского. В музей переданы образцы пород и минералов — всего свыше 1 500 единиц хранения. Заметно пополнили коллекции

сборы участников организованной Департаментом Земледелия комплексной Дальневосточной научно — промысловой экспедиции В. К. Солдатова, А. И. Черского, А. Г. Кузнецова, привезенные из района р. Туманган (Туманной) (1913 г.) и бассейна оз. Ханка (1914 г.) Основная часть материалов экспедиции была отправлена в Академию Наук, а в музей ОИАК переданы дублетные гербарий, зоологическая, орнитологическая и ихтиологическая коллекции.

В 1910 и 1914 годах консерватор музея ОИАК А. И. Черский совершил ряд экскурсий по акватории залива Петра Великого на охранной шхуне «Сторож» с целью коллектирования морских животных для музея. Ихтиологическая коллекция, собранная А. И. Черским, имела большое краеведческое значение и послужила материалом для первых исследований известным впоследствии дальневосточным ихтиологам П. А. Моисееву, А. Я. Таранцу и другим. К сожалению, до наших дней из этой коллекции сохранились лишь единичные экземпляры.

Дореволюционный период изучения и освоения Дальнего Востока представлен, кроме того, гербарными коллекциями Н. А. Варпаховского (Хабаровский край, долина р. Хор), В. И. Рубинского (Приморский, Хабаровский край), Н. А. Пальчевского (Владивосток), Б. В. Перфильева (р. Амур), Г. П. Михайлова (р. Иман), А. А. Шошина (п-ов Муравьева-Амурского), орнитологическими коллекциями А. Л. Алексеева (Владивосток), А. А. Медведева (с. Славянка), С. А. Бутурлина (Якутия), энтомологическими сборами А. К. Мольтрехта (Николаевск-на-Амуре), И. П. Олофинского (Владивосток) и др.

В определении коллекционного материала в разные годы принимали участие не только местные исследователи: А. И. Черский, В. М. Савич, И. К. Шишкин, но и ведущие специалисты: В. Л. Комаров, Б. А. Федченко, И. В. Кузнецов, А. П. Семенов-Тянь-Шаньский, С. А. Бутурлин, Л. С. Берг, С. И. Огнев, А. М. Никольский, А. Н. Криштофович. В последнем случае коллекции пересылались специалистам, а после изучения и определения возвращались обратно. Непосредственно в музее работали В. Л. Комаров, Б. А. Федченко, И. В. Кузнецов, В. Л. Бианки, П. Ю. Шмидт.

Естественнонаучные коллекции музея выставлялись на международных, общероссийских, краевых выставках и пользовались неизменным успехом — в тот период все, знакомящее с природой Дальнего Востока, вызывало неподдельный интерес. В 1900 году на Всемирной Парижской выставке музей представил редкие образцы флоры и фауны края. На Всероссийской выставке рыбоводства и рыбопромышленности 1889 года коллекции Ф. Ф. Буссе и ОИАК, экспонировавшиеся под общим названием «Коллекция рыб из р. Амура и прилежащих вод» получили золотую медаль. Золотой медали Хабаровской сельскохозяйственной и промышленной выставки 1899 года удостоена коллекция «Пьяного хлеба» Н. А. Пальчевского.

К юбилейному, 20-му году своего существования, музей имел четко сформулированную концепцию комплектования фондов. В частности, было установлено, что собирая материалы для естественнонаучных коллекций, музей не должен выходить из территориальных рамок «Приамурья и тесно соприкасающихся и связанных с ним окраин» [1], к которым относились Камчатка, Чукотка,

Сахалин, Командорские острова и смежные территории сопредельных стран: Северная Корея и Восточная Маньчжурия. С другой стороны, музей исключил из сферы своих интересов Японию, Южную Корею, Филиппины, а также Европейскую Россию, имеющую мало общего с Дальним Востоком.

В период иностранной интервенции 1918–1922 годов экспедиционная деятельность ОИАК прекратилась. К поступлениям этого периода относятся только гербарные сборы из различных районов Приморья, переданные музею ОИАК Южно-Уссурийским отделом Географического общества в обмен на дублеты коллекции П. В. Виттенбурга.

Инвентаризация природных ресурсов Дальнего Востока стала основной задачей экспедиций 20–30-х годов. В этот период в музей поступили материалы Тихоокеанской научно-промысловой станции, собранные в северных районах Охотского моря (коллекторы: Г. Д. Дулькейт, Л. Д. Канакин, Р. И. Разумовский, и др.), треста «Дальрис» и «Партии по исследованию лугов Дальгубземуправления», производивших в 1925–1927 годах обследование южных, лесостепных районов края (В. С. Виршо, М. Ф. Гришко, Е. А. Гриневич, И. К. Шишкин), экспедиций Лесного отдела Примгубземуправления 1924 и 1930 годов на Северный и Южный Сихотэ-Алинь, впервые посетивших высокогорные области этих районов (И. К. Шишкин, В. М. Савич, А. Г. Кузнецов). Значительные ихтиологические коллекции собраны к 1925 году сотрудником Садгородской биологической станции Г. У. Линдбергом и его юным помощником А. Я. Таранцом. Среди наиболее ценных поступлений этого периода — коллекции известного ботаника И. К. Шишкина, собранные в 1923–1930 годах по всему краю, гербарии с о. Русского Н. А. Десулави (1921 г.) и К. И. Грюнмана (1922 г.), сборы ископаемой флоры и фауны 1921–1922 годов с п-ова Муравьева-Амурского, поступившие от М. К. Елиашевича и А. Г. Кузнецова.

В 30–40 годах фонды пополнили минералогические и петрографические коллекции Дальгеотреста, собранные в 1930–1937 годах в Приморском и Хабаровском краях, на Сахалине и Камчатке и обширная (свыше 1 тыс. экземпляров) энтомологическая коллекция приморского художника и энтомолога-любителя И. Ф. Палшкова из Сучанского (Партизанского) района. В послевоенный период был организован массовый сбор материалов по природной тематике. С 1945 года интенсивно комплектует естественнонаучные коллекции музея таксидермист М. А. Омелько. Его плодотворная деятельность продолжалась до 1993 года. В 1955 году от научно-исследовательского судна «Витязь» получены редкие экземпляры морских животных. В 1956 года музей приобрел у Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии коллекции моллюсков и рыб. Уникальными являются коллекция крабов, переданная в дар работником плавбазы «Алма-Ата» И. С. Паженцевым и принадлежавшая геологу-самоучке Ф. А. Силину коллекция пород и минералов с ряда открытых им месторождений. В 1947, 1949 и 1950 годах музею переданы осколки Сихотэ-Алинского метеорита. В числе самых последних поступлений —

чучела птиц и животных, добытых и препарированных таксидермистом музея с 1996 года А. А. Даневичем, конхиологическая коллекция из 182 экземпляров — дар коллекционера К. П. Буркина, образцы минералов и друз с Дальнегорского месторождения от К. А. Мойсюка.

Примечания:

1. *Мольтрехт А. К. Задачи Общества изучения Амурского края и Владивостокского музея в будущем. Оттиск из юбилейного сборника. Владивосток: Далекая Окраина, 1916. С. 2*

В. В. УВАРОВА (ВЛАДИВОСТОК)

МУЗЕЙНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

«Экологический кризис есть внешнее проявление кризиса ума и духа. Не может быть большего заблуждения, чем трактовать его только как угрозу дикой природе и загрязнение окружающей среды. Это частности. Наиболее же важным является то, что кризис касается нас самих, и ставит вопрос о том, что мы должны изменить в себе, чтобы выжить».

Линтон К. Колдуэл

Нынешнее десятилетие (1995–2005 гг.) объявлено ЮНЕСКО десятилетием образования в области окружающей среды.

Экологические знания и выработка нового мировоззрения — дело всей системы образования и просвещения, начиная с детских садов и заканчивая высшей школой и взрослым населением. Формирование экологической культуры необходимо начинать как можно раньше. Именно дошкольный и школьный возраст — благодатная пора для формирования моральных принципов поведения.

Целостный педагогический процесс предполагает организацию воспитания детей во внеурочное время. Музей в этой образовательной цепи занимает особое место.

Краеведческий музей как образовательно-просветительское учреждение обладает особым потенциалом неформального и нетрадиционного воспитательного воздействия.

В 1995 году на базе естественнонаучного отдела ПГОМ им. В. К. Арсеньева был создан Музейный экологический центр. В настоящее время Экоцентр яв-

ляется функциональным звеном образования в области окружающей среды. Основной целью его создания стала идея непрерывного экологического воспитания и просвещения школьников всех возрастов, студентов, взрослого населения, кроме того, методическое обеспечение работы преподавателей, создание банка методических материалов, комплектование спецбиблиотеки и видеотеки.

Разнообразие форм предлагаемых материалов дает возможность сделать процесс экологического воспитания и просвещения интересным, значимым и эмоционально привлекательным для слушателей. В работе Музейного экоцентра комплексно используются как привычные формы и методы работы (экскурсии, лекции, беседы, встречи со специалистами), так и нетрадиционные, не свойственные учреждению музейного профиля — конкурсы, викторины, олимпиады, видеолектории, практические занятия на выезде. Экоцентр в своей работе реализует краеведческий принцип экологического просвещения, ориентирует на региональный опыт освоения человеком окружающей среды.

Решению задач экологического воспитания и просвещения призвана служить экспозиция «Природа Приморского края», открытая в 1997 году.

Первые естественнонаучные экспозиции музея знакомили с богатствами природы края и призывали активно распоряжаться ими. Только в начале 60-х годов в экспозиции впервые обозначились проблемы уязвимости, хрупкости природы и необходимости ее защиты. В настоящее время в семи залах представлены основные аспекты современной экологии: экология природных сообществ, социальная экология, рациональное природопользование и природоохранная деятельность. Структура экспозиции, широкая тематика проводящихся на ее базе экскурсионно-лекционной работы и мероприятий тесно связаны со школьными общеобразовательными и региональными экологическими, биологическими и географическими программами. Для каждой возрастной категории информация адаптируется на наиболее удобном для восприятия уровне.

Такая новая для музея форма работы как видеолекторий «Знакомьтесь, природа!» предлагает зрительской аудитории большой выбор документальных, познавательно-лекционных и художественных видеофильмов природоведческой тематики.

С 1998 года, в рамках программы «Музейный экологический центр», мы приступили к реализации проекта «Экологическая ассоциация». Этот проект рассчитан на некоммерческие образовательные экологические организации, экологов-энтузиастов, создающих свои клубы и центры. Основная задача центра — дать возможность малобюджетным и нефинансируемым организациям, не имеющим собственной наглядно-обучающей базы, оптимизировать эколого-образовательный процесс, сделать его более интересным. Участники проекта получают право пользоваться всей доступной Ассоциации экологической информацией, быть создателями и пользователями библиотеки и видеотеки, получать методическую помощь при организации экологических музеев, выставок, зрелищных мероприятий.

Музейный экоцентр осуществляет свою работу в тесном контакте с городским и краевым комитетами охраны окружающей среды, негосударственными некоммерческими природоохранными организациями, в том числе Всемирным

фондом дикой природы (WWF), фондом «Феникс», Инициативной сетью активистов региона Дальнего Востока (ИСАР-ДВ).

Негосударственная некоммерческая организация ИСАР-ДВ при поддержке Агентства США по международному развитию формирует коммуникационно-информационную инфраструктуру, способствующую объединению общественных экологических сил региона. Информация об Экоцентре ПГОМ им. В. К. Арсеньева передана в создающуюся «Ресурсную книгу». Экоцентр является давним получателем выпускаемого ИСАР-ДВ информационного вестника «Записки с Дальнего Востока».

Ведется плодотворное сотрудничество с WWF. Осенью 1999 года WWF совместно с Агентством США по международному развитию открыло Программу малых грантов «Экорегион», направленную на сохранение биоразнообразия Дальнего Востока России. Эта программа является ответом на существующие в регионе экологические проблемы. На конкурсе в число приоритетных попал проект Экологического центра ПГОМ им. В. К. Арсеньева «Учим детей беречь дом, в котором мы живем». Этот музейный проект рассчитан на разработку единой сквозной образовательной программы по экологическому просвещению и повышению заинтересованности местного населения в сохранении окружающей среды региона. Предпочтение было отдано проекту Музейного экологического центра еще и потому, что он решает задачи доступной подачи информации, охватывает широкую аудиторию, предусматривает сотрудничество с природоохранными организациями.

Но основная цель и задача Музейного экологического центра — это работа с подрастающим поколением.

Большой популярностью преподавателей средних школ, техникумов и училищ пользуются занятия эколого-краеведческой направленности. Благодаря работе Экологического центра в последние годы появилась возможность на базе яркой, зрелищной экспозиции конкретизировать материал учебника и разнообразить кабинетно-урочную работу.

Важная роль в деле экологического воспитания и просвещения отводится таким мероприятиям, как эколого-краеведческие конкурсы, празднования «Дня знаний», «Дня Земли», «Дня тигра» и т. д. Программы этих Дней включают в себя встречи с учеными ДВО РАН, специалистами-экологами, писателями, краеведами, членами Географического общества.

По сохранившейся традиции Музейный экологический центр участвует в работе экспертных комиссий, краевых и городских школьных олимпиад и конференций по геологии и экологии.

Кроме просветительской работы со школьниками и студентами, Музейный экоцентр проводит широкую методическую работу с преподавателями школ и средних специальных учебных заведений. В естественнонаучном отделе музея на базе тематических разработок сформировался большой запас информации по различным аспектам естественных наук. Однако наука не стоит на месте, и Экологический центр сам нуждается в пополнении литературы, обновлении информации. И в этом мы надеемся на сотрудничество и взаимопомощь государственных и общественных организаций.

В будущем Музейный экологический центр будет продолжать свое дело — обучать, просвещать, воспитывать подрастающее поколение, а вместе с ним и взрослых. Социологические опросы, проводимые Всероссийским центром исследований общественного мнения (ВЦИОМ), показывают, что около 70% экологической информации взрослое население получает от своих детей-школьников. Поэтому в планах Музейного экоцентра планируется организация экологического всеобуча по схеме учитель-дети-родители.

Нет проблемы более насущной, чем проблема охраны окружающей среды, недаром экологическое просвещение называют еще «педагогикой выживания».

В середине прошлого века классик российской словесности Ф. М. Достоевский записал свою знаменитую фразу, ставшую прописной: «Красота спасет мир». Сейчас, на рубеже веков и тысячелетий, мы должны сказать иначе: не красота, а экологическая грамотность спасет человечество от самоуничтожения.

Е. Е. ЧИНЯЕВА, Д. А. ЛИМОШЕНКО (ВЛАДИВОСТОК)

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЭКОЛОГО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ И МЕХАНИЗМ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Экологическое образование должно соответствовать не только сложившимся в мире экологическим ситуациям, но и способствовать решению проблем взаимоотношений природы и общества, а также природы и индивида. По всей вероятности, поколению сегодняшних 10–15-летних придется жить в совершенно иных условиях, о характере которых ученые ведут жаркие споры. В то же время, очевидно, что у общества нет достаточного временного ресурса, решение нужно принимать уже сегодня. Признаем, что школьное образование, как вариант формализованной системы образования, не отличается необходимой степенью гибкости и эластичности для того, чтобы дать достойные ответы на бросаемые современностью и будущим вызовы. Следовательно, Центр деятельности, направленной на подготовку подрастающего поколения для жизни и деятельности в новых онтологических условиях, перемещается из области школьного образования в иные секторы образовательного поля, в которых функционируют менее формализованные, а значит и более подвижные и восприимчивые к инновациям образовательные системы.

Примером подобного гибкого образовательного комплекса может служить модель профильного лагеря старшеклассников. Рассмотрим программу производственной

деятельности профильного лагеря оздоровительно-образовательного лагеря «Э-Кра-Тур». Названная программа имеет 3 тематических блока: экологический, краеведческий, туристический. Каждое напрвление представляет собой своеобразную нишу, служащую полигоном для реализации тех или иных суб-программ, с учетом сказанного программа приобритает следующию струтуру:

Краеведческий блок: Краеведческая субпрограмма «Агенство Территориальных Исследований» (АТИ).

Экологический блок: Экологическая программа «Лига Молодых Экологов-Экспертов» (ЛМЭЭ). Эколого-психологическая субпрограмма «Новый Авалон» (НА).

Туристический блок: Туристическая субпрограмма «Ассоциация Вольных Пилигримов им. Дерсу Узала» (АВП).

Таким образом, в рамках программы «Э-Кра-Тур» реализуется пять программ по трем блокам.

Реализация программ сводится к решению следующих задач:

1. Познакомить ребят с историей Приморского края как составной и неотъемлемой частью Дальнего Востока России;
2. Создание условий для творчиства ребят в области разработки своих авторских и коллективных идей-проектов;
3. Помочь старшеклассникам в приобретении практических навыков ненасильственного сосуществования с природой;
4. Осуществить профориентацию старшекласников в профильных областях программы;
5. Познакомить ребят с разнообразными методами исследования природы, культуры и истории приморского края;
6. Познакомить учащихся с комплексом мер и приемов организации безопасности жизнедеятельности в естественной среде обитания;
7. Содействовать формированию мировоззренческих установок, навыков и умений гуманного преобразования естественной и антропогенной среды обитания современного человека.

Механизм реализации программы:

1. Актуализация и расширение знаний, умений и навыков, полученных в рамках школьных общеобразовательных программ по истории, биологии, географии, экологии путем их практического применения и сообщения новых сведений, осуществления профильной подготовки, не предусмотренных школьными программами посредством особым образом организованной познавательной деятельности.

2. Сочетание различных методов и приемов организации познавательной деятельности, в том числе, гибкого комплекса методов обучения (объяснительно-иллюстративный, исследовательский, частично-поисковый, проблемный, репродуктивный) и пластичного арсенала форм организации занятий (лекции, семинар, дискуссии, практическая и самостоятельная работа, игра).

Н. В. КАМЕНЕВА, К. А. ЛУТАЕНКО (ВЛАДИВОСТОК)

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПОСТОЯННОГО РАЗДЕЛА ПО ИСТОРИИ МОРСКОЙ БИОЛОГИИ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ИНСТИТУТА БИОЛОГИИ ДВО РАН

Исторические экспозиции в музеях природы — необходимый элемент показа путей развития науки. Они имеются во многих крупных музеях, но очень редко присутствуют в так называемых «малых музеях», что связано с дефицитом площадей, трудностью представления исторического материала или просто отсутствием необходимых музейных материалов (соответствующих фондов). В России весьма интересные, содержательные и ценные как с научной, так и с музеологической точки зрения (удачность воплощения) экспозиции по истории биологии есть в Зоологическом музее РАН (г. С.-Петербург), Государственном Дарвиновском музее и Государственном биологическом музее им. К. Тимирязева (г. Москва). Однако если разделы в Зоомузее РАН рассказывают об истории зоологии в целом в России, а в ГДМ — об истории эволюционного учения в общемировом аспекте, то в музеях Дальнего Востока историко-биологических экспозиций не существует, хотя история научного освоения «далекой окраины», и в первую очередь — ее морей, представляет большой интерес. И хотя эта история коротка по времени, но полна самоотверженных попыток познать природу подводного мира, примеров ярких достижений и путешествий одиночек, и в то же время — неудач и даже трагедий. Историю дальневосточной науки невозможно рассматривать вне контекста развития мировой науки и целесообразно представить музейными средствами на фоне широкой перспективы с уходом в глубь прошлого. Поэтому в тематико-экспозиционном плане Музея ИБМ, основанного в 1994 году, был предусмотрен специальный раздел по истории морской биологии как комплексной науки. При разработке плана и создании раздела решался ряд конкретных проблем — как по форме показа материала, так и по его содержанию.

В современных музеях наблюдается тенденция к сокращению текстовых материалов, сопровождающих экспонаты, поэтому мы пришли к выводу свести к минимуму тексты, усилив при этом иллюстративную часть. Сам раздел было решено оформить в виде «Комнаты биолога» с элементами интерьера кабинета ученого конца прошлого — начала нынешнего века, использовав при этом подлинные старинные вещи, книги, инструменты и т. п. Такое решение раздела позволяет повысить его аттрактивность для неспециализированных посетителей. Раздел был открыт 17 марта 2000 года в составе выставки «30 лет Институту биологии моря» и будет дополняться и совершенствоваться.

Основное содержание экспозиции составляет показ развития представлений науки о морских организмах на разных этапах. Условно этот раздел можно

разделить на несколько частей. Первая часть — это мифические представления средневековья о морских животных. Рисунки морских чудовищ: «Морского епископа» (по Гесснеру, XVI век), «Морского бычка» (по Альдрованди, XVI век) и «Улетифа» (рисунок из «Космографии» Андре Тевe, 1575 год) сразу привлекают внимание посетителей к центральной стене «Кабинета». Здесь же находятся несколько наиболее аттрактивных экспонатов — это «трофеи хозяина кабинета» — чучела морских черепах и крокодила. Вторая часть экспозиции (левая стена «Кабинета») посвящена истории исследований Мирового океана и, в частности, дальневосточных морей. Это большой иллюстративный материал, включающий в себя портреты ученых (С. П. Крашенинникова, Л. И. Шренка), рисунки животных, сделанные натуралистом Тилезиусом во время трехлетнего путешествия И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803–1806 гг.). В экспозицию также включены сопроводительные этикетки из коллекций известных зоологов России — Л. И. Шренка, А. Ф. Миддендорфа и К. Э. Бэра и другие материалы, иллюстрирующие историю морских биологических исследований.

Особое внимание в подготовленной экспозиции было обращено на историю становления морских биологических станций, которая неразрывно связана с именами русских ученых — Миклухо-Маклая, Ковалевского, Дерюгина. В этой части раздела (правая стена «Кабинета») выставлены фотографии первой в мире морской биологической станции — Неаполитанской, первой в России — Севастопольской и материалы о попытках создания подобного учреждения во Владивостоке при Обществе изучения Амурского края.

Атмосферу работы биолога конца XIX — начала XX веков воссоздают подлинные старинные вещи — письменный стол из красного дерева, бронзовый микроскоп и лупа под стеклянными колпаками, набор литер для печатания этикеток, рисовальная рамка для создания точных зоологических рисунков, набор препаровальных инструментов, а также шкаф со старинными книгами по зоологии и гидробиологии.

При подготовке раздела использовались материалы архива и библиотеки Общества изучения Амурского края, библиотеки Института биологии южных морей Национальной Академии наук Украины (бывшей Севастопольской морской биологической станции). Экспонаты передавались в Музей сотрудниками Института биологии моря и частично приобретались у частных лиц. Эскизы и художественное оформление выполнены С. А. Левиным, тематико-экспозиционный план разрабатывался Н. В. Каменевой, научный консультант раздела — Е. А. Смирнова.

Создание раздела по истории морской биологии в Музее ИБМ показывает, что сочетание строго научного подхода (историческая проработанность, периодизация, выявление значимых событий и т. п.) не должно идти в ущерб аттрактивности, поскольку экспозиция предназначена для популяризации морской биологии среди широких слоев населения. И хотя такая концепция пока может приниматься не всеми музейными работниками и научными сотрудниками, интерес у посетителей к «комнате ученого», современные тенденции развития музейного дела диктуют именно это направление построения исторической экспозиции в условиях Музея ИБМ.

Ю. П. ЩУКОВСКАЯ (ВЛАДИВОСТОК)

ДОКУМЕНТЫ СУДЗУХИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА (1940–1951 ГОДЫ) В ГОСАРХИВЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Охрана природы — одна из важнейших проблем современности, носящая глобальный характер. Одной из форм решения этой проблемы является организация заповедников, главная задача которых — сохранение в неприкосновенности для научного исследования эталонов природы.

История заповедного дела уходит своими корнями в глубокое прошлое. Еще при первых русских царях появились так называемые запретники — охраняемые территории угодий, где разрешалось охотиться только царственным особам и членам их семей. При Петре I была издана специальная инструкция, по которой надлежало производить вторичные посадки на месте вырубленных для нужд кораблестроения лесов.

Идея о заповедности наиболее ценных или характерных участков природы на Дальнем Востоке с редкими исчезающими животными возникла в конце XIX века, когда богатейшее растительное и животное его многообразие стало подвергаться разрушению со стороны человека.

Первые охраняемые территории в Приморье появились в начале XX века. Так, например, заповедник «Кедровая падь», созданный в 1916 году.

История Судзухинского заповедника началась в 1928 году, когда был основан Судзухинский (Южно-Уссурийский) заказник. Задачей заказника являлась охрана пятнистого оленя и горала (дальневосточной серны). С 1935 по 1940 год заказник имел статус филиала Сихотэ-Алинского заповедника, подведомственного ДВ РАН СССР. С 1940 года это уже самостоятельное научно-исследовательское учреждение Главного управления по заповедникам, зоопаркам и зоосадам при СНК РСФСР. В 1951 году заповедник был ликвидирован и восстановлен в этом статусе в 1957 году. В 1970 году Сихотэ-Алинскому заповеднику было присвоено имя Л. Капланова, который был сначала научным сотрудником, затем директором заповедника и погиб в 1943 году от рук браконьеров.

В ГАПК хранятся документы Судзухинского заповедника, относящиеся к его деятельности за период с 1940 по 1951 годы. Документы поступили в архив в 1963 году, в настоящее время фонд насчитывает 23 единицы хранения, к нему имеется научно-справочный аппарат — опись.

В составе документов фонда — отчеты Судзухинского заповедника по финансовой деятельности, сметы и штаты, научно-тематические планы и отчеты, сводные таблицы по регистрации расселения пятнистого оленя, обзор видов растительности заповедника и его животного мира — например, черновая

рукопись зав. научной частью Г. Ф. Бромлея «Осенняя линька колонка в Южном Приморье и вопрос его промысла».

По видам документы фонда Судзухинского заповедника можно разделить на три группы: 1) документы, относящиеся к научной деятельности заповедника; 2) документы, относящиеся к финансовой деятельности; 3) документы, носящие общий характер.

К документам первой группы следует отнести отчет о научно-исследовательской деятельности заповедников Главного управления по заповедникам за 1939 год; научно-тематические планы Судзухинского заповедника и отчеты об их исполнении за 1943–1947 годы; обзор отдельных объединений растительности Судзухинского заповедника; сводные таблицы по регистрации расселения пятнистого оленя за 1935–1936 годы; дневник научного сотрудника ботаника Сидоровой за 1949 год, спектр годовой экологической цикличности горала (б. д.).

Из документов этой группы, представляющих интерес для исследователей, можно выделить «Обзор отдельных объединений растительности Судзухинского заповедника за 1940 год», в котором содержится характеристика и описание лесов, ландшафта, берегов и бухт, опоясывающих морские границы заповедника. Кроме того, что очень важно, в «Обзоре...» изложены функции, задачи, специфика и назначение заповедника. «Судзухинский заповедник» является необходимым дополнением к заповедникам ДВФ АН СССР — Супутинскому и «Кедровой пади» и имеет преимущество в том, что разнообразие типов растительности и животного мира сконцентрировано в нем на небольшой площади и представлено значительно более полно, — говорится в данном «Обзоре...», — назначение его — служить сохраняемым образцом природы, резерватом и рассадником редких и ценных объектов фауны и флоры, научно-исследовательской лабораторией, призванной служить целям глубокого и всестороннего изучения и освоения природы южной части Дальневосточного края в интересах наиболее рационального использования». Далее в документе говорится, что научная ценность территории заповедника несомненна, так как лишь здесь сохранились такие виды животных, как дальневосточная серна (горал) и дикий пятнистый олень. Первоочередной задачей в связи со всем изложенным являлась всесторонняя инвентаризация флоры и фауны Судзухинского заповедника.

Помимо сведений о деятельности непосредственно Судзухинского заповедника, в документах фонда содержится информация о числе заповедников в РСФСР в 1939 году, объеме их финансирования, в том числе на научную работу, о штатах научных и научно-технических работников, о научной тематике, разрабатываемой заповедниками в 1939 году, а также о недостатках, мешающих работе и характерных для всех заповедников РСФСР.

Большой информативный запас сведений по организации научно-исследовательской работы содержит такие документы, как научно-тематические планы и отчеты об их исполнении за 1943–1947 годы. Здесь же встречаются сведения о научных штатах заповедника и их структуре (старшие научные сотрудники, научные сотрудники, научно-технические работники, наблюдатели); о спектре научных

проблем, которые входили в круг исследований (экология горала, пятнистого оленя, дикого кабана, волка, зайца Приморья, бурого и гималайского медведя) и мероприятиях, проводимых по сохранению ценных видов животного и растительного мира, о трудностях в работе.

За отчетный период (1943–1947 гг.) общее число научных тем увеличилось с 2 в 1940 году до 9 в 1947 году, мероприятий с 2 до 5. Из этих отчетов видно, что кроме научной и природоохранной деятельности, Судзухинский заповедник занимался пропагандой и популяризацией знаний о природе и задачах заповедника, выступая с докладами перед населением, на собраниях партийного актива, на партийных конференциях районного уровня.

Хочется отметить один интересный факт: рукописный вариант отчета заповедника за 1944 год написан на обороте опубликованного «Обращения к населению Ольгинского района Приморского края, проживающему на территории сельсоветов: Валентиновского, Данильченского, Чернорученского, Сокольчанского, Батюковского, Свободненского, Ванговского, Кишиневского, Беневского, Киевского, Соколовского» с выдержками из Положения о государственных заповедниках на территории РСФСР, утвержденного Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР 14 мая 1940 года.

В отчете заповедника за 1945 год кроме обязательных сведений имеется список опубликованных научных работ с момента существования заповедника (1940 г.).

Необходимо упомянуть и о таких документах, как сводные таблицы по регистрации расселения пятнистого оленя. В них содержатся данные о числе пятнистых оленей за 1935–1937, 1944, 1947 годы, о местах встреч, о поведении их, о состоянии погоды на момент встреч, даты встреч.

К описанию Судзухинского заповедника, составленному 17 июля 1946 года, приложено несколько карт: составленная от руки карта заповедника за 1939, 1940 годы, карта Приморского края за 1940 год с границами заповедников, существовавших в то время в Приморском крае. В числе других документов фонда следует отметить дневник научного сотрудника заповедника Сидоровой за 1949 год, имеющий, несомненно, научную и практическую ценность, так как в нем содержится информация о методике ведения наблюдений за природой, сборе гербария, лабораторных работ.

В актах обследования Судзухинского заповедника за 1940, 1948 годы имеется акт обследования островов Петрова и Бельцова (1940) с характеристикой их географического положения, растительного и животного мира. Особо выделяется наличие на о-ве Попова тисовой рощи. Здесь же содержатся предложения по организации на острове горалового питомника. В докладной записке директора заповедника Главному управлению по заповедникам от 21 октября 1940 года, приложенной к одному из таких актов, обосновывается выбор места под организацию центральной усадьбы в бухте Кит: *«...для основных тем научно-исследовательских работ наиважнейшие объекты расположены в непосредственной близости, как, например, основное место обитания горала и пятнистого оленя...»* В этой же докладной записке дано описание местоположения заповедника,

его бытовых условий, путей сообщения, связи, климате, границах. В акте обследования за 1948 год следует особо упомянуть характеристику состояния научной работы за 1944–1948 годы, в том числе сведения о материальной базе, штатах, публикациях, охране заповедника, осуществления мероприятий популяризации идей заповедника, а также предложения по улучшению научной деятельности и укреплению заповедного режима.

К рассматриваемой группе документов относится также описание флоры и фауны о-ва Петрова в частном письме (автор и адресат не указаны), датируемом 1937 годом. В нем говорится об уникальности тисовой рощи, а также высказывается мысль о создании на острове колонии горала: «Присутствие горалов на острове не будет лишним, а, наоборот, сделает остров Попова настоящим живым музеем». И, наконец, среди документов, относящихся к научной деятельности Судзухинского заповедника, большой интерес представляет уже упоминавшийся выше черновой вариант рукописи заведующего научной частью Г. Ф. Бромлея «Осенняя линька колонка в Южном Приморье и вопрос его промысла», датируемая маем 1946 года.

Вторая группа документов фонда — финансовая, включает сметы и штаты заповедника за период с 1940 по 1951 годы. Данный вид документов является источником информации об общем виде ассигнований по смете; статьях расходов; штатах, их структуре и фактическом наличии. В числе статей расходов наблюдаются учебные расходы и производственная практика. Это свидетельствует о том, что сотрудники заповедника постоянно повышали свой уровень знаний, а также принимали у себя практикантов.

Говоря о штатном расписании, можно проследить его изменения за 1940–1951 годы. В объяснительной записке к смете 1941 года дирекция заповедника просила утвердить: старших научных сотрудников — 4, научно-технических — 3. Здесь же дирекция просит также изыскать возможность решить проблему обеспечения штата наблюдателей охраны как количеством, так и качеством, объясняя это двумя факторами. Во-первых, необходимостью вести научные наблюдения, что требует грамотных и развитых людей, в во-вторых, наличием мощной фауны — всего более 20 видов животных, в том числе: оленя пятнистого — 2000 голов, изюбра — 1200 голов, косули — 1500 голов, горала — 1100 голов.

Начавшаяся Великая Отечественная война не позволила заповеднику иметь необходимые штаты, а также расширить научную тематику. До 1944 года в штате числилось: научных сотрудников — 1, научно-технических — 0, наблюдателей охраны — 8 (вместо 10). В научных исследованиях в эти годы присутствуют две основные темы: экология горала и инвентаризация млекопитающих и птиц; обе вел Л. Капланов, в 1943 году назначенный директором заповедника. С 1944 года в заповеднике начинается активная научная работа. К списку научных тем прибавились: экология пятнистого оленя, экология дикого кабана, экология зайцев Приморья и другие — всего более 9; а к числу мероприятий добавились такие, как количественный учет ценных видов фауны, сборы гербария, борьба с хищниками.

И, наконец, к третьей группе документов (общего характера) можно отнести такие, как Положение об охоте и звероловстве на Дальнем Востоке и в низовьях Амура за 1915 год, сведения о заготовке пушнины за 1935–1936 годы. В «Положении» дана характеристика состояния звероловных и других видов промысла, охотничьих угодий, содержатся предложения о мероприятиях по улучшению, сохранению, охране природных запасов, в том числе по разработке и принятию для этого соответствующих юридических актов. А сведения о заготовке пушнины представляют собой наименование видов промысловых зверей, их количество и стоимость на 1935–1936 годы.

Завершая обзор фонда Судзухинского заповедника, необходимо отметить, что документы, несмотря на их малочисленность, являются, безусловно, весомым источником по изучению природоохранной и исследовательской деятельности одного из первых в Приморье заповедников как в научном, так и в народно-хозяйственном аспекте.

Ценность данных документов, на наш взгляд, заключается еще и в том, что относятся они, во-первых, к самому начальному периоду существования заповедника как самостоятельного учреждения, когда только формировались его программы и методики научных исследований, а во-вторых — это на сегодняшний день пока единственный фонд документальных материалов, относящихся к деятельности заповедников Приморья, хранящихся в госархиве Приморского края.

К. Ф. КРЕСС (Г. АРСЕНЬЕВ)

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ЗНАЧКОВ, ВЫПУСКАЕМЫХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫМ ЗАВОДОМ «АСКОЛЬД» ГОРОДА АРСЕНЬЕВА

Машиностроительный завод «Аскольд» — это второе крупнейшее предприятие в г. Арсеньеве (до середины 1980-х — завод союзного значения), которое наряду с основной продукцией выпускал товары народного потребления, сувениры, а также с конца 60-х годов начал выпускать значки, которые вначале носили узковедомственный характер и выполнялись фотохимическим способом.

В 1969 году заводчане приступили к выпуску спортивных медалей для награждения победителей в общезаводских и городских спартакиадах по разным видам спорта. Инициатором создания этих медалей был В. А. Крапивин, председатель коллектива физкультуры завода «Аскольд». Автором же этих медалей первоначально был общественный Совет физкультуры. Изготавливал первые медали инженер бюро эстетики Ю. И. Нижегородов в экспериментальной лаборатории по матрицам,

выполненным во Владивостоке, так как на заводе в то время еще не было своего специалиста — гравера.

Вначале значки выпускались очень маленьким тиражом и только к памятным и юбилейным датам, которые проходили в городе: партийные и комсомольские конференции, 100-летие со дня рождения В. К. Арсеньева, 50 лет СССР, 50 лет пионерии и др. Авторами первых значков были художники бюро эстетики завода: В. А. Бурмистров, В. Я. Волков, В. О. Кресс.

В 1970 году на машиностроительном заводе «Аскольд» был выпущен первый значок, посвященный 18-летию города. Автором этого значка был заводской художник В. К. Кузнецов. Матрицу к значку изготавливали также во Владивостоке. С него и начинается коллекция значков в музее истории г. Арсеньева, выпускаемых на машиностроительном заводе «Аскольд».

В 1972 году заводского художника-оформителя Н. М. Харченко направили на учебу в г. Комсомольск-на-Амуре, где он прошел курс обучения гравировщика, после этого завод стал сам изготавливать матрицы для выпуска значков, спортивных и сувенирных медалей. И если вначале завод выполнял заказы города и завода по выпуску значков, то позже он стал принимать разнообразные заказы многих предприятий, воинских частей, администраций городов Приморского края и других регионов. В связи с этим выпуск значков и медалей увеличился.

В основе фондовой коллекции музея истории г. Арсеньева под названием «Нумизматическая коллекция» лежат предметы нумизматики (монеты разных стран и периодов) и фалеристики (медали, ордена и другие знаки отличия). Во втором разделе данной коллекции комплектуются различные значки: академические, делегатские, членские, ведомственные, юбилейные, сувенирные, памятные и другие. И одним из его подразделов является коллекция «Значки аскольдовские».

В первые годы значки поступали в коллекцию музея как именные, то есть принадлежали тому или иному жителю города или участнику памятных событий, торжеств. Например, собирался комплекс материалов о первом Герое Социалистического труда — А. И. Рябове, а в его комплексе оказались и значки, изготовленные на заводе «Аскольд»: «Делегат XIX заводской партийной конференции», «Ветеран завода «Аскольд», «В. К. Арсеньев. 1872–1972)» — Александр Иванович приглашался на торжественное собрание, посвященное юбилею известного путешественника, исследователя, писателя, имя которого носит наш город. Встречались аскольдовские значки и в других комплексах: у ветеранов труда, передовиков производства, спортсменов и др. Позже, когда на заводе стали выпускаться сувенирные значки, медали, расширилась тематика и техника их изготовления, музей стал комплектовать наиболее полно и целенаправленно свои фонды по данному разделу.

Кроме этого, некоторые коллекционеры, работники завода стали дарить серии заводских значков и медалей в музей. Наиболее полную коллекцию (около 100 значков) подарил в 1987 году ветеран завода «Аскольд» О. Ф. Кресс (АГМ-1 654). В 1989 году, когда музей перестраивал свою экспозицию в новом музее, то обратился к Н. М. Харченко, автору многих значков и медалей, с просьбой передать некоторые авторские работы для оформления раздела экспозиции по предприятию,

на котором он работает. Николай Михайлович откликнулся на нашу просьбу и подарил тогда 64 значка (АГМ-1 820). Им же в 1998 году передана в дар музею вторая коллекция авторских значков в количестве 85 (АГМ-2 324). Спортивные коллективы завода и заводчане так же передавали в разные годы в дар музею небольшие подборки спортивных значков и медалей (АГМ-1 461, 1 544, 1 760, 1 819, 2 311, 2 317, 2 318 и др.).

В процессе пополнения данного раздела нумизматической коллекции сложилась следующая структура:

1. *значки с видом города и гербом города;*
2. *значки и медали о В. К. Арсеньеве;*
3. *значки заводские (наградные, памятные);*
4. *значки спортивные;*
5. *значки памятные;*
6. *значки сувенирные (комплекты);*
7. *значки с видами городов Приморья;*
8. *значки юбилейные;*
9. *значки делегатские;*
10. *значки ведомственные;*
11. *значки авторские.*

На данный период в фондах музея насчитывается 507 образцов значков и медалей, выпущенных заводом. Остановимся на краткой характеристике этих разделов.

В первый раздел данного собрания входят значки и медали, посвященные городу и разнообразным событиям, которые происходили в нем. Самым первым значком, о котором говорилось выше, является значок «Арсеньев — 18 лет», вторым — «Город Арсеньев. 25 лет», затем «Город Арсеньев. 30 лет», «Город Арсеньев. 40 лет». Все эти значки выпускались в нескольких вариантах: анодированные и оксидированные с лаковым покрытием и в цветном исполнении (на белом фоне, на зеленом фоне и на золотистом фоне) Если первый значок выпускался в форме прямоугольника, то последние имели сложную форму и крепились к прямоугольной колодочке. Все эти нагрудные знаки выпускались небольшим тиражом по разрешению горисполкома и вручались горожанам, приглашенным на торжественные собрания, посвященные той или иной дате. В коллекции музея имеются все их варианты.

В этом же разделе есть такие значки, как «Школа 8. 10 лет», «ГПТУ — 12. 25 лет», «ПАТ — 25 лет», «ПАТ — 30 лет» и другие. Они так же выпускались в разных вариантах. Имеются среди них и пробные, которые выпускались лишь в одном-двух экземплярах. Единичные экземпляры (пробные) имеются только в музее. Собраны значки с гербом города, которые так же выпускались из разных материалов и в разном исполнении: тонированные с лаковым покрытием и в цветном исполнении.

Исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся совместно с городским архитектурно-художественным советом в честь 50-летия Советской власти и 15-летия г. Арсеньева (все варианты и эскизы проектов 90 авторов хранятся в фондах музея в коллекции «ИЗО»). Решением № 130 от 16 мая

1967 года «Об утверждении герба г. Арсеньева» проект герба, переработанный автором Г. А. Кудрявцевым, слесарем машиностроительного завода «Прогресс», в соответствии с замечаниями архитектурно-художественного совета города, исполнительный комитет Арсеньевского городского Совета депутатов трудящихся утвердил городской герб и положение о нем. Описание герба: на геральдическом щите в верхней части на узкой полоске дано изображение флага РСФСР, в центральной части герба композиция: шестерня, восходящее солнце и сопка Обзорная (Халаза). Герб города выполнен в цветном и однотонном вариантах. Центральная часть герба является фирменной маркой продукции, изготовляемой промышленными предприятиями города.

Представляют интерес в этом разделе и медали, посвященные гражданам: «Поздравляем с бракосочетанием», «Гражданину СССР, родившемуся в г. Арсеньеве», которые вручались в ЗАГСе города в 1970-е годы.

Во втором разделе коллекции хранятся значки и медали, посвященные В. К. Арсеньеву. Здесь имеются образцы, выполненные как по эскизам и матрицам Н. М. Харченко, так и по матрицам других авторов, в том числе по матрице, присланной из Москвы автором Н. Севастьяновой к 100-летию со дня рождения В. К. Арсеньева. Ею выполнена настольная памятная медаль с барельефным портретом головы ученого, путешественника и писателя с памятными датами (1872–1972). Эта медаль отливалась на заводе из металлов белого и желтого сплавов с чернением и так же в нескольких вариантах в памятный год. Кроме того, в разные годы к памятным событиям, которые проходили в городе, медаль отливали с разными надпечатками на оборотной стороне. К примеру: в 1978 году в г. Арсеньеве проходило зональное совещание по военно-патриотическому воспитанию молодежи и для участников этого совещания было решено выпустить памятную медаль «В. К. Арсеньев 1872–1972» с надпечаткой «Участнику зонального совещания по военно-патриотическому воспитанию молодежи. г. Арсеньев. Август. 1978».

Значки с портретом В. К. Арсеньева, автором которых является Н. М. Харченко, выпускались в нескольких вариантах, кроме того, их выпускали не только единично, но и в сувенирных коробках, посвященных городу. Кроме этого, были выпущены значки «Киностудия им. В. К. Арсеньева» — эта киностудия работала долгое время при Доме пионеров и школьников города, которой руководил А. С. Петров.

В третьем разделе «Значки заводские» скомплектованы все значки, которые посвящены заводским событиям, выпускаемой продукции и ветеранам предприятия.

В 1971 году основная продукция машиностроительного завода выставлялась на высавке в Москве. К этому событию был выпущен памятный значок «„Завод Аскольд“. Выставка 1971». Он выпускался в двух вариантах. Оба варианта также имеются в коллекции музея.

Для ветеранов предприятия был учрежден специальный знак «Ветеран завода „Аскольд“», центральная часть этого значка является фирменным знаком продукции завода и выпускалась отдельным значком с надписью «Завод „Аскольд“». Также выпускались и другие значки, например «XXII партийная конференция», «8 марта» — участнику слета «Красная косынка» и др. Кроме этого, выпускались сувенирные

и памятные медали, посвященные памятным событиям завода и отдельным людям. О многих интересных и заслуженных работниках этого предприятия собраны комплексы материалов, в которых хранятся их именные награды, изготовленные на родном предприятии. На заводе имеется своя редакция газеты «Новатор». Для журналистов этого издания был выпущен нагрудной знак «Новатор».

С появлением новых технологий наряду с основной продукцией завод стал выпускать и настольные памятные медали методом порошковой металлургии из различных композитных смессей. Медаль называется «Ордена Трудового Красного Знамени машиностроительный завод „Аскольд“». На оборотной стороне многих медалей, хранящихся в фондах музея, имеются различные надпечатки. Подобная медаль была вручена городскому музею в день его 25-летия.

Четвертый и пятый разделы — «Значки спортивные», «Медали спортивные» скомплектованы наиболее полно, так как о спортивной жизни города ежегодно собираются самые разнообразные материалы, в числе которых встречаются и награды, изготовленные на заводе «Аскольд». Кроме того, как указывалось выше, велось тематическое комплектование и прием в дар спортивных наград от коллекционеров и спортсменов. Здесь хранятся награды победителей по 10 видам спорта за I–III места и памятные настольные медали за участие в олимпиадах, которые проходили в городе с 1969 по 1999 год.

Имеется комплекс образцов наград по различным видам спорта, которые были представлены в 1982 году на Всесоюзный конкурс спортивной атрибутики в г. Ворошиловграде, где медали, изготовленные на заводе «Аскольд», заняли первое место. После этого председатель физкультуры завода «Аскольд», Крапивин Василий Антонович, который представлял эти награды, подарил эту коллекцию в музей города.

В этом же разделе хранятся медали победителей туристических слетов, различные награды с олимпийской символикой, в том числе предолимпийская медаль «Мишка» и другие.

В рубрике сувенирных и памятных значков, выпускаемых заводом к различным событиям и датам, собраны всевозможные знаки, которые изготавливались по эскизам и матрицам завода и эскизам заказчиков городов Дальнего Востока. В ней есть такие значки: «8 марта», «1 мая», «1 класс», «Буратино», «Чебурашка», «Микки-Маус», «Букварь–77», «Спортлото» и другие. Из юбилейных — «Ленин», «В. И. Ленин — 100 лет», «100», «50 лет СССР», «XXX Великой Отечественной войны (1945–1975)», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Всегда готов» — настольная памятная медаль, «Орленок» и многие другие. Значки изготавливались как из металла, так и из пластмассы и имеют размер от 1 до 6 см в диаметре, если значок круглый. В середине 1980-х годов завод стал выпускать серии значков в сувенирных коробках, коллекцию которых музей так же отложил в фонды.

В трех подразделах — «Юбилейные», «Делегатские», «Ведомственные» — хранятся значки, которые завод изготавливал по эскизам самых разных предприятий, учреждений городов и районов Дальнего Востока: «Юному другу природы

России», «ССО. Приморье — 78», «Приморская книга», «Виталий Бонивур», «Находка», «Камчатка», «Чукотка», «Геологическая служба Камчатки», «Петропавловск-Камчатский. Стратиграфическое совещание», «Владивосток», «30 лет Дальтехфлот. Находка». «Иман-Пограничный» и многие другие.

К 50-летию освобождения Приморья от интервентов и белогвардейцев была выпущена настенная медаль «И на Тихом океане свой закончили поход. 1922–1972».

Несколько значков, хранящихся в данной коллекции, посвящены совхозу «Женьшень». Среди них «20 лет с/х „Женьшень“», «Ветеран труда с/х „Женьшень“», «„С/х Женьшень.“ 1961–1971». Эти значки выпускались в разных материалах и в разном исполнении (цветные и однотонные).

Последний раздел коллекции «Значки авторские» посвящен Николаю Михайловичу Харченко, автору эскизов значков и почти всех матриц, по которым завод изготавливал значки и медали на заказ.

В 1972 году после оформления в музее одной из городских выставок художников города сотрудники музея познакомились с художником-любителем Н. М Харченко. Узнав, что он работает над эскизами значков, экслибрисов, линогравюр музей решил собрать комплекс материалов об этом художнике. Началом сборов о нем стал 1973 год. Последние поступления датированы 19[illegible] годом. За все эти годы в личный комплекс Харченко Н. М. поступали: картины, эскизы, этюды, линогравюры, резьба по дереву, экслибрисы, эскизы значков, матрицы для изготовления значков, рабочие инструменты, документы, материалы художника и другие. Но наибольший интерес в его комплексе представляют авторские значки и медали.

Николай Михайлович Харченко закончил заочно народный университет культуры им. Крупской. После службы в Советской армии он поступил работать художником-оформителем на машиностроительный завод «Аскольд». В 1972 году в связи с производственной необходимостью был направлен на курсы гравировальщиков в город Комсомольск-на-Амуре на завод «Металлист». С этого времени завод уже нигде не заказывал матриц для изготовления значков, медалей и сувениров из металла, все изготавливал Харченко. Помимо работы над значками с готовых эскизов Николай Михайлович работал над эскизами многих коллекций сам. В музее хранится несколько листов-согласований для выпуска некоторых значков. Для примера рассмотрим один из них на изготовление сувенирного значка «Изюбр на реву» — один из серии, посвященный Уссурийскому заповеднику: на лицевой стороне плотного белого картона по центру надпись: «Образец — эталон нагрудного значка „Изюбр на реву“» с приложением эскиза значка. На этом листе пять подписей — согласований: зав. отделом пропаганды Приморского КК КПСС — О. Толкача, Управление торговли Примкрайисполкома — В. Тихонова, Приморская база «Росгалантерея» — М. Севрюкова, Приморская база управления Госторгинспекции — В. Плюта. А утвержден этот образец — эталон директором завода «Аскольд» Е. Шалиным в январе 1976 года.

Из всех разработанных им значков и медалей, на наш взгляд, вызывают наибольший интерес серии сувенирных значков, посвященных заповедникам края, реликтовым растениям и животным. Эти серии были оформлены

из 4–5 значков в пластмассовые сувенирные коробочки, которые продавались во многих городах края. Эскизы этих значков, как и сами коробочки, все хранятся в музее в комплексе автора.

В настоящее время ведется работа по установлению авторства некоторых значков, добор недостающих наград и готовится каталог значков, выпускаемых машиностроительным заводом «Аскольд» г. Арсеньева. Кроме этого, ведется научно-исследовательская и научно-собирательская работа по значкам, выпускаемым вторым заводом в городе — «Прогресс» (ныне ААК «Прогресс»).

Т. И. НИКОЛАЕВА (Г. АРСЕНЬЕВ)

Н. М. НИКАНОРКИН — ГЕОГРАФ, КРАЕВЕД, ПЕРВЫЙ СОБИРАТЕЛЬ ИСТОРИИ ГОРОДА АРСЕНЬЕВА

18 января 1969 года в молодом приморском городе Арсеньеве был открыт музей истории, рассказывающий о прошлом города, его людях и предприятиях. Занимал он небольшую площадь, всего три комнаты в жилом пятиэтажном доме, но это было большой победой для краеведов, людей, неравнодушных и болеющих за судьбу своего города. Это в первую очередь относится к Ивану Максимовичу Никаноркину, ныне Почетному краеведу Дальнего Востока, Почетному гражданину г. Арсеньева. Но эти звания были еще в будущем.

И. М. Никаноркин родом с Орловщины, родился в 1924 году, перед войной закончил 7 классов, а в 1943 году был призван в армию и начал свой боевой путь с Курско-Орловской битвы, затем принимал участие в форсировании Днепра, в освобождении Минска и Варшавы, в штурме Берлина. Был секретарем комитета комсомола батальона стрелковой девизии. Закончил войну в звании сержанта. После демобилизации в 1947 году окончил 9-й и 10-й классы средней школы, а затем с отличием Орловский государственный педагогический институт.

Еще в юности Ивану Максимовичу случайно в руки попала книга «В дебрях уссурийского края», тогда еще малоизвестного широкому кругу читателей автора — Владимира Клавдиевича Арсеньева. И он вместе со своим дедом прочли ее вслух от корки до корки. Деду понравился ловкий лесной житель Дурсу Узала, а Ване — бесстрашный исследователь Арсеньев. Эта книга перевернула всю его жизнь. После окончания института сталинский стипендиат попросил направить его на Дальний Восток. И Ивана Максимовича отправили в Приморский край, в Ивановскую школу, не просто учителем, а директором школы.

В 1956 году И. М. Никаноркин по семейным обстоятельствам переехал в г. Арсеньев и начал работать учителем географии в средней школе № 1. По воспоминаниям его бывших учеников, он был прекрасным рассказчиком, умеющим увлечь за собой аудиторию. На его уроках всегда было чрезвычайно интересно и, можно сказать, для многих тогда учащихся средней школы № 1 география стала одним из любимейших предметов.

Город тогда еще только зарождался. В это время в нем проживало 22 тыс. человек, жилой фонд его равнялся 98 960 м², было 48 улиц, из них 21 замощенная, около 16,5 км водопровода, 30 водозаборных колонок и 90 колодцев, а самым высотным зданием был трехэтажный жилой 40-квартирный дом, называемый в народе «сорокашкой».

И вот молодой, любознательный учитель Никаноркин на одной из учительских конференций на секции историков и географов спросил у коллег: можно ли найти какие-нибудь книги об истории города? Но все удивились: какие там книги. Болота еще не просохли, тайга вокруг шумит. И решил тогда Иван Максимович, что обязательно восстановит историю этого молодого города.

Начав учебный год, молодой географ не спешил сразу домой, занимался с ребятами. Его увлечение краеведением передавалось ученикам. Зимой после уроков читали книги о В. К. Арсеньеве, его произведения об Уссурийском крае. Был собран кое-какой материал о первых поселениях Семеновки. Много интересных находок дал поход в окрестности села Чугуевка. Экспонаты постепенно прибавлялись.

Организовал Иван Максимович тогда при школе краеведческий кружок «Юный арсеньевед». Вместе со своими кружковцами ходил в семьи старожилов Семеновки (так назывался до 1952 года г. Арсеньев), где охотно шли навстречу кружковцам. Впервые в городе при школе № 1 был создан небольшой школьный музей, рассказывающий об истории города, а расположился он в самом начале всего в двух шкафах.

В те годы на страницах первой городской газеты «Коммунистический путь», а затем и в газете «Восход» шли его очерки под заголовком «Там, где шумела тайга». В своих статьях (НВФ — 171) И. М. Никаноркин обобщил собранный с ребятами материал. Он систематизировал его по блокам, начиная с воспоминаний старожилов о заселении этого глухого таежного села, о трудностях, которые испытывали первопроходцы. Так, по воспоминаниям С. Т. Пищика в первую зиму 1901–1902 годов из восьми детей в их семье, в живых осталось двое. Большое внимание Иван Максимович уделил гражданской войне, зарождению колхоза им. Сталина в селе Семеновка, народному образованию, развитию спорта, культучреждениям и т. д. Цикл статей был опубликован к 18-летию преобразования рабочего поселка Семеновка в город Арсеньев в 1970 году.

Иван Максимович, беседуя со старожилами, заинтересовался вопросом: «А бывал ли В. К. Арсеньев в селе Семеновка?» Сначала вместе со своими кружковцами он изучал книги самого Арсеньева, но прямого ответа в них не

нашел. Обращались в архивы Москвы и Ленинграда, музеи Владивостока и Хабаровска, но там на этот счет документов в то время не оказалось. Хотя поездка в музей Хабаровска пролила свет на сопровождение Арсеньева нашими старожилами. Так, проводник Арсеньева, житель с. Анучино Воробьев рассказал, что его сменил проводник Око. И в военно-географических очерках, написанных Арсеньевым и хранящихся в Хабаровском краеведческом музее, упоминается проводник Око. Таким образом, И. М. Никаноркин пришел к выводу, что В. К. Арсеньев в 1902 году бывал в нашей Даубихинской долине. Кроме того, из воспоминаний старожилов А. И. Пищик (1861 г. р.) и А. К. Москаленко выяснилось, что Арсеньев посещал село Семеновка в 1902 году. А в 1962 году И. М. Никаноркин при содействии ученого секретаря географического общества Б. А. Сушкова розыскал в архиве общества карту, составленную В. К. Арсеньевым по маршруту от Сучана через Да-Дянь-Шань, далее по Даубихинской долине, по правому берегу реки, через места, где располагались с. Семеновка и хутор Новая Петропавловка и до Лазаревки. Карта была датирована 1912 годом. Таким образом, И. М. Никаноркин доказал, что В. К. Арсеньев дважды посещал село Семеновку в 1902 и в 1912 годах.

Уже в 50-е годы и начале 60-х годов Иван Максимович поднимал вопрос об открытии в г. Арсеньеве городского краеведческого музея. Но долгие годы этот вопрос не решался. Однако настойчивость И. М. Никаноркина дала свои результаты. В 1966 году он пришел на прием к председателю Арсеньевского горисполкома А. Г. Маслову, который с большим вниманием выслушал Ивана Максимовича, заинтересовавшись идеей создания в городе музея. И так уже получилось, что именно он, Никаноркин, возглавил инициативную группу по созданию музея.

На первую организационную встречу были разосланы приглашения во все организации и учреждения города, но собралось тогда всего три человека: сам И. М. Никаноркин, главный инженер лесхоза Б. А. Данцер и директор Дома пионеров А. В. Голубь. А уже к концу 1967 года в эту группу входило девять человек: секретарь горкома партии С. Прилипко, бывшие партизаны С. А. Филь, Г. Г. Скачков, инженер завода «Аскольд» В. А. Бурмистров, главный инженер лесхоза Б. А. Данцер, первостроитель П. И. Лизавенко.

Первоначально предполагали создать пять отделов: природы, боевой славы, истории города из двух разделов и раздела промышленности.

Вначале выделили одну комнату в бывшем Доме пионеров и школьников (ныне Центр внешкольной работы), заведовать ею стала Г. А. Варлакова.

В г. Арсеньеве находилось два завода закрытого типа, доступ на которые был ограничен, но краеведу Никаноркину было официально разрешено посещать заводы, другие предприятия. Он сам фотографировал достопримечательности строящегося Арсеньева. И началась большая подготовительная работа по сбору материалов и оформлению будущего музея.

По мере поступления материалов возник вопрос о выделении автономного здания. И тогдашнее руководство горисполкома передало под музей

трехкомнатную квартиру на первом этаже пятиэтажного дома по ул. Ломоносова, 6, где музей и находился до 1988 года.

По состоянию здоровья И. М. Никаноркин (он перенес тяжелую операцию) не смог в дальнейшем принимать участие в организации музея, поэтому городской музей открывался без него.

Первоначально музей состоял из небольших стационарных выставок, рассказывающих об истории предприятий города, где были выставлены и образцы их продукции.

Но такой тип музея не удовлетворял горожан, им хотелось больше узнать о прошлом своего города. В 1972 году было принято решение о переоформлении музея. И вот новый его директор К. Ф. Кресс, модельер по образованию, энергично принялась за необычное для нее дело. В первую очередь она обратилась к Ивану Максимовичу, который охотно стал помогать ей в построении новой экспозиции, увидев в Клавдии Федоровне человека, интересующегося историей города и его людьми. Им было передано много старинных предметов, рассказывающих о быте первых переселенцев будущего г. Арсеньева (АГМ-578), фотографии старожилов, некоторые документы. Эти материалы послужили основой для раздела экспозиции «Освоение и заселение с. Семеновки (г. Арсеньев)». Всего около 300 ед. хранения передал он тогда в фонды музея. Это и сундук, окованный железом, и ухваты, самовары, всевозможные бочки и туеса, люлька для младенца, иконы, гребни, цепа и т. д.

Но помимо увлечения собиранием истории И. М. Никаноркин вел большую краеведческую работу среди школьников. Он и его кружковцы дважды направлялись защищать честь Приморского края на Всесоюзных слетах туристов в городах Орле и Москве. Его отряды награждены Центральной детской экскурсионно-туристской ассоциацией и газетой «Пионерская правда», дипломами и комплектами палаток и рюкзаков. А при строительстве Арсеньевского ретранслятора на Обзорной сопке в 1963 году к Ивану Максимовичу и его кружковцам обратились с просьбой Арсеньевский горком партии и горком комсомола найти как можно ближе к 1 000-метровой вершине сопки воду и глину для строительства телевышки, т. к. подъездных дорог к ней по сути дела не было. И ребята справились с этим важным для города заданием: найдены вода в 150 м от вершины и глина на самой вершине. Путь к находкам был помечен красными ленточками, всем была объявлена благодарность от горкома партии и горкома комсомола.

В 1975 году по призыву ЦК КПСС И. М. Никаноркин был направлен на строительство БАМа, где был директором первой средней школы на этой стройке. Но и там Иван Максимович продолжил свою краеведческую работу. Он первым на БАМе организовал туристко-краеведческую работу и работу общества Охраны природы. С ребятами школы разработал и установил памятник «Середина БАМа». За успехи в обучении и воспитании школьников и рабочей молодежи БАМа награжден медалями «За строительство Байкало-Амурской магистрали», «Ветеран труда» и знаком «Отличник народного просвещения».

В 1993 году работники музея, узнав о возвращении Ивана Максимовича в родной город, пригласили его к сотрудничеству. Он стал частым гостем в музее, принимал участие в краеведческих семинарах, встречах со школьниками, а в 1996 году передал почти полностью свой архив по истории города (АГМ-2207), где помимо документов были переданы предметы, принадлежащие старожилам города: это и свадебная рубаха из грубого холста, седелка (конская упряжь), просвирная ложка и нагрудный крест настоятеля Сысоевской церкви, приезжавшего один раз в неделю, по пятницам, в Семеновскую школу для проведения урока «Закон божий» (утеряны эти вещи были в 1912 году, а найдены почти через 50 лет во время ремонта дома Кикотей). Сотрудники музея собрали комплекс материалов о самом Никаноркине И. М. как учителе, ветеране войны, краеведе (АГМ-2207).

В 1996 году по решению Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева И. М. Никаноркину «за многолетнюю и плодотворную научную и просветительскую краеведческую работу, бесценные дарения и систематическую помощь в комплектовании коллекций музея истории г. Арсеньева» первому было присвоено звание — Почетный краевед Дальнего Востока, также была присуждена 1-я городская премия им. В. К. Арсеньева.

А в канун 45-летия преобразования рабочего поселка Семеновка в г. Арсеньев в 1997 году при содействии администрации города была выпущена книга И. М. Никаноркина «Арсеньев. Где шумела тайга». Это явилось итогом всей его 40-летней краеведческой работы. В музее истории города Арсеньева хранится данная книга с дарственной надписью автора, а также экземпляр книги им был передан в дар Приморскому государственному объединенному музею им. В. К. Арсеньева.

В том же 1997 году работники музея вышли с инициативой перед городской Думой и общественностью города о присвоении И. М. Никаноркину звания «Почетный гражданин г. Арсеньева», но данное ходатайство не было удовлетворено, возможно здесь сыграло роль 18-летнее отсутствие Ивана Максимовича в городе. Однако через два года мы вновь вышли с ходатайством перед Думой города, и в феврале 1999 года к 75-летию со дня рождения Ивану Максимовичу Никаноркину было присвоено звание «Почетный гражданин г. Арсеньева».

Несмотря на свой преклонный возраст, Иван Максимович продолжает вести активный образ жизни, выступает перед школьниками на радио, принимает участие в краеведческих конференциях, тесно сотрудничает с работниками музея и готовит к 100-летию г. Арсеньева второе издание своей книги о ставшем ему родным городе.

И. А. АВДУЕВСКАЯ, Е. Н. ШОЛОХОВА (ВЛАДИВОСТОК)

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОГО ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННОГО ЦЕНТРА ПРИ ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА

Истоки современного краеведения лежат в 20-х годах XX века. Этот период называют «золотым» десятилетием советского краеведения. В годы голода, разрухи, гражданской войны именно краеведы — люди разных поколений, разных политических убеждений — проявили самоотверженность в спасении, охране и использовании памятников истории и культуры, активно включились в деятельность по организации музеев, архивов, библиотек. Повсеместно возникавшие краеведческие общества, музеи, кружки имели общие задачи: изучение родного края, сохранение памятников культуры, защита природы. Краеведы боролись за сохранение корневых связей, для того, чтобы они стали источником дальнейшего роста культуры.

К концу 20-х годов усилилась политическая идеологизация работы краеведов, особенно в области просвещения и образования. Начиная с 30-х годов и до середины 80-х, велась активная экскурсионная деятельность центрального и региональных бюро путешествий и экскурсий; в то же время в краеведении наступил застой. Это объясняется и закрытостью архивов, вследствие цензурных ограничений в общесоюзном масштабе, и спецификой региональных ограничений в поисковой работе, как например, в Приморском крае, связанных с его приграничным положением.

Новый расцвет отечественного краеведения пришелся на конец 80-х и 90-е годы. Это связано с ослабление цензуры, обеспечивающей идейно-политическую направленность всякой просветительской деятельности. Как следствие — изменилось качество экскурсий. Расширились их тематические и хронологические рамки. История Дальнего Востока представлена в экскурсиях без идеологической предвзятости. Впервые на экскурсиях зазвучали имена крупных предпринимателей, землевладельцев, царских чиновников всех рангов в контексте, раскрывающем их положительную роль в освоении края, без ссылок на их политическую принадлежность. Расширение тематики экскурсий за счет подачи ранее скрытого и остающегося за рамками разрешенных тем материалов предполагает большой объем краеведческой работы.

Это — проработка фондов Приморского и Дальневосточного архивов, участие в работе по выявлению памятников истории, культуры, архитектуры, археологии.

Многолетняя работа экскурсоводов-краеведов г. Владивостока позволила накопить обширный материал по самым разным направлениям краеведения. При подготовке цикла «Православное Приморье» автором Н. Г. Мизь найдены и введены в научный оборот многие новые документы, освещающие ранний период деятельности храмов и монастырей Приморской епархии. Экскурсии на военно-морскую тему («Военные моряки в истории Владивостока» и т. п.) основаны как на опубликованных источниках, так и на документах, которые авторам удалось найти в российских архивах и в семейных архивах, хранящихся за рубежом. В частности, уточнена и дополнена биография морского офицера, организатора первого на Дальнем Востоке китобойного предприятия, основанного на самом современном для того времени оборудовании для добычи и переработки китов — графа Г. Г. Кейзерлинга.

Архивные источники составляют самую сложную для исследователя группу. Самую сложную, но и самую интересную, так как позволяют исследователю выработать свою точку зрения в отношении того или иного явления или лица, действующего в конкретных исторических условиях. Например, экскурсия «Загадочный Де-Фриз» составлена автором Н. Г. Мизь на архивных данных, многие документы ранее не были опубликованы. В этой экскурсии, а также в экскурсиях «Любовь моя, Сидими», «Древний Саинбар приглашает» и др. — кроме имен достаточно известных в крае, таких как Семенов, Янковский, Старцев, Шевелев — впервые зазвучали имена Конрадова, Кернера, Буханькова, с которыми связано развитие фермерства, садоводства, виноградарства в крае. Краеведческие открытия дают возможность историкам дополнить страницы развития многоотраслевого хозяйства далекой окраины.

С определенной долей уверенности можно утверждать, что «открытию» Русского острова для широкого круга Владивостокских любителей экскурсий во многом способствовали маршруты, разработанные на основе ранее не известных документов экскурсоводом О. Б. Стратиевским. Самые востребованные из них «Южный рубеж», «Ворошиловская батарея».

Работа с мемуарными и биографическими источниками зарубежных, в том числе бело-эмигрантских изданий, к которым появился доступ, дала возможность экскурсоводам-краеведам подойти объективно к оценке личностей, стоявших в трагический период гражданской войны по ту сторону баррикад. Это — А. В. Колчак, И. П. Калмыков, братья Меркуловы и др.

Разработка новых интересных экскурсий требует постоянной краеведческой работы, которая позволяет выявить новые объекты или найти новые данные о хорошо известном.

Краеведческая и экскурсионная работа началась во Владивостокском бюро путешествий и экскурсий, была продолжена в Обществе изучения Амурского края. В настоящее время при Государственном объединенном краеведческом музее им. В. К. Арсеньева создан Информационно-методический туристско-экскурсионный центр.

Накопленный ИМТЕЦ материал позволяет оперативно откликаться на заявки туристских организаций по разработке новых маршрутов. По просьбе Г. И. Самбурова разработан новый экскурсионный маршрут до с. Стеклянуха, где находится археологический памятник — средневековое городище. Работа по публикациям

дальневосточных ученых и привлечение архивных источников позволили создать интересную экскурсию «Древний Саинбар приглашает».

Краеведческая работа ИМТЭЦ востребована не только при подготовке экскурсионных программ. ИМТЭЦ оказывает широкую информационную поддержку Комитету по туризму администрации г. Владивостока, Комитету по туризму администрации Приморского края. Методическую помощь экскурсоводы оказывают гидам-переводчикам, руководителям турфирм при подготовке программ по приему иностранных туристов.

В ИМТЭЦ можно получить ответ на многие вопросы методического, организационного и информационного обеспечения краеведческой и экскурсионной работы.

Л. А. ШУБИНА (ВЛАДИВОСТОК)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕТСКИХ ЭКСКУРСИОННЫХ ПРОГРАММ ИМТЭЦ ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА

В 1980-е годы была разрушена отлаженная система школьных экскурсионных программ. Экскурсоводы-методисты Информационно-методического туристско-экскурсионного центра (ИМТЭЦ) возрождают и совершенствуют былые традиции. Практика деятельности нашего центра показала, что эта работа важна и востребована. Наша задача состоит в том, чтобы дать детям увидеть историческую и эстетическую ценность города Владивостока, пробудить у них чувство восхищения людьми, создававшими родной город и, наконец, вызвать желание сохранить его.

Представляя в школах города свою лекционно-экскурсионную программу, беседуя с педагогическими коллективами, мы убедились в большой заинтересованности дирекции и учителей нашей программой.

Экскурсии мы разрабатываем для всех возрастных групп с учетом педагогических и психологических особенностей возраста. Маршруты экскурсий позволяют использовать как различные транспортные средства (автобус, яхта, катер), так и пешеходные варианты, что очень удобно для детального ознакомления с объектами.

Обновленные маршруты автобусных экскурсий знакомят школьников с историей развития Владивостока: «Владивосток — мой город родной», «Музыка, застывшая в камне», «Владивостокская крепость», «Православные храмы Владивостока», «Морские панорамы» и другие.

Пользуются особым интересом пешеходные экскурсии, в связи с дорогим автотранспортом: «Все начинается с вокзала», «Сказка-вокзал», «Моя Корабельная набережная», «На нашей улице праздник», «Памятники рассказывают», «Покровский некрополь».

В помощь школьному процессу сделаны литературные экскурсии: «Певец Уссурийского края — В. К. Арсеньев», «Встреча Чехова и Владивостока».

Наши природоведческие экскурсии являются элементами системы непрерывного экологического образования. Экскурсии «В гости к зеленому другу», «В царство белок», «Морской берег рассказывает», «В гости к Нептуну» дают представления детям о тех невидимых нитях, которыми связано на земле все живое и неживое, вызывают желание сохранять эту гармони и красоту. В экскурсиях используются поэтическое слово, музыка, народный фольклор, проводятся блицвопросы, викторины, народные дидактические и подвижные игры.

Особым интересом пользуются экскурсии, созданные к 200-летнему юбилею А. С. Пушкина: «Сказки Пушкина оживают в нашем городе», «Владивостокская пушкиниана», «По улице Пушкинской со стихами поэта». Ежедневно восходящее солнце освещает своими лучами сказочный русский дворец, возникший из морских глубин бухты Золотой Рог — здание железнодорожного вокзала; оживает под лучами солнца и Золотой петушок, охраняя с высокой спицы заморский сказочный дворец — здание ГУМа. Согревают лучи солнца и настоящий дворец — здание Пушкинского театра. Так, переходя от сказочности к реальности, экскурсия знакомит детей с историей города, архитектурными памятниками, людьми, создававшими это «чудо наяву» и создающими.

Несколько экскурсий мы разработали по заказу школ: «Мир библиотек», где ребята узнают о зарождении библиотечного дела в нашем городе, от Общественного бесплатного кабинета для чтения до специализированных библиотек, знакомятся с экспозициями Музея «Редкой книги» ДВГУ.

В заказной экскурсии «Дороги, которые мы выбираем» школьники узнают о средних и высших учебных заведениях Владивостока, получают начальную информацию о специальностях и узнают об интересной жизни студентов.

Разрабатывается экскурсия по заказу одной из школ к юбилею Приморского комсомола.

Особым вниманием пользуются экскурсии «Мир сладостей» и «Китайские сладости», которые заканчиваются дегустацией сладких яств в кафе и экзотическом китайском ресторане.

В помощь школьной программе по истории нами разработаны экскурсии: «Хасанская героика», с посещением мест, связанных с хасанскими событиями в нашем городе, и экскурсия, посвященная 55-летию окончания Второй мировой войны, «День Победы» — героические и драматические события тех лет оживают в названиях улиц, памятников, памятных мест.

К новому учебному году созданы две пешеходные экскурсии, и мы думаем, что они будут востребованы. Экскурсия «Здесь просвещенья дух» проходит по главной территории ДВГТУ, охватывая эпоху открытия на ДВ первого высшего учебного заведения, Восточного института, и современный «дух» многочисленных институтов ДВГТУ. Экскурсия многоплановая: посещение аудиторий,

музея, Пушкинского театра, часовни Святой Татьяны — духовной покровительницы студентов, подъем на фуникулере в Парк души и земли, к зданию Молодежного центра ДВГТУ, обзор с видовой площадки.

Вторая пешеходная экскурсия посвящена памяти Владимира Клавдиевича Арсеньева «Тропой Арсеньева от музея к музею». Маршрут этой экскурсии начинается от здания музея на ул. Петра Великого, проходит по ул. Корабельной набережной, ул. Светланской, ул. Набережной, ул. Арсеньева и заканчивается в мемориальном музее В. К. Арсеньева. Объекты для показа раскрывают многостороннюю деятельность Арсеньева: ученого, путешественника, писателя, соавтора-сценариста, археолога, эколога.

Дети знакомятся на экскурсии с тремя музеями им. В. К. Арсеньева, узнают, что Арсеньев принимал участие в создании первых краеведческих фильмов Владивостокского отделения «Культфильма», помогал кинодокументалистам «Совкино» в создании этнографических фильмов о жизни удэгейцев, в к/т «Уссури» был на просмотре фильма «Лесные люди — удэхейцы». Рассматривая с Набережной полуостров Песчаный, школьники знакомятся с историческим прошлым этой территории по описанию сделанных здесь раскопок поселений раннего железного века В. К. Арсеньевым. В экскурсии используется цитирование из литературных трудов писателя, и описание встречи с уссурийским тигром школьники слушают у статуи бронзового тигра, охраняющего Тигровую сопку. Мы думаем, что эта экскурсия побудит юных экскурсантов к желанию поближе познакомиться с исследованиями Арсеньева, с его литературным наследием и поможет увидеть красоту окружающего и историческую ценность.

В перспективе — новые экскурсионные детские маршруты по городу и по краю. Ведь детские экскурсионные программы — это важнейшая часть развития внутреннего туризма.

Г. И. МАЛЫХ (ВЛАДИВОСТОК)

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ ОБЩЕСТВО СПОРТА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ РГИАДВ И ФОНДОВ МУЗЕЯ ИМЕНИ В. К. АРСЕНЬЕВА)

В конце XIX века спорт в Приморье носил в основном коммерческий характер. Это были: платный каток предпринимателя Игони против Адмиралтейского сада, платные купальни Комнацкого, учрежденный Морским ведомством яхт-клуб для развития парового, гребного и парусного спорта, для поощрения

дальних морских плаваний, шахматный кружок, распавшийся из-за отсутствия средств, или общество велосипедистов Владивостока, загубленное алчностью его организаторов. Более-менее процветали конный спорт — бега, тотализатор, и профессиональная борьба — азартные игры, приносящие наживу.

Владивостокское Общество Спорта начало свою деятельность в 1907 году, а в 1908 учреждено по инициативе кружка местной интеллигенции, возбудившей ходатайство перед Городской Управой «об отводе в его пользование места под сквером Невельского для возведения построек Общества». Городской управой ходатайство было препровождено в Городскую земельную комиссию, которая вынесла следующее решение: *«Просимое под сквером Невельского место для построек Общества возможно предоставить Обществу безплатно с тем, чтобы участок был огорожен, возведены, где следует подпорные стены, а в случае устройства Обществом катка, на последний, два раза в неделю пускались бы безплатно ученики городских школ. По миновании надобности в участке, последний должен перейти обратно в распоряжение города со всеми возведенными на нем постройками»*. Городская Дума города постановила отвести участок какой будет нужен в аренду на 6 лет с тем, чтобы Общество Спорта осуществило свою деятельность в течение двух следующих лет.

Адрес-календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю, составленный И. С. Кларком на 1909 год, так представляет спортивное общество Владивостока:

«Спортивное общество. Председатель — Преображенский Никтополион Александрович, ул. Фонтанная дом 22, телефон 215. Секретарь Алексеев Константин Васильевич, ул. Суйфунская дом Кочеткова. Все виды спорта. В распоряжении общества имеется участок у пристани Невельского и сад „Италия“».

Преображенский Никтополион Александрович в этот период был юрисконсультом Владивостокской городской Управы.

В 1908–1910 годы была осуществлена основная задача — спортивная организация города построила собственное, приспособленное для занятий спортом здание. *«24 августа 1910 года Городская Дума заслушала ходатайство Общества Спорта о том, что Обществом на отведенной в арендное пользование городской земле выстроен в кредит гимнастический зал с небольшим количеством необходимых обслуживающих его комнат, всего по полу около 168 кв. саж., при чем в здании установлено центральное паровое отопление и электрическое освещение»*.

Владивостокское Общество Спорта было внесено в реестр разрешенных к действию Обществ под № 74 в 1914 году. Тогда же типографией «Цинкография „Далекая окраина“» был отпечатан «Устав Владивостокского общества Спорта». В Уставе были определены основные цели и способы работы:

«1) Владивостокское Общество Спорта имеет целью содействие развитию полезных физических упражнений и разумных развлечений.

2) Для достижения этой цели Общество устраивает экскурсии, гимнастические упражнения, игры, состязания, лекции, спектакли, концерты и прочее.

3) Район действия Общества и место нахождения правления Общества город Владивосток.

4) Общество имеет печать с надписью „Владивостокское общество спорта" и с изображением знака Общества, флага... а так же знак... для ношения в собраниях Общества в виде брелока или на спортивной одежде с левой стороны груди.

5) Общество состоит из а) почетных членов б) действительных членов в) постоянных гостей

6) Членами Общества не могут быть а) несовершеннолетние б) обучающиеся в учебных заведениях в) состоящие на действительной службе нижние чины и юнкера г) лица, подвергшиеся ограничению прав по суду, а так же состоящие под следствием и судом по обвинению в преступлениях, влекущих за собою ограничение в правах и д) исключенные постановлением Общего собрания из членов Общества, постоянных гостей.

7) Средства Общества составляют а) членские, вступительные и другие взносы б) добровольные пожертвования в) плата за обучение гимнастики, за пользование гимнастическими приборами, за участие в играх г) доходы от устраиваемых Обществом спектаклей, маскарадов, карнавалов и проч. д) подписные суммы на состязания е) доходы с движимого и недвижимого имущества Общества и ж) разные другие поступления.

8) Капиталы Общества за исключением суммы, необходимой на текущие расходы, по мере накопления вносятся на хранение в одно из местных кредитных учреждений, избираемое Комитетом Общества. Обратное получение денег и ценностей из кредитных учреждений производятся по требованиям, подписанным Президентом или вице-президентом Общества и казначеем.

9) Заведование делами Общества принадлежит а) общим собраниям б) комитету и в) ревизионной комиссии.

10) Комитет избирается общим собранием из числа почетных или действительных членов общества сроком на три года и состоит из президента, вице-президента, секретаря, заведующего хозяйством и семи членов комитета».

Здесь же, в примечаниях, отмечалось, что *«Концом первого года существования Общества считать 31 декабря 1909 года. На все поименованные выше должности в комитете избираются в течение первых трех лет существования Общества лишь из числа учредителей Общества, а в последующие года из числа лиц, пробывших в звании почетных или действительных членов не менее одного года...*

11) Прекращение деятельности Общества может последовать или по распоряжению правительства или по определению Общего собрания...»

В докладе в Городскую Думу, подготовленном вице-президентом Общества Спорта Василием Михайловичем Кисляковым в 1916 году отмечалось, что обществом решается задача физического развития подрастающего поколения и для выполнения этой задачи в 1910 году Общество Спорта обратилось к графу В. А. Бобринскому (товарищу, т. е. заместителю министра внутренних дел) с просьбой порекомендовать хорошего преподавателя гимнастики. В этот период широкое распространение имела т. н. «Сокольская гимнастика».

Организатором и первым идеологом сокольства был чех Мирослав Тырш. Основной идеей Тырша было освобождение чешского народа от австро-венгерской власти, но не революционным путем, а национальным воспитанием молодежи и внедрением идей славянской самобытности и национальной гордости. Спортивных игр в это время еще не было, кроме футбола, спортивные игры были изобретены в XX веке, но была гимнастика на снарядах. Ее-то и обогатил Тырш идейным содержанием.

В здоровом теле — дух здоровый.
Здоровый духом не падет
В борьбе с невзгодою суровой
Под игом горя и забот.
И разогнав трудом ненастье,
Развеяв с боя мрак ночной,
Он ускользающее счастье
Возьмет добычей боевой.

Эти строки римского поэта Ювеналая перевел с латинского Надсон.

Идеи Тырша были восприняты чешским народом и сокольские общества появились во многих городах и весях. Распространение сокольства в других славянских странах было затруднено, ибо считалось революционным. Все же в начале XX века сокольские организации были в трех городах России, в столицах, и наиболее активное общество в Тифлисе.

Мирослав Тырш очень правильно выбрал название организации — птица сокол водится во всех славянских странах и пользуется уважением за смелость и гордость. В сокольских обществах имелась форма как спортивная, так и парадная, знамя и значок. На сокольском значке, одинаковом во всех странах, изображен юноша, державший в руках слегка согнутый эспадрон (затупленное оружие для учебного боя) и стоявшего под ветвью дуба, на которой сидел сокол. Такой значок имеется в фондах ПГОМ. Сокольское знамя представляло собой полотнище — на одной стороне, одноцветной, икона Святого Георгия Победоносца и надпись «С нами Бог», другая сторона трехцветная — бело-сине-красная с названием общества. На вершине древка помещалась бронзовая статуэтка летящего сокола с гимнастическими гирями в лапах. Сокольство было настолько популярным в то время, что его специфические выражения вошли в повседневные языки, так гимнастические залы называли сокольнями, а съезды — слетами. Кроме спортивных занятий сокольцы проводили читки докладов, лектории, которые читали специально приглашенные специалисты в различных областях, музыкальные инсценировки, пение, декламация, групповые выступления под музыкальное сопровождение.

После первой мировой войны и революции сокольство было запрещено советской властью. Во Владивостоке оно существовало до 1922 года, затем вместе с волной эмиграции перебралось в Харбин.

А начало было положено после приезда откомандированного Пражской сокольской организацией для работы во Владивостоке инструктора — сокола И. И. Мойжиша.

Будучи всесторонне развитым спортсменом, И. И. Мойжиш горячо взялся за организацию регулярных занятий по сокольской гимнастике, позже легкой атлетике, гиревому спорту, в дальнейшем были созданы детские группы сокольской гимнастики, далее преподавались сокольская борьба, бокс, фехтование, гребной спорт.

Сокольские группы часто использовались Обществом для показательных выступлений на праздниках, небольших концертах и балах общества. Обычно вначале демонстрировались упражнения на снарядах (брусья, перекладина), а затем под музыку исполнялись групповые вольные упражнения и гимнастические пирамиды.

За обучение гимнастикой Общество Спорта взимало небольшую плату — 1 рубль в месяц, большинство обучающихся, как неимущие, платы не вносили. Материальной поддержки от Правительства или города общество не имело и как основанное на школьных началах не могло иметь больших доходов. Изысканные энергией членов общества средства позволили в кредит построить здание, корты, спортивные площадки. Для того чтобы расплатиться с долгами, которые составляли сумму в 25 тысяч рублей, Общество обратилось с просьбой в Городскую управу, как владельца арендованного обществом участка земли, от своего имени заложить недвижимое имущество, находящееся во Владивостоке 1 части на берегу бухты Золотой Рог с принадлежащими Владивостокскому Спортивному Обществу постройками под ссуду на 8 тысяч рублей сроком на 8 лет с выплатой 10% годовых. Городская управа обратилась с таким ходатайством во Владивостокский городской общественный банк, и сделка была заключена.

К 21 июня 1916 года Обществом Спорта было выплачено 4 тысячи рублей, а долг с процентами и пенями составлял 5 871 руб. 62 коп.

Уже два года шла первая мировая война, Общество Спорта испытывало серьезные материальные трудности, сократились пожертвования, снизилась посещаемость платных учеников, выполняя Высочайше утвержденное 8 декабря 1915 года Положение о мобилизации спорта Владивостокское Общество Спорта проводило допризывную подготовку военному строю бесплатно.

Возникла угроза продажи здания спортивного общества с аукциона для погашения долга. В РИАДВ имеется дело 491 опись 1 фонд 28, содержащее документы о ходатайстве правления Общества в Городской Думе о возложении его долга на счет города, разрешении обществу и далее бесплатное пользование на все время существования площадью земли под зданием, теннисной площадкой, участками слева и справа от здания, где предполагалось оборудовать детские площадки и оставить за обществом наблюдение за садом Невельского, чтобы тот не был закрыт для публики.

Городская управа внесла долг Общества в сумме 5 871 руб. 62 коп. на счет городского общественного банка, но потребовала от правления Общества спорта заключить арендный договор на отведенный земельный участок «согласно постановления Городской Думы от 18 декабря 1908 года, коим срок аренды предусматривался до 1920 года, при условии, что по окончании договора все возведенные на участке постройки поступают в полную собственность города». В записке Городской управы требовали выделить представителя для подписания Арендного договора. «Принимая во внимание, что условия, предложенные городом равносильны полному прекращению в 1920 году деятельности об-ва, комитет не считает себя вправе разрешить этот вопрос немедленно, находя таковой подлежащим разрешению общего собрания». Общее собрание Общества спорта было назначено на 16 сентября 1916 года, но не состоялось из-за неприбытия законного числа членов, перенесено на 4 октября 1916 года.

К сожалению, мне пока не удалось отыскать результаты этого собрания. Однако в уже упомянутом деле имеется докладная Общества Спорта Городской управе о затоплении здания Общества после ливня 29 сентября 1918 года. К докладной прилагался акт об ущербе, составленный комиссией в лице Президента Владивостокского Общества Спорта Василия Михайловича Кислякова, вице-президента Общества Алексея Августовича Менарда, заведующего хозяйством Общества Спорта Владимира Николаевича Кедрова. В акте перечислялись испорченные водой и грязью помещения, оборудование, например *«В гимнастическом зале: кожанные матрацы, циновки для тренировки по системе «дзую-дзюцу», гимнастические снаряды, скамейки и стулья»*, обвинялась управа в неприведении в порядок водосточной канавы по ул. Светланской и общий ущерб оценивался в 15 тысяч рублей. И в ответной записке на ходатайство о ремонте управа ответила, что прежде необходимо выяснить вопрос о взаимоотношениях города и Общества по владению домом. То есть вопрос о собственности не был решен в установленные сроки.

Такова была ситуация в истории приморского спорта к началу коренного изменения в жизни не только Дальнего Востока, но и всей России, к началу Октябрьской революции.

РАЗДЕЛ III

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

О. Л. МОРЕВА, А. Н. ПОПОВ (ВЛАДИВОСТОК)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРЕБЕНЧАТОГО ОРНАМЕНТА БОЙСМАНСКОЙ И ЗАЙСАНОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА БОЙСМАНА–2)

Бойсманская и зайсановская археологические культуры — две составляющие неолитической эпохи на юге Приморья. Первая, критерием выделения которой по керамическому материалу послужил своеобразный тисненый орнамент, выполненный гребенчатым либо гладким штампом, существовала с 6,5 до 4,8 тысяч лет назад [Попов А. Н и др., 1997]. В орнаментации сменившей ее зайсановской культуры на ранних этапах (5,1–3,8 тысяч лет назад) присутствует как прочерченный, преимущественно зигзагообразный, так и штамповый орнамент, нанесенный зубчатым инструментом [Андреев Г. И., 1957, 1960 Дьяков В. И., 1992, Валентин-перешеек, 1987]. В связи с этим в приморской археологии высказаны различные точки зрения относительно истоков формирования зайсановской культуры. Первая состоит в том что, культура сложилась из двух компонентов — местного с зубчато-гребенчатым орнаментом и пришлого с прочерченным декором [Андреев Г. И., 1957, Попов А. Н. и др., 1997]. Вторая предполагает полностью пришлый характер культуры [Дьяков В. И., 1992]. И, наконец, исследователи видят в прочерченном орнаменте логический этап развития традиции гребенчатого орнамента [Жущиховская И. С., 1998], отсюда вытекает вывод о зайсановской культуре, как производной ранее существовавшей бойсманской.

Объектом данного исследования является орнамент, нанесенный зубчато-гребенчатым штампом. В бойсманском керамическом комплексе он составляет 68% от всего декора (из 16 орнаментированных сосудов и 308 орнаментированных фрагментов), в зайсановском — 34% (из 5 орнаментированных сосудов и 516 фрагментов).

Оба керамических комплекса надежно разделены стратиграфически. Ранний (бойсманский) материал связан с коричневым надматериковым суглинком и слоями мощной раковинной кучи (мощность 1,1 м). Поздний (зайсановский) материал залегал в перекрывающей их коричневой щебнистой супеси (мощность до 30 см) (Попов и др.). Разно культурные горизонты разделены маломощным слоем погребенной почвы, где встречалась керамика обоих комплексов (5–12 см).

Сравнения проводились по форме штампов, технике нанесения, мотивам и принципам композиционного построения орнамента. При сравнении мы не учитывали количество и размеры зубцов в многозубых штампах. Отметим следующие: при орнаментации бойсманцы использовали преимущественно мелкие штампы с числом зубцов от 3 до 5, штампы зайсановцев крупнее, преобладают 5–8-зубые инструменты.

Сравнение орнаментов двух культур, выполненных гребенчатым штампом, выявило сходные и различные черты между ними. Сходство наблюдается в подборе близких по форме орнаментиров; преимущественном применении одинаковой техники нанесения орнамента; использовании для композиционного построения крайне простого горизонтально-линейного мотива; единой орнаментальной зоны.

Различия заключаются в укрупнении размеров штампов для зайсановской культуры, более разнообразной технике нанесения орнамента бойсманцами. Наиболее существенные различия фиксируются в композиционном построении орнамента. Для бойсманской керамики характерна орнаментация сплошным полем без чистых разделительных полос. В ряде случаев пояски отбиваются за счет неодинакового нажима на гребенку: при углублении одного края может появиться узкий рельефный валик между рядами оттисков, либо зубчики гребенки отпечатываются не одинаково. Другая отличительная черта — комбинирование декора из различных типов орнамента. Под типом орнамента мы понимаем совокупность мотива, приема орнаментации и конкретного инструмента, которым наносился орнамент. Монотонное повторение одного мотива отмечено на единичных образцах.

В целом, отметим творческий подход к декору у бойсманцев, трудно встретить два совершенно одинаково украшенных сосуда, в каждом узоре присутствует хотя бы одна деталь, отличающая его от других.

Зайсановский гребенчатый орнамент оставляет впечатление орнамента, застывшего в устоявшихся формах. Все сосуды, за редким исключением, украшены по одному образцу. Гребенкой в зайсановском орнаменте выполнены две основные композиции:

1. Горизонтальные пояски косых оттисков разделены неорнаментированной зоной;
2. Сочетание двух мотивов: в венечной части пояс из наклонных столбцов, ниже — горизонтальные ряды, нанесенные той же гребенкой.

В единичных случаях встречены: чередующиеся наклонные столбцы и горизонтальные ряды, сплошной вертикальный зигзаг, ряды горизонтально оттиснутой гребенки.

Особо отметим, что прочеса гребенчатым штампом на зайсановской керамике Бойсмана-2 не встречено. Прочерчивание осуществлялось только приостренной или округлой палочкой, либо щепой. Лишь в двух случаях вертикальный зигзаг составлен из близко расположенных тонких параллельных линий, по всей вероятности они нанесены пучком веточек, что связано не с развитием гребенчатой техники от штампования до прочеса, а с трансформацией технологического приема заглаживания внешней поверхности сосуда пучком травы или веточек в прием декоративно-изобразительный.

Сходные черты наиболее ярко проявляются в районе погребенной почвы, стратиграфически разделяющей неолитические горизонты памятника. При этом зайсановский гребенчатый штамп представляется древним традиционным элементом декора для носителей культуры, в то время как бойсманский гребенчатый орнамент — «живой», развивающийся, первозначимый декор для бойсманцев.

Это позволяет предположить, что гребенчатый орнамент зайсановской культуры унаследован от предшествующих обитателей памятника.

Что касается прочерченного орнамента, то мы не видим основания рассматривать его как этап гребенчатого орнамента. В зайсановском керамическом комплексе памятника параллельно сосуществуют гребенчатый тисненый и прочерченный орнаменты. Более того, логично предположить пришлый характер прочерченного орнамента, который ассимилировал местный гребенчатый субстрат.

Примечания:

1. ***Андреев Г. И.*** *Некоторые вопросы культуры южного Приморья III–I тысячелетий до н. э. МИА, 1960.*
2. ***Андреев Г. И.*** *1957. Поселение Зайсановка-1 в Приморье. СА, 2, 1957.*
3. *Валентин — перешеек — поселок древних рудокопов. М.: Наука, 1987.*
4. ***Дьяков В. И.*** *Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток, 1992.*
5. ***Жущиховская И. С.*** *Керамика поселения Бойсмана-1. В кн. Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Владивосток, 1997.*
6. ***Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпакова Е. Г.*** *Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. Новосибирск, 1997.*

Г. Т. ТИТОРЕВА (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ)

СВАДЕБНЫЙ КОСТЮМ НАНАЙЦЕВ: МИФОЛОГИЯ ОБРАЗА

Комплекс свадебного костюма — одна из самых художественно и интеллектуально насыщенных форм традиционной культуры коренных амурских народов. Ритуальная одежда, куда, кроме свадебной, входит и костюм шамана, является наиболее консервативной с точки зрения сохранения национальных традиций. В ней живет древняя семантика образов и орнаментальных мотивов.

Свадебный костюм нанайской невесты — по глубине семантики, богатству декоративного убранства, сложности и масштабности образов — явление уникальное. Ни один из приамурских народов не имеет подобного.

Свадебный комплект включает в себя большое число элементов. Особенностью свадебных халатов амири и сикэ является неизвестное в искусстве других народов расположение основной орнаментальной композиции на спинке изделия. Конечно же, такое местоположение основного декора вызвано не только, и не столько, соображениями эстетическими, сколько особым семантическим каноном.

Анализ ряда подобных композиций на халатах амири, изготовленных в последние два века, приводит к выводу об удивительной устойчивости его структуры и составляющих элементов. Существует две версии семантической интерпретации узоров на амири. Возможно, что на его спинке изображено родовое «древо жизни», трансформированное художественной стилизацией и мифологическим сознанием его древних авторов. Ведь образ Дракона (змея), доминирующий в изобразительных структурах «амири» часто взаимозаменяем с образом Мирового древа. По другой версии орнамент на спинке амири не что иное, как своеобразная рентгенографическая композиция, которую А. П. Окладников, анализируя в свое время петроглифы Сикачи-Аляна, назвал образцом «интеллектуального реализма», когда художник видит изображаемое существо как бы прозрачным, насквозь [1]. Подтверждением этому служат и словесные обозначения орнаментальных элементов.

Как уже отмечалось, основной зоной декорирования халата сикэ является спинка. В композиции ее декора, как правило, выделяются две орнаментальные зоны, разграниченные по горизонтали. Верхняя половина заполняется мозаикой из разноцветных тканей в форме чешуек, ромбов, символизирующих чешую дракона — Мудура — мифологического существа, заботящегося о благополучии человека и, в данном случае, защищающего невесту от действия злых духов.

Дракон — самый значительный и могущественный образ нанайской мифологии. Он синтезирует в себе две главные природные стихии: водную — земную и огненную — небесную, являясь, таким образом, Богом планеты. Тем удивительнее и невероятнее кажется тот факт, что костюм юной нанайской невесты с головы

до пят был воплощением внешнего облика и внутренней сущности этого грандиозного по силе и космического по масштабу мифологического существа.

Все детали костюма невесты подчеркивают принадлежность к образу Дракона. Форма свадебной шапочки ассоциируется с головой Дракона: на ней обязательны красные ленты, кисточка из красного шнура и красный подклад — выражение огненной, солнечной сущности Дракона. И воротник маньчжурского типа в форме многослойной четырехлепестковой розетки — не что иное, как «языки пламени». А знаками водной принадлежности Дракона являются перламутровые пуговицы, пришитые ромбами на шапке и нагруднике невесты. Форма свадебной обуви с выразительно загнутым острым носком тоже свидетельство причастности к облику Дракона.

Нижние полы спинки халата сикэ заполняются двумя симметричными изображениями родового дерева. Родовое древо в композиции свадебного нанайского халата сикэ олицетворяет Мировое древо жизни и выражает идею трехъярусной вертикальной структуры мироздания. Согласно этой структуры до сих пор живет в народном искусстве амурских мастеров система запретов и правил, какие образы где должны располагаться: лягушка, ящерица, змея должны находиться только в нижнем ярусе орнамента, копытные по бокам ствола, т. е. в средней части, а вверху непременно должна быть птица. Часто она имеет очертания водоплавающей или держит в клюве рыбу и символизирует синтез двух главных стихий — воды и воздуха (а ширэ — Земли и Неба).

Эти три части Мирового древа семантизировались таким образом, что верхняя часть соотносится с положительно отмеченными признаками (небо — место, где живет главный Бог Эндури), а нижняя — с отрицательно отмеченными признаками («буни» — царство мертвых). В родовом дереве нанайцев нашел отражение жизненный цикл в целостном, философском его осмыслении: от души, еще не имеющей плоти, через земное существование к завершению его в ирреальном мире предков, т. е. прошлое, настоящее и будущее. В конечном счете, это не что иное, как модель динамической целостности, предполагающей возникновение, развитие и упадок [2].

Большой интерес, на наш взгляд, представляет результат сопоставления одного из вариантов мифа о первых днях творения, существующего в мифологии нанайцев, с изображением Древа жизни на одном из свадебных халатов.

Этот миф широко распространен в мифологии народов Востока. Он повествует о времени, когда на небе светили три солнца, выжигая все на земле. Герой мифа стрелок Гуранта, убивает из лука два лишних солнца, и на земле расцветает жизнь. По пути домой Гуранта встречает Мировое дерево жизни — ялоан тудге, на котором растут плоды — тондоры, в виде больших бутонов, обладающие могущественной жизненной силой. Из этих плодов на земле должны вырасти все виды растительного зеленого мира. Этот мир заселится людьми и животными, обладающими красной кровью. А над образовавшимся миром на девятом небе будет жить самый главный Бог Эндури [3].

Сюжет, вышитый на спинке свадебного халата рода Самар запечатлел цветущее тондорами Древо жизни на черном фоне, цвете испепеленной от

трех солнц земли. В разноцветной вышивке дерева доминируют три священных для нанайцев цвета: зеленый, красный и синий. У подножия родового дерева невесты обязательно вышивался табуированный олень, его рог венчает круглый плод — тондор. Красная кисточка на макушке свадебной шапки тоже не что иное, как тондор — символ плодоносящей силы женщины.

Сюжет Мирового древа на этом фрагменте отражает представление о расцветающей от долгого зноя Земле и рождении здорового потомства. И как выражение этой идеи — многоцветье и яркость орнамента. Таким образом древний миф нашел изобразительное воплощение в системе амурского орнамента.

Важным элементом свадебного костюма является нагрудник лэлу. Он спускался ниже бедер, и звон металлических подвесок, как и вышивка на нижних шелковых штанах пэру, служили оберегом самой важной области организма будущей матери. Композиционно нагрудник делится по вертикали на три части. Трехчастное деление, столь часто встречаемое в свадебном комплексе — тоже связано с мифологической традицией. Магия чисел 3 и 9 восходит к древним представлениям нанайцев об устройстве Мироздания. Согласно их мифологии, небосвод разделен на 3 уровня — бронзовый, серебряный и золотой — каждый из которых, в свою очередь, разделен на 3 части и каждым из 9 «этажей» небосвода владеет свой божественный хозяин.

Традиционный свадебный костюм нанайцев — один из уникальных примеров мифологизации утилитарного предмета. Космогония образа невесты возносит статус юной нанайской женщины до планетарного масштаба. Ведь Дракон — Бог Земли. Мировое древо — стержень Мироздания, символ Вселенной. Трудно поднять значение образа еще выше.

Все элементы костюма пронизаны мифологическим звучанием и образуют логичную, целостную систему, отражающую космополитизм мировоззрения древнего народа нанай, его национальную философию и эстетику.

Примечания:

1. ***Окладников А. П.*** *Петроглифы нижнего Амура. — Л.: Наука, 1971.*
2. ***Топоров В. Н.*** *К происхождению некоторых поэтических символов. В кн.: Ранние формы искусства. — М.: Искусство, 1972, С. 166–204.*
3. ***Самар Е. Д.*** *Миф о трех солнцах. В кн.: Ритуальная скульптура нанайцев. Каталог. — Комсомольск-на-Амуре, 1992, С. 140–145.*

Т. В. МЕЛЬНИКОВА (ХАБАРОВСК)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОЖИ РЫБЫ РАЗНЫХ ПОРОД ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ НАНАЙЦЕВ

Длительное время кожа рыбы являлась традиционным материалом нанайцев для изготовления одежды. С этой целью они использовали кожи сазана, муксуна, амура, кеты, горбуши, сома, ленка, щуки, тайменя, желтощека и др.

Процесс обработки рыбьей кожи состоял из этапов [1]:

1. Свежую рыбу вялили в течение нескольких часов (3–4 часа) до появления корочки.
2. Кожу снимали при помощи костяного ножа от надреза вдоль брюшка.
3. Каждую шкурку отдельно высушивали в расправленном виде вдали от прямых лучей летнего солнца (на неактивном осеннем солнце кожу рыбы можно было сушить) и огня очага.
4. Свернув кожу рыбы чешуей наружу, били ее в мялке (другой вариант: удаляли (выдергивали) чешую пальцами или при помощи ножа; действие называлось нилту- [2]. Перед обработкой кожи рыбы в мялке ее сбрызгивали водой, чтобы она не перегрелась и не сварилась.
5. Кожу рыбы без чешуи смазывали с внутренней стороны, соприкасавшейся с мясом, кашицей пагдан. Ее делали следующим образом. Сухую икру кеты толкли, разводили водой, оставляли на ночь, чтобы появился запашок. В качестве смазки использовали также бульон ухи для собак. Кроме икры рыбы бикинские (уссурийские) нанайцы применяли рыбьи молоки, мозги изюбря, кабана, а словом фагда (и) — обозначали смазку для кожи рыбы вообще [3]. Нанайцы с р. Кур «просушенную, столченную кетовую икру, немного сваренную и прогнившую, которую использовали для смазывания рыбьих и звериных шкур при выделке», называли хагда [5]. Процесс смазывания рыбьей кожи кашицей из сушеной кеты найхинские нанайцы называли пагда-, рыбным отваром умэ- [6] бикинские (уссурийские) нанайцы смазывание кожи рыбы смазкой вообще называли фагдачи- [7].
6. Смазанные шкурки складывали внутренними сторонами друг к другу и давали им полежать в проветриваемом месте.
7. Повторно обрабатывали при помощи мялки. Это действие имело название дуву, дувувири [8].
8. Обработанную кожу сворачивали рулоном и подвешивали над очагом — дымили ее, чтобы она обрела устойчивость к моли.

Тщательность обработки кожи рыб зависела от предназначения. Так, кожи для головок обуви бидака (мидака — горинский диалект) почти не обрабатывали, чтобы сохранить чешую. С нее тупым ножом счищали остатки рыбьего мяса и жира, «чуть-чуть» мяли руками, а некоторые даже немного в мялке [9].

Праздничные халаты амири выполняли из кож сазанов, амуров, муксунов, рабочие халаты — из кож кеты. Для изготовления последних необходимо было в среднем 35 рыбьих шкурок (среднего размера) [10]. Их тщательно не выделывали, нередко оставляли на ней лунки от чешуи. При пошиве одежды такие кожи просто располагали лунками вниз, чтобы в них не задерживалась дождевая вода [11]. Для выполнения женских халатов брали кожи самок кеты, которые были более мягкими, чем у самцов. Грубые кожи самцов кеты шили охотничьи куртки [12]. На горных реках, например, Анюе, кожи крупных тайменей также использовали для пошива халатов [13]. Нанайцы, жившие в с. Тэуди в нижнем течении р. Тунгуски, различали халаты по использованным для пошива кожам рыб. Так, амери — праздничная одежда преимущественно выполнялись из кож кеты без чешуи, гуигдэми (рабочие женские халаты) — из кож кеты с чешуей, утэсу — из кож муксуна, сазана, амура [14]. Кожи рыб для праздничных (нарядных) амири амурские нанайцы выбеливали белой глиной. В Найхине ее собирали в окрестностях села. Во время малой воды она появлялась на берегах заливов в виде маленьких комочков. Уже выделанную кожу рыбы намазывали тонким слоем глины, высушивали на солнце, снова смазывали, высушивали — так три раза, а потом снова мяли [15]. Повседневные, но более всего праздничные (нарядные) одежды из кожи рыбы украшали рисованными орнаментами или аппликациями из крашеных кож. Во время совместной российско-японской этнографической экспедиции (1999 г.) мы наблюдали в с. Ачан процесс окрашивания кожи рыбы в синий цвет. Широко известно, что для этого народы Амура использовали лепестки растения синеглазка чачака (цаска — цацака — бикинский (уссурийский) диалект нанайского языка [16]) из семейства коммелиновых. В. Г. Ходжер продемонстрировала нам два способа тонирования. Если требовалось покрасить небольшой кусок кожи, брали щепотку лепестков, клали на кожу, сгибали ее пополам и мяли руками. Действия повторяли. При окрашивании кожи большого размера пригоршню лепестков растения складывали в марлю, скручивали и получившимся тампоном натирали кожаную поверхность. Содержимое марли меняли дважды. Марлевый тампон позволял ровно наносить краску [17]. Как нам представляется, первый способ окрашивания кожи рыбы более древний, а второму способу, по-видимому, предшествовал способ, рассказанный нам в с. Найхин. Лепестки синеглазки толкли до однородной массы, после чего макали в нее древесные стружки саури и красили ими кожу рыбы [18]. Некоторые нанайцы специально выращивали чачака на своих огородах при зимних жилищах [19]. Черный цвет нанайцы получали, смешав сажу с внешних поверхностей котлов и сушеную икру кеты, разведенную до состояния жидкой кашицы. Информация о растительных красителях, применявшихся нанайцами, опубликована К. П. Белобородовой [20] и мы не будем повторяться. Добавим лишь, что желтый цвет давала кора ольхи, красный — кора лиственницы, коричневый — кора дуба, зеленый — листья растений. Последние толкли, а кору деревьев долго варили. В отвар или сок добавляли толченную в порошок высушенную икру кеты, чтобы краска не смывалась [21].

Халат хэртэ, который летом нанайские охотники использовали в качестве дождевика, шили из кожи сома [22]. Она же обычно шла ни изготовление промыслового передника бэпи. Его также шили из кожи самцов кеты. Кроме защиты одежды от износа передник предохранял одежду охотника от крови животных. Замаранный ею бэпи мыли горячей талой водой. Это обстоятельство, как нам кажется, объясняет, почему именно кожа сома использовалась для пошива дождевика и передника. Она меньше размокала, кроме того была крепкой, «твердая кожа», по выражению А. А. Пассара. Ее использовали также для изготовления наголенников [23]. Нанайцы сёл Сикачи-Алян и Мухи шили рабочие наголенники из кожи сазанов, однако в тайге они были малопригодны, ибо быстро рвались, цепляясь за сучки [24].

Штаны пэру шили из кож муксунов, сазанов, больших сомов, рукавицы депчича (верхонки) — из кож кеты, желтощеков, ленков, щук. [25].

Обувь из кожи рыбы вообще называлась согбома ота. Ее носили зимой и относилась она к разряду поршневидной. Для ее пошива кожи рыб подбирали индивидуально. По объяснению А. А. Пассара, сформулированному в современных категориях, выбор зависел от совместимости кожи конкретной породы рыбы и химического состава пота конкретного человека [26]. Вообще, для пошива головки обуви подходила кожа любой рыбы с мелкой чешуей, и наиболее распространенным материалом была кожа осенней кеты. Кожа летней — серебристой кеты — тонкая, обувь из нее быстро износится, а у осенней кеты — толстая [27]. Однако у некоторых людей обувь из нее разваливалась в течение нескольких дней («неделя и рвалась обувь»), другому служила месяцами, становясь в процессе носки «гладкой, блестящей как полированный камень». Так, А. А. Пассар носил в детстве обувь только из кожи щук, отец А. А. Самар — из кожи тайменей, отец Т. П. Актанка — из кожи сома («не одну зиму носил») [28]. Кстати, для изготовления обуви использовали кожу именно летней щуки [29]. Также нанайцы шили обувь из кожи ленка. В учетных документах Хабаровского краеведческого музея к зимней охотничьей обуви onta (ХКМ КП № 289/Э-431), привезенной И. И. Козьминским в 1926 году с р. Горин от нанайцев из рода Самар, имеется следующее пояснение: «onta — зимняя охотничья обувь, носят исключительно во время сильных морозов; нижняя часть — из кожи ленка, верхняя — из кожи кеты». Во второй паре подобной обуви голенища выполнены из кожи щуки [30]. Расспросы информантов не выявили у нанайцев представлений об особой прочности кожи ленка и устойчивости ее к низким температурам. Хотя все собеседники отмечали принадлежность ленка к породам холодноводных рыб и наличие у него толстой кожи. Следует отметить, что головки и голенища обуви нанайцы обычно выполняли из кож разных рыб. Так, в 1926 году в фонды ХКМ поступила нанайская женская обувь ота, головки которой были сшиты из кожи ленка, голенище — из кожи сазана. Она была выполнена жительницей селения Тауди на р. Тунгуске [31]. Однако кожу сазана редко использовали для пошива обуви [32]. Также голенища выполняли из кож кеты небольших размеров, чтобы кожа была тонкой [33]. Кожи крупных рыб с мелкой чешуей шили именно на изготовление головок. Более частое использование для изготовления обуви кожи кеты связано со сложностями добычи крупных экземпляров рыб других пород («крупную щуку еще

надо поймать» [34]; «крупный таймень — рыба опасная, может рыбака за собой утащить, пудовый таймень махалку придавит — не вытащишь, как медведь» [35]). Кожу рыбы для головки раскраивали таким образом, чтобы спинка, где наиболее мелкая чешуя и прочая кожа, приходилась на подошвенную часть обуви [36].

Существовали определенные требования к эксплуатации одежды из кожи рыбы. При возможности старались ее как можно меньше мочить. Намокшая одежда из кожи рыбы растягивалась [37]. Намокшие вещи сушили вдали от очага, иначе кожа рыбы могла «свариться», при этом траву наокта не вынимали из обуви, чтобы она не теряла формы. Вымокшие и высушенные предметы одежды мяли руками, чем возвращали ей эластичность. Постоянно носимая одежда из кожи рыбы оставалась мягкой, «не затвердевала» [38].

Примечания:

1. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Джари Нанайского района Хабаровского края, от Бельды Нюры Федоровны и Ларисы Ганзуливны; с. Синда Нанайского района Хабаровского края, от Бельды Клавдии Андреевны); 2000 г. (г. Хабаровск, от Актанка Татьяны Перговны); ГАХК. Ф. 1180, Оп. 1, Д. 9, Л. 13; Д. 10, Л. 4.*
2. ***Оненко С. Н.*** *Нанайско-русский словарь. — М., 1980 — С. 290*
3. ***Сем Л. И.*** *Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. — Л., 1976 — С. 194.*
5. *ГАХК. Ф. 696, Оп. 1, Д. 166, Л. 55.*
6. ***Оненко С. Н.*** *Нанайско-русский словарь. — М., 1980 — С. 319,430*
7. ***Сем Л. И.*** *Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. — Л., 1976 — С. 193.*
8. ***Оненко С. Н.*** *Нанайско-русский словарь. — М., 1980 — С. 161*
9. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Даерга Нанайского района Хабаровского края, от Гейкер Несулты Борисовны); письмо 1999 г. из с. Кондон Солнечного района Хабаровского края от Самар Любовь Федоровны.*
10. *Полевые записи автора 1999 г. (г. Комсомольск-на-Амуре, от Самар Анны Александровны).*
11. ***Оненко С. Н.*** *Нанайско-русский словарь. — М., 1980 — С. 168*
12. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Джари Нанайского района Хабаровского края, от Бельды Нюры Федоровны и Ларисы Ганзуливны); 2000 г. (г. Хабаровск, от Пассара Андрея Александровича).*
13. ***Бельды М. П.*** *Троицкая волость: Историческое исследование. — Хабаровск, 1999. — С. 62.*
14. *ГАХК. Ф. –696, Оп. 1, Д. 172, Л. 59,110.*
15. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Найхин Нанайского района Хабаровского края, от Оненко Клавдии Хахаливны).*
16. *Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. — Л., 1976. — С. 207.*

17. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Ачан Амурского района Хабаровского края, от Ходжер Веры Григорьевны).*
18. *Полевые записи автора 1998 г. (с. Найхин Нанайского района Хабаровского края, от Бельды Софьи Сергеевны).*
19. ***Ходжер Г. Г.*** *Непроглядные сумерки: Роман. — Хабаровск, 1991, С. 34*
20. ***Белобородова К. П.*** *Приамурские узоры. — Л., 1975. — 106 С., С. 43*
21. *Полевые записи автора 1999 г. (г. Комсомольска-на-Амуре, от Самар Анны Александровны).*
22. ***Сем Ю. А.*** *Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.). Этнографические очерки. — Владивосток, 1972, С. 201*
23. *Полевые записи автора 1999 г. (г. Хабаровск, от Бельды Андрея Александровича); 2000 г. (г. Хабаровск, от Пассара Андрея Александровича).*
24. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Сикачи-Алян Хабаровского района Хабаровского края, от Мурзиной Екатерины Ивановны; с. Синда Нанайского района Хабаровского края, от Бельды Ильи Афанасьевича).*
25. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Джари Нанайского района Хабаровского края, от Бельды Нюры Федоровны и Ларисы Ганзуливны; с. Сикачи-Алян Хабаровского района Хабаровского края, от Мурзиной Екатерины Ильиничны).*
26. *Полевые записи автора 2000 г. (г. Хабаровск, от Пассара Андрея Александровича).*
27. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Синда Нанайского района Хабаровского края, от Гейкер Евгении Сыновны); 2000 г. (г. Хабаровск, от Самара Валентина Лукича).*
28. *Полевые записи автора 1999 г. (г. Комсомольск-на-Амуре, от Самар Анны Александровны); 2000 г. (г. Хабаровск, от Пассара Андрея Александровича, Актанка Татьяны Перговны).*
29. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Ачан Амурского района Хабаровского края, от Ходжер Маргариты Еусевниы).*
30. *Фонды ХКМ. Дело «Нанайцы», б/н.*
31. *Фонды ХКМ. Дело «Нанайцы», б/н.*
32. *Полевые записи автора 2000 г. (г. Хабаровск, от А. С. Киле).*
33. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Найхин Нанайского района Хабаровского края, от Оненко Клавдии Хахаливны).*
34. *Полевые записи автора 2000 г. (г. Хабаровск, от А. С. Киле).*
35. *Полевые записи автора 2000 г. (г. Хабаровск, от Т. П. Актанка).*
36. *Полевые записи автора 1999, 2000 гг. (г. Хабаровск, от Киле Антонины Сергеевны, Пассара Андрея Александровича).*
37. *Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М., 1980. С. 353*
38. *Полевые записи автора 1999 г. (с. Джари Нанайского района Хабаровского края, от Бельды Нюры Федоровны и Ларисы Ганзуливны; с. Троицкое Нанайского района Хабаровского края, от Бельды Зинаиды Николаевны и Константина Мактовича).*

А. Л. МЕЗЕНЦЕВ (УССУРИЙСК)

МОХЭССКИЕ ПАМЯТНИКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ УССУРИЙСКА И ЮЖНО-УССУРИЙСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Для Уссурийска, в археологическом контексте, под окрестностями понимается довольно обширная территория, обозначенная А. З. Федоровым [1]. В настоящей работе это понятие включает участок долины р. Раздольной (Суйфун) между г. Сенькина Шапка и Медвежьими щеками (с. Тереховка) с впадающими здесь притоками.

Средневековый комплекс Уссурийска привлекает исследователей с самого начала становления приморской археологии. Три из четырех сверхкрупных городищ края расположены здесь. Древнейшим из этой троицы считается Южно-Уссурийское городище, нередко отождествляемое с г. Шуайбинем. Это самое крупное бохайское городище в Приморье, являвшееся центром обширного региона [2].

Возникновение столь крупного памятника обусловлено рядом причин. Важными условиями появления города называют рост и концентрацию населения, увеличение динамичности общества, социальная дифференциация, усложнение управленческой системы и необходимость концентрации власти, специализация производства, развитие ремесел, торговли и т. д. [3]. Но что лежало в основе формирования Южно-Уссурийского городища?

Для решения вопроса следует обратиться к предшествующему времени. Возникновение городища связывают с 713–742 годами [4]. Принимая эту дату, предшествующим временем следует считать догосударственный период истории мохэ, связываемый с мохэской археологической культурой. Поэтому обратимся к мохэским памятникам в окрестностях Уссурийска.

Первая информация об этих памятниках появилась в середине 80-х годов, когда В. А. Хорев южнее, а Ю. В. Кривуля северо-восточнее города открывают ряд поселений. Последним проводятся раскопки на двух памятниках. С конца 80-х годов ряд памятников открывается автором, при активном содействии клуба юных археологов «Резерв». Сегодня здесь выявлен 41 памятник.

Большинство памятников размещены на бортах долин, в единичных случаях — на высокой пойме или вершинах сопок. Географически они расположены в долинах рек Раздольной, Борисовки и Кроуновки, в бассейне Раковки. На территории города еще не выявлены.

Сохранность памятников различна. На неразрушенных поселениях четко фиксируются западины от жилищ (диаметр 5–10 метров) и хозяйственных ям (диаметр 1–2 метра). Количество жилищ отражает демографическую величину памятника, поскольку площадь не всегда является эквивалентом количества населения. На ряде памятников западины не выявлены, а при разночтении

их количество уточнялось по полевым отчетам. Характеристика по количеству жилищ дана в таблице.

кол-во западин	кол-во памятников	Памятники	ранг
1	7	Зелёный Яр-1, Корсаковка-14, Кугуки-2, Раковка-3, 9, 11, 15	IV
2	5	Васильевка-5, Михайловка-1[5], 11, Песчаный-11, 12	
3	4	Борисовка-10, Кугуки-4, Михайловка-10, Песчаный-8	
4	1	Раковка-14	
5	1	Корсаковка-15	
6	1	Раковка-12	
7	2	Корсаковка-17, Михайловка-6	
8	4	Михайловка-3, Раковка-6, 13, 17	
9	1	Раковка-5	
10	3	Борисовка-3, Михайловка-9, Песчаный-4	
14	1	Глуховка-1	III
15	2	Михайловка-4, Раковка-10	
23	1	Корсаковка-16	II
26	2	Раковка-16, Песчаный-9	
47	1	Михайловка-2	I
?	1	Борисовское городище	-
0	4	Каменный Ключ, Кроуновка-19, Уссурийск-31, Утёсное-1	-

На Борисовском городище 14 жилищных западин, но это многослойный памятник.

Таблица показала четыре ранга памятников. К IV рангу отнесены 29 памятников, насчитывающие до 10 западин — малые поселения. При этом образовались два полюса, к одному тяготеют памятники, имеющие до 6 жилищ, к другому — свыше. К III рангу отнесены три памятника с 14–15 западинами — средние. Ко II рангу отнесены три памятника с 23–26 западинами — крупные. И к I рангу относится один памятник — Михайловка-2, имеющий 47 [6] западин — сверхкрупное поселение. Для ранжировки пойменных памятников необходимо их тестирование.

Приблизительно схожая картина наблюдается в соседнем бассейне р. Илистой. Здесь выделяется Камышовка-1, имеющая 106 западин [7]. Если все западины одновременны — памятник очень перспективен для изучения мохэ.

Рассчитав величину гравитационной связи по формуле, приведенной в статье Н. Н. Крадина, Н. А. Клюева и Ю. Г. Никитина [8], получим пять групп па-

мятников. Первая группа — михайловская — расположена на рр. Раковке и Васильевке и сегодня насчитывает 6 памятников, ее центр (крупнейшее поселение) — Михайловка-2. Вторая группа — песчанинская — расположена на рр. Раковке и Бакарасьевке, включает 4 памятника, ее центр Песчаный-9. Третья группа — раковская — расположена на р. Раковке и состоит из 13 памятников, ее центр — Раковка-16. Четвертая группа — борисовская — расположена на р. Борисовке и включает 9 памятников, ее центр — Борисовское городище или Корсаковка-16. Пятая группа — кроуновская — расположена на одноименной реке и состоит их 3 памятников. Центр группы не ясен, но им может являться Каменный Ключ. Отдельно расположенные Утесное-1 и Глуховка-1, видимо, представляют еще не выявленные группы памятников.

Центрами групп являются крупные и сверхкрупные поселения или городище. Не исключено, что на каком-то историческом этапе Михайловка-2 могла быть центром всех мохэских памятников на Раковке или в окрестностях Уссурийска. Нетипично отсутствие видимых укреплений у этого памятника. Аналогичная ситуация и у остальных центров групп в бассейне Раковки.

Иная ситуация в бассейне р. Борисовки. Помимо городища, здесь низкие валы имеются на поселениях Борисовка-3 и Корсаковка-16. Поселение Каменный Ключ расположено на высокой отдельной сопке, относительно плоская вершина которой ограничена со всех сторон скалами и очень крутыми склонами высотою 3–20 м. На этом памятнике нет западин, но фиксируются террасы. У Борисовского городища и на Корсаковке-16 обнаружены дороги.

Для реконструкции этой эпохи необходимы широкомасштабные исследования. Не ясны взаимодействия между памятниками бассейна Раковки и Борисовки, а также соседних территорий. Датированы лишь Михайловка-2, Раковка-6 (V–VI веков) [9] и Раковка-10 (VI–VII веков) [10]. Эти даты позволяют утверждать, что накануне образования Бохая окрестности Уссурийска были освоены мохэсцами.

В добохайский период Суйфун был заселен племенем шуайбинь-мохэ, на землях которых позже была учреждена одноименная область с тремя округами [11]. Описанные окрестности Уссурийска — это пятая часть бассейна Суйфуна, наиболее благоприятная. Здесь обширная и не заболоченная долина. Широкие, относительно низкие и плоские междуречья предоставляли отличные пастбища, не претендовавшие на пойменные пахотные земли. Это позволило гармонично развиваться мохэскому хозяйству и обеспечить высокую плотность населения, вероятно наибольшую на Суйфуне. При данном потенциале здесь могла размещаться доминирующая на Суйфуне группа населения, возможно ядро племени шуайбинь.

Расширяя владения, перед бохайцами стояла проблема контролирования новых территорий. Выбор места под строительство Южно-Уссурийского городища не был случайным. Это место находится в центре между борисовскими и раковскими памятниками и контролировало их коммуникационные артерии. Поставленный здесь город доминировал над всей мохэской округой, возможно являясь, какое-то время и пограничным городом. Именно контроль над коммуникациями уберегли город от упадка [12]. Этот контроль объясним мощностью суйфунского

торгового пути. Для Бохая это была вторая крупная артерия, соединяющая с Японским морем. Суйфунский поворот (территория Уссурийска) является узловым местом, предоставляя выход в центральные бохайские земли (225 км до Дунцзинчэна и почти прямой выход на столицу через хребет Лаоелин). Доступ к морю и порту Янь — Краскинскому городищу [13]. Борисовское плато обеспечивало дорогу к Восточной столице. Бассейн Раковки предоставлял выходы к Ханке и на восток. Большое окрестное население позволяло получать достаточные налоги. Контроль над доминирующей местностью усиливал влияние города на весь регион.

Другой узловой местностью на Суйфуне являются окрестности г. Дуннин. Но гористая местность и узкая долина (кроме междуречья с р. Гранитной) не могли обеспечить большее количество населения, чем окрестности Уссурийска. Долина Мал. Суйфуна узка, как и долина Бол. Суйфуна, кроме небольшого участка у Лоцзыгоу. Лишь в силу политических обстоятельств бохайским административным центром како-то время мог быть памятник, расположенный гораздо западнее Уссурийска.

Конкретные результаты могут быть получены при тщательном обследовании Суйфуна с обеих сторон государственной границы и Южно-Уссурийского городища, мощность культурного слоя на котором превышает три метра.

Примечания:

1. ***Федоров А. З.*** *Памятники старины в городе Никольск-Уссурийском и его окрестностях. Никольск-Уссурийский, 1916. 24 с.*
2. ***Крадин Н. Н., Никитин Ю. Г.*** *Опыт пространственного анализа бохайских памятников Приморья //VI Арсеньевские чтения. Тез. докл. Уссурийск, 1992. С. 179*
3. ***Сайко Э. В.*** *Древнейший город. Природа и генезис. М.: «Наука», 1996. С. 30.*
4. ***Ким А. А.*** *Характеристика средневекового комплекса Уссурийска. //VI Арсеньевские чтения. Тез. докл. Уссурийск, 1992. С. 169.*
5. *Не менее двух жилищ.*
6. *Не менее двух жилищ на памятнике разрушены карьером и здесь не отражены.*
7. ***Дьякова О. В.*** *Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука. 1998. С. 24*
8. ***Крадин Н. Н., Клюев Н. А., Никитин Ю. Г.*** *Предварительные результаты изучения системы расселения древнего населения в бассейне р. Иман. //Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока. Владивосток, 1997. С. 11.*
9. ***Дьякова О. В.*** *Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 19–20.*
10. *Устная информация Ю. В. Кривули.*

11. ***Никитин Ю. Г.*** *Древнее население р. Суйфун в предгосударственный период //История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э. В. Шавкунова. Владивосток, 2000. С. 151.*
12. ***Кучкин В. А.*** *Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. (число и политико-географическое размещение) //История СССР. 1990. № 6. С. 72-85.*
13. ***Болдин В. И.*** *Краскинское городище в территориально-административной системе Бохая //Приморье в древности и средневековье. Уссурийск, 1996. С. 29.*

Е. А. ЛЫКОВА

ЛИКВИДАЦИЯ АГРОНОМИЧЕСКОЙ НЕГРАМОТНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 20-Е ГОДЫ

Землю называли и называют самым могущественным фактором цивилизации. Культура пользования крестьянством главным богатством — землей — являлась залогом благополучия каждой отдельной крестьянской семьи и государства в целом, и чем состоятельнее было крестьянское хозяйство, тем быстрее оно овладевало прогрессивными методами ведения хозяйства, чаще обращалось к достижениям агрономической науки, тем выше была его земледельческая культура.

Не случайно советская власть в 20-е годы ликвидацию агрономической неграмотности крестьян сделала одним из важных направлений аграрной политики. Прогрессивные агрикультурные технологии, которые набирали силу в крестьянском производстве в 20-е годы, являлись существенным фактором развития аграрного сектора. Для дальневосточной деревни подъем культуры земледелия крестьянских хозяйств являлся актуальнейшей проблемой.

Слабая заселенность и освоенность края, многоземелье, экстенсивное зерновое направление, ничтожная роль трудоемких технических культур, недостаточное развитие животноводчества, примитивные системы земледелия ставили серьезные преграды на пути развития и роста сельскохозяйственного производства, удерживали на низком уровне товарность и доходность крестьянских хозяйств. Затянувшаяся до конца 1922 года гражданская война и японская интервенция окончательно выявили признаки кризиса на Дальнем Востоке, начавшегося задолго до революционных потрясений.

Изучение состояния крестьянских хозяйств, его основной естественной производительной силы — земли — позволяет говорить о том, что, несмотря на сравнительную мощность, хозяйство начало исподволь разрушаться в начале второго десятилетия XX века.

Одной из главных причин кризиса сельского хозяйства является паразитирование крестьян на земле, ее хищническое использование, низкая земледельческая культура, показателем которой являются сложившиеся системы земледелия, применяемые севообороты, полная зависимость местных крестьян от природно-климатических условий уникального по своим возможностям края.

Экстенсивный характер земледелия на большей части Дальнего Востока, хищническое отношение крестьян к земле привели к тому, что по мере использования естественного плодородия почвы начинала падать урожайность основных зерновых культур — ржи, пшеницы, овса. В Амурской области сбор пшеницы и овса упал в 1921 году соответственно до 36 и 46 пуд. с десятины с 53 и 58 пуд. в 1917, с 70 и 78 пуд. в 1913 году [2]. То же самое наблюдалось и в Приморской области по всем основным зерновым. О низкой земледельческой культуре крестьянства свидетельствует и высокий процент гибели посевов. В 1923 году в Забайкалье погибла одна треть посевов, в Приморье — 80% площади посевов пшеницы [2].

Это свидетельствовало о неустойчивости дальневосточного земледелия, сильной зависимости от природных условий, агрономической неграмотности основной массы крестьянства Дальнего Востока.

Следует заметить, что агрономическая наука на Дальнем Востоке в начале XX века развития не получила. В России агрономов готовили только два учебных заведения — Петровская академия и Ново-Александрийский институт сельского хозяйства. Агроном, воспитанный на среднерусских традициях, попадая на окраины с их специфическими природными, экономическими и бытовыми условиями, оказывался в положении человека, вынужденного работать вслепую.

Дальний Восток — район контрастов, где в одинаковой степени находили благоприятную среду для развития клюква и виноград, гречиха и рис, репа и арбуз, в сельскохозяйственном отношении оставался практически не изученным. В начале 20-х годов на Дальнем Востоке функционировали всего 9 агрономических пунктов. Один агроном обслуживал более 370 (!) сел, свыше 20 тыс. крестьянских хозяйств. Это делало крестьянство края более уязвимым перед природно-климатическим фактором.

В условиях новой экономической политики в систему государственных мероприятий, регулирующих сельскохозяйственное производство по пути его восстановления вошли и организация всесторонней агрономической помощи крестьянским хозяйствам, распространение агротехнических знаний.

Пути решения задачи по ликвидации агрономической неграмотности крестьян рассматривались центральными и местными партийными, советскими и хозяйственными органами.

Главное внимание было уделено приближению земельных органов к обслуживанию непосредственных нужд крестьянства. В отчете Наркомзема РСФСР за 1923 год говорилось, что созданный на местах земельный аппарат должен *«органически связать крестьянские хозяйства с государственной агрономической земельной организацией, задачей которой является оказание*

содействия крестьянству в деле наиболее целесообразного использования имеющихся в крестьянском хозяйстве ресурсов в целях интенсификации и рационализации сельского хозяйства» [3].

В мае 1924 года Совещание по работе в деревне при Дальбюро ЦК РКП(б) рассмотрело меры по улучшению агрономического дела на Дальнем Востоке, подчеркнув, что *«агропомощь ставится в порядок работы областных органов Советской власти как очередная задача работы в деревне»* [4].

На местах развернулась работа по увеличению сети агрономических учреждений, пропаганда внедрения агротехники, передовых систем полеводства, оказанию помощи в борьбе с сельскохозяйственными вредителями. В Забайкалье в 1923 году было спасено от вредителей 4 352 дес., в 1924 — 19 тыс. посева [5].

Огромную роль в агропропаганде сыграла первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка 1923 года. От Дальнего Востока на выставке в Москве побывало 527 экскурсантов.

Этим же целям служили местные выставки, которые начинались с выставок-витрин и выставок-музеев при избах-читальнях и Домах крестьянина в уездных городах. В Спасском уезде за полгода 4 таких выставки посетили 7,5 тыс. крестьян. В Имане выставку-музей, открытую в мае 1924 года, посетили 1700 крестьян [6].

Амурское выставочное бюро обращалось к крестьянам: *«Немало врагов у крестьянина: тощие урожаи, худая скотина, нищенский удой, сорные травы на межах, во ржи головня и другие вредители»* [7].

Выставки поднимали интерес к передовым приемам агротехники. Крестьяне получали консультации специалистов: агрономов, ветеринаров, землеустроителей. Такие выставки стали местом широкой культурно-просветительной работы. Население присутствовало на выставках не только в качестве пассивного наблюдателя, но и вовлекалось в обмен мнениями, в обсуждение вопросов о методах улучшения ведения хозяйства в условиях края.

Другой характер носили волостные и районные сельскохозяйственные выставки, где крестьяне демонстрировали свои достижения. Такие выставки становились средством широкого массового воздействия на крестьян. В 1924 году на Дальнем Востоке было проведено 9 районных сельхозвыставок, в 1925 — 18, в 1926 — 98. Число посетителей выставок увеличилось с 4 тыс. в 1925 году до 46,5 тыс. в 1926 году [8].

Отчеты губернских земельных управлений свидетельствуют об огромном интересе крестьян к выставкам. На некоторых производилась демонстрация осенних сельскохозяйственных работ с применением современной техники. Так, на Сретенской выставке в Забайкалье была показана работа полусложной молотилки и сепаратора, приведенных в движение электричеством, на Александро-Заводской выставке демонстрировалась работа трактора, приводившего в действие молотилку [9].

Это была одна из лучших форм агропропаганды, которая скоро дала и хозяйственный эффект. Несмотря на известную консервативность крестьян (не надо нас учить, как наши отцы и деды хозяйствовали, так и мы будем),

они показали свою восприимчивость к нововведениям, особенно к таким, полезность которых была очевидна и понятна.

Так, к протравливанию семян химическими средствами против грибковых заболеваний крестьяне относились подозрительно, поскольку очень боялись испортить посевной материал, и эта практика внедрялась в деревни довольно медленно. А новые приемы обработки почвы, улучшенные сельскохозяйственные орудия вызывали большой интерес. В 20-е годы наблюдается массовый переход крестьянских хозяйств к многопольным севооборотам [10].

Решением местных партийных комитетов сельским обществам, коллективным хозяйствам и отдельным крестьянам, пожелавшим перейти на правильные многопольные севообороты, в первую очередь проводились землеустроительные работы, предоставлялся льготный кредит на приобретение семян, инвентаря, вводились поощрения в виде скидки с сельхозналога или премирования [11].

Увеличивались посевные площади под техническими культурами. С 1924–1925 годов в дальневосточной деревне получили распространение опытно-показательные участки, целью которых являлись показ новых форм ведения полевого хозяйства, демонстрация улучшенных форм обработки земли, пропаганда новых культур (бобов, кукурузы и др.). Уже в середине 20-х годов посевные площади под бобами, кукурузой, чумизой, например, в Приморье выросли в 13 раз.

Опытно-показательные участки закладывались участковыми агрономами на крестьянских полях, при школах. На опытно-показательных полях семи- и восьмипольные севообороты, проводился ранний взмет пара, высевались лучшие сорта злаковых, технические культуры, кормовые травы и корнеплоды. В Забайкалье в 1925 было заложено 369 опытно-показательных участков [12]. Комиссия по обследованию приморской деревни в 1925 году отметила, что 30% середняцких хозяйств встали на путь земельных улучшений (удобрение полей, введение многопольных севооборотов и др.) [13].

Начали переходить на правильные севообороты крестьяне Амурской губернии. Но работникам земельных органов предстояло переломить инертность части беднейшего крестьянства, которое хозяйничало по старинке. Агропропаганда приобрела одно из главных мест в создании нового хозяйственного быта в деревне. В течение 1924 года в губерниях Дальнего Востока среди крестьян были проведены 451 лекция и беседы по вопросам агротехники, издано и распространено 13,5 тыс. экземпляров брошюр, листовок, плакатов, пропагандирующих борьбу с сельскохозяйственными вредителями, содержащих советы по обработке раннего пара и другим вопросам местного сельского хозяйства [14].

Широко освещались достижения сельскохозяйственной науки на страницах крестьянской прессы. Только в двух газетах «Забайкальский крестьянин» и «Забайкальская деревня» за один год были помещены 121 специальная статья по агропропаганде [15]. «Приморский крестьянин», «Амурская жизнь» в специальных разделах помещали материалы о развитии пчеловодства, возделывании риса, бобов, о борьбе с вредителями.

Важной формой распространения агротехнических знаний являлось создание при участковых агрономических пунктах сельскохозяйственных советов. В Циркуляре Наркомзема РСФСР от 26 января 1925 года об образовании участковых сельхозсоветов подчеркивалось, что «только таким путем можно выявить нужды и запросы населения, вовлечь крестьян в агроработу и обеспечить действительно массовое проведение агрономических мероприятий и планомерное воздействие на крестьянское хозяйство» [16].

Уездные и участковые сельхозсоветы стали опорными пунктами агропропаганды, помощниками агрономов. Крестьяне приинимали активное участие в деятельности сельскохозяйственных советов, что имело конкретное практическое значение.

Значительную помощь земельных органам в разработке и проведении агрономических мероприятий оказывали сельскохозяйственные курсы. Созданные при агроучастках, они призваны были, с одной стороны, ликвидировать сельскохозяйственную неграмотность крестьянства, распространять сельскохозяйственные знания, с другой — готовить специалистов для деревни. Прошедшие обучение на общих курсах по сельскому хозяйству в течение 1,5 месяцев, на курсах по полеводству, скотоводству, молочному хозяйству в течение 2–3 недель, получали возможность работать техниками по различным отраслям сельского хозяйства.

В Забайкальской губернии в 1924–1925 годах было проведено 25 сельскохозяйственных курсов, которые охватили 553 чел [17]. Среди крестьян курсы пользовались популярностью, хотя не всегда эти агропросветительские пункты располагали в достаточном количестве оборудованием, приборами, наглядными пособиями.

Массовую агрономическую работу с вовлечением крестьянства в активную хозяйственную деятельность земельные органы осуществляли и через сельскохозяйственные кружки. В 1926 году в Приморской губернии вели агропросветительскую работу 47 кружков [18]. К концу 20-х годов в 500 агрономических кружках участвовало свыше 10 тыс. крестьян [19].

Популярной среди крестьян формой агропропаганды являлись праздники «День урожая», проводившиеся осенью во всех крупных селениях и волостных центрах. К этому дню, как правило, приурочивали и сельскохозяйственные выставки. Специальные комиссии из представителей партийных, советских и земельных органов готовили этот праздник. О масштабе и характере массовой работы, проводимой в «Дни урожая», говорят данные по Амурской губернии. В 1925 году во время проведения «Дня урожая» были проведены 17 митингов, прочитаны 34 доклада, показаны 16 спектаклей, 12 устных журналов, 3 агитсуда [20]. Агитационные суды над плохими хозяевами проходили в Домах крестьянина при переполненных залах. В театрализованных судах участвовали местные актеры, члены агитационно-пропагандистских бригад. В мае 1927 года на совещании Агитпропа ЦКВКП(б) было рекомендовано «всесторонне использовать театры в деле культурно-бытового и хозяйственного просвещения деревни» [21].

В Домах крестьянина показывали пьесы не только классические, но и бытовые, кооперативные, агрономические. Особенным успехом пользовались пьесы некоего Дмитриевича «Смерть засухе», «Подавай землеустройство»,

«Где машина — нет кручины». В художественных образах, частью реальных, частью вымышленных фигур показывалась неприглядная крестьянская действительность со всеми ее спутниками:

— безграмотностью, земельной неустроенностью, плохой техникой, кулацкой кабалой. В противовес им были выведены положительные типы;
— помощники рационального ведения хозяйства — ранний пар, технические растения, кооперация. В отчетах местных отделов Агитпропа отмечается то воодушевление, тот энтузиазм, с которым крестьянская аудитория встречала пьесы, где кукуруза, подсолнух, рис, корова играли первые роли, где свинья упрекала своего хозяина за «свинское» к ней, «порядочной» свинье, отношение.

Пользовалась успехом и пьеса Кукушкина «Революция, так везде революция», лейтмотивом в которой проходила мысль о необходимости революции в сельском хозяйстве, хозяйстве каждого крестьянина [22].

Определенное значение для повышения культуры земледелия имело материальное поощрение крестьян, улучшающих свое хозяйство. Во всех губерниях Дальнего Востока, несмотря на неограниченность средств, в 1924 году действовали постановления губисполкомов советов о премировании крестьянских хозяйств за внедрение передовых способов ведения земледелия и животноводства [23].

Наркомзем РСФСР выделил местным земельным управлениям специальные фонды для поощрения, что стало мощным орудием воздействия на рациональное развитие местного сельского хозяйства. В 1924–1925 сельскохозяйственном году земельные органы Дальнего Востока израсходовали свыше 106 тыс. рублей на премии за улучшенные приемы хозяйствования [24].

Ликвидация агрономической неграмотности крестьянства наряду с ликвидацией письменной неграмотности признавались делом особой государственной важности. Состояние агропропаганды в крае обсуждалось на заседаниях секретариата Далькрайкома ВКП(б), начиная с 1927 года ежеквартально.

Отмечались достижения: рост численности агроперсонала в деревне, новые формы агропропаганды (крестьянские экскурсии, селькоры, коллективные опыты). В качестве недостатков агропросветительской работы назывались «скудность оборудования агроучастков, низкий уровень квалификации агроперсонала, слабое использование в агропропаганде просветительских учреждений края» [25].

Большая роль в подготовке специалистов для сельского хозяйства Дальнего Востока отводилась агрономическому (затем — сельского и лесного хозяйства) факультету Государственного Дальневосточного университета, Никольск-Уссурийскому сельскохозяйственному техникуму. Из года в год увеличивалась численность агрономов в земельных органах края. В 1926 году в селах работали 87 агрономов [26]. Это, конечно, не закрывало потребностей всех волостей (а их в крае было 96). Но рост сети агрономических участков почти в 9 раз говорит сам за себя. Уменьшилось число сел и крестьянских хозяйств, обслуживаемых одним агрономом, что, естественно, повысило эффективность агрокультурной работы. Но нагрузка оставалась еще значительной (один агроном обслуживал 2 290 крестьянских хозяйств) [27] и в дальнейшем расширение сети агроучастков было продолжено.

Однако в организации агрокультурной работы с середины 20-х годов все больше усиливается ее классовая направленность. В обращении к деревенским партячейкам Приморский губком РРКП(б) подчеркивал: *«Надо в противовес кулацким хозяйствам, которые в большинстве культурнее бедняцких и середняцких, организовать деревенскую бедноту и лучших середняков на борьбу с засильем кулака в области ведения сельского хозяйства, чем он пользуется, чтобы давить бедноту»* [28]. Государственное регулирование индивидуального производства экономическими методами во второй половине 20-х годов все активнее заменялось политическими, административными. Рост сельского хозяйства, начавшийся на Дальнем Востоке в 1926 году, обусловленный во многом подъемом культуры крестьянских хозяйств, не был закреплен в дальнейшем. В высших органах власти развернулась борьба за выбор аграрной политики. Решения Пленума ЦК ВКП(б) «О работе в деревне по поднятию урожайности» от 15 декабря 1928 года стали последними, представлявшими собой программу мер по массовому внедрению «агроминимума» в крестьянские хозяйства без их форсированной коллективизации.

В этих документах был заложен совсем другой вариант аграрной политики, за которым стояли широкие круги агрономии, вобравшие цвет русской сельскохозяйственной науки.

Примечания:

1. *РГАЭ. Ф. 478. Оп. 58. Д. 459. Л. 11.*
2. ***Брянский А. М.*** *Крестьянское хозяйство дальневосточной области в переволюционный период//Статистический бюллетень. 1925. № 11-12. С. 98*
3. *Отчет Наркомзема РСФСР XI съезд Советов за 1923 г. М. 1924. С. 8.*
4. *РЦХИДНИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 829. Л. 67*
5. *РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп 16. Д. 211. Л. 183*
6. *РГИАДВ. Ф. Р. –2073. Оп. 1 Д. 4. Л. 24*
7. *РГАЭ. Ф. 4778. Оп. 58. Д. 312. Л. 129*
8. *РГИАДВ. Ф. Р. 2436. Оп. 1. Д. 276. Л. 31*
9. *РГАЭ. Ф. 478. Оп 58. Д. 312. Л. 129*
10. *Отчет Наркомзема РСФСР XII съезду Советов. М. 1925. С. 174.*
11. *РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 203. Л. 39 Об.*
12. *Там же. Д. 216. Л. 88.*
13. *Там же. Д. 223. Л. 37.*
14. *Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 829. Л. 30.*
15. *ГРАЭ. Ф. 478. Оп. 58. Д. 312. Л. 132*
16. *РГИАДВ. Ф. Р. 1859. Оп. 2. Д. 91. Л. 88.*
17. *РГАЭ. Ф. 478. Оп. 58. Д. 312. Л. 116.*
18. *Красное Знамя. 1926. 9 октября.*

19. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 7. Д. 25. Л. 150.
20. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2611. Л. 205.
21. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 7. Д. 5. Л. 225.
22. Там же. Л. 226.
23. ГРАЭ. Ф. 478. Оп. 58. Д. 311. Л. 87.
24. Отчет Наркомзема РСФСР XII съезду Советов. М. 1925. С. 184.
25. ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 51. Л. 126.
26. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 7. Д. 25. Л. 148.
27. Три года советского строительства в Дальневосточном крае. Хабаровск. 1926. С. 94.
28. ГАПК. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1 «б». Л. 8.

А. А. КИРЕЕВ (ВЛАДИВОСТОК)

УССУРИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Среди всех предметных областей истории уссурийского казачества ее политические аспекты разрабатываются в последнее время наиболее интенсивно. Прежде всего это относится к двум переломным для нашей страны историческим периодам — годам революции и гражданской войны и эпохе перестроечных и постперестроечных реформ. Значительно менее полны наши знания о политической жизни уссурийцев в условиях стабильных политических режимов царской и советской России. Между тем уже к концу XIX века развитие и укрепление местного казачьего общества в качестве самостоятельного социально-сословного, административно-территориального, военного и хозяйственного образования привели к его превращению в заметную политическую величину в масштабе всего дальневосточного региона.

Одним из следствий создания в 1884 году приамурского генерал-губернаторства стало заметное повышение интенсивности и регулярности управленческой работы дальневосточной администрации в отношении казачества. Особым вниманием к казачьему вопросу известны два первых губернатора Приамурья — А. Н. Корф и С. М. Духовской. Еще в 1886 году Корф выступил с предложением о выделении уссурийцев в отдельное войско. Во многом благодаря его усилиям тремя годами позднее этот проект был высочайше утвержден. В результате уссурийское казачество получило те же, пусть и ограниченные, возможности представительства своих интересов, которые ранее были предоставлены амурским казакам. Следующим важнейшим для истории уссурийского казачьего войска,

и по своим масштабам и последствиям, безусловно, политическим, решением местной власти стал т. н. «отвод Духовского» в 1894 году. «Отвод» превратил войско в крупнейшего на Дальнем Востоке после казны фактического владельца земельных угодий.

Упомянутые меры, конечно, не были продиктованы бескорыстной заботой о благоустройстве казачьего населения. За ними стояли, прежде всего, соображения обеспечения военной безопасности и административного порядка на приграничной территории. Впрочем, нельзя исключать и того, что одним из факторов принятия этих решений была позиция верхушки местного казачьего общества, в первую очередь, офицерства и чиновничества. Как бы то ни было, предпринятые Корфом и Духовским шаги объективно способствовали повышению политической активности уссурийского казачества и общей политизации казачьего вопроса на Дальнем Востоке.

Уже вскоре после осуществления «отвода Духовского» в правительственных кругах начали выражать обеспокоенность состоянием казачьего землеустройства и его возможным влиянием на колонизацию Дальнего Востока. Недовольство наличным состоянием земельного дела в Приамурье было характерно, прежде всего, для ведомств экономического блока, оппонентами которых нередко выступали «силовые» министерства, особенное военное. На местном уровне основное противоборство шло между крестьянскими начальниками и переселенческими чиновниками, с одной стороны, и войсковой администрацией, — с другой. Основанием же этой пирамиды служили периодические земельные споры и столкновения соседящих крестьянских и казачьих общин.

Роль наиболее последовательного, постоянного и инициативного защитника казачьего землевладения в этом сложном конфликте, безусловно, играло войсковое правление уссурийского казачьего войска. Участие его представителей в работе разного рода комиссий по вопросам местного землеустройства можно проследить, по крайней мере, с 1901 года. Примерно с этого же момента многочисленными обращениями войсковая верхушка пытается повлиять на позицию приамурской администрации. По-видимому, во многом под давлением войскового правления в июне 1907 года генерал-губернатор приостановил переселение крестьян в Приморскую область. Еще более тесные отношения связывали правление уссурийского казачьего войска с военными губернаторами Приморья. Многие из последних выступали как покровители уссурийского казачества, неизменно отстаивавшие его экономические интересы в ведомственной борьбе.

В 1909–1910 годах правительство твердо встало на путь расширения крестьянской колонизации дальневосточного региона за счет планомерного сокращения владений местного казачества. Важнейшим юридическим воплощением этого внутриполитического курса стал известный закон от 3 апреля 1910 года, предоставивший крестьянам право селиться на незанятых еще землях «отвода Духовского». Этот же акт обязывал земледельческое и военное ведомства начать работу по окончательному определению наделов амурскому казачьему войску и уссурийскому казачьему войску и по передаче казачьих лесов в ведение казны.

19. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 7. Д. 25. Л. 150.
20. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2611. Л. 205.
21. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 7. Д. 5. Л. 225.
22. Там же. Л. 226.
23. ГРАЭ. Ф. 478. Оп. 58. Д. 311. Л. 87.
24. Отчет Наркомзема РСФСР XII съезду Советов. М. 1925. С. 184.
25. ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 51. Л. 126.
26. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 7. Д. 25. Л. 148.
27. Три года советского строительства в Дальневосточном крае. Хабаровск. 1926. С. 94.
28. ГАПК. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1 «б». Л. 8.

А. А. КИРЕЕВ (ВЛАДИВОСТОК)

УССУРИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Среди всех предметных областей истории уссурийского казачества ее политические аспекты разрабатываются в последнее время наиболее интенсивно. Прежде всего это относится к двум переломным для нашей страны историческим периодам — годам революции и гражданской войны и эпохе перестроечных и постперестроечных реформ. Значительно менее полны наши знания о политической жизни уссурийцев в условиях стабильных политических режимов царской и советской России. Между тем уже к концу XIX века развитие и укрепление местного казачьего общества в качестве самостоятельного социально-сословного, административно-территориального, военного и хозяйственного образования привели к его превращению в заметную политическую величину в масштабе всего дальневосточного региона.

Одним из следствий создания в 1884 году приамурского генерал-губернаторства стало заметное повышение интенсивности и регулярности управленческой работы дальневосточной администрации в отношении казачества. Особым вниманием к казачьему вопросу известны два первых губернатора Приамурья — А. Н. Корф и С. М. Духовской. Еще в 1886 году Корф выступил с предложением о выделении уссурийцев в отдельное войско. Во многом благодаря его усилиям тремя годами позднее этот проект был высочайше утвержден. В результате уссурийское казачество получило те же, пусть и ограниченные, возможности представительства своих интересов, которые ранее были предоставлены амурским казакам. Следующим важнейшим для истории уссурийского казачьего войска,

и по своим масштабам и последствиям, безусловно, политическим, решением местной власти стал т. н. «отвод Духовского» в 1894 году. «Отвод» превратил войско в крупнейшего на Дальнем Востоке после казны фактического владельца земельных угодий.

Упомянутые меры, конечно, не были продиктованы бескорыстной заботой о благоустройстве казачьего населения. За ними стояли, прежде всего, соображения обеспечения военной безопасности и административного порядка на приграничной территории. Впрочем, нельзя исключать и того, что одним из факторов принятия этих решений была позиция верхушки местного казачьего общества, в первую очередь, офицерства и чиновничества. Как бы то ни было, предпринятые Корфом и Духовским шаги объективно способствовали повышению политической активности уссурийского казачества и общей политизации казачьего вопроса на Дальнем Востоке.

Уже вскоре после осуществления «отвода Духовского» в правительственных кругах начали выражать обеспокоенность состоянием казачьего землеустройства и его возможным влиянием на колонизацию Дальнего Востока. Недовольство наличным состоянием земельного дела в Приамурье было характерно, прежде всего, для ведомств экономического блока, оппонентами которых нередко выступали «силовые» министерства, особенное военное. На местном уровне основное противоборство шло между крестьянскими начальниками и переселенческими чиновниками, с одной стороны, и войсковой администрацией, — с другой. Основанием же этой пирамиды служили периодические земельные споры и столкновения соседящих крестьянских и казачьих общин.

Роль наиболее последовательного, постоянного и инициативного защитника казачьего землевладения в этом сложном конфликте, безусловно, играло войсковое правление уссурийского казачьего войска. Участие его представителей в работе разного рода комиссий по вопросам местного землеустройства можно проследить, по крайней мере, с 1901 года. Примерно с этого же момента многочисленными обращениями войсковая верхушка пытается повлиять на позицию приамурской администрации. По-видимому, во многом под давлением войскового правления в июне 1907 года генерал-губернатор приостановил переселение крестьян в Приморскую область. Еще более тесные отношения связывали правление уссурийского казачьего войска с военными губернаторами Приморья. Многие из последних выступали как покровители уссурийского казачества, неизменно отстаивавшие его экономические интересы в ведомственной борьбе.

В 1909–1910 годах правительство твердо встало на путь расширения крестьянской колонизации дальневосточного региона за счет планомерного сокращения владений местного казачества. Важнейшим юридическим воплощением этого внутриполитического курса стал известный закон от 3 апреля 1910 года, предоставивший крестьянам право селиться на незанятых еще землях «отвода Духовского». Этот же акт обязывал земледельческое и военное ведомства начать работу по окончательному определению наделов амурскому казачьему войску и уссурийскому казачьему войску и по передаче казачьих лесов в ведение казны.

Из всех намеченных целей правительство по существу успело достичь только одной: в январе 1914 года была завершена передача в казну лесных угодий уссурийского казачьего войска. Что же касается отграничения казачьих земель и предоставления оставшихся за их пределами территорий «отвода» для крестьянского заселения, то, несмотря на все усилия центра, в ходе различных совещаний на краевом и областном уровнях войсковому правлению уссурийского казачьего войска удалось приостановить практическое осуществление этих решений. Выделение участков переселенцам было заблокировано вплоть до разработки приемлемого для казаков проекта землеустройства войска.

Земельная проблема была не единственным мотивом, вовлекавшим уссурийское казачество в политическую деятельность. Другим предметом недовольства казаков, причем на сей раз не столько элиты, сколько массы рядовых станичников, являлся их сословно-правовой статус. Спорадические проявления протеста уссурийцев против произвола властей имели место еще в 70-е годы XIX в. Однако особую остроту и масштаб они приобрели с середины 90-х годов, в связи с началом переселения в Приморье представителей казачьих обществ европейской России. Добиваясь права самостоятельного выбора места жительства, переселенцы порой вынуждали власти подкреплять свои приказы применением вооруженной силы. В первое десятилетие XX века идея ликвидации сословного неполноправия казаков получает определенную поддержку и у войсковой верхушки. С этой идеей была тесно связана задача расширения казачьего самоуправления, которая, по свидетельству депутата амурского казачьего войска и уссурийского казачьего войска в III Думе Н. А. Манькова, интересовала казаков не меньше, чем вопрос о земле.

Не следует игнорировать политического потенциала и социальных противоречий в казачьей среде. Хотя значимость этих противоречий по сравнению с конфликтогенностью сословных отношений казаков с государством и крестьянским населением была не так велика, последствия развития капитализма в российской деревне не обошли казачество стороной. Кроме того, особое общественное положение еще не могло изолировать казачество от наполненной политическим электричеством общей атмосферы предреволюционной России, от охвативших русское общество процессов разложения патриархальных основ массового сознания.

Таким образом, к 1917 году уссурийское казачество подошло в качестве вполне сложившегося политического субъекта с уже определенным кругом актуальных проблем и общих интересов, с немалым, и по большей части негативным, опытом различных форм политической деятельности. Не преуменьшая роли классовых факторов в жизни уссурийского казачества, объективно подрывавших его единство и разводивших его представителей по лагерям иных социальных сил, следует учитывать и то, что казаки оставались носителями и собственной политической мотивации, самодовлеющих политических традиций и ценностей.

С. А. ХОХРЯКОВ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИМОРЬЯ В ТОПОНИМИКЕ ЛАЗОВСКОГО РАЙОНА

Материалом для подготовки данной статьи послужили сведения, которые собрали сотрудники Экоцентра Лазовского заповедника по истории освоения современной территории Лазовского района. Первоначально собирался опросный материал по топонимике нашего Лазовского района — откуда произошли всем нам известные названия сел, сопок, ключей, урочищ и долин. Ходили по домам, записывали воспоминания старожилов, подняли архивы. Сложилась рукопись. И эти записи — результат работы очень многих людей, можно сказать «написано всем миром». Кто из нас не помнит небольшие школьные тетради, альбомы по истории, дневники, путевые заметки. Мы постарались найти хоть некоторые их них. Как много утеряно и уже невозможно восстановить. Но по мере накопления данных, знакомства с архивами и воспоминаниями старожилов, мы сами с удивлением и болью обнаружили, что почти не знаем своей собственной истории. Что она удивительно прекрасна, очень яркая, динамичная. В ней много героических, трагичных и трогательных событий. И тогда мы просто стали собирать все, что связано с историей нашего Лазовского района от удивительных древних рудокопов Валентиновского перешейка, опередивших Европу на 13 веков, талантливых металлургов-бохайцев, непокорных и свободолюбивых чжурчженей, отчаянных казаков-первопроходцев, неутомимых исследователей-естествоиспытателей до наших первопоселенцев, совсем не предполагая в дальнейшем для широкой публикации. И как мы были счастливы, когда узнали, что эта информация нужна всем жителям района, что ее оказывается давно ждут.

Потом подключились настоящие историки, музейные и архивные фонды, библиотеки, общества… Спасибо всем, кто собирал эти сведения раньше, кто по крупицам искал сейчас, кто продолжит эту работу после нас. Наш «народный учебник истории» хранится в компьютерах, переходит из рук в руки в виде отпечатанных глав, страницы из него частично публиковались в газете, звучали на вечерах и встречах. Мы очень верим, что когда-нибудь он будет книгой в каждом доме Лазовского района.

В топонимах Лазовского района ярко прослеживается вся круговерть исторических событий, которые прокатилась по данной территории с момента ее открытия и освоения. При этом в географических названиях населением активно используются все три основные группы — современные (обозначенные на современных географических картах), исторические (обозначенные на географических картах до широкомасштабного переименования 1972 года) и местные (отсутствующие на любых картах, но памятные для населения в силу каких-то

исторических событий в прошлом и зачастую уже не имеющие объяснений своего происхождения). Поэтому одно и то же место имеет порой 3–4 названия. К примеру, гора Большеречинская — она же Таухинская, она же Алтай, она же Урал. И каждое из этих названий отражает целый исторический период района.

В целом имеет смысл начать с исконно исторических названий, дошедших до нас от коренного населения Приморья — дючеров, орочей и удэгейцев (тазов), гольдов, а также китайских отходников, первопоселенцев из Кореи. Сейчас уже трудно сказать, корни какого языка содержат в себе те или иные названия, возможно, сохранилось влияние всех наций и народностей, когда-либо проживающих на этой территории. К таким названиям относим наименования рек, сопок, долин, имеющих в своем слове числительные, например: «Сань» (третий), направление относительно сторон света — «Синь» (запад), размерные характеристики — «Да» (большой), «Сяо» (малый), добавки — «хэ» (река), «гоу» (падь), «шань» (гора), «ча», «ца» (приток, развилка) и какие-то характерные особенности. К примеру, Судзухэ (Шу-узухэ) — река кедрового леса, Вангоу — извилистая долина и т. д.

Конечно, не все названия правильно запоминались первопоселенцами района в конце XIX — начале XX веков на слух, путались отдельные буквы, окончания, передавались друг другу в искаженном варианте, либо просто применялись в удобном произношении. Так, например, современное название небольшого озера Селюшино (изначально упоминающееся в архивах как «Сялушин»), предположительно, имело в прошлом название, начинающееся на «Сяо…» (малый).

Поэтому не удивительно, что для простоты общения у переселенцев появились собственные названия, в основном по фамилиям или именам хозяев отдельных хуторов. Это еще одна большая группа топонимов, значительная часть из которых сохранилась на современной карте, но об этом ниже.

Согласно исторической последовательности, следующая большая группа топонимов связана с экспедицией 1960 года под руководством подполковника корпуса флотских штурманов В. М. Бабкина на шхуне «Восток» (командир лейтенант П. Л. Овсянкин). Именно ими впервые обследовано и описано морское побережье Лазовского района, сделаны промеры глубин и течений, названы и нанесены на карту острова, мысы и бухты. Свои названия они получили в основном по фамилиям членов команды данной экспедиции — мысы Овсянкина, Силина, остров Орехова, сподвижников Невельского в Амурской экспедиции — мыс Разградского, остров Петрова, других морских офицеров-исследователей дальневосточных морей — мысы Оларовского, Белявского, остров Бельцова. Часть названий была дана по церковным праздникам — бухты Святого Успения, Святого Преображения, Святого Валентина, Святого Евстафия (впоследствии первая часть названий убрана).

Освоение Лазовского района переселенцами из-за труднодоступности территории осуществлялось в основном после 1898 года — сначала морское побережье, позднее континентальная часть. Более активно процесс пошел после открытия в 1903 году сквозного железнодорожного сообщения с европейской части России во Владивосток. Согласно данным переписи, уже в 1915 году на данной территории насчитывалось 56 населенных пунктов: из них 10 сел, 3 поселка, 42 хутора и 126 заи-

мок, приписанных к селам и поселкам. И именно в этот период происходит бурный рост числа географических названий, большая часть из которых сохранилась в современном обиходе. В первую очередь это коснулось названий ключей, распадков, долин, где переселенцы расположили свои хутора. Эти названия отражали чаще фамилию главы семьи (падь Величкина, Ганзюка, ключи Власовский, Казаков, Дудковского) или его имя (ключи Герасимов, Марков, Парамоновский, падь Серафимова), реже прозвища (ключ Сычевский). Некоторые урочища стали носить названия целых населенных пунктов, впоследствии исчезнувших по разным причинам — Ивановка, Звездочка, Батюки, Добровольное.

Безусловно, как и в целом по Приморью, многие названия несли в себе информацию в память о родных местах переселенцев — с. Киевка, с. Кишиневка, с. Сокольчи, д. Латвия, падь Днепровская. При этом многие претерпевали многократное переименование — с. Лазо (Мономахова Слободка, Вангоу), с. Киевка (Поселение Киев), с. Старая Каменка (Корейская Каменка).

Отдельные названия сохранили различные исторические события для переселенцев — паль Горелая (сильный лесной пожар 1911 г.), ключ Печной (здесь стояла большая печь, в которой пекли хлеб для заключенных Дальлага), «Тайвань» (поселение китайцев, работавших на переработке йода), падь Маслобойная (место работы маслобойни колхоза «1 Мая») и др. Происхождение некоторых из них уже никто не может объяснить (м. Бомбовоз, г. Календарь), а в отношении других существует столько легенд, что определить истину очень сложно. К сожалению, осталась большая группа топонимов, происхождение которых к настоящему времени так и не выяснено.

В период гражданской войны в Приморье, на территории Лазовского района в течение 5 лет активно действовали несколько партизанских отрядов. Согласно дошедших до наших дней дневников И. Поволоцкого, после окончания военных действий была попытка переименования многих гор, рек в честь участников этих событий. Но, очевидно, искусственное введение названий не пришлось по душе местным жителям. Тем более, что партизанское движение было поддержано не всеми, а последующая коллективизация встретила яростное сопротивление и репрессии. Лишь на короткий период появляются в названиях приставки «красный» — Красный Оленевод, Красный Валентин.

Особо хочется выделить небольшую группу топонимов, связанную с фамилиями научных исследователей и первооткрывателей дальневосточной тайги — ключи Абрамова, Капланова, Формозова, хребет Пржевальского, а также в память о Великой Отечественной войне — бухты Каплунова, Цукановой. Несколько местных названий осталось в память о периоде строительства районной дорожной сети в 60-х годах. В основном это номера бывших дорожных участков («Девятка») или из числа «курьезов» — урочище Киринтон, по единственной найденной версии, получило свое название по надписи «Киринтон» на вагончике дорожных строителей. Что означала эта надпись — не выяснено.

Из 486 физико-географических объектов Приморского края, переименованных в 1972 году, 74 названия с территории Лазовского района. Это тяжелый

и горестный период нашей истории, когда появились безликие названия рек Прямушка, Быструшка, Перекатная, «номерные» ключи — Второй, Третий, Четвертый или по неизвестному принципу выделенные как Кривая, Прямая, Длинный, Короткий и т. п. При этом в одном районе стало три ключа Чертовых, по два Чащевитых, Поперечных, Глубоких, Сухих, Медвежьих и еще очень многих. Совсем не объяснимо появление для Приморского края названия реки Мараловка. При этом на карте появились двойные названия одного и того же места, вносящие дополнительную путаницу — ключ Лянгуев бежит по пади Папоротниковая и т. д. Неизвестно, на каком историческом этапе в нескольких именных топонимах появились «опечатки» — замена отдельных букв. К примеру, ключ Башуровский назван по фамилии Башарова, начальника почтового стана, который стоял на месте будущего с. Беневское, падь Долбнева — по фамилии ссыльно-переселенца из Польши Антона Довбня, ключ Еломовский — по фамилии китайца Еламова (кстати, население использует название, как ключ Еламовский), падь Катюкова — по фамилии хуторянина Качук, и список этот длинный.

Надо сказать, что еще остается не раскрытым целый пласт из исторических названий улиц, переулков и даже отдельных зданий населенных пунктов района, которые так же дополняют и раскрывают новые страницы прошлого и настоящего.

Немногим поколениям человечества выпала честь не только вершить историю, но и увековечивать свои имена на географических картах. Бытует мнение, что это удел очень давних событий, а ведь самому «старому» селу в Лазовском районе всего 100 лет. И на этой карте, как в зеркале отражается все, что здесь происходило — столыпинские вагоны, каторжный труд, революция, гражданская война, коллективизация, репрессии, опять война, восстановление…

С. Э. КИМ (ВЛАДИВОСТОК)

ИСТОРИЯ АЗИАТСКИХ ДИАСПОР ВЛАДИВОСТОКА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

История азиатских диаспор во Владивостоке начинается вместе с основанием воинского поста в бухте Золотой Рог. Здесь возник сезонный рынок по продаже морской капусты, морепродуктов и женьшеня. Каждый год во Владивостоке собирались сезонные торговцы из Китая, рыбаки и «корневщики». С окончанием навигации они уходили из города.

Оседлое китайское население существовало в виде нескольких крестьянских хозяйств, расположенных вблизи поста. Со временем китайские купцы обосновались во Владивостоке для скупки пушнины и золота и начали ввоз товаров,

предназначенных для китайского населения города, занятого в строительстве, городском хозяйстве и других работах.

Корейская диаспора образовалась во Владивостоке с официального согласия русских властей, когда в результате голода в Корее 1862 и 1865 годов тысячи корейцев переселились в Приморье. Они были расселены на южных землях Приморья. Русская Администрация предполагала, что эта группа населения займется развитием сельского хозяйства на неосвоенных землях Дальнего Востока.

В результате строительства Транссиба, в 1891 году во Владивостоке в три раза увеличилось число проживающего в нем азиатского населения. В основном это были рабочие, нанятые на строительство железной дороги и коммерческого порта.

Японская диаспора возникла во Владивостоке после 1890 года, когда русские агенты вербовали в Японии бригады землекопов для строительства Транссиба. Вслед за ними во Владивосток в поисках заработка приезжали многочисленные парикмахеры, фотографы, прислуга, ремесленники. Японские коммерсанты были наиболее состоятельными из азиатских купцов и вели в городе широкую торговлю тканями, посудой, ремесленными изделиями, обувью и т. д.

По переписи 1897 года, «…население возросло до 28 933 душ обоего пола (24 433 муж. и 4 500 жен.). Преобладающий элемент — военное сословие: до 12 000 человек и иностранные подданные: китайцы, корейцы, японцы 12 577 (11 621 муж. и 956 жен.). Летом, в период навигации, население города значительно увеличивается (до 10 000 человек), в особенности наплывом инородцев: китайцев — рабочих из Чифу и японцев — торговцев и ремесленников».

Современники справедливо отмечали, что во Владивостоке оптовой торговлей занимались преимущественно европейские коммерсанты, а вся розничная торговля находится в руках азиатских торговцев.

На работах в порту, на железной дороге, в рыбообработке были заняты преимущественно китайцы. Поденная плата была для неквалифицированного китайского труда 25–15 коп. в сутки, в то время как русскому рабочему необходимо было платить до 80 копеек. Русские рабочие в городе не задерживались. Не в силах конкурировать с дешевым китайским трудом они впадали в нищету и уезжали в Россию.

С 1 января 1912 года Советом Министров было решено запретить наем иностранных рабочих на казенные стройки. Начиная с 1910 года, Русское правительство предпринимало попытки снизить «желтую опасность на Дальнем Востоке». Однако функционирование всей экономики Владивостока основывалась на использовании азиатского труда, что приносило большие прибыли, нежели при найме русских рабочих.

Это способствовало сильному социальному расслоению городского населения. С одной стороны, бесправное азиатское население. С другой стороны, процветающая социальная верхушка Владивостока, которая представляла симбиоз чинов городской и военной администрации, русских и европейских купцов и промышленников, связанных общими экономическими интересами.

В результате социальной структуры Владивосток сформировался как крупный город-колония по типу «белых городов» в британской Ост-Индии или

голландских колоний в Индокитае. В центральных кварталах Владивостока вдоль берега Золотого Рога проживала наиболее состоятельная часть горожан. Жилые анклавы азиатского населения разместились на окраинах города.

В связи с нехваткой во Владивостоке свободных участков под застройку, особой остроты проблема жилья достигла в нескольких кварталах, где проживало азиатское население Владивостока, получивших название «Миллионка». Плотность населения в них никто точно не мог подсчитать, так как многие китайцы жили в городе нелегально.

В зданиях на «Миллионке» располагались так называемые «азиатские квартиры», точнее небольшие клетушки в несколько ярусов в низкой комнате, достаточные для одного лежащего человека. На первых этажах в этих домах располагались китайские театры, игровые притоны, публичные дома, опиокурильни.

Культурный вакуум, характерный для Владивостокской жизни в конце XIX столетия, заполнялся интересом к изучению культуры соседних государств. *«Что же делал народ Владивостокский? Он ходил на представления проезжающих акробатов и фокусников, смотрел китайские представления, которые совершались в то время прямо на площадях, на открытых подмостках, любовался китайскими праздниками, когда сыны Небесной империи по городу своего Дракона носили или проходили процессиями на ходулях»* — читаем мы в «Кратком историческом очерке Владивостока» Н. П. Матвеева.

Китайская культура пользовалась успехом не только у простонародья, но и в образованной части русского населения Владивостока. Многие представители Владивостокской интеллигенции занимались изучением этнографии, истории и культуры стран и народов Дальнего Востока, коллекционировали произведения исскуства.

В архитектуре Владивостока это вылилось в попытки сочетать казенный «кирпичный стиль» с архитектурными орнаментами и стилизованными элементами восточной архитектуры. Так в 1908 году было построено здание клуба «Лотос» (ул. Алеутская 22, арх. А. К. Гольденштедт), где выступали танцовщицы из Китая, еще раньше в районе «Миллионки» было построено деревянное здание Китайского театра, где выступали труппы артистов традиционного китайского театра.

В архитектуре китайских и корейских построек Владивостока проявляются элементы, традиционные для национальной архитектуры, силуэтные аттики в виде пагоды. В китайских постройках силуэт аттиков более геометричен, что характерно для пагод Маньчжурии и Северного Китая. Аттики корейских домов более декоративны.

Японская культура в начале XX столетия была чрезвычайно восприимчива ко всем культурным влияниям извне. «Русский стиль» неожиданно появляется в архитектуре Токийского железнодорожного вокзала. Здание японского консульства решено в духе «ампирной» классики. Во Владивостоке японские подданные построили несколько доходных зданий, сочетавшие в своей архитектуре приемы неожиданного использования русской эклектики в традиционных для архитектуры Японии мотивов.

В начале Русско-японской войны всему японскому населению Владивостока было предписано выехать в Японию. После окончания войны часть японского населения вернулась во Владивосток, но его экономическое влияние в городе было уже подорвано.

В 1904 году азиатское население было выселено в отдельную Китайско-корейскую слободу. Однако к 1906 году азиатские кварталы в Куперовой Пади планировочно сомкнулись с центральными кварталами города и здесь стало селиться европейское население. Корейско-китайскую слободу перенесли в район Первой Речки.

В слободках существовали буддийские храмы. Второй, по количеству прихожан, религии. В связи с переносом Китайско-корейской слободы в новые районы города кумирни заново перестраивались несколько раз. Сохранилось лишь несколько их фотографий.

А. И. ПЕТРОВ (ВЛАДИВОСТОК)

КОРЕЙЦЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУР: 1860-ые — 1917 ГОДА

В последнее время мировое общественное мнение все больше проявляет интерес к Корее, к ее истории и культуре. Поразительный прогресс, достигнутый Южной Кореей в различных областях социально-экономической жизни, вызвал восхищение у многих народов мира, привлек их пристальное внимание к прошлому и настоящему этой небольшой страны. Именно благодаря своему быстрому экономическому и демократическому развитию Корея заняла достойное место в мировом сообществе.

На наш взгляд, достижения Кореи стали закономерным результатом того, что жизнестойкий и трудолюбивый корейский народ сумел сохранить свою традиционную культуру, развивая и приводя свои культурные ценности в полное соответствие с потребностями сегодняшнего дня. При этом корейцы заимствовали те достижения мировой культуры, которые в той или иной мере отвечали потребностям развития их экономики и общества. Не вызывает сомнений то, что такое взаимодействие культур является ключом к процветающей жизни любого государства и любого народа.

Когда Уссурийский край стал российским, здесь начала формироваться корейская община в широком смысле этого слова. Она постепенно росла. К моменту Октябрьской революции 1917 года не менее 90 тыс. корейцев проживали

в различных частях России, главным образом в Приамурском генерал-губернаторстве или просто Приамурском крае, как его часто называли неофициально.

В рассматриваемый период между стремлением местной администрации в рамках государственной политики как можно быстрее заселить дальневосточный край русскими людьми, с одной стороны, и переселением корейцев в Приамурский край на постоянное жительство, а также временной корейской иммиграцией в Россию, с другой стороны, особой остроты не было. Определенные противоречия стали возникать в конце 90-х годов XIX века, когда русскоподданным корейцам начали официально отводить земельные наделы по 15 десятин на один двор (на одну семью). Этим мероприятием был в основном положен конец бесконтрольному землепользованию корейцев российского Дальнего Востока.

Иммиграция корейцев продолжалась и после революции, поэтому корейская диаспора за счет прилива новых иммигрантов, а также благодаря естественному приросту увеличивалась в численном отношении на Дальнем Востоке довольно быстро. Сталинский режим, провозглашая пролетарский интернационализм, в то же самое время собирал компрометирующие материалы о корейцах в связи с враждебными отношениями между Россией и Японией. В 1937 году все корейцы Советского Дальнего Востока были в принудительном порядке выселены в республики Средней Азии и Казахстан.

В соответствии с официальными данными общей переписи населения 1989 года, в Российской Федерации проживало 107 051 этнический кореец. Остальная часть корейцев проживала в других республиках Советского Союза, главным образом в среднеазиатских республиках и Казахстане. Всех российских корейцев можно было бы на момент переписи условно разделить на три группы. Первая группа в 39 027 чел., или 36,5% от их общего числа, назвала своим родным языком корейский, т. е. язык своей национальности. В то же время русский язык рассматривался в качестве родного языка (вторая группа) 67 519 корейцами, что составляло 63% их численности в России. И только 505 корейских граждан назвали своим родным языком язык третьей национальности (третья группа), т. е. не корейский и не русский. При этом характерен тот факт, что русский язык был назван в качестве второго языка, которым корейцы владели достаточно хорошо, 34 068 корейцами, т. е. 86,2% от общей их численности в составе первой и третьей групп. Корейским же языком в качестве второго, согласно переписи, не владел никто.

То, что большая часть российских корейцев не знала на момент переписи корейского языка, можно рассматривать как следствие культурной агрессии государства на культуру национальной диаспоры, которая была осуществлена сталинским режимом в конце 30-х и в последующие годы. Мы вынуждены признать, что для многих народов Советского Союза эти времена в культурно-языковом отношении были наихудшими. Но русская история помнит и лучшие времена, как это было в начале XIX — начале XX веков В тот период, несмотря на дикое в буквальном смысле этого слова состояние края, русские и корейцы трудились вместе, осваивая его. Они поднимали целинные земли, облагораживая их зерновыми и овощными культурами, разводя сады и огороды.

С момента появления в Уссурийском крае первых переселенцев из Кореи и до середины 80-х годов XIX века, русско-корейские отношения осуществлялись на уровне народной дипломатии, что стало залогом формирования дружественных отношений между двумя странами. Поэтому установление дипломатических отношений в 1884 году между Санкт-Петербургом и Сеулом к этому времени уже имело естественные корни и надежную основу. В этом заключается существенное отличие первого русско-корейского договора от договоров, навязанных Корее крупнейшими мировыми державами того времени. Россия и Корея никогда не воевали друг против друга. Более того, ни у России, ни у Кореи никогда не возникало желания напасть один на другого с целью решения военным путем того или иного вопроса. Такая ситуация стала возможной как раз благодаря существованию прочного фундамента во взаимоотношениях между двумя народами, заложенного корейскими переселенцами и иммигрантами в Россию.

Огромный вклад в дело формирования традиций межгосударственного общения внесли именно простые корейские крестьяне, которые своим самоотверженным трудом снискали искреннее уважение со стороны русского народа и правительства России. С другой стороны, представителями администрации генерал-губернаторства Восточной Сибири, а затем администрации Приамурского генерал-губернаторства были заложены и развиты глубокие гуманистические традиции официальной политики России по отношению к корейским переселенцам-иммигрантам, а также к сформировавшейся из них корейской общине русского Дальнего Востока в целом. Генерал-губернаторы, военные губернаторы областей и Владивостока, а также многие простые служащие областных, окружных и сельских правлений каждый по-своему вносили неоценимый вклад в то, чтобы эти традиции не увяли.

Можно с уверенностью констатировать, что эти традиции, несмотря на тяжелые испытания, выпавшие и на долю корейского населения в период сталинских репрессий и переселений, продолжают в настоящее время жить и развиваться.

Взаимодействие русской и корейской культур особенно было заметно в земледелии, в домашних и отхожих промыслах, т. е. в области материальной культуры. Так, например, в области сельского хозяйства происходило заимствование русскими и корейцами традиционных для российского и корейского крестьянства сельскохозяйственных культур, форм и методов обработки земли и т. д. Тем не менее, взаимопроникновение русской и корейской культур, начавшись в период интенсивного освоения дальневосточного региона России, в условиях укрепления русско-корейских межгосударственных контактов все более захватывало духовную сферу. Корейцы осваивали государственный русский язык, постигали правовые нормы Российской империи. Что касается православия, то оно в рассматриваемый период укрепилось и пустило корни в среде корейской диаспоры. В качестве примера хотелось бы отметить жительницу с. Кроуновки Марию (фамилия неизвестна), которая в конце XIX века приобрела большую славу тем, что пекла очень вкусные куличи, так что к Пасхе к ее дому ехали не только корейцы с близлежащих деревень, но и русские, чтобы купить пасхальный

хлеб. При этом она продавала их весьма дешево. Прежде корейцы ездили за куличами в с. Никольское, где корейские хлебопеки за почти непригодные к употреблению куличи брали баснословные деньги. В то же время русские заимствовали знания корейцев о местном климате и природе, узнали о лунном календаре, восточной символике и т. д.

Несомненно, взаимодействие, взаимовлияние и взаимопроникновение русской и корейской культур необходимо всесторонне изучать, описывать, анализировать, публикуя как научные исследования, так и популярные издания. Процесс взаимодействия любых культур — это чрезвычайно сложное и многогранное явление. Изучение этого процесса актуально не только с точки зрения понимания закономерностей его развития, но и в плане предвидения возможных эксцессов и коллизий в ходе его протекания. Знание закономерностей позволяет контролировать этот процесс и не допускать конфликтов и недоразумений между представителями разных культур.

Некоторые специалисты говорят: «Давайте не будем вмешиваться в этот процесс. Пусть он будет естественным и свободным от вмешательства извне». Само собой разумеется, что взаимодействие культур — это естественный процесс, и никто не вправе вмешиваться в него с насильственными методами. Оно осуществляется в рамках правовых актов того или иного государства, его традиций и обычаев, а также подчиняется международным договорам и традициям народной дипломатии. В то же время необходимо признать, что история накопила большой опыт культурного взаимодействия народов, который имеет и негативный балласт. Всестороннее изучение в этом отношении как позитивного, так и негативного материала позволяет придать процессу культурного взаимопроникновения и культурной интеграции динамичный характер.

В настоящее время, когда многие депортированные в Среднюю Азию и Казахстан корейцы возвращаются к своим прежним местам проживания в Приморье и Приамурье, очень важно усилить изучение прошлого опыта культурного взаимодействия, взаимовлияния и связи между русской и корейской культурами. Используя этот опыт, мы сможем обеспечить решение демократическими методами всех возникающих проблем как по адаптации корейцев в опять для них новых социально-экономических условиях, так и по совместному строительству процветающего общества. Этот опыт должен помочь нам также создать и здесь, на Дальнем Востоке России, здоровую нравственную основу нашего общества.

С. С. ЛЕВОШКО (ХАБАРОВСК)

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ОПЫТА В МАНЬЧЖУРИИ НА КИТАЙСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Строительство Россией КВЖД в начале XX века предоставило уникальные условия для взаимодействия и взаимовлияния двух глубоко различных архитектурных культур: российской и китайской. Исследование этого опыта находится на первоначальном этапе, так как в предшествующих работах уделялось внимание лишь одному аспекту этих взаимовлияний — влиянию китайской архитектуры на русскую. Так, Т. Ю. Троицкой исследована эволюция осмысления российскими специалистами использования традиционных черт китайской архитектуры. Ею делается вывод, что *«для архитекторов КВЖД процесс заимствования восточных элементов находился в общей системе установок „историзма", рассматривающих Китай как источник обновления и усовершенствования русской архитектуры»* [1].

Проектирование и строительство в конце XIX — начале XX веков за рубежами России — явление не редкое. Так, на страницах журнала «Зодчий» указанного периода довольно часто сообщается о строительстве за границей, например, православных храмов. Но обустройство полосы отчуждения КВЖД — это особая государственная градостроительная программа, что в своем роде уникально. Уникально своими масштабами, сжатыми сроками, привлеченными профессиональными кадрами, внедрением передовых градостроительных идей и целостностью созданной среды поселений. Российскую архитектуру и градостроительство в Маньчжурии можно рассматривать в качестве модели для изучения адаптационных процессов в инокультурной среде, а также — ее влияния на местную архитектурно-градостроительную культуру. Подчеркнем актуальность именно второй стороны этой проблемы в связи с ее неизученностью.

На первый взгляд, огромный объем созданного и высокое качество русской профессиональной архитектуры теоретически как бы само собой подразумевают ее влияние на последующее (возможно, на какой-то этап) развитие китайской архитектуры. Кажущаяся очевидность известного суждения, однако, не должна подменять опыт исследования этого аспекта взаимовлияний. Только на первый взгляд решение этой проблемы лежит на поверхности.

Взаимовлияние российской и китайской архитектурных культур происходило в нескольких уровнях — градостроительном, архитектурно-конструктивном,

декоративно-художественном. С точки зрения поставленной задачи попытаемся осмыслить первый уровень — взаимовлияние российской и китайской градостроительных культур.

Автору приходилось писать о российских градостроительных традициях и новациях на землях Маньчжурии, определенные как совершенно самобытные. В городах КВЖД, основанных русскими (Харбине, Дальнем, Порт-Артуре, пгт Пограничная и ряде других железнодорожных поселков), воплотился прогрессивный новейший опыт Санкт-Петербургской архитектурной школы, выразившийся в практической реализации градостроительной концепции модерна, в свойственных ему принципах формообразования. Необходимо отметить, что этот градостроительный опыт в дальневосточном зарубежье, к сожалению, остался малознакомым и вследствие этого по достоинству неоцененным соотечественниками. Разрабатывая генеральные планы для новых поселений Дальнего Востока (г. Алексеевск, 1912 г., дачный пригородный поселок Сад-город, 1914 г., прижелезнодорожные поселки Уссурийской и Амурской железных дорог) авторы проектов в пояснительных записках ссылаются на зарубежный опыт проектирования новых городов, руководствуются законопроектом 1915 года об устройстве торгово-промышленных поселков на казенных землях Азиатской России опять же по «типу устраиваемых в Западной Европе и Америке так называемых «сад-городов», но не на уникальный опыт своих же соотечественников в Маньчжурии. Возможно, такое положение дел объяснялось закрытостью проектных материалов, что характерно в целом для градостроительной документации. В то же время «маньчжурский» градостроительный опыт России, как показали исследования, оказал свое непосредственное влияние на китайское градостроительство.

Изданная в Японии в 1999 году книга Нишизава Ясухико «Мансю» Тоси Моногатари» (Рассказ о «Маньчжурских» городах), дает возможность по представленным в ней графическим материалам проследить, как ряд новых архитектурно-планировочных принципов организации пространства русских городов КВЖД самым непосредственным образом отразились в функционально-планировочной структуре китайских городов Маньчжурии, генеральные планы которых разрабатывались позже [2]. Можно утверждать, что новые генеральные планы Чанчуня (план 1915 г., Синьцзин с 1931 г.) и Шэньяна (б. Мукден, планы 1908,1915, 1925, 1937 гг.) — в одном типологическом ряду с русскими городами КВЖД, главным объединяющим фактором которых является новый градостроительный подход. Подход, кардинально иной в сравнении с традиционным китайским градообразованием.

Новые генеральные планы Чанчуня и Шэньяна отличают: четкая регулярная планировочная структура из кварталов прямоугольной формы; система диагональных главных улиц, образующих симметричные трехлучья; пересечение магистральных улиц зафиксировано просторными круглыми площадями, обеспечивающими оптимальную взаимосвязь различных частей города. Живописные по планировке общегородские парки занимают значительные части городской территории. Вдоль диагональных улиц — характерные треугольные и трапециевидные кварталы. Все площади, за очень редким исключением (например, прямоугольной привокзальной площади в Шэньяне), круглые. Многократное повторение этой, и только этой формы, вероятно, является отражением автоматического копирования взятого из арсенала новых планировочных средств приема организации открытого пространства. В русских городах КВЖД композиционно увязанная система площадей несет в себе, кроме архитектурных задач обеспечения гигиены, комфорта и красоты, глубокое идейно-философское значение, отсюда — бесконечное разнообразие форм площадей (овальные, многогранные, ромбовидные и т. д.). Генеральные планы рассматриваемых китайских городов в сравнении с русскими более регулярны и рациональны, живописны лишь садово-парковые комплексы. Они, как представляется, еще находятся под влиянием градостроительных традиций эпохи позднего классицизма — традиций регулярного образцового города, хотя уже и отличаются от них, в первую очередь, постановкой задач обеспечения многобразия городской среды.

Тенденции нового градостроительного подхода на самом рубеже XIX–XX веков не были исключительно российским явлением. Параллельно, теоретически оформлялась и практически развивалась новая западноевропейская градостроительная концепция «города-сада». При этом в отечественном архитектуроведении считается, что если идеи «городов-садов» и пришли в Россию из Европы, то попали они на прекрасно подготовленную к восприятию почву, «взрыхленную» самостоятельными идеями. Вероятно, можно спорить, что же оказало влияние на градостроительство в Северо-Восточном Китае в начале XX веке: реальный градостроительный опыт России на землях Маньчжурии или общеевропейские прогрессивные тенденции. Думается, что рядом построенные города объективно имеют больше оснований претендовать на роль модели для практического использования в реальной практике градостроительного проектирования Китая.

В то же время каких-либо заимствований, освоения градостроительных традиций Китая не наблюдается. Российские градостроители проектировали для практически незаселенных территорий Маньчжурии, реализуя исключительно свои градостроительные программы и творческий опыт. Так, автор генерального плана Дальнего, санкт-петербургский архитектор К. Сколимовский, запроектировал даже отдельный район для местного населения, назвав его «Китайский город» в противовес «Европейскому городу» (заметим в скобках, не «русскому», а «европейскому»), «чтобы не стеснять местное население новыми условиями», по его собственным словам. Судя по докладу «О проектировании плана города Дальнего», идей использования каких бы то ни было приемов местных градостроительных традиций у автора не было (Зодчий. 1904. № 12-14).

Но совершенно иное дело архитектурно-строительная и декоративно-художественная культура китайцев, которая, без сомнения, оказала в той или иной степени свое влияние на архитектурный облик русских городов КВЖД. Иначе и быть не могло: застройка во многом велась руками китайских рабочих-строителей, естественным образом внедряющих свой опыт. С другой стороны, сами российские инженеры и архитекторы целенаправленно стремились освоить китайскую традицию. Но это тема для другого доклада.

Малодоступность проектных градостроительных материалов по городам Маньчжурии начала XX века ограничила круг данного исследования двумя городами — Чанчунем и Шэньяном. Но, тем не менее, и эти опубликованные материалы позволили впервые подтвердить авторскую гипотезу о непременном существовании влияния прогрессивных российских градостроительных идей, творчески развивающих русскую архитектурную традицию в Маньчжурии, на китайское градостроительство в начале XX века.

Примечания:

1. ***Троицкая Т. Ю.*** *Особенности архитектуры Китайско-Восточной железной дороги (конец XIX — первая треть XX веков): автореферат дисс. на соиск. уч. ст. кандидата архитектуры. Новосибирск, 1996. С. 17.*
2. ***Нишизава Ясухико.*** *«Мансю» Тоси Моногатари: Харубин, Дайрен, Шиняо, Чощун. (Рассказ о «Маньчжурских» городах: Харбин, Далянь, Шэньян, Чанчунь). Токио, 1996. (переиздание1998). 128 с. (Nishizava, Yasuhiko. The Tales «Manchurian» Cities: Harbin, Dalian, Shengyang, Changshun).*

Л. Е. БАКЛЫКСКАЯ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ РУССКОГО СТИЛЯ В АРХИТЕКТУРЕ ПРИАМУРСКОЙ ВЫСТАВКИ 1913 ГОДА

Выставка Приамурского края, устроенная в Хабаровске в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых, не была для России явлением исключительным. Организация подобных выставок достижений «научной, просветительской и образовательно-технической работы» была одной из сторон российской общественной жизни XIX века.

В Европе выставки промышленных изделий проводились регулярно со времен Великой французской буржуазной революции 1789–1794 годов и являлись актом признания важности социальной роли производителей материальных благ в системе ценностей современного мира. Именно с тех пор предметы утилитарного назначения стали выставочными экспонатами. В России первой половины XIX века устройство выставок мыслилось как протекционистское мероприятие, стимулирующее отечественную экономику. До реформы 1861 года инициатором выставок было, как правило, правительство, позднее все большую долю стали составлять выставки, организованные научными и профессиональными учреждениями, коммерческими и промышленными учреждениями, земствами и отдель-

ными лицами. «Первая публичная выставка всероссийских мануфактурных изделий» открылась в Петербурге в мае 1829 года в здании «Экспозиционной залы» (арх. И. Ф. Лукини) на Стрелке Васильевского острова. С 1829 по 1861 годы поочередно в Москве, Петербурге и Варшаве было проведено 11 промышленных выставок. Параллельно с ними проводились сельскохозяйственные выставки, причем они устраивались не только в столицах, но и в небольших городах.

Большинство дореформенных и первых послереформенных выставок устраивалось в приспособленных зданиях. О развитии типов выставочных зданий и комплексов можно говорить лишь в пореформенный период, который характеризовался выставочным бумом: с 1843 по 1887 год было проведено 580 выставок, из них 27 — в Азиатской России. К концу XIX века в России сформировались три основных типа выставочных павильонов:

1. Крупные большепролетные здания из стекла, металла и дерева, в архитектуре которых использовались новейшие конструктивные достижения. Эти здания являлись символом времени и технического прогресса.
2. Меньшие по размеру павильоны в русском «стиле», архитектура которых основывалась на русском деревянном зодчестве и каменной допетровской архитектуре.
3. Небольшие павильоны и киоски, чья форма определялась нарочитым символизмом — акцентированным выражением неархитектурных форм средствами архитектуры (павильоны в форме самовара, бутылки, нефтяной вышки и т. п.).

К началу XX века сложились и композиционные принципы выставочного ансамбля. Основной особенностью организации территории являлось то, что ведущим элементом композиции являлось не здание, а пространство, формируемое свободно расположенными, равноценными друг другу, объемами.

Ансамбль Выставки Приамурского края разместился на территории площадью свыше 26 га на месте нынешнего парка «Динамо». Выставочная территория включала более 40 павильонов и 20 небольших построек (беседки, киоски, навесы), закрытый театр, музыкальную эстраду, буфеты, а также элементы ландшафтной композиции пейзажного парка: пруд на реке Плюснинке, дорожки, аллеи, газоны и цветочные клумбы. Свободно расположенные в пространстве, доступные для обозрения со всех сторон, все вместе павильоны выставки составляли динамичную, живописную, изменчивую в своем многообразии картину. Ее характер как нельзя лучше соответствовал образу модели мира. Такой образ парковой архитектуры, возникший в период романтизма в конце XVIII века, окончательно оформился в период эклектики XIX века и стал основой формирования образа русского выставочного ансамбля. Еще в большей степени в архитектуре выставки прослеживалось влияние «декораций» народных гуляний — увеселительных городков, которые в XVIII–XIX веках были широко распространенным явлением. Разнообразные павильоны напоминали балаганы на праздничной площади, высокие башни главного входа были похожи на башни катальных горок, полукруглая эстрада — на карусели или цирк, а театр ассоциировался с народными балаганными

театрами. Строгий и торжественный — и, одновременно, легкий и праздничный, ампирный фасад театра сам был театральной декорацией, «изображая» характерный для этого типа зданий «настоящий» фасад со ступенчатым аттиком, полуциркульной аркой, правильным классическим карнизом, рустовкой стен и балюстрадой в нишах, имеющих полуциркульное завершение.

Самый крупный по площади (около 2 300 м²) главный павильон выставки (арх. М. М. Осколков) был построен в «современном стиле». Его прообразы — Хрустальный дворец на Всемирной выставке в Париже (1851 г., арх. Дж. Пакстон), Морской павильон на Политехнической выставке в Москве (1872 г., арх. И. А. Монигетти, инж. Н. И. Путилов) и Главный павильон Выставки 1882 г. в Москве. Сборные конструктивные элементы Главного павильона Выставки Приамурского края были изготовлены из дерева и стекла, в архитектуре здания была использована базиликальная композиция христианского храма с верхнебоковым освещением центрального нефа, симметричный главный фасад выполнен в стиле рационалистического модерна с элементами неоклассики.

Несмотря на крупные размеры Главного павильона, его архитектура не определяла стилистических особенностей Приамурской выставки. Большинство ведомственных и частных павильонов были построены в русском стиле. Это не только соответствовало сложившейся традиции в архитектуре выставочных зданий на российских и международных выставках и не только отвечало юбилейному характеру выставки, посвященной 300-летию царствования Дома Романовых. Нарядные и выразительные, богато декорированные элементами, заимствованными из крестьянского деревянного зодчества и народного прикладного искусства, «русские» павильоны были наиболее близки всеобщей «театрализации» художественной жизни рубежа XIX–XX веков и способствовали сближению народной и стилевой архитектуры.

В русском национальном стиле был выполнен один из общих павильонов — Павильон кустарно-ремесленных промыслов, рыболовства, охоты, лесоводства и продуктов земледелия (площадью около 1150 м²). Центрально-осевая симметрия, положенная в основу композиции здания, в сочетании с формами и многочисленными деталями, заимствованными из деревянной русской архитектуры, создавали образ суровой сибирской крепости или острога. Центр выделялся массивным шатром с фронтонным поясом по всему периметру; угловые башни, слегка суженные кверху, завершались четырехгранными с полицами шатрами меньших размеров и более легких пропорций. При общей тяжеловесности и приземистости форм, павильон был решен в легких деревянных конструкциях, что подчеркивали крупные прямоугольные и со срезанным углом окна, более соответствующие стилю модерн. Такое сочетание нового конструктивного решения и древнерусских мотивов придавало зданию театральность и напоминало о его функциональном назначении. Оно же позволило отнести павильон к неорусскому направлению стиля модерн.

Иначе воспринимался другой образец русского стиля — Павильон Нерчинского округа Кабинета Его Величества (арх. академик Покровский). Компактный (приблизительно 90 м²) квадратный в плане сруб был окружен крытой галереей.

Его вертикально направленная композиция определялась пропорциями основного объема, который завершался четырехгранной шатровой крышей с килевидными закомарами и поставленным на центральную ось четвериком световой башенки, крытой высоким шатром. Своим обликом этот павильон напоминал деревянные шатровые храмы Русского Севера или крепостные башни XVII века. Серьезность и скрупулезность в проработке всех деталей экстерьера и интерьера Павильона Нерчинского округа превратили его самого в своеобразный экспонат выставки, а подлинность и археологичность его архитектуры сделали его запоздавшим образцом псевдорусского стиля.

В русском стиле были выполнены павильоны двух крупнейших торговых фирм Дальнего Востока: «Кунст и Альберс» (арх. М. М. Осколков) и «Братья Пьянковы» (арх. Бобров). И если второй из них, несмотря на яркость, которую придавали ему «живые» рисунки, не выделялся ни архитектурой, ни размерами среди других себе подобных, то павильон фирмы «Кунст и Альберс» был, вероятно, самым замечательным сооружением выставки.

По словам современника, он был выполнен «в чисто русском стиле». И действительно, на первый взгляд, в архитектуре этого здания было очень много от Московских хором и особенно от Дворца в Коломенском (1667–1681 гг.). Сложность планировки и обилие форм покрытий придавали павильону живописность и создавали силуэтное разнообразие при восприятии его с разных сторон. Несколько входов, каждый из которых был оформлен крыльцом с двускатным навесом и щедро декорирован деревянной резьбой, еще более усложняли композицию. Все фасады были также богато украшены резьбой и росписью. Но, несмотря на множество форм, деталей и приемов древнерусского зодчества, используемых в архитектуре павильона, говорить о «чистоте» русского стиля этого сооружения нельзя. Помимо русского в нем явно присутствует и влияние Востока. Оно определяется пропорциями ступенчатых шатров и приплюснутой формой главного купола, характером треугольных завершений оконных проемов, обратным изгибом «провисающих» полос деревянного декора на входах. И совсем ясно влияние китайской архитектуры прослеживается в решении верхней части опор, на которых покоится крыша веранды: в качестве капители здесь используется явная цитата из храмовой архитектуры Китая — резной деревянный кронштейн с яркой росписью («хуаяци»).

Если в архитектуре павильона фирмы «Кунст и Альберс» восточные мотивы тесно переплетались с русскими и уступали им ведущую роль, то в архитектуре двух других — Чайного павильона торговца И. Ф. Чистякова и павильона городов Приамурья — они доминировали. Павильон Чистякова был изготовлен в Харбине и представлял собой небольшое сооружение в «китайском стиле» в форме деревянной пагоды с квадратным основанием, сильно загнутыми выступающими углами крыши и характерным декором. В павильоне городов Приамурья (арх. А. К. Левтеев) восточные детали стилизованы, узнаваемым выглядит портал в стиле «пайлоу», для которого характерен подчеркнутый вертикализм пилонов, завершенных своеобразными акротериями, и криволинейного (в форме выпуклой дуги) очертания фронтон.

Выставка Приамурского края была одной из последних подобных выставок, проведенных в дореволюционной России. В определенной степени она отразила сложившиеся за почти столетний период развития основные приемы организации экспозиций. Особенностью архитектуры российских выставок (в отличие от европейских) являлось более сдержанное отношение к техническим достижениям и особое внимание к образному и стилистическому решению павильонов. Хотя в архитектуре павильонов присутствовали самые различные стилистические мотивы — от барокко до ампира, доминирующим был «русский стиль» во всех его проявлениях. Дальневосточный «русский стиль» выставки, оставаясь таковым не только по названию, но и по сути, нес на себе вполне видимое влияние культуры Дальнего Востока, которое обогащало архитектуру и придавало ей своеобразие.

Д. С. ИВАНОВА (ХАБАРОВСК)

СИМВОЛЫ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ В ГОРОДАХ КИТАЯ

Исследование развития духовной культуры русских за рубежом вопрос — многоаспектный, но главный акцент можно сделать на изучении русских православных храмов, которые являлись символами России. В поликультурном городском пространстве они трансформировались, приобретали новое функциональное наполнение. Заслуживает внимания изучение способов сочетания разных приемов, стилей, композиционных средств в архитектурном решении православных храмов, выявление их особенностей, которые отражают традиционные и новаторские тенденции в русском храмостроении за рубежом. На новых территориях наряду с индивидуальным, использовалось образцовое и повторное строительство церквей.

Из большого числа культовых сооружений выделяются довольно рельефно постройки, сочетающие традиционно русские объемно-пространственные решения с элементами новых стилей, в целом подходящих под определение эклектики. К их числу относятся церкви-школы в Цицикаре, Хайларе, Имяньпо, Мурене, Гунчжулине.

Анализ объемного построения отдельных элементов церкви-школы в Цицикаре выявил необычные для русской храмовой архитектуры черты. К ним относится почти полное отсутствие декоративных деталей — обрамлений дверных и оконных проемов, карнизных членений, расположение четверика колокольни над основным храмовым объемом. В основных элементах первоначального объема церкви-школы довольно четко прослеживается влияние китайской архитектуры — изогнутый контур конька крыши, криволинейное очертание фронтона, декоративные элементы на четверике колокольни. Новаторское соединение в одном объеме церкви и здания школы привело к тому, что они становятся почти равнозначными и все сооружение в целом приобретает черты светской архитектуры. Такая равнозначность функции, объемов и декоративного решения присуща эклектике. Несмотря на то, что церковь выполнена в дереве, трудно уловить приемы, характерные для деревянного зодчества. Традиционным остается лишь план церкви — основной храмовый объем, приделы, алтарная часть. Луковичное завершение колокольни является единственным вертикальным акцентом в объемной композиции сооружения.

Отличительной чертой церковных построек по КВЖД становится повышенная функциональность использования объемов и площадей, отсутствие характерных для русского храмостроения завышенных по высоте внутренних пространств, имеющих чисто символическое значение.

Необходимо отметить, что в сопредельных с Россией странах отмечается большое разнообразие архитектурных, планировочных, композиционных приемов. Но вместе с тем можно выделить ряд особенностей, которые характерны для культовых сооружений, находящихся в поликультурном пространстве.

Совершенно необычен по своему объемно-планировочному построению, конструктивному решению и декоративным элементам храм Святых Мучеников в Пекине. Сооружение возводилось под явным воздействием архитектуры Италии, о чем свидетельствуют аркада над лестницами, симметрично расположенными перед входом, медальон в центре фасада, контрастное выделение цветом на плоскости стены декоративных элементов. Исконно русские завершения основного храмового объема в виде барабанов с главками имеют отступление от традиционной схемы размещения; центральный барабан с главкой смещен с точки пересечения четырехскатной кровли.

Храм Рождества Иоанна Предтечи на Харбинском кладбище также представляет собой пример эклектического сочетания разнонаправленных стилей. Рустованные углы здания, профиль карниза с сухариками, парапет из балясин — все эти статичные элементы характерны для классицизма. Явно в готическом колорите оформлены такие детали, как стрельчатые окна и вытянутое завершение.

На примере данного храма видно, как поликультурное окружение оказывает влияние на развитие русского храмового зодчества, способствует развитию эклектического стилизаторства. Вместе с тем имело место и обратное явление, возникшее в противовес заимствованию различных архитектурных форм и деталей, направленное на русское национальное наследие и его интерпретацию.

Богоявленская церковь в Шанхае является сооружением, на котором довольно четко прослеживается такое обращение к российским традициям. Объемно — пространственное решение является традиционно русским. Строго осевая композиция плана; высокий четверик притвора, увенчанный многоярусным восьмериком колокольни с шатровым завершением, трапезная, перекрытая двускатной кровлей, алтарная часть — прием, который часто использовался в русской архитектуре XVII века. Центральный храмовый объем, по форме напоминающий куб, завершен пятиглавием, которое имело повсеместное применение в эпоху классицизма. Образ декоративно-силуэтного пятиглавого храма, получивший особое

распространение в средней полосе России, проявился и в объемной интерпретации данного храма, когда барабаны куполов не были связаны с внутренней пространственной структурой здания.

В основных элементах декора храма четко прослеживаются псевдорусские мотивы в виде кокошников, обрамляющих окна, арочных проемов колокольни. Характерный прием русского градостроительства проявился в размещении храма на возвышенном месте, на вершине холма.

При таком довольно строгом следовании канонам еще более явными становятся такие особенности, как нехарактерно узко расставленные угловые барабаны, пропорциональное соотношение барабана и главки на колокольне, по стилю напоминающее модерн, перекрывающий высокий четверик четырехскатный купол барочного очертания. Вся колокольня в целом сильно отличается своим обобщенным неоклассическим решением декоративных элементов от каменного узора фасадов, выполненных в псевдорусском стиле.

Яркий образец псевдорусского стиля представляет собой и Свято-Николаевский собор в Харбине, Отрядная церковь в Порт — Артуре.

Таким образом, православные храмовые сооружения Китая, сохраняя в целом традиционные черты русского храмостроения, отражает и привнесение новых стилистических приемов. Типичным было их объемно-пространственное членение — притвор, основной объем, алтарь. Получили распространение стили — русско-византийский, псково-новгородский, древневологодский, псевдо-русский, эклектика. Необходимо отметить наличие явно новых тенденций. Прежде всего нарушение русского канонизированного приема пропорционального построения, особенно заметного в завершениях храмов. Изменения пропорциональных соотношений отмечены и при построении основного объема сооружения (соотношения вертикали и горизонтали). Необычным для русского храмостроения является полный отказ от декоративных элементов. В некоторых случаях происходила частичная замена их деталями, в которых применяются мотивы местной архитектуры. Соединение в одном объеме церкви и здания школы повлекло за собой привнесение некоторой светскости в храмовое зодчество, многие сооружения приобрели черты светской, гражданской архитектуры из-за выполнения образовательной функции. В качестве особенности композиционных и конструктивных решений можно отметить крайне редко встречающееся многоглавие. Например, в Харбине только Николаевский храм-памятник имеет девять куполов. Планировочной особенностью было то, что храмы располагались не только на месте пересечения многолучий, на площадях, на возвышенном рельефе, но и в рядовой застройке кварталов, что показывает анализ городов Харбина, Даляна.

Взаимовлияние культур сопредельных стран, распространение архитектурных приемов России на территории Китая привело к тому, что храмовые сооружения, являющиеся символами русской духовности, православия, в поликультурном окружении претерпели изменения, трансформировались, стали иными. Новые тенденции в повышении этажности застройки, в применении приемов,

направлений современной национальной архитектуры в развитии городского пространства, окружающего православные храмовые сооружения, ведут к углублению средового конфликта, возникающего между русским храмом как символом России и средой китайского города.

А. П. МАЛАХОВА (ХАБАРОВСК)

АРХИТЕКТУРА КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЫ КРУПНЕЙШИХ ТОРГОВЫХ ДОМОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Конкуренция крупнейших торговых домов ДВ на архитектурном уровне. Идеологический аспект архитектуры торговых домов. Два стиля — две концепции. Псевдорусский стиль — дань патриотизму, лояльности, осознание ДВ как неотемлемой части России. Модерн и необарокко в архитектуре магазинов ассоциируется с процветающим Западом, декларирует русский ДВ, как оплот европейской цивилизации в Юго-Восточной Азии.

Два флагмана дальневосточной торговли — компании «Кунст и Альберс» и «Чурин и К», одновременно осваивающие региональный рынок, никогда не строили в одном городе магазины одинакового стиля. Обладая схожим ассортиментом, равным товарооборотом, общим рынком сбыта, они вели непримиримую борьбу, используя архитектурный образ своих магазинов как действенное оружие рекламной кампании. Здания этих торговых домов, ставшие узнаваемыми символами Владивостока, Хабаровска, Уссурийска, Благовещенска, являются памятниками ожесточенной конкуренции на идеологическом уровне. Если «К и А» строил магазин в русском кирпичном стиле, «Чурин» возводил по соседству помпезное здание в европейском духе — и наоборот. Соперничество двух крупнейших компаний формировало архитектурный облик дальневосточных городов. Поставленные по красной линии главных городских улиц, обращенные парадным входом на оживленные торговые перекрестки, магазины этих компаний занимают ключевое положение в исторической структуре городов. Но, помимо архитектурных достоинств, они создают вокруг себя мощную стилевую ауру, являются своеобразным камертоном, задающим настрой не только соседним кварталам, но и всему городу. Здания торговых домов, возводимые с баснословными затратами, являлись зримым доказательством преуспевания компаний, передовыми форпостами западной цивилизации на самой дальней окраине России. Огромные окна-витрины открывали изумленным взорам обывателей роскошное изобилие заморских товаров и оживленные толпы покупателей. На старых фотографиях здания универмагов особенно эффектно выделяются на фоне одноэтажной традиционной застройки как свидетельство

неудержимого наступления прогресса. И сейчас эти здания поражают воображение, нетрудно догадаться, какое впечатление производили они в начале XX века.

Начнем обзор торговых домов с Благовещенска, где находилась главная контора «Чурин и К». Обычно, если магазин одной компании претендовал на роль композиционной и образной доминанты исторического центра города, универмаг конкурирующей фирмы скромно уходил в тень, уступая первенство, и только в Благовещенске постройки обоих конкурентов сопоставимы по архитектурной ценности

Благовещенский торговый дом «Чурина и К», построенный в 1894 году по проекту неизвестного венского архитектора, — пожалуй, лучшая постройка этой фирмы, представляет собой сочетание 3 отдельных объемов, имеющих трехчастное симметричное построение и соединенных вставками. Расположенное вблизи набережной Амура, обращенное главным фасадом к обширному скверу, нарядное двухэтажное здание в стиле необарокко, несмотря на значительные размеры, производит впечатление легкости и изящества. Для столичных городов начала эпохи модерна такие постройки были типичны, достаточно вспомнить московский торговый дом Морозовых, но в Благовещенске здание выглядело сенсационно и не потеряло ведущей роли до сих пор. Невиданное прежде в провинции обилие скульптуры, венчающее раскрепованный парапет балюстрады, причудливые купола, завершающие углы, выразительная пластика фасада, обильно декорированного накладными латунными элементами и вазами, колонны коринфского ордера, акцентирующие главный вход в здание, завершение стен ордерным антаблементом придают зданию имидж не магазина, а театра или дворца и делают его самой яркой постройкой Благовещенска.

Торговый дом «Кунст и Альберс» — огромное в масштабах города двухэтажное сооружение в русском кирпичном стиле, расположенное на красной линии главной улицы. Невзирая на размах, архитектура его суха и невыразительна. Здание обильно декорировано многослойными сухариками, наличниками, балясинками из фигурного кирпича. Избыток мелкого декора дробит поверхность и утомляет глаз. Вытянутый двухэтажный объем несколько монотонен. Военный инженер Шефнер проектировал здание, подражая померанцевским Верхним торговым рядам на Красной площади, которые были в 1902 году еще свежей новостью и образцом официальной архитектуры. Постройка имеет представительный характер административного здания.

Владивостокский торговый дом «К и А» — полная противоположность благовещенскому. Это безусловный шедевр немецкого архитектора Юнгхенделя. Его роскошная эклектика органично синтезирует размах купеческого необарокко и вычурность модерна. Фантастичная, избыточная пластика фасада, огромные окна — витрины, щипцовые завершения замысловатых фронтонов и венчающий все это великолепие шатер служат наглядной метафорой изобилия заграничных товаров, поставляемых фирмой и вызывают из подсознания обобщенный образ Запада, как представляет его обыватель — что-то смутно знакомое по детским сказкам

и операм. Магазин занимает доминирующее положение на Светланской улице и до сих пор является самым красивым зданием города.

Магазины фирмы «Чурин и К» существовали во Владивостоке с 1880 года. На той же Светланской улице, в двух кварталах от конкурента, находится двухэтажное претенциозное здание невнятного стиля с элементами классицизма, не выделяющееся из рядовой застройки. Это сооружение не выдерживало никакого сравнения с роскошным универмагом «Кунста и Альберса», и в 1914 году было начато строительство нового огромного магазина по проекту В. Николаева, специально изучавшего в США здания подобного типа. Осуществленная часть выполнена с использованием композиционных приемов в стиле строгого модерна. Фасадная плоскость представляет собой стеклянную стену, расчлененную по вертикали каннелированными пилястрами с тонкими промежуточными тягами. Верхняя часть здания представляет собой раскрепованный фриз с парапетами криволинейных очертаний, украшенными рельефом. Примером аналогичной постройки, знаменующей переход от пластического формообразования модерна к суховатой рационалистической архитектуре, может служить торговый дом «Мертенс и К», возведенный в 1912 году на Невском проспекте в Санкт-Петербурге по проекту М. С. Лялевича. Владивостокский универмаг «Чурина и К» не был достроен из-за начала войны, но по замыслу он не уступал столичным образцам. Если в интерьере магазина еще царит купеческое рококо, то в строгом геометричном решении фасадной плоскости угадывается приближение конструктивизма, противопоставленного эклектичному модерну «Кунста и Альберса».

В Уссурийске-Никольском, как и в Благовещенске, архитектор компании «Кунст и Альберс» выбирает стиль, который с осторожностью можно назвать «псевдорусским», но суховатый геометрический декор его очень сдержан, что объясняется и более ранней датой постройки (1888 год), и меньшей значимостью города в торговом отношении. Однако здесь впервые применен прием, ставший визитной карточкой магазинов «К и А» — угол, выходящий на перекресток, акцентирован мощной башней, увенчанной высоким шатром, который на столетие становится вертикальной доминантой исторического центра города. С другого края — ризалит, увенчанный величественным пирамидальным шатром. Издалека объемно-пространственная композиция здания выглядит очень живописно. Два шатра разных абрисов, разделенные высокими трубами, составляют эффектную группу, которая придает этому, крайне скупо декорированному дому, величие и мощь феодального замка.

Здание «Торгового дома Чурин и К» построенно в 1914 году по проекту уссурийского архитектора Д. В. Шебалина в стиле русского классицизма, с элементами модерна. Главный фасад имеет трехчастную композицию. Стены завершаются антаблементом, состоящим из гладкого фриза и карниза с модульонами, над двумя трехгранными эркерами — лучковые фронтоны, декорированные лепными розетками в виде раковин. В целом здание невыразительно и не имеет отчетливого архитектурного образа.

Харбинское отделение «Кунста и Альберса» — двухэтажное здание в псевдорусском стиле, кирпичный декор, крайне упрощенная объемно-пространственная

композиция, невыразительная провинциальная архитектура, ничем не напоминающая триумфальные постройки Юнгхенделя во Владивостоке и Хабаровске.

Харбинский магазин «Чурина и К», напротив, — помпезное огромное сооружение, акцентирующее оживленный перекресток, высотная доминанта Китайской улицы. Стиль — колониальное барокко, сверхизобильная пластика, образ фешенебельного европейского универмага.

Выставка 1913 года давала прекрасную возможность для рекламной кампании, и обе фирмы построили огромные павильоны. «Кунст и Альберс» — сказочный терем, где смешались все стили, но наиболее заметным было восточное влияние. Переусложненная композиция и фантастичность образа этой постройки поражали воображение посетителей выставки. Павильон Чурина так же, как и сооружение конкурента находился в центре Выставки, по другую сторону главной аллеи. Эта колоссальная постройка была строго выдержана в стиле ампир и резко контрастировала с иррациональной архитектурой «Кунста и Альберса».

На Дальнем Востоке никогда не было обычных для средней части России торговых рядов и ярмарок. Вернее сказать, не было вообще никаких традиций. Если за спиной «Чурина и К» стоял опыт богатых сибирских городов, «Кунст и Альберс» начинал буквально на пустом месте, с деревянной одноэтажной постройки. Конкурентная борьба на архитектурном уровне сыграла прогрессивную роль, способствуя формированию совершенно нового для Дальнего Востока типа большого универсального магазина. Именно магазины, а не соборы или официальные здания были проводниками новомодных стилей в провинции. Торговым домам города Дальнего Востока обязаны лучшим образцам модерна, необарокко и русского стиля. Борьбу «Чурина и К» и «Кунста и Альберса» можно рассматривать как продолжение бесконечного ряда бинарных оппозиций, свойственных рубежу веков: Европа — Азия, Петербург — Москва, «западники — почвенники», «свое — чужое», традиции — новаторство.

В. Н. САВЕНКОВА (ВЛАДИВОСТОК)

ГОРОДСКАЯ СРЕДА ГОРОДА КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ КАК СФЕРА ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИКИ ВЛАСТИ

Идейная концепция города выражается непосредственно в его архитектурном облике и формировании городского пространства. Город Комсомольск в 30-е годы мыслился как будущее страны Советов, символ нового государства (в нем сосредоточено все самое «новое», «передовое», «советское», его строят «лучшие люди страны»). В общественном сознании формировалась парадигма г. Комсомольска как города «необычной биографии», города — «идеала», «города — сада». В ее соответствии Власть должна была обеспечить формирование в г. Комсомольске новых традиций, сконструировать новую реальность, выразить себя посредством новых форм, символов. Новый порядок символизировался именами, лозунгами, знаками и ритуалами, проявил себя в организации городского пространства. Улицы и площади получили новые, «социалистические», названия — все должно было служить одной цели — напоминать жителям города, что они живут в новое время, строят новый, социалистический город. Комсомольск того времени никто бы не назвал «провинцией», его сравнивали с Москвой, называя «таежной столицей». Расположенный далеко от центра страны — Москвы, Комсомольск символизировал ограду и защиту, символика этого рода поддерживалась его названием — «форпост обороны на Дальнем Востоке».

Освоение пространства будущего города осуществлялось не органично (постепенно), а «в рекордно короткие сроки» и напоминало скорее захват. Захват пространства будущего города Власть начала со следующих мероприятий: с 1930 года на территории Хабаровского края и Амурской области был образован Дальлаг ОГПУ-НКВД. В марте 1932 года на территории г. Комсомольска был создан отдельный ОЛП по обслуживанию экспедиций и изыскательных партий, а так же для лесо- и шпалозаготовок. Для обеспечения строительства объекта 199 (судостроительный завод) лесными материалами был организован Ново-Тамбовский ИТЛ НКВД, который подчинялся ГУЛАГУ НКВД [1]. Гибель заключенных, комсомольцев была «строительной жертвой» — жертвой «во благо страны», жертвой «в основание города» [2]. Место для строительства г. Комсомольска, а точнее — судостроительного завода «и поселка при нем» (строительство города не планировалось), от первоначально выбранного у с. Воронежское (14 км. от г. Хабаровска) позднее было перенесено «гораздо дальше к северу» из следующих соображений: «завод надо построить возможно дальше от границы» (И. Сталин) [3]. Выбранное место было функционально удобным для строительства завода, отвечало требованиям безопасности, но было неблагоприятным для строительства города (удаленность от населенных пунктов и железных дорог, заболоченность местности, суровые климатические условия и т. п.). Осушения требовала территория, выбранная для строительства авиационного завода, т. к. «участок представлял собой типичное таежное болото» [4]. Власть пыталась возвести заводы и город вопреки всем обстоятельствам. В отличие от жителей с. Пермского, которые строили свои дома на берегу Амура, комсомольцы ушли в глубь тайги, корчевали вековые деревья, осушали болота, «преобразовывали» природу. Искусственная среда противопоставлялась естественной, свет — тьме (мечтой первостроителей был «весь в огнях, залитый асфальтом город») [5]. Преодоление «хаоса» и утверждение «космоса» является миссией Власти. Для первого этапа строительства города была характерна сравнительная мелкомасштабность искусственных сооружений и слабовыраженное

волевое начало в градостроительной деятельности. На данном этапе главной проблемой Власти было обеспечение людей жильем. Разбивают палатки, строят шалаши, землянки, бараки. Строительство жилья зачастую осуществлялось стихийно («самострой»). Первоначально решающую роль играл не внешний вид здания, а его «внутреннее содержание», идея — один и тот же барак мог быть просто бараком или домом-коммуной. Архитектура зданий будет иметь решающее значение позднее, в конце 40-х — 50-е годы. Свобода возрастала на нижних ступенях иерархии (массовая застройка, частный сектор) и заметно сокращалась по мере восхождения от «земной суетности» к «ценностям высшим и незыблемым» (генеральные магистрали города). Стандартизации жилых домов частного сектора Власти удалось добиться в 50-х годах [6].

Власть выполняет функцию организации пространства (переделывает его планом) и закрепляет пространство с помощью топонимики. Город Юности до 1937 года не имел никакого общего плана строительства, он проектировался по отдельным ведомствам с узкими задачами обеспечения жильем рабочих промышленных предприятий, без учета интересов города в целом [7]. Создание в 1937 году генерального плана г. Комсомольска должно было увеличить число «организованной» территории, однако на практике до середины 50-х годов решающую роль в планировке продолжали играть ведомственные интересы промышленных предприятий. Власть самоутверждалась за счет преобразования природы, преодоления земных законов, природных стихий. Генеральный план города предполагал регулировку многочисленных русел р. Силинки с целью образования двух русел, которые охватывали бы Центральный парк культуры и отдыха в ее пойме с двух сторон [8]. В настоящее время р. Силинка насчитывает два русла, одно из которых пересохло, а место предполагаемого регулярного ЦПКО представляет собой неорганизованный лесной массив [9]. Иногда Власть была вынуждена подчиняться неким природным реальностям, вопреки генеральному плану, например, площадку для строительства судостроительного завода пришлось перенести в другое место из-за затопляемости территории. Власти нужны были свои «святые места», центр, где было бы сфокусировано восприятие мифологического настоящего. Все строения, которые не «вписывались» в планировку города, подлежали сносу: Аварийный поселок, «Копай — город», пос. Парашютный и т. д. Неофициальные, принятые в обыденном обращении, названия: Левосилинская и Правосилинская части города, Копай — город, Больничный поселок, Аварийная горка, ул. Пермская, «Брусчатка», пос. Молодежный, пл. Круглая (позднее — пл. Кирова), заменялись официальными: пр. Ленина, пр. Сталина (с 1961 г. — пр. Мира), ул. Кирова, ул. Аллея Труда, ул. Пионерская, ул. Красногвардейская. Площади: им. Ленина, им. Сталина (не осуществлена), набережная им. Блюхера (не осуществлена, в настоящее время — площадь Юности), площадь Металлургов и т. д. Первые названия города, предложенные первостроителями, так же были «естественными», в алгоритме традиции названия городов: Амургpад, Амурск, Синегорск, Среднеамурск, затем были предложены: Ударный, Добровольск, Пятилеткаград, Комсомольский, Комсомольск. [10] Название города — «Комсомольск» было утверждено Властью, как мы предполагаем, по следующей причине: оно подтверждало миф о городе как о «комсомольской стройке», о творимой новой жизни «молодым» поколением (при этом об участии в строительстве военных строителей, заключенных Дальлага не упоминалось).

Несмотря на то, что в полном объеме генеральный план г. Комсомольска-на-Амуре осуществлен не был, многое свидетельствует о его символическом «наполнении». Все улицы и магистрали были ориентированы на генеральный проспект города (он не имел названия, в настоящее время — пр. Первостроителей) и, в конечном итоге, на одну точку — р. Амур, к которой он должен был выходить. На том месте, где должен был располагаться городской сад, в настоящее время находится пустырь. Архитектура г. Комсомольска-на-Амуре и, особенно, ее главных магистралей, должна была носить чисто декоративный характер. Здания, обрамляющие главные площади города — напоминать театральные декорации. Перед зданием театра, расположенного на главном проспекте, дома должны были образовать полуокружность и «охватить» городской сад [11]. Проектировались не отдельные здания, а ансамбли. Центральное, наиболее почетное место в структуре города принадлежало общественным зданиям: Дому Советов, театру, Дому пионеров, Дворцу Металлургов, Дому Колхозника (гостиница), клубам. Своеобразным «маяком» в городе должен был служить «дом со шпилем», т. к. он возвышался над остальными зданиями пр. Ленина и был виден издалека (архитектура дома в верхней его части напоминает уменьшенную копию высотных зданий г. Москвы). Однако самыми высокими сооружениями в городе, влиявшими на его силуэт, были промышленные предприятия, заводы и фабрики, трубы ТЭЦ.

В генеральном плане города Комсомольска можно наблюдать высшую степень завершенности и порядка, высокую композиционную упорядоченность магистралей города. В Центральном районе города по плану предполагалась трехлучевая система городских магистралей, напоминающая регулярную планировку г. Ленинграда, в Ленинском — прямоугольная [12]. Для Комсомольска была характерна регулярная, классическая планировка проспектов, которая выражалась в идеальной симметрии, а также стройная, строго пропорциональная архитектура. Организованность пространства города «определяется количеством информации, необходимой для исчерпывающего описания структуры этого пространства, или, иначе говоря, принципом «минимально — о максимальном», а также соотношением площади «организованного» и «неорганизованного» пространств» (В. Н. Топоров). Для структурного описания пространства искусственно созданного города требуется только знание числа параллельных и перпендикулярных к ним улиц. Для того, чтобы иметь представление о застройке главных магистралей города, достаточно описать два-три здания, расположенные на них. План обеспечивал «открытость» пространства города, его «просматриваемость» (большая длина прямых улиц), «всеподнадзорность».

Улицы г. Комсомольска на всех этапах строительства имели казарменный вид, наружность улиц и площадей утомляла своим однообразием: все дома были похожи друг на друга, как солдаты. Здания города, как и люди того времени, не должны

были отличаться друг от друга, не выделяться из общей массы. Символизировать новые отношения между людьми, новый коммунистический быт должны были общежития, дома-коммуны, позднее — коммунальные квартиры. Целью строительных мероприятий Власти было уравнивание жилищных условий людей, объединение людей и приобщение их к социалистическому образу жизни.

Примечания:

1. *Историческая справка отдела спец. фондов информационного центра при УВД Хабаровского края.*
2. ***Плюханова М.*** *Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь., 1995. С. 145.*
3. ***Жуков Ю., Измайлова Р.*** *Начало города. Страницы из хроники 30-х годов. Хаб. кн. изд-во, 1977. С. 31–32.*
4. *Личный архив Белоглазова А. Н.*
5. *Комсомольский-на-Амуре Государственный архив. Ф. 34. Воспоминания Бейслихема Я. Г. С. 17*
6. *Там же. Ф. 2, Оп. 10, Д. 3. Л. 112–125.*
7. *Там же. «Сталинский Комсомольск». 16 марта 1947 г. № 53 (4195). С. 4.*
8. *Там же. Ф. 15, Оп. 9, Д. 17, карта № 3.*
9. ***Кузьмина М.*** *Плен (Японские военнопленные в Хабаровском крае). Комсомольск-на-Амуре., 1996., карта-приложение.*
10. *Подвиг на Амуре. Документальная повесть. Хаб. кн. изд — во., 1967., С. 35.*
11. *Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. 15, Оп. 4, Д. 56, Л. 64, 70.*
12. *Там же. Ф. 15, Оп. 9, Д. 6. Л. 70.*

В. И. РЕМИЗОВСКИЙ (ХАБАРОВСК)

ГЕОЛОГ ИННОКЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ ТОЛМАЧЕВ

И. П. Толмачев родился в г. Иркутске 15 апреля 1872 года. Это был пятый ребенок в семье, но первый, который выжил. И дед, и отец Павел Иванович, служили офицерами в армии, — род их происходил из Крыма. Мать, Феоктиста Михайловна, происходила из семьи переселенцев из г. Великий Устюг. До замужества она длительное время жила в доме одного из состоятельных декабристов, — здесь она получила образование и воспитание, здесь же встретила и своего будущего мужа. Отец довольно рано умер, оставив его на попечение матери.

С юных лет Иннокентий Павлович увлекался путешествиями, совершая их пешком, на лошадях и лодках сначала в окрестностях Иркутска, а затем и гораздо дальше. Собирал минералы и выискивал ископаемые. Вскоре квартира превратилась в настоящий музей естественной истории. Очевидно, что именно это увлечение и определило выбор профессии.

В 1893 году Толмачев завершил обучение в Иркутской гимназии и поступил в Санкт-Петербургский университет, который с отличием окончил в 1897 году. В студенческие годы, будучи социально активным, Иннокентий Павлович принимал участие в студенческих кружках и даже был причастен к распространению прокламаций. Однако непосредственного участия в революционных событиях он не принимал, и это спасло русскую науку от возможной потери крупного ученого.

1897 год был весьма знаменателен для Толмачева еще двумя событиями, разделить которые по их значимости невозможно, да и хронологически они практически совпали. Сразу после получения диплома его приняли в Юрьевский университет (бывший город Юрьев, а ныне — Тарту) на должность ассистента-геолога, с чего собственно и началась его научная карьера. И где-то в это же время, будучи в гостях у только что избранного академиком Петербургской академии наук А. П. Карпинского, Толмачев познакомился со старшей дочерью академика, Евгенией Александровной.

Иннокентий Павлович был хорош собой: достаточно высок ростом, мужественен, умен, широко образован. Не уступала ему и Евгения Александровна: элегантная красивая женщина, к тому же незаурядного ума — шутка ли, владеть семнадцатью языками! Вскоре они стали мужем и женой, а молодой академик озаботился поисками достойного места для зятя.

В начале 1899 года И. П. Толмачев был отозван в Петербург и назначен куратором Геологического музея Петербургской академии наук. На этой весьма престижной должности Иннокентий Павлович прослужил вплоть до начала Первой мировой войны. Почти каждое лето он проводил геологические исследования в родной ему Сибири или на Крайнем Севере.

Уже результаты первых полевых работ летом 1899 года показали, что молодой ученый вполне достоин того высокого места, которое он занял, как казалось кое-кому, только благодаря влиянию тестя. Работая в горах Кузнецкого Алатау, Толмачев впервые обратил внимание на экзогенный рельефообразующий процесс, протекающий под действием снега и в условиях его накопления. Процесс получил название нивация (от латинского niх, в род. падеже nivis — снег) и вместе с именем первооткрывателя вошел в энциклопедические издания.

Ряд экспедиций И. П. Толмачева в высокие широты в организационном плане был связан с именем Ф. Н. Чернышева, руководителя Отделения физической географии Географического общества. В 1905 году он поддержал идею направить экспедицию в район р. Анабар, с целью уточнить и детализировать маршрутную съемку Э. В. Толля.

В начале 1909 года при непосредственном участии Ф. Н. Чернышева подкомиссия в составе известных геологов К. И. Богдановича, К. А. Волосовича, А. П. Герасимова, И. П. Толмачева и Я. С. Эдельштейна составила план крупной геологической экспедиции в районы Якутии и Чукотки. Экспедиция состояла из трех отрядов, общее руководство осуществлял Толмачев. Любопытно, что отрядом, направлявшимся в устье р. Колымы, руководил будущий руководитель экспедиции к Северному полюсу Г. Я. Седов.

Из Петербурга экспедиция Академии наук и Географического общества выехала 3 марта и уже 17 была в Верхоянске. Приведу интересное свидетельство, почерпнутое из дневников Г. Я. Седова. Направляясь на Чукотку, И. П. Толмачев вез для чукчей берданки с комплектами патронов. Однако по пути пришлось часть берданок продать якутам, которые в противном случае отказывались везти экспедицию. И в то время, как купцы продавали берданки по 30–40 рублей за штуку, Иннокентий Павлович продавал всего по 10 рублей да еще в придачу давал по 100 патронов.

За одно короткое лето И. П. Толмачев и А. К. Волосович прошли от устья р. Лены до мыса Дежнева. Следует отметить, что несмотря на то, что проведена была лишь маршрутная геологическая съемка, Толмачев пришел к выводу, что полезные ископаемые (золото, графит, железо), которые были найдены им у мыса Дежнева, можно встретить по всему побережью Ледовитого океана до устья р. Колымы. Результаты экспедиции были столь значительны, что в 1913 году академик Ф. Н. Чернышев обратился в Министерство торговли и промышленности с ходатайством о назначении им пожизненных персональных пенсий.

Первая мировая война застала Иннокентия Павловича в Туркестане. Руководствуясь чисто патриотическими чувствами, он просил зачислить его в действующую армию. Однако возраст и отсутствие военной подготовки препятствовали этому. Тогда, возглавив комитет академиков (не будучи сам академиком), он занялся организацией при Петроградской (теперь уже!) академии наук полевого госпиталя. Затем обеспечил доставку медицинского оборудования для Сибирского отделения русского общества Красного Креста.

Последнее мероприятие было столь успешным, что Иннокентия Павловича в 1915 году вместе с госпиталем направили в Галицию, где он руководил практически всей деятельностью общества Красного Креста в этом районе. Когда русская армия потерпела поражение в Галиции, Толмачев оказался на занятой немцами территории. Однако его общественное положение как представителя Красного Креста позволило ему беспрепятственно вернуться в Петроград. Это было расценено как подвиг, и он был награжден орденом.

Затем, видимо, с год Толмачев занимался вопросами снабжения русской армии. Однако поражения на фронтах и Февральская революция резко изменили его отношение к личному участию в общественной деятельности. Он понял, что его место в науке и вскоре стал во главе Географического института. Но не надолго.

Вскоре он опять в Омске, где его именем как ученого и общественного деятеля пытаются воспользоваться сибирские политики. Но Толмачев уклоняется и принимает звание профессора геологии и минералогии Омского сельскохозяйственного института. Тогда к нему подошли с другой стороны. У политиков возникла идея связать Омское правительство со странами Европы Северным морским путем. Для реализации этой идеи организовывается экспедиция в низовья р. Оби. Руководить экспедицией назначают И. П. Толмачева. Экспедиция была плохо подготовлена и едва не закончилась гибелью ее участников.

Далее небольшой провал, и в начале 1920 года мы видим Толмачева с семьей в Харбине. Естественно, что его хорошо знал Э. Э Анерт, и, организовав Дальневосточный геологический комитет, пригласил Иннокентия Павловича на должность вице-директора ДВГК. 30 мая 1920 года И. П. Толмачев прибыл во Владивосток, а в средине июня перебралась сюда и его жена с двумя детьми.

Однако не с геологии начал Толмачев свою деятельность во Владивостоке. По поручению Временного Главного управления Российского общества Красного Креста на Дальнем Востоке 7 июля 1920 года Иннокентий Павлович во главе экспедиции, снаряженной специально для оказания помощи местному населению, выехал в Николаевск-на-Амуре.

Вернулся только 5 августа и почти до конца года исполнял обязанности директора ДВГК, т. к. Э. Э. Анерт в это время был в Маньчжурии. А в ноябре месяце Толмачева пригласили в политехнический институт читать курсы палеонтологии и физической геологии «по должности и. о. профессора».

Весь 1921 год Иннокентий Павлович провел во Владивостоке, совершив несколько непродолжительных поездок: посетил содовые и соляные озера в окрестностях Хайлара, руководил разведками на уголь в районе станции Иректе (это все в Маньчжурии), имел научную командировку в Японию. Дома продолжал камеральную обработку своих обширных коллекций, собранных на северо-востоке Сибири.

Зимой 1921/22 годов вновь читал курс палеонтологии в политехническом институтет. Зимой же созрела идея широко обсудить вопросы изучения Уссурийского края, и началась подготовка съезда Никольск-Уссурийского отделения Географического общества. Толмачев был избран председателем организационного комитета. Съезд состоялся весной 1922 года. И это последнее известное мне деяние И. П. Толмачева на Дальнем Востоке.

Из показаний П. И. Полевого на допросе 1931 года:

«Человек властный, склонный к спекуляции и авантюре, считался большим специалистом по Северу Сибири... Замещал во время отлучек Анерта, мало считаясь с последним, вследствие чего Анерт и помог ему уехать в Америку, куда он был приглашен на службу в музей Андрью Корнеджи в Питсбурге, с которым завязал связи еще работая директором музея в Санкт-Петербурге... настроен он был антисоветски».

И еще, так сказать, для истории:

«При Толмачеве-Анерте геолком ДВ представлял гостиницу, в которой проживали Анерт, семья Толмачевых, Криштофович позже с женой,

секретарь Савицкий и казначей бухгалтер Ланцевич. Настоящей работы не велось, так как не было средств».

И действительно, во второй половине сентября Э. Э. Анерт помог Толмачеву сесть на отплывающий в США пароход, профессор Чарльз Шухерт выхлопотал для него должность куратора музея Карнеги в г. Питсбурге.

В этой должности Иннокентий Павлович прослужил 23 года, вплоть до выхода на пенсию в 1945 году. Одновременно он был профессором Питсбургского университета и преподавал палеонтологию. Педагогическую деятельность он не оставил и после выхода на пенсию — вел курс палеонтологии в колледжах штатов Техас и Нью-Джерси (это называлось периодически приезжающий профессор).

Хэгли Джонсон пишет со слов доктора Е. Р. Эллера, близко знавшего Толмачева в Питсбурге, что он отличался одним из ценнейших качеств ученого — «всегда делать свое дело хорошо». Ему была своейственна «строжайшая дисциплина ума и тела». В отношении других людей Иннокентий Павлович «сохранял величайшую скромность».

В США Иннокентий Павлович был женат дважды, имел пятерых детей. Первая жена Толмачева, Евгения Александровна, в 1922 году не согласилась покинуть Россию и вместе с двумя сыновьями вскоре вернулась в Петроград. Думается, что это ее решение было основано на известиях об отце, академике А. П. Карпинском, который принял власть Советов и продолжал верно служить отечественной науке. Старший сын, Павел, прожил сравнительно недолго, а младший, Александр, названный так в честь деда, доктор наук, ушел из жизни в 1979 году.

Умер И. П. Толмачев 17 января 1950 года.

Имя Иннокентия Павловича Толмачева неоднократно увековечено и как геолога и как палеонтолога. Его именем названы:

а) ледник в бассейне р. Чулым на восточном склоне хребта Кузнецкий Алатау;
б) река Толмачева, берет начало в хребте Быррранга на Таймырском полуострове и впадает в р. Нижняя Таймыра;
в) свита — Толмачевский горизонт, — представленная отложениями нижнего ордовика, развита по р. Толмачева на востоке Таймырского полуострова;
г) три вида из класса брахиопод;
д) одна форма из класса двустворчатых моллюсков;
е) одна форма из класса головоногих моллюсков.

О. Б. ЛЫНША (УССУРИЙСК)

НИКОЛЬСКИЕ ХУДОЖНИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В начале XX века в Никольске-Уссурийском работало несколько художников. Однако имена большинства из них неизвестны. На слуху лишь одно имя — Василий Григорьевич Шешунов. Однако и в биографии В. Г. Шешунова еще много белых пятен. Так, например, В. А. Грачев высказал мысль, что из художников-учителей наибольшее влияние на него оказали Шишкин и Куинджи [1]. Однако творчество этих художников имеет больше отличий, чем сходства. Шишкина и Куинджи объединяет лишь одно — они оба были пейзажистами. Поэтому сравнение творчества Шешунова сразу с двумя этими художниками вносит больше путаницы, чем ясности. Да и сама биография никольского художника освещается в литературе не полно. Поэтому имеет смысл собрать воедино все, что мы знаем о Шешунове.

Первым биографом В. Г. Шешунова был его коллега по женской учительской семинарии в городе Никольске-Уссурийском В. А. Грачев. В 1922 году он опубликовал некролог о безвременно умершем художнике, в котором кратко описал его жизнь: *«Василий Григорьевич Шешунов родился 20 марта 1866 года в Иркутске. Потеряв в 4 года мать, он остался на попечении отца, чиновника главного управления Восточной Сибири, который мало обращал внимания на воспитание своих детей. Уже на школьной скамье обнаружилось тяготение Шешунова к рисованию и природе. Законченного среднего образования ему не удалось получить. По выходе из школы Шешунов занимался изучением живописи, работая в Иннокентьевском монастыре и городском театре. В это же время он вместе со своим братом Константином исходил пешком Иркутскую губернию. Общение с природой, начавшееся в годы детства и юношества, не прекращалось в течение всей его жизни и оказало сильное влияние на направление его таланта. Один из художников, заметивший талантливость Шешунова, дал ему совет серьезно заняться своим художественным образованием. Вскоре Шешунов получил стипендию Серебрякова, что дало ему возможность поступить вольнослушателем в Академию художеств»* [2]. Художником, заметившим «талантливость» Шешунова, мог быть его старший брат Илья Григорьевич (1860–?). Илья Григорьевич учился в Петербургском университете на физико-математическом факультете. В 1884 году он был зачислен в состав слушателей Академии художеств, где учился до 1885 года и ушел в связи с отбыванием воинской повинности. В дальнейшем И. Г. Шешунов жил и работал в Иркутске. В Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева есть его работы [3].

В 1895 году В. Г. Шешунов вышел из Академии и посвятил себя служению искусству и делу художественного воспитания молодежи. Его педагогическая деятельность началась в 1900 году в Благовещенске, где он состоял преподавателем рисования в городском шестиклассном и ремесленном училищах [4]. Пока мы не знаем,

чем Шешунов занимался с 1895 до 1900 года, зато понятно, почему художник выбрал Благовещенск — там работал преподавателем ремесленного училища его брат Константин Григорьевич Шешунов. До этого К. Г. Шешунов в 1889–1898 годах работал учителем в Никольской сельской школе, затем стал преподавателем Хабаровского городского училища, в 1900 году он перебрался в Благовещенск.

В 1901 и 1902 годах в Благовещенске В. Г. Шешунов организовал первые в городе выставки. В сентябре 1902 года В. Г. Шешунов стал участником художественной выставки во Владивостоке [5]. В 1906 году художник переезжает в Никольск-Уссурийский. Здесь он стал преподавать рисование в ремесленном училище, женской гимназии и реальном училище. С 1912 года Шешунов стал работать в женской учительской семинарии. Все свое свободное время В. Г. Шешунов посвящал искусству. На каникулах и летом, и зимой он уезжал на этюды в тайгу [6]. У Василия Григорьевича был превосходный дар педагога. Для него было характерно *«постоянное искание новых путей в преподавании рисования, уменье зажечь интерес к искусству в душах учащихся и необычайно сердечное отношение к ним»* [7].

Другим известным никольским художником был Павел Васильевич Николин. Из рассказов художника было известно, что родился он в деревне, где крестьяне занимались иконописью. Все жители этой деревни носили фамилию «Николины», так что для отличия ему дали вторую Тепляков. Таким образом он стал Николиным — Тепляковым. Специальная государственная комиссия ездила по городам и весям, отбирая талантливую молодежь для обучения в Санкт-Петербургской Академии Художеств. П. В. Николин был отобран, как один из наиболее заметных своим художественным талантом. Окончил он не только Академию Художеств, но также специальные трехгодичные курсы для учителей рисования и живописи. Николин лично знал больших художников того времени: Репина, Маковского, Куинджи, Шаховского, профессора Чистякова [8]. После окончания Академии Художеств художник приехал во Владивосток. Владивостокское Общество поощрения изящных искусств в феврале 1901 года открыло в городе рисовальную школу. Руководителем школы стал П. В. Николин. Через полтора года работы Николин представил отчетную выставку. В сентябре 1902 года Павел Владимирович принял участие в художественной выставке, прошедшей во Владивостоке [9]. В 1909 году рисовальная школа закрылась. П. В. Николин переехал в Никольск-Уссурийский и стал преподавать рисование, черчение в средних учебных заведениях города. С 1911 года основным местом работы художника стало реальное училище. В 1913 году при реальном училище была открыта церковь. Для нее Николин написал икону «Моление о чаше» [10].

В 1920 году, несмотря на тяжелейшие условия, вызванные гражданской войной, когда школы почти не финансировались властями, голод и болезни косили людей, художники города решили открыть в Никольске-Уссурийском художественную школу. Инициатива, по-видимому, принадлежала П. В. Николину, имевшему в прошлом опыт работы в рисовальной школе Владивостока. 4 ноября 1920 года в педагогический совет реального училища поступило письменное заявление учредителей

художественного училища о предоставлении им рисовального класса [11]. Помещение было предоставлено. Художниками-учредителями являлись П. В. Николин, В. Г. Шешунов, Н. М. Кабанов, В. Ф. Фельшев. О Кабанове и Фельшеве нам пока почти ничего неизвестно. Н. М. Кабанов (1877–?) работал в учительской семинарии преподавателем рисования, являлся выпускником Академии Художеств. Вильгельм Фридрихович Фельшев закончил в 1913 году высшее художественное училище при Академии Художеств. Под руководством профессора Л. Н. Бенуа исполнил проект на тему: железнодорожный вокзал для столицы [12].

8 января 1921 года художниками была устроена выставка в здании реального училища. В трех небольших залах были развешаны картины и этюды [13]. О судьбе художественной школы мы пока ничего не знаем. В архивных документах за 1922 год упоминается Товарищество художников и «при нем художественное училище».

31 декабря 1921 года умер В. Г. Шешунов. Тяжелые условия жизни подорвали здоровье художника. 25 апреля 1922 года в Никольске-Уссурийском была устроена посмертная выставка картин Василия Григорьевича. Впоследствии художественное наследие В. Г. Шешунова (1 400 картин) попало в ведение Дальоно. 7 декабря 1926 года председатель Дальоно Лобов распорядился передать картины Хабаровскому краевому музею для восстановления там художественного отдела [14].

18 сентября 1922 года П. В. Николин берет в реальном училище отпуск и уезжает в Харбин. Харбинская ученица П. В. Николина Л. Ястребова пишет, что *«к советской власти у него была ненависть лютая, о коммунистах он не мог спокойно говорить»* [15]. В Харбине Николин, будучи уже пожилым человеком, зарабатывал на жизнь уроками рисования. Ученицы Павла Васильевича вспоминают его до сих пор с большим теплом.

Вот, почти все, что мы знаем о никольских художниках начала века. В. И. Кандыба упоминает в своей монографии о Кутце, художнике из Никольска-Уссурийского, выставившем на художественной выставке 1908 года в Хабаровске свою картину «Красный смех» [16]. К этому пока можно добавить лишь то, что Андрей Иосифович Кутц был преподавателем рисования городского шестиклассного училища.

Примечания:

1. ***Грачев В. А.*** *Художник-пейзажист Василий Григорьевич Шешунов//Известия Южно-Уссурийского отделения Приамурского отдела РГО. Никольск-Уссурийский. 1922. № 3. С. 40.*
2. *Там же. С. 39–40.*
3. ***Романов Н. С.*** *Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск. 1993. С. 519.*
4. ***Грачев В. А.*** *Указ. соч. С. 40.*
5. ***Кандыба В. И.*** *История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока (1858–1938 гг.). Владивосток. 1985. 6. С. 41, 44.*
6. ***Грачев В. А.*** *Указ. соч. С. 41.*

7. *Там же. С. 40.*
8. ***Ястребова Л.*** *Воспоминания о нашем учителе рисования//Австралиада. Сидней. 1998. № 17. С. 14.*
9. ***Кандыба В. И.*** *Указ. соч. С. 44.*
10. *Уссурийская окраина. 1913. 10 октября. С. 4.*
11. *Уссурийский городской архив Ф. 105. Оп. 1. Д. 8. Л. 31 об.*
12. *Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.*
13. *Уссурийское слово. 1921. 14 января.*
14. *Культурное строительство на Дальнем Востоке. Владивосток. 1982. С. 169.*
15. ***Ястребова Л.*** *Указ. соч. С. 15.*
16. ***Кандыба В. И.*** *Указ. соч. С. 48.*

И. А. АВДУЕВСКАЯ (ВЛАДИВОСТОК)

АЛЬБЕРСЫ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Среди множества имен предпринимателей, оставивших за 140 лет существования Владивостока о себе добрую память, одно из наиболее значительных — Альберс. Три поколения Альберсов связаны с нашим городом.

Первый из них — Густав Людвиг Альберс — вначале избрал профессию моряка. С 14 лет он бороздил моря, побывал в разных странах. В 21 год он был признан «штурманом высокого класса» и через два месяца отправился в свой первый рейс на Дальний Восток.

Поворотной точкой в судьбе Г. Альберса стал 1864 год. В этом году 26-летний моряк встретился с Густавом Кунстом.

Два этих человека не имели ничего общего, за исключением имени, гамбургского происхождения и бороды. Жизнерадостный коренастый Кунст не мог отказать себе в удовольствиях, любил путешествия. Спортивно сложенный, подтянутый Альберс тщательно обдумывал свои решения и неохотно шел на риск. И все же у них было еще одно общее — энергия и деловая хватка, благодаря которой основанный ими во Владивостоке небольшой магазинчик перерос сначала в Торговый дом, а затем в крупнейшую на Дальнем Востоке фирму «Кунст и Альберс». Их совместная деятельность была основана на дружбе и полном доверии. Между ними не было даже письменного договора..

16 сентября 1865 года Г. Альберс зарегистрировал во Владивостоке магазин на свое имя. Летом 1865 года к нему присоединился Г. Кунст. Но первые годы фирма работала под именем Альберса. Вначале они нанимали помещение, но уже в 1866 году приобрели у Де Фриза участок с домом в центре поста. Перспектива строительства порта во Владивостоке сулила немалую выгоду. Предприниматели фрахтовали суда, на которых возили товары и успешно торговали ими в военных постах по

Тихоокеанскому побережью. Это были самые ходовые в то время товары: мука, рис, сахар, чай, спички, ткани, строительные материалы, оружие, боеприпасы. Из Владивостока и Посьета в Западную Европу вывозилась морская капуста и трепанг, что было выгодным бизнесом и значительно увеличило капитал компаньонов.

В начале 1873 года Г. Альберс отправился в Гамбург для налаживания постоянных поставок товаров из Германии. Ему удалось завязать нужные контакты, получить выгодные кредиты, закупить большое количество товаров. Грузы он отправил на барже «Оскар» под присмотром Адольфа Даттана, с которым познакомился в Гамбурге. Альберса привлекли деловая хватка, безусловные коммерческие способности молодого честолюбивого бухгалтера.

Покончив с неотложными делами, Г. Альберс смог, наконец, заняться личной жизнью. Ему было уже 36 лет. Непросто было найти женщину, готовую променять Гамбург на небольшой провинциальный городок на окраине России. И тем не менее 29 января 1875 года в Гамбурге состоялась свадьба Густава Людвига Альберса с 29-летней Элизой Брекволдт. Через 2 месяца они отправились через Шанхай и Нагасаки во Владивосток. К их приезду Кунст надстроил дом. Однако постройка была еще не совсем закончена, и свои первые дождливые ночи во Владивостоке чета Альберсов провела под брезентовой крышей. 6 ноября 1875 года в этом доме родился их первенец — Николаус Вильгельм (Вилли).

В 1880 году было решено, что главным Тихоокеанским портом России будет Владивосток. Город ожил, дела фирмы быстро пошли в гору.

К этому времени поставки из Германии стали занимать значительное место в товарообороте Торгового дома, а контракт с гамбургским агентом фирмы истекал. Необходимо было личное присутствие главы фирмы. Перед рождеством 1880 года семья Альберсов переехала в Гамбург. К этому времени у Густава и Элизы Альберс было уже три сына, Николаус Вильгельм (1875 г.), Винсент Альфред (1877 г.) и Густав Габриэль (1879 г.). В Гамбурге, в 1881 году у них родилась дочь — Анне Надежда.

Несмотря на постоянное жительство в Гамбурге, Г. Альберс не оставлял активного руководства фирмой во Владивостоке. Когда в городе начали возводиться капитальные здания, почин сделала фирма «Кунст и Альберс».

В 1881 году инженер Хакель разработал проект великолепного двухэтажного здания для торгового дома. В начале марта 1881 года Альберс телеграфировал из Гамбурга: «Стройте». В строительство здания было вложено 90 тысяч рублей. 1 апреля 1884 года открылось новое здание магазина «все из камня и железа». Г. Альберс в своем поздравлении из Гамбурга писал: *«Дай Бог, чтобы мы в нашем новом магазине имели бы такой же успех, как в нашей старой испытанной лавке»*. На новом здании было написано «Густав Васильевич Альберс» (так в России звали Густава Людвига). В новом здании были не только торговые отделы, здесь разместились конторы, банк, отдел судоходства, помещение для отправки товаров; в верхнем этаже — жилые помещения для некоторых служащих. В магазине было уже 18 торговых отделений: принадлежности мужского туалета, галантерея, изделия из золота и серебра, дорожные товары, оптика, охотничье-ружейный отдел, парфюмерия, товары из железа, товары из льна, текстильные товары, канцелярские, изделия из

кожи, меховые, мебель, стекло и фарфор, дамский и мужской салоны, отдел колониальных товаров, аптечный отдел. К концу 80-х годов фирма основала филиалы во всех крупных населенных пунктах Приморья.

В 1886 году Г. Альберс в последний раз прибыл во Владивосток, чтобы заменить А. Даттана на время его отъезда в отпуск в Германию. С этого года в названии фирмы появилось имя Г. Кунста. Теперь она стала называться «Кунст и Альберс».

В 1889 году торговый дом отмечал свое 25-летие. В ознаменование этого события фирма обратилась к Приморскому губернатору с просьбой принять от нее капитал в 6 000 рублей, с тем, чтобы на проценты с этого капитала образовать стипендию для выпускников здешней прогимназии, желающих продолжать образование в каком-либо высшем учебном заведении. Одна из гамбургских газет писала в октябре 1889 года: *«...Жертвуя 6 тысяч рублей на образование стипендии, члены фирмы являются в деле благотворительности не в первый раз: они наряду с другими благотворителями всегда были отзывчивы на просьбы оказать помощь всякому доброму делу».*

Торговый дом «Кунст и Альберс» играл значительную роль в жизни Владивостока. В 1893 году фирма ввела в эксплуатацию свою «электроцентраль». Вначале освещение было введено в торговом и жилых помещениях фирмы, а с 1897 года она начала снабжать электричеством всех желающих.

Газеты Владивостока отмечали появившийся в городе «ряд благообразных домов», принадлежащих Г. Альберсу. В 1898 году на территории фирмы был возведен 3-х этажный жилой дом — лучшее в то время здание в городе. В нем были все удобства: центральное отопление, водопровод, электрическое освещение. (ул. Фокина, 24). Немного позже был выстроен 5-этажный дом для хранения товаров, с квартирами для персонала на верхнем этаже (ул. Фокина, 26).

Многие сотрудники фирмы — немцы, скандинавы, прибалты — были лютеранами. Когда в 1903 году Церковный совет Владивостока принял решение построить, наконец, церковь для лютеранской общины, самое крупное пожертвование — 5 000 рублей — сделал Г. Альберс.

В 1898 году Г. Кунст покинул фирму, и компаньонами стали Г. Альберс и А. Даттан (соответственно 52,5% и 47,5%). К этому времени внутри фирмы сложилась сложная обстановка. А. Даттан стремился все больше прибрать ее к своим рукам. На все ключевые посты он ставил своих доверенных людей. Перестановки делались без согласования со старшим партнером. Опасения быть вытесненными предприимчивым А. Даттаном потребовали участия в делах фирмы сыновей Г. Альберса.

С 1896 года во Владивостоке работал его старший сын — Николаус Вильгельм. Он руководил банковским отделением фирмы. Постепенно отношения его со ставленниками А. Даттана становились все более напряженными, и, в конце концов, Вилли признал свое поражение и вышел из фирмы. Позже он обосновался в Южной Африке.

Густав Габриэль был совладельцем фирмы в Гамбурге. Дело отца во Владивостоке продолжил средний сын — Винсент Альфред.

Трехлетним ребенком Альфред уехал с родителями из Владивостока, вырос в Гамбурге. Получил юридическое образование. Служил в Вестфальском улан-

ском полку в Дюссельдорфе. Через год вышел в отставку офицером запаса. Он отклонил выгодное предложение вступить в канцелярию адвокатов, решив стать предпринимателем. Чтобы ознакомиться с предпринимательством он работал в гамбургской конторе фирмы «Кунст и Альберс».

В 1906 году 29-летний доктор права Альфред Альберс, в качестве назначенного преемника своего отца, прибыл во Владивосток. Здесь он начал работать в так называемом немецко-английском отделении корреспонденции, которое осуществляло переписку на английском языке с партнерами по торговле всего мира и общение на немецком с Гамбургом и руководителями крупных филиалов фирмы на российском Дальнем Востоке и за границей. (В Китае, Японии).

Доктор Альберс сразу включился в общественную и культурную жизнь города. В 1907 году во Владивостоке был создан «Императорский яхтный клуб». Его командиром стал сын известного владивостокского предпринимателя Леонид Бринер, вице-командиром — Альфред Альберс. На своей яхте «Ирис» в последующие годы он неоднократно участвовал в регатах, организованных клубом.

Позднее Альберс вспоминал: *«Немцы во Владивостоке общались большей частью друг с другом».* Члены лютеранской общины часто устраивали театральные представления и концерты. А. Альберс играл на рояле, участвовал в одной из театральных постановок, иногда играл и на органе в церкви. Сохранилось благодарственное письмо правления лютеранской церкви к доктору Альберсу. В нем, в частности, говорится: *«...до тех пор, пока будет существовать наша церковь во Владивостоке, до тех пор в ее истории будет с благодарностью упоминаться Ваше имя... Вы сами, глубокоуважаемый господин Альберс, помогли заложить основу культурной жизни Владивостока...»*

В 1909 году сильно ухудшилось здоровье Г. Альберса, и Альфред выехал в отпуск в Германию.

За годы работы во Владивостоке он заслужил симпатию и уважение горожан и обладал всеми качествами, необходимыми для руководства фирмой. Именно Альфреду Густав Альберс завещал свою долю в фирме, в том числе 9 из 15 земельных участков фирмы во Владивостоке, которые были официально приобретены на его имя. Однако наследование земли на русском Дальнем Востоке иностранцами было запрещено. В августе 1910 года А. Альберс выехал в Петербург, откуда благодаря рекомендации Владивостокского губернатора вернулся гражданином России. После чего Густав Альберс покинул фирму.

Вскоре в Гамбурге состоялась свадьба Альберса с Маргаритой Лоренц-Майер. 14 февраля, после двухмесячного морского свадебного путешествия, молодая супружеская пара прибыла во Владивосток. Встречавшие нового шефа служащие фирмы преподнесли им в качестве свадебного подарка старинный серебряный самовар и серебряный поднос. Первая квартира Альфреда и Маргариты Альберс была в здании фирмы на Светланской (нынешнее здание ФТИ).

С этого времени Альберс активно включился в руководство деятельностью фирмы на Дальнем Востоке. В это время Владивосток переживал экономический подъем, что сказалось и на процветании фирмы «Кунст и Альберс». К 1914 году — своему

50-летию — торговый дом имел 23 отделения и магазины по всему русскому и зарубежному Дальнему Востоку. Валовой оборот составлял 16 млн. рублей. Намечавшееся юбилейное торжество сорвала начавшаяся война между Россией и Германией.

Вокруг фирмы сложилась атмосфера подозрительности. Обстановка была очень напряженной. К тому же Маргарита Альберс, содержавшая дом для 24 детей-сирот, была в постоянной тревоге за детей. Все это заставило Альберсов переехать с детским домом на дачу, находившуюся в пригороде Владивостока, на берегу Амурского залива. Там они чувствовали себя относительно спокойно.

Однако война не обошла их. 9 октября 1915 года А. Альберс был призван в армию. Он служил в пехоте в качестве нижнего чина.

Только в июле 1920 года А. Альберс и А. Даттан, арестованный в 1915 году и отбывший ссылку в Нарымском крае, вернулись во Владивосток. Они поселились в доме на улице Пекинской. Даттан вскоре выехал в Германию. Возрождение разгромленной, разграбленной фирмы легло на плечи А. Альберса. Возобновление торговли, водочного производства, каботажного плавания вновь стало приносить неплохие доходы. Однако политическая ситуация на Дальнем Востоке России была напряженной. Оставшись после смерти А. Даттана в 1924 году единственным владельцем фирмы, А. Альберс решил предпринимательскую деятельность перенести в Китай. В этом же году он с семьей выехал в Харбин, а затем на родину.

В 1925 году городские власти Владивостока национализировали здание фирмы. В 1930 году все имущество А. Альберса было конфисковано. Еще год существовало во Владивостоке пароходство фирмы.

В 1939 году на 75-м году существования крупнейшая на Дальнем Востоке торгово-промышленная фирма «Кунст и Альберс» прекратила свою деятельность на Дальнем Востоке, а после смерти доктора Альберса в 1960 году полностью прекратила свое существование. Трое сыновей А. Альберса — Винсент, Ян и Клаус — коммерции предпочли юриспруденцию.

Альберсы как владельцы фирмы «Кунст и Альберс» оставили значительный след в истории Владивостока. Они субсидировали многие проекты по развитию города, жертвовали крупные суммы на развитие образования, на благоустройство и прочие добрые начинания.

Сейчас об Альберсах напоминают прекрасные здания ГУМа, ФТИ, ряд других зданий на Светланской, лютеранская кирха. На улице Адмирала Фокина стоит здание, где жили Альберсы в 20-е годы и где родился их средний сын Ян, внук Густава Васильевича Альберса. Свидетельство о его рождении выдано лютеранской церковью Святого Павла г. Владивостока. Ян Альберс, ныне живущий в Гамбурге — последний представитель рода Альберсов, связанный с Владивостоком.

Примечания:

1. *Lothar deeg. «Kunst & Albers. Wladivostok: die Geschichte eines deutchen Handelshauses im russichen Fernen Jstens (1864-1924)» Klartext-Verlad, 1996.*

2. ***Манфред Брокманн.*** *«Значение евангелическо-лютеранской церкви в развитии и строительстве России и, в частности, на Дальнем Востоке». Доклад на международной научной конференции «Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000.*
3. ***Манфред Брокманн.*** *«Немцы во Владивостоке: история и современность». Доклад на Первом Международном конгрессе стран АТР.*
4. ***Н. П. Матвеев.*** *«Краткий исторический очерк Владивостока». Изд. Уссури, 1990.*
5. ***А. Буяков.*** *Фирма «Кунст и Альберс» гарантирует //Вечерний Владивосток. № 45-46. 1996.*
6. ***А. Рецер.*** *В большом почете у Гамбурга //Тихоокеанский комсомолец. № 37. 1993.*

В. И. РЕМИЗОВСКИЙ (ХАБАРОВСК)

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕОЛОГИИ И ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Предлагаемая периодизация основана на двух параметрах: а) характеристика проводимых работ и б) организация работ. За начало отсчета взят 1639 год, когда русские землепроходцы впервые появились на Дальнем Востоке. Вся последующая история изучения геологии и полезных ископаемых Дальнего Востока, исходя из предложенных параметров, разбита на семь периодов.

Первый — 1639–1689 годы. Начало периода — это поход отряда казаков под предводительством И. Ю. Москвитина (1639–1642); конец — подписание Нерчинского договора. Характеризуется он лишь попутным интересом землепроходцев возможностью нахождения месторождений цветных камней и драгоценных металлов (знаменитая Серебряная гора). Новые земли в то время нужны были только для получения сиюминутного дохода (ясак, серебро, золото), ибо железа и меди «по всей Сибири великое изобилие» (С. П. Крашенинников). В этот период были получены первые сведения о том, что где-то должны быть месторождения драгоценных металлов и россыпи цветных камней.

Второй — 1689–1854 годы. От заключения Нерчинского договора до первого сплава по Амуру. В этот период характер проводимых работ в точности соответствовал первому периоду. А вот организация их поднялась на следующую ступень. После походов Л. Семенова (Морозко, 1696), В. Атласова (1697–1699), Р. Преснецова и других землепроходцев, после плавания к Курильским островам Д. Анциферова и И. Козыревского (1711–1713) пришло время

солидных экспедиций — И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина (1719), В. И. Беринга и А. И. Чирикова (1725–1730 и 1733–1743), С. П. Крашенинникова (1737–1741), П. К. Креницина (1764–1770) и др. В самом конце этого периода состоялись еще две экспедиции — А. Ф. Миддендорфа (1844–1845) и Н. Х. Ахте (1848–1852). Однако ни одна из них не производила геологическую съемку и не вела целенаправленного поиска полезных ископаемых.

Третий — 1854–1888 годы. От первого сплава по Амуру до начала планомерных геолого-съемочных работ в связи с планами строительства дальневосточного участка Транссибирской магистрали. В этот период именно профессиональные геологи, что весьма существенно, вели поиски полезных ископаемых, преимущественно золота и угля. Особенно преуспели они в открытии россыпного золота. Первыми геологами-поисковиками были выпускники Петербургского горного института Н. П. Аносов и Г. М. Пермикин, участники первого сплава. В этот период на Дальнем Востоке работали также П. П. Аносов, В. Н. Набоков, Л. Ф. Бацевич, Е. К. Пфаффиус и другие геологи.

Четвертый –1888–1920 годы. От начала работ экспедиций Геологического комитета, Горного департамента Министерства торговли и промышленности до создания собственной геологической службы Дальнего Востока. Основное направление деятельности всех экспедиций — маршрутная и площадная геологические съемки различного масштаба. При этом открывались новые месторождения золота, угля, железа, нефти и строительных материалов, выявлялись рудопроявления полиметаллов. Поиски и разведка месторождений полезных ископаемых производились попутно, скорее как результат съемки. В этот период на Дальнем Востоке работали многие известные геологи: Э. Э. Анерт, К. И. Богданович, В. М. Дервиз, Д. Л. Иванов, М. М. Иванов, П. А. Казанский, А. Н. Криштофович, . П. И. Полевой, В. П. Ренгартен, А. А. Риппас, Н. Н. Тихонович, К. Н. Тульчинский, А. И. Хлапонин и др. В этот же период появились и первые геологические карты отдельных районов Дальнего Востока (например, «Карта местностей, тяготеющих к Амурской железной дороге» Э. Э. Анерта, «Десятиверстная карта Русского Сахалина» П. И. Полевого и др.).

Пятый — 1920–1929 годы. Начинается с организации геологической службы Дальнего Востока, а заканчивается полной реорганизацией геологической службы страны и резкой интенсификацией геологических работ. 11 мая 1920 года группа геологов во главе с Э. Э. Анертом образовала Дальневосточный геологический комитет (ДВГК). На первом этапе его деятельности главным было создание Бюро учета и организация издания результатов геологических исследований. Бюро учета скрупулезно фиксировало не только месторождения, но и случайные находки и, казалось бы, самые незначительные рудопроявления. Этот уникальный материал лег в основу выдающегося труда Э. Э. Анерта «Богатства недр Дальнего Востока». Издательская деятельность ДВГК была довольно интенсивной: за 10 лет увидели свет более 50 выпусков «Материалов по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока». В эти годы в ДВГК работали многие выдающиеся геологи: Э. Э. Анерт, Б. В. Виттефт, А. И. Козлов,

А. Н. Криштофович, Я. А. Макеров, М. А. Павлов, П. И. Полевой, И. А. Преображенский, Г. И. Стальнов, Б. М. Штемпель. Со средины этого периода на Дальний Восток стали выезжать экспедиции различных ведомств и институтов (например, четыре Сахалинских горно-геологических экспедиции под руководством Н. А. Худякова). В составе этих экспедиций работали геологи Н. А. Гедройц, А. И. Косыгин, Н. А. Кудрявцев, С. И. Миронов и др.

Шестой — 1929–1991 годы. В 1929 году началась коренная реорганизация геологической службы страны и Дальнего Востока, в частности. Дальневосточное отделение Геологического комитета претерпело несколько реорганизаций и, наконец, в 1936 году стало Дальневосточным геологическим управлением. В его составе в разные годы работали многие выдающиеся геологи, в том числе и выпускники ГДУ-ДВПИ (первый выпуск геологов состоялся в 1927). Поименно назвать даже десятую часть невозможно, лишь некоторые имена: Г. М. Власов, М. Н. Ивантишин, А. А. Капица, Е. А. Козловский, В. В. Купер-Конин, В. П. Михнович, Н. В. Овсянников, В. В. Онихимовский, Н. П. Саврасов, В. З. Скороход, С. М. Ткалич, В. А. Ярмолюк и др. Для этого периода характерно:

а) образование нескольких трестов, которые разрабатывали те или иные месторождения в регионе («Сахалиннефть», «Дальуголь», «Дальстрой» и пр.). В этих организациях работали крупные геологи различных специальностей: Н. С. Ерофеев, В. В. Ишерский, С. Д. Раковский, Е. М. Смехов, Н. С. Смирнов, М. Г. Танасевич, В. А. Цареградский и др.

б) Организация ряда отраслевых и академических научно-исследовательских институтов (Институт вулканологии, Дальневосточный геологический институт, Институт геологии и геофизики, Институт морской геологии и геофизики, Северо-Восточный комплексный НИИ и др.).

в) в полном смысле наплыв геологических партий различного профиля, направляемых в Дальневосточный регион Министерствами и различными институтами АН СССР. Из-за несогласованности нередко случалось, что один и тот же район исследовался несколькими однотипными геологическими партиями, фактически дублируя друг друга. На Дальнем Востоке появились свои академики и члены-корреспонденды АН СССР от геологии: В. И. Ильичев, Ю. А. Косыгин, Б. И. Пийп, Е. А. Радкевич, Н. А. Шило и др.

Седьмой — после 1991. Так называемая перестройка, развал СССР, недофинансирование и совершенно дикая приватизация нанесли геологической службе страны невосполнимый вред. В результате: а) практически полностью прекратились геолого-съемочные работы; б) в десятки раз сократился объем поисковых и разведочных работ на что бы то ни было; в) сотни квалифицированных геологов всех специальностей ушли из геологических организаций; г) развалена и пришла в запустение лабораторная база; д) некогда престижная и притягательная профессия геолога перестала быть таковой.

Два замечания. Первое: границы некоторых периодов могут быть несколько сдвинуты. Например, за конец четвертого и начало пятого периода можно было

бы взять 1915 год, когда в составе Геологического комитета был образован сектор Дальнего Востока. Но Геологический комитет находился в Петрограде, а созданный в 1920 году Дальневосточный геологический комитет — во Владивостоке. Поэтому мною и взят этот год. Но в целом границы периодов довольно точно отражают изменения характера геологических работ и их организацию.

Второе: Все периоды, начиная со второго и исключая седьмой, могут быть разделены на подпериоды. Вероятно, в этом будет смысл при детализации данной работы.

Н. И. ПЛОТНИКОВА (УССУРИЙСК)

«ДЕЛА» СЕМЬИ БАЙКОВЫХ

В государственном архиве Хабаровского края ныне хранятся «Дела» Бюро по делам российской эмиграции Японии в Маньчжурской Империи. Это Бюро было создано в Харбине японской оккупационной властью в 1934 году. В 1945 году документы этого учреждения были переведены в Хабаровск. Материал этот собственно и не представляет собой «Дел» в определенном понятии. В основном это анкеты, заполненные собственноручно теми, на кого заводились они; иной раз автобиографии, как у Н. А. Байкова и его дочери Н. Н. Байковой; плюс газетные вырезки, как в «Делах» семьи Янковских.

Но и этот скупой, на первый взгляд, материал дает возможность многое узнать о людях, которые нас интересуют.

Так исторически сложилось, что имя Николая Аполлоновича Байкова, русского офицера и писателя, многие годы было хорошо известно за рубежом и почти незнакомо нашим читателям.

Каким же был Н. А. Байков?!

Попробуем представить его по тому материалу, который дают три анкеты и автобиография, что находятся в его «Деле».

Анкеты — это большие сдвоенные листы (формат — размер канцелярской папки) с 78-ю вопросами, затрагивающими даже частную жизнь человека. Николаю Аполлоновичу пришлось заполнить три таких анкеты. Можно только догадываться, какой гнев и возмущение все это вызывало в нем. Первая анкета заполнена черными чернилами, а две другие — простым карандашом; и если первая из них заполнена ровным почерком спокойного человека, то последняя — крупным и отрывистым, что выдавало негодование Байкова, принявшего этот «бюрократизм» за издевательство над личностью. Николай Аполлонович предстает человеком целеустремленным, честным, не умеющим кривить душой. Это ярко подтверждают ответы, данные им в анкетах.

Итак, Н. А. Байков родился 29 ноября 1872 года в Киеве; православный, окончил Киевскую 2-ю классическую гимназию в 1889 году, а затем Тифлисское военное училище; настоящая профессия и специальность — натуралист-литератор; сословная принадлежность — потомственный дворянин; политические убеждения — монархист; участие в кампаниях и походах — 1900–1901 (поход в Китай), 1904–1905 (Русско-Японская война, в тексте: Ниппоно-Русская), 1914–1917 (Великая Европейская война), 1917–1922 (Гражданская война в России); ордена и знаки отличия: Святого Владимира 4 ст. с мечами, Святой Анны 2 и 3 ст., Святого Станислава 2, 3 ст., медали за поход в Китай, за Русско-Японскую войну и за 300-летие Дома Романовых; ранения и контузии: ранен в голень левой ноги осколком снаряда в 1916 году и контужен в голову под г. Станислав в 1915 году; ученые степени и ученые труды: сотрудник-корреспондент Императорской Академии наук с 1908 года, пожизненный почетный Член Общества Изучения Маньчжурского края с 1924 года (в Приложении дается перечень научных трудов). На вопрос, был ли в советском подданстве, отвечает, что в 1925 году возбуждал ходатайство о советском паспорте, когда служил на КВЖД. В 1927 году сдал паспорт при возбуждении ходатайства о переходе в эмигрантское состояние. Не желая состоять в советском подданстве, отказался пролонгировать паспорт с 1933 года. В феврале 1935 года снова возбуждает ходатайство в Бюро эмиграции о переходе его в эмигрантское состояние (квитанция № 74). Причину выхода из советского подданства указывает следующую: «Не сочувствие большевикам и жидомассонам». Из этих же анкет становится известно и о службе Н. А. Байкова в Маньчжурии: с 1923 года по 1925 год служил в лесной концессии на станции Яблоня; с 1925 года по 1930 год — в Земельном отделе на КВЖД; с 1931 года по 1934 год — в Учебном отделе КВЖД, преподавал естествознание в советской школе. Пришлось ему указать и свои физические недостатки и болезни: близорукость, слабость сердечной деятельности, астма и склероз. Еще на массу вопросов Байков чаще всего отвечает коротко: «да» или «нет». Нетрудно догадаться, что они вызывают у него негативные чувства. Его раздражает тупость некоторых вопросов и та подозрительность к нему, русскому офицеру и писателю, которая оскорбляет чувство собственного достоинства.

Понять и дополнить образ этого человека помогает «Автобиография», которая сохранилась в Деле СД 2/1185. Кроме традиционных сведений о себе писатель сообщает о том, что до революции за исследовательскую работу был награжден земельным участком в Южно-Уссурийском крае площадью в 100 десятин и получил от Академии наук звание «Сотрудника-Корреспондента» в 1907 году.

Далее Н. А. Байков, не скрывая, пишет о том, что был офицером Добровольческой Армии, служил в особом офицерском батальоне генерала Гаттенбергера. В 1920 году заболел сыпным тифом и был эвакуирован вместе с англичанами в Египет, а затем в Индию. Этот факт биографии он сообщает кратко. Но Наталья Николаевна дополняет его подробностями своей биографии: *«До 1922 года мы жили в Египте, сначала в оазисе Тель-эль-Кебир, а затем в местности Сиди-Гошир под Александрией. В 1922 г. нас вывезли в Индию, где жили в крепости Бельгаум на Гатском*

плоскогории. Отсюда перевезли во Владивосток. В конце 1922 года приехали в Харбин, а затем на разъезд Эхо. В 1923 году мы переехали на станцию Яблоня».

Так дочь продолжает рассказ отца о самых трудных и переломных годах их жизни.

Бросается в глаза то, что Николай Аполлонович не прятался, как улитка в раковину, от тех страшных испытаний, которые выпали на долю русской эмиграции. Он находился в гуще этих событий, имея твердые убеждения и взгляды на жизнь, оставаясь верным монархическим убеждениям. Причем в автобиографии писал: *«Как монархист по убеждению, сочувствую Империи Ниппон и Маньчжу-ди-го».*

Будучи человеком чести, не скрывался от военных трудностей, не отсиживался в тылу, о чем говорят его ранения и контузия, а также многочисленные награды, полученные им за боевые заслуги. Остаться в той, другой, не его России, он не пожелал и, как далее сам сообщает, *«в 1922 году возвратился в Маньчжурию и возобновил научную работу».*

Далее в автобиографии более резко, чем в анкете, пишет о том, что *«во время конфликта в 1929 году служил на КВЖД, за что и был уволен большевиками в 1930».* Потом сообщает следующее: *«В 1930 году был приглашен на службу в ДНП (Департамент народного просвещения) в качестве нештатного преподавателя естествознания в 4 отдел. 1 сентября 1934 года был уволен большевиками за антикоммунистическую работу в школе и за отказ пролонгации советского паспорта, просроченного с 1932 года».* Наверняка, когда искали повод для увольнения его из школы и придумали эту формулировку, которую теперь и воспроизвел Байков, осознавая, что автобиография — это «свидетель». Из документов, находящихся в Деле, можно представить, какое это было трудное время для русских эмигрантов: душевные переживания, проблемы с жильем, трудности с устройством на работу. Поэтому, получив место службы, им очень дорожили. И Н. А. Байков, устроившись на работу, вряд ли занимался политической пропагандой в советской школе, ему и без этого было о чем говорить с детьми, ведь он — ученый-натуралист, русский писатель. Тем горше было ему осознавать несправедливость по отношению к себе, когда последовало увольнение.

В рамках автобиографии Байков на целый лист дает перечень литературных трудов, как бы противореча себе и убеждая нас в том, что главное в его жизни — это не политика, а наука и литература. Всего с 1902 года по 1935 год издано:

1. Две книги: «В горах и лесах Маньчжурии» — 1915 г. (Сборник рассказов, 400 стр. текста и 45 фотографий); 1935 г. сборник рассказов «В дебрях Маньчжурии», 225 стр.
2. Около 100 научно-популярных и экономических статей.
3. Более 200 рассказов бытового содержания.
4. Печатался в журналах «Природа и охота», «Нива», «Природа и люди», «Исторический вестник», «Вокруг света», «Наша охота» и др.

В «Делах» семьи Байковых есть еще очень интересный материал — это фотографии. На каждой анкете отведено место для них: верхний угол слева первой страницы листа. Но фотография Николая Аполлоновича почему-то помеще-

на на третьей странице анкеты внизу справа. На ней изображен человек с глубоко посаженными глазами, смотрящими как бы из глубины своего «я». Взгляд проницателен и суров; широкие густые брови; борода и волосы на голове убелены сединой. Это фотография очень красивого мужчины и даже на ней видно, что у писателя выправка военного.

Не менее интересны фотографии и двух прелестных женщин: жены и дочери Николая Аполлоновича. Они удивительно похожи: у обоих тип лица, который у нас на Руси принято называть «славянским»: прямые носы, светлые глаза (это видно даже на черно-белой фотографии); лица освещены как бы изнутри, они притягивают взгляд, на них нельзя смотреть мельком, их хочется долго разглядывать. У обеих, как видно, были прекрасные волосы: прически — косы, уложенные вокруг головы «короной».

Но эти женщины красивы не только внешней красотой, но и внутренней. Их жизнь оказалась связанной с жизнью человека трудной судьбы, и они достойно разделили ее с ним.

Из скудных сведений в анкете Веры Ивановны (ее Дело хранится в Деле Н. А. Байкова) узнаем о том, что родилась она в 1895 году 23 мая в г. Либава; православная; окончила либавинскую гимназию в 1912 году; знала латинский и немецкий языки в совершенстве; монархистка; до 1914 года служила в аптеке г. Либава; до 1917 года преподавала немецкий язык. В 1919 году вышла замуж за Байкова Н. А. Она соединила свою судьбу с судьбой русского офицера и прошла через все мытарства гражданской войны и эмиграции. А если учесть, что их дочь Наташа родилась в 1920 году в Новороссийске, то можно только догадываться, что пришлось испытать молодой семье.

Тем не менее, в 1922 году Байковы живут в Харбине, потом, как сообщает Наташа в автобиографии, на разъезде Эхо и в 1932 году на станции Яблоня. Последний адрес, который указан у всех Байковых, это г. Модягоу, ул. Церковная, д. 5, кв. 6 (тридцатые годы). Наташе не суждено было жить на Родине, но она много о ней знала и любила ее. Девушка окончила гимназию Бюро в 1936 году с серебряной медалью (Гимназия Педагогического института была переименована в Гимназию Бюро по делам Российских Эмигрантов). В документах, заполненных ею, она указывает на то, что является православной, по политическим убеждениям — вне политики, живет при родителях; скромно говорит о том, что английский язык знает в пределах курса гимназии, а китайский язык — слабо. Кстати, все документы заполнены и написаны очень грамотно и на русском языке аккуратным ровным почерком отличницы. В автобиографии, датированной 28/08/1936 года, Наталья Николаевна сообщает также, что «по своим убеждениям я русская патриотка-националистка, хотя ни в какой политической партии не состою».

В анкете, заполненной 22 мая 1941 года, утверждает, что она — вне политики. В этом же документе указывает причину выезда из СССР: антикоммунистические убеждения матери. Складывается впечатление, что дочь намеренно не говорит об отце и если упоминает о нем, то очень общо и коротко, чтобы чем-нибудь не навредить ему. Здесь же и новые сведения о ней самой: в 1940 году

окончила косметические курсы, курсы кройки и шитья, машинописи; с 1940 года изучала немецкий язык; а из Дополнения к анкете узнаем, что с 1944 года начала изучать японский язык. К анкете в деле Натальи Николаевны даны примечания, в которых сообщается, как она выглядит: внешне здорова, спокойна, прямодушна, настроение хорошее.

Из всех документов, собранных под одним номером СД 2/1185, вырисовывается судьба семьи Байковых: трудная, сложная, но честная. И по документам, и по отзывам современников можно понять, что в семье царили любовь и взаимопонимание, твердые убеждения, бескомпромиссность, уважение и бережное отношение друг к другу. А еще их связывала большая и крепкая любовь к Родине. И именно это чувство Наталья Николаевна, прожившая всю свою жизнь на чужбине, не только сохранила, но и передала своему сыну Николаю, с которым она сейчас живет в г. Брисбене. Оба мечтают о том, чтобы русский народ узнал правду об их отце и деде, познакомился с творчеством писателя Николая Аполлоновича Байкова.

Примечание: *основой статьи является материал документов Государственного архива Хабаровского края (ГАХК); Ф. 830. Оп. 3. Ед. хр. 11198.*

Ю. ПРАСОЛОВА (ВЛАДИВОСТОК)

ТЕМА ЛЮБВИ В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БОРИСА МОЖАЕВА

Борис Андреевич Можаев, главная тема творчества которого — русское крестьянство, начинал свой путь в литературу на Дальнем Востоке. Здесь он жил и работал с начала 50-х и до начала 60-х годов. В это время набирала силу «деревенская» проза.

После XX съезда КПСС, где одним из вопросов был вопрос о бедственном положении сельского хозяйства, общественная мысль пробудилась. У писателей возникло страстное желание помочь людям, работающим на колхозных полях. Решение проблем не терпело отлагательства. Поэтому литераторы, прежде всего, обратились к очерку, как к самому оперативному жанру, где мысль не вуалируется художественностью. Появились повести, которые в силу своей публицистичности мало чем отличались от очерков. Писатели стремились не только исследовать проблему, но и предложить свою программу по ее решению. И в ранних, «дальневосточных» произведениях Бориса Можаева, герои — часть «программы». Их поступки, слова воспринимаются как руководство к действию.

Герои повестей «Наледь», «Тонкомер», «Саня», «Полюшко-поле» — активные и решительные, они борются с бесхозяйственностью, безответственностью, бюрократизмом. Нежелание главных героев произведений Можаева мириться с теми обстоятельствами жизни, которые противоречат их убеждениям, бескомпромиссность, то есть стремление быть честными перед собой в любых ситуациях — в общем, «трудный» характер героев объясняют их неблагополучие в семейной жизни. Так, Воронов («Наледь») потерпел неудачу в еще даже не начавшейся семейной жизни. Не поняли друг друга супруги Песцовы («Полюшко-поле»). Так и не состоялась любовь Сани Куриловой — начальника станции из повести «Саня». Ее героико-романтической натуре чужда организация бытовой стороны личного счастья в ущерб, по ее мнению, общественному. Возлюбленный Сани Валерий предложил ей воспользоваться служебным положением, ведь, будучи начальником, можно хорошо устроиться в смысле материальных благ. От Силаева («Тонкомер») уходит любимая жена, не пожелав быть спутником на беспокойной дороге к справедливости. Критика тех лет отметила, что именно «идеалы мещанского счастьица» [1] этой героини разрушили семью. С ребенком она приехала к мужу в глушь, в тайгу (а главные герои повестей и рассказов Б. Можаева оказываются всегда на переднем краю, там, где трудно), где из жилья — всего лишь неблагоустроенные бараки. Мещанского ли, да как ни назови — определения второстепенны, — главное — счастья, то есть тепла, уюта и достатка ей хотелось. И героиню можно понять.

Герои Можаева *«как правило, не разделяют свои личные интересы... с государственными... отдавая последним предпочтение»* [2]. Еще в 1956 году в газете «Тихоокеанская звезда» появился рассказ Бориса Можаева «Перед свадьбой». Рассказ о том, как двое влюбленных по разному смотрят на производственные вопросы и потому конфликтуют. Он — строитель, она — приемщица строительных объектов. Так что любовь любовью, а дело — это дело, оно требует непредвзятости.

Предпочтение государственных интересов личным было характерным для того времени, когда почти все верили, что стоят на пороге великого коммунистического будущего. Поэтому считали чуть ли не преступным, безнравственным не отдавать все силы на строительство этого будущего.

В таком плане показательна сцена товарищеского суда над несознательным Фрянсковым, героем романа В. Фоменко «Память земли». Люба, его жена, комсомолка и активистка, очень за мужа переживает и внутренне восстает против обвинений выступающих. Но, когда ей дали слово, произошла метаморфоза: *«Гражданский долг требовал от Любы другого — политических определений, и вслух она сказала, что по существу дела Фрянсков не прав. Преступно, как это допустил он — ругать стройку коммунизма. Заговорив о стройке, Люба уже не искала убедительных слов, они были внутри нее, и с ней произошло то же, что произошло со всеми ораторами. Она, раздувая ноздри, говорила о создании нового климата, о переделке природы — самой решительной, самой смелой во всем мире».*

По поводу драматически складывающихся любовных отношений героев Б. Можаева А. Ривлин говорил: «Такое удручающее однообразие во всех трех повестях (речь идет о «Тонкомере», «Сане» и «Наледи» — Ю. П.) явно не пошло им на пользу» [3]. Многие критики считали любовную тему слабым звеном в творчестве писателя. Так отмечали, что в повести «Наледь» *«слабо выписана сугубо личная, интимная сторона жизни героев. Буквально притянутой за уши кажется нам история неудачной любви Воронова к своей жене, настойчивого ухаживания за ней морского офицера Вадима Кульбицкого. Эта тривиальная история, где еще в добавок недостаточно психологического мотивирования, в какой-то мере портит в целом хорошую повесть»* [4]. С. Крившенко так же отметил недостатки повести, в числе которых то, что *«Мария (жена Воронова — Ю. П.) с ее переживаниями отодвинута куда-то на второй план»* [5]. В конце концов, Б. Можаев вообще убрал линию взаимоотношений Воронова, Марии и Кульбицкого и появился второй вариант произведения.

С. Крившенко писал о повести «Саня»: *«Но почему повесть не удовлетворяет нас глубоко? А вот почему. Саня легко разуверяется в своем любимом, на поверку он оказывается отъявленным подлецом»* [6]. Далее критик говорит о том, что возлюбленный Сани нарисован «одной серой краской» [7]. Но ведь дело именно в том, что любовная коллизия в этом произведении лишь подчиняется раскрытию характера Сани. Ее отношения с Валерием и то, что «она разуверяется» в нем еще раз убеждает читателя в бескомпромиссности, прямоте и цельности — натуры этой героине (не случайно одна из статей этого времени о творчестве Можаева так и называется: «И в труде и в любви честны»). Столь же цельной натурой показывает свою Аню Карцеву В. Кетлинская в романе «Дни нашей жизни», подчеркивая это линией взаимоотношений Ани и Гаршина. Аня — герой времени: трудолюбивый, творческий человек, рвущийся в дело, как в бой. Аня не хочет кривить перед собой душой, принимая приятные все же ей ухаживания Гаршина, ведь она его не любит. Ее девиз — убеждение: *«В любом стремлении, в любом чувстве важно одно — никаких компромиссов!»* Так и Саня в ответ на предложение Валерия задается вопросом: *«Почему она счастье свое должна начинать сделкой со своей совестью?»*

И сделай Борис Можаев характер Валерия не таким однозначным, что привело бы к распространению любовной коллизии, может быть, не была бы выполнена задача произведения. Ведь все герои молодого писателя в какой-то мере «программы» — пример для подражания. Потому неверен и тезис, из которого исходил С. Крившенко в статье «…И любовь», что привело его к ошибочному, на наш взгляд, положению о необходимости психологического развития любовной коллизии. А тезис таков: «Эти повести («Саня», «Неаледь», «Тонкомер» — Ю. П.) о любви» [8]. Этой фразой сразу вычеркивается особенность можаевских произведений — их социальная направленность. А это главное.

Противостояние любви и долга, но долга иного рода, не служебного, не гражданского, а долга законной жены законного мужа заставляет переживать и героиню повести Можаева «Трое». В этой истории любовного треугольника остается в силе

ситуация: «Но я другому отдана и буду век ему верна». Нине из этой повести, Ингани из одноименного рассказа писатель оставляет право быть сильными и страстными натурами; они готовы отдаться чувству любви, бороться за свою любовь и остановиться, если этого требует их чувство долга. Эта цельность и страстность свойственна им, как людям естественным от природы. Так, Ингани, удэге по национальности — дитя природы, она глубоко чувствует, поступки ее инстинктивны и интуитивны. Она полюбила городского парня, на время приехавшего в их таежные места. Пытаясь удержать его, Инга с опасностью для жизни пускает в завал плот. Нина, уроженка города, однако естественна и находящаяся в гармонии с дикой таежной природой, любит рассказчика-журналиста, потому что он «сильный и весь такой простой и мудрый, как этот лес и эта река», а не мужа своего, «какого-то искусственно вытянутого», говорящего штампами «интеллигента».

Однако неудачи в любви в прошлом, в настоящем же повествования многие из героев обретают новую любовь, у некоторых она только зарождается. При всей своей «одержимости» [9] герои Бориса Можаева «ладно скроенные, крепко срубленные» [10], в любви нежны и романтичны, и даже робки.

Новые возлюбленные главных героев понимают и принимают их деятельную целеустремленность. Они сами такие. Так, Катя работает на той же стройке, что и Воронов, сварщицей. Она девушка увлекающаяся, боевая и решительная. Маша из одноименного рассказа приехала на Дальний Восток по комсомольской путевке — по зову души. Маша «старательно» искала в прорабе Булкине «какую-нибудь примечательную черту», но ничего особенного в нем не находила. Она присматривалась к нему. И ее стали все больше привлекать принципиальность, ответственность, требовательность к себе и другим Булкина на работе, вне которой он имел «простецкий, какой-то домашний вид». «Маше было с ним легко и просто, как с давишним знакомым». И в ее сердце начинает зарождаться любовь. Надя Селина — возлюбленная Песцова. Она — агроном, знающий свое дело, и не намерена подчиняться указаниям сверху, противоречащим элементарным принципам хозяйствования на земле.

Таким образом, вводя линию взаимоотношений главных героев с противоположным полом, обогащая их образы душевными переживаниями, Можаев достигает жизненности создаваемых характеров. Как справедливо отмечалось в рецензии на первую книгу повестей молодого писателя «Власть тайги», *«показ личных судеб героев, подчас глубоко драматичных и по-человечески трогательных, как это бывает в жизни... определяет художественность, доходчивость можаевских вещей»* [11].

Примечания:

1. *Крившенко С. ...И любовь //Дальний Восток. 1962. № 4. С. 168.*
2. *Лупин В. Постоянство //Можаев Б. Лесная дорога. М., 1973. С. 539.*
3. *Ривлин А. Наши современники //Амурская правда. 1962. 25 февраля.*
4. *Там же.*

5. *Крившенко С. ...И любовь //Дальний Восток. 1962. № 4. С. 168.*
6. *Крившенко С. ...И любовь //Дальний Восток. 1962. № 4. С. 169.*
7. *Там же.*
8. *Там же. С. 168.*
9. *Золотусский И. Сила живая //Комсомольская правда. 1973. 18 декабря.*
10. *Воронов В. Несмотря на... //Дальний Восток Литературное обозрение. 1994. № 5-6.*
11. *Агишев Р. У истоков жизни //Дальний Восток. 1960. № 1. С. 180.*

В. В. КЛИМЕНКО (ВЛАДИВОСТОК)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ САД-ГОРОДА

Одним из первых владивостокцев, заинтересовавшихся частью территории в глубине северо-востока Амурского залива, был доктор Дылевский. Он в 1913 году установил лечебные свойства грязи в бухте Угловой и обратил внимание на климатические особенности прилегающей территории. Живописная местность, климат муссонный, умеренных широт. Средняя годовая температура +3,4°, среднегодовое количество осадков — 693 мм, количество дней без солнца — 39, число часов солнечного сияния составляет 2003. Купание в море возможно с июня по сентябрь. Прекрасные условия для оздоровительного предприятия.

Газета «Владивосток» 28 сентября 1903 года сообщала: *«Близ станции 30-й версты, по слухам, врач Дылевский с компанией устраивает, на берегу Амурского залива, грязелечебное заведение»* [1]. Компанию, надо полагать, составляла госпожа Феклина, купившая в собственность большой удобный участок земли со значительной частью береговой полосы. И госпожа Иванова, построившая бараки, где и начала функционировать первая на Дальнем Востоке грязелечебница. Постепенно за правым берегом реки Лянчиха (ныне Богатая) стали приобретать участки земли и другие граждане. На мысе Клыкова появилась дача генерал-губернатора. В 1914 году здесь было уже около 60-ти дачников, образовавших так называемый Анютовский дачный район.

Газета «Далекая окраина» 26 апреля 1914 года писала: *«Для образования Анютовского дачного поселка между станцией Океанской и 30-й верстой Уссурийской железной дороги, Приамурским управлением государственных имуществ проектировано около 850 участков, из которых 215 будут отданы в аренду без торгов чиновникам и офицерам, на остальные же будут назначены торги во Владивостоке, проектированы участки около десятины, ценой от 5 до 12 рублей в год. Кроме того, от каждого арендатора требуется единовременный взнос от 50 до 60 рублей на мелиорацию. Все участки предназначены в долгосрочную аренду на 99 лет»* [2].

В июне 1915 года на станции Океанской, в канцелярии лесничего Раздольнинского лесничества, подполковника Стефана Иосифовича Пака, по рекомендации управления государственных имуществ состоялись переговоры между ним и профессором Восточного института полковником Василием Мелентиевичем Мендриным о проведении организованного собрания дачевладельцев для избрания комитета благоустройства Анютовского дачного района Приморской области.

20 июня 1915 года на собрании Анютовских дачевладельцев был избран комитет благоустройства дачного района в составе 14-ти действительных членов и 2-х кандидатов, Кроме того, были избраны 3 почетных члена комитета: Приамурский генерал-губернатор Николай Львович Гондатти; управляющий государственным имуществом Приморской и Сахалинской областей, действительный статский советник Петр Иванович Делле; комендант крепости генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Крылов. От областного управления в состав комитета введен лесничий Стефан Иосифович Пак.

Деятельная работа комитета, руководимая вначале профессором Мендриным, а затем профессором Подставиным, подготовила город-спутник Владивостока к юбилейной годовщине 25-летия посещения Владивостока Цесаревичем Николаем. Торжество состоялось 21 мая 1916 года возле пересечения улиц Опорной и Главной, ранее называвшейся Историческим проектом.

Почему историческим? Во-первых, потому, что когда-то являлась частью Великого почтового тракта, связывающего Владивосток через Никольск-Уссурийский с Камень-Рыболовом и далее водным путем с Сибирью и Европой. Во-вторых, потому, что по этому тракту в мае 1891 года проследовал экипаж Цесаревича и сопровождающей его свиты. В-третьих, потому, что именно здесь представители высшей военной власти, чиновничества и духовенство Владивостока прощались с будущим Императором России, провожая его в далекий путь через Сибирь до Петербурга.

И вот новое торжество. Еще один исторический акт. Газета «Дальний Восток» 22 мая 1916 года сообщала: *«Вчера в двух верстах от станции Океанской, в Анютовском дачном районе состоялась закладка первого на Дальнем Востоке Сад-города. На торжестве закладки присутствовали: Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти, комендант крепости генерал-лейтенант В. А. Толмачев, командующий сибирской флотилией вице-адмирал М. Ф. Шульц, камчатский генерал-губернатор Мономахов, управляющий государственными имуществами Приморской и Сахалинской областей П. И. Делле, представители других ведомств и учреждений и от городской управы И. Г. Сивков. Торжество закладки закладки было начато молебном в сооруженной часовне. Молебствие совершает архиепископ Евсевий, в сослужении с епископом Павлом и Владивостокским духовенством. Затем направились к месту закладки. Закладка города происходила на площади Опорной улицы. Металлическую доску с подобающей надписью заложил первым камнем Архиепископ Евсевий. Приамурский генерал-губернатор напомнил присутствующим, что граждане Владивостока почти на этом месте четверть века назад провожали ныне царствующего государя в далекий путь по России и Петроград»* [3].

Так происходило становление города-спутника Владивостока. Профессором Восточного института Подставиным была издана книга «К закладке Сада-Города при станции Океанской 21 мая 1916 года». В ней помещен пронумерованный

план участков, позволяющий по имеющемуся в Государственном архиве Дальнего Востока списку части дачевладельцев установить их наделы [4]. После окончания гражданской войны начался передел частной и государственной собственности. Основанная в 1903 году доктором Дылевским первая на Дальнем Востоке грязелечебница, ставшая ведомственным санаторием Китайской железной дороги, постановлением Президиума Приморского исполкома от 15 мая 1923 года была передана уполномоченному Дальзавода, а 23 мая 1923 года, отдана в эксплуатацию Российскому обществу красного креста. 30 ноября 1923 года вновь отдана в ведение губздрава, которому было поручено создать акционерное общество по эксплуатации грязелечебницы. В 1926 году было построено новое здание новой грязелечебницы, ставшее в наши дни архитектурным памятником истории и культуры, в котором в перестроечные годы размещался институт климатологии.

Санаторий «Садгород» в послевоенные годы превратился в крупное лечебное учреждение союзного значения. Однако за период перестроечного времени из-за отсутствия средств лечебница была заброшена и имеет довольно жалкий вид. В настоящее время на жилой территории современного Сад-города сохранились несколько прежних дачных строений представляющих собой объекты истории деревянного зодчества дореволюционного периода. В их числе — бывшая дача генерал-губернатора, дом страхового общества «Русский Ллойд» и дача по улице Садгородской № 10, вызывающая особый интерес гостей.

Примечания:

1. *Владивосток. 28 сентября 1903.*
2. *Далекая окраина. 26 апреля 1914.*
3. *Дальний Восток. 22 мая 1916.*
4. *ГАПК. Ф. 1119. Оп. 1. Д. 62. Л. 53. 65; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1079. Л. 19. 22. 40.*

Н. В. БУТКОВСКАЯ (ВЛАДИВОСТОК)

К РОДОСЛОВНОЙ СТАРООБРЯДЦЕВ БУТКОВСКИХ

История каждой семьи неотделима от истории отечества, а потому требует внимательнейшего изучения. Другой вопрос, что по истечении времени, часто довольно продолжительного, сложно восстановить историю семьи в полном объеме, ибо отдельные, ставшие известными исследователям факты семейных хроник, часто не создают цельной картины, а при неполном их наборе могут сформировать ошибоч-

ные видение и трактовку материалов. Но отдавая отчет в том, что в полной мере факты вряд ли будут когда-либо выявлены и оправдываясь тем, что все, кто носит фамилию Бутковские и о которых упоминается ниже, так или иначе пересекались между собой одномоментно и во времени, и географически, считаем возможным изложение уже выявленных материалов, имеющих касательство к этой семье.

История старообрядцев Бутковских для нас начинается с 1764 года, когда по Указу Екатерины Второй осуществилась так называемая вторая выгонка русских старообрядцев из Речи Посполитой, государства, образовавшегося соединением Польши и Великого княжества Литовского в 1569 году по Люблинской унии. Именно в Великое княжество Литовское входили земли Западной и Юго-Западной Руси (сейчас это области Украины и Беларуси), из которых были выведены старообрядцы. Среди тех, кто прошел в 1764–1765 годах от Польши до Забайкалья — семья Бутковского Петра Яковлевича. По данным исповедной росписи Тарбагатайской Зосимо-Саватиевской церкви за 1765 год, семья «новопоселенного ис поляков» была такой: Петр Яковлев Бутковский, 50 лет; его жена Екатерина Ивановна, 40 лет; дети их: Филип, 10 лет; Евгения, 13 лет, Ирина, 11 лет; Настасия, 7 лет [1]. В польских пределах Бутковские жили предположительно в местечке под названием Ветка, в Забайкалье — в Тарбагатайской слободе Верхнеудинского округа. В 1851 году Бутковские перебираются на жительство на Аянский тракт в Якутскую область, а в 1870 году одна из ветвей семьи переезжает в Приморскую область. Ее потомки живут сегодня в Хабаровском, Приморском краях, Сахалинской, Амурской, Камчатской областях — по всему дальневосточному региону.

«Его Превосходительству Господину Якутскому гражданскому Губернатору действительному статскому советнику и кавалеру Июлию Ивановичу Штубендорфу крестьян Аянского тракта Новоникольского поселения Василия, Григория, Симона Архиповых, Тимофея Вешникова, и Новопокровского поселения крестьян Григория и Симона Носковых, Трофима Бутковского Покорнейшее прошение.

По известному населению Аянского тракта были мы определены на места, на коих живем, почти одиннадцатый год, трудясь обзаведением домашнего хозяйства; в течение же сего времени не предвидим у себя, из трудов своих излишечных приобретений; как не горестное для нас настоящее положение, горестнее того существование наше при такой дороговизне жизненных припасов, каковую ощущают и коренные обитатели Якутска. Мы же, бедные безпокровные, здесь не имея средств ко снисканию приобретения, прибегаем под непосредственное покровительство Вашего Превосходительства... с нижайшею просьбою об увольнении нас в Приамурский край на переселение с семействами нашими... Писал Новопокровского поселения на черновое и беловое крестьянин Марка Бутковский... 1862 года марта 29 дня». За крестьян Архиповых расписался сам Марк Бутковский, за Носковых и Тимофея Вешникова расписался якутский мещанин, а Трофим Бутковский к сему прошению руку приложил сам [2].

1 июня 1862 Марк Бутковский подал схожее прошение о переселении уже от своего имени, обещая заплатить все имеющиеся у него долги в казну сполна после определения на новое место жительства: *«Мои долги живши здесь я не*

имею возможности заплатить» [3]. Марку Бутковскому было отказано. Потомки Марка и по сей день живут в Якутске и республике Саха (Якутия).

В числе других крестьян-старообрядцев, ранее населявших Аянский тракт, Трофиму Бутковскому разрешили переселиться с семейством в Приморскую область.

Осуществилось переселение в 1870 году двумя партиями. Первая партия была отправлена сухопутьем через Якутск и Иркутск, достигла Приморской области и большая ее часть поселилась на берегу озера Ханка в селе Ильинка [4]. В отчете Военного Губернатора Приморской области за 1870 год есть информация о том, что *«Меж тем население Южно-Уссурийского края увеличилось в течение 1870 года от переселения лишь 11 семей крестьян из внутренних губерний России и 33 семей из Якутской области...»* [5], и далее: *«Аянских переселенцев прибыло в 1870 году через Иркутск в Южно-Уссурийский край 33 семьи: 71 мужеского и 87 женского пола, всего 158 человек...»* [6]. Именно с этой партией шла семья Трофима Бутковского. В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока был обнаружен *«Список жителям селения Ильинки, Ханкайского участка и волости, Южно-Уссурийского округа, составленный к 25 июня 1896 года»*, в котором поименно указаны жена Трофима Анна, их сыновья Яков и Гаврила с семействами, переселившиеся из Якутской в Приморскую область в 1870 году [7].

Для второй партии, переселение которой осуществлялось на казенный счет морским путем из порта Аян на Владивосток, был зафрахтован коммерческий пароход «Курьер», принадлежавший судовладельцу Бутковскому Якову Николаевичу [8].

Большая часть крестьян-старообрядцев, прибывших морем, основала в Приморской области в Южно-Уссурийском округе на правом берегу реки Суйфун село Красный Яр [9]. Не позднее, чем к 1898 году Бутковские из Ильинки, как и многие их односельчане, перебрались на жительство в Красный Яр. Такой вывод позволяют сделать обнаруженные приговоры сельских сходов крестьян села Ильинка от 3 августа [10], 11 сентября [11], 3 октября 1897 года [12], 3 апреля 1898 года [13], под которыми нет подписей представителей семьи Бутковских, и селения Красный Яр от 16 февраля 1899 года, где подписи Гаврилы Трофимовича и Якова Трофимовича Бутковских имеются [14].

Невозможно не заметить совпадения фамилий у участников события (если для Я. Н. Бутковского осуществление коммерческого рейса могло быть и обычным делом, то переселение для старообрядцев — несомненно событие). Была сделана попытка выяснить, имеют ли судовладелец Бутковский и старообрядцы Бутковские общих предков. И хотя доказательств родства не выявлено, отрицать его возможность — значит закрыть целое направление в исследовании, уже одарившее новыми знаниями.

К сожалению неизвестно, из каких мест и когда пришли в Речь Посполитую Бутковские, или же жили в тех местах всегда. До сих пор на Украине в Киевской области, особенно в северной ее части, а также в Могилевской области Беларуси проживают Бутковские. В историческом архиве города Гродно (Беларусь) хранится спи-

сок участников восстания 1831 года, проживавших в Гродненской области. Среди участников — Бутковский Томаш, крестьянин Кобринского уезда деревни Бронно помещицы Жуковой; присоединился к Пусловскому, по разбитию отправлен в Динабургскую крепость, затем водворен на прежнее жительство [15].

На севере Киевской области, в Полесском районе, недалеко от населенного пункта Вильча есть село Буда-Варовичи. Разместилось оно почти на границе с Гомельской областью Беларуси. До 1938–1939 годов в Буда-Варовичах едва ли не половина жителей носила фамилию Бутковские, но после коллективизации из западных областей жителей вывезли в южный Казахстан и Узбекистан. После аварии на Чернобыльской АС остальные жители Буда-Варовичей переселились в другие районы, так как этот населенный пункт в числе многих других попал в полосу отчуждения. Сейчас в Буда-Варовичах проживает всего несколько человек. Эту историю рассказал Станислав Павлович Бутковский, родившийся в тех местах, а ныне проживающий в Ташкенте.

В начале XX века в селе Александровка Наровлянского района Мозырьской области (на сегодня Наровлянский район Гомельской области) проживала семья Бутковского Иосифа Иосифовича, уроженца с. Александровка и его жены Марии Викентьевны, в девичестве Толокевич, уроженки с. Габрилеевка. У них было 8 сыновей и дочь. Потомки этих Бутковских сейчас живут в Москве, Одессе, возможно, Санкт-Петербурге. В Великом княжестве Литовском именно на землях Мозырьского воеводы Халецкого и располагались Ветковские поселения старообрядцев, среди которых была и семья Петра Яковлевича Бутковского, позднее переселенная в Забайкалье.

В настоящее время во Владимире Владимирской области проживает семья Бутковского Альберта Алексеевича, 1942 года рождения. Он — воспитанник детского дома г. Коканда (Узбекистан), куда попал в военные или послевоенные годы. Родителей своих не помнит, также не помнит, из каких мест родом. Именно он и его сын Бронислав установили связь с сыном Бутковского Иосифа Иосифовича Иосифом еще в 1983 году, имея целью выяснить свое родословие. Следует добавить, что брат Иосифа Иосифовича Виталий Иосифович был репрессирован в 1937 году и из Ленинграда сослан в Среднюю Азию, предположительно в район Ашхабада. Год смерти его не установлен. Дело прекращено за отсутствием состава преступления, и 18 августа 1962 года за №311Н и подписью ВРИО Председателя ВТ Лен. ВО полковника юстиции В. Полякова родственникам была выдана справка о реабилитации.

Данила Иванович Бутковский, прямой потомок переселенного из Речи Посполитой старообрядца семейского Петра Яковлевича Бутковского, родился в 1900 году в селе Красный Яр. В 30-е годы выехал из Красного Яра недалеко от своего села на станцию Партизан, там жил и работал. В 1939 году вся его семья была отправлена в ссылку в Казахстан, в район Алма-Аты, где и проживала до окончания войны.

Три семьи, о которых рассказано, не имели до недавнего времени контактов между собой, но они объединены фамилией, временем и обстоятельствами

проживания в среднеазиатском регионе СССР. Необходимо обратить внимание, что, по крайней мере, две из этих семей имеют исторической родиной западную Беларусь, причем, с большой долей вероятности, один район — Мозырьский. Это семьи Иосифа Иосифовича и Данилы Ивановича Бутковских.

И совсем недалеко от Мозырьского района, прилегая к нему, расположено уже упоминавшееся село Буда-Варовичи Полесского района Киевской области. Это дает основание надеяться на выявление родственных связей между представленными выше тремя семьями с семьей Станислава Павловича Бутковского, в настоящее время жителя Ташкента, который тоже имеет родственников на Украине и в Беларуси.

Выявляя маршруты, по которым следовали старообрядцы из польских земель в Забайкалье, Ф. Ф. Болонев установил, что все партии были сначала приведены в Калугу, и только потом пути их разделились [16].

Спустя 13 лет после переселения, в 1777 году, живописных дел мастеру Артемию Бутковскому было предложено принять участие в разработке герба Калужской губернии. К великому сожалению, дополнительными сведениями об этой личности не располагаем, а хотелось бы. Нужно сказать, что после реформ патриарха Никона Калужская земля стала одним из центров старообрядчества, имела устойчивые связи со Стародубьем, а после того, как Стародубье сменила Ветка, калужане переориентировались на нее. После разрушения в 1764 году Ветки, ее место по-прежнему заняло Стародубье, куда и обращались со своими нуждами калужские старообрядцы. На Ветку перебегали старообрядствовавшие калужские священники, а ветковские старцы и старицы посещали калужскую паству. Связи были весьма устойчивыми. Возможно, что Артемий Бутковский таким же образом появился в Калуге и потом оставил ее, вернувшись на Ветку.

Невозможно не заметить, что все Бутковские, о ком упоминается выше, родились или имеют родственные корни на землях, ранее принадлежавших Речи Посполитой (исключая, конечно, Артемия Бутковского, о котором каких-либо семейного характера сведений пока не найдено), но можно быть уверенными в том, что во всяком случае, далеко не всех Бутковских переселили в 1764 году в Забайкалье.

Как верно указано Ф. Ф. Болоневым, польские фамилии, которые до сих пор носят потомки русских староверов, пытавшихся укрыться на земле Речи Посполитой, могли появиться в результате смешанных браков или быть заимствованы у того пана, на земле которого староверы поселялись [17] — надежда выявить точное место жительства старообрядцев Бутовских на земле Речи Посполитой есть первая причина подробного исследования семьи дворян Бутковских. Второй же причиной явилось участие одного из членов этой семьи, Якова Николаевича Бутковского, в перевозке морем группы старообрядцев с Аянского тракта в Приморскую область. Третья причина: пока нельзя исключить возможности того, что дворянская и старообрядческая семьи Бутковских в XVI–XVII веках имели общие корни, а стало быть, отследив дворянское родословие, можно надеяться определить место исхода старообрядцев Бутковских из России на польско-литовские земли. Кроме этого, в дальневосточной историографии Яков Николаевич

Бутковский уже упоминался, но, к сожалению, упоминался в обвинительном контексте [18]. С этим нельзя согласиться, так как нелепо и некорректно обвинять в прегрешениях государственной системы одного человека. Возможность обратиться к опубликованным работам Я. Н. Бутковского и его родственников, исследования их биографий позволили подойти к ним так близко, как только возможно, и увидеть этих людей безусловными патриотами своего отечества.

Мать владельца парохода «Курьер» Якова Николаевича Бутковского А. Я. Бутковская оставила воспоминания [19], в которых приводит семейную легенду, согласно которой подкова в фамильный герб Бутковских была введена польским королем Казимиром I, но: *«Легенда эта хотя имеет мало исторического основания... но, по крайней мере, она доказывает желание установить древность рода. Она даже в настоящее время есть единственный документ, подтверждающий генеалогию, так как дед Бутковского (мужа А. Я., Николая Яковлевича) в царствование Анны Иоановны, переправляясь через реку Прут в качестве курьера из армии Миниха, утонул вместе с депешами, да, кажется, и с фамильными документами, которые он для чего-то возил с собою»* [20]. Лукавая А. Я Бутковская едва ли не в трех строках сумела одновременно и намекнуть на польский след в родословной, и заставить усомниться в нем. Интересно, что более упоминаний о родителях и других прямых родственниках мужа в своих воспоминаниях А. Я. Бутковская не сделала, кроме упоминания о дальнем родственнике из Вятки, который привез 13-летнего Николая Бутковского из Вятки в Петербург для определения на службу [21]. Она родилась в 1800 году в Архангельске, в купеческой семье Никоновых. *«Отец мой происходил из духовного звания и был сыном образованного священника Никона. Однажды случилось архангельскому епископу Варсонофию, во время священнодействия, собственноручно поколотить деда моего в алтаре. Эта грубость и неуважение к святыне так возмутили деда, что он ни одного из сыновей своих не допустил до духовного звания, и молодой Никонов из семинарии поступил работником на заводы к Шубному, семья которого полюбила его, а впоследствии мать моя вышла за него замуж... Мать моя считалась почему-то в родстве с Ломоносовым... В былое время Ломоносов работал на заводе у Шубного... Впоследствии, одна из племянниц Ломоносова, Лопаткина, часто бывала у моих родителей, и я помню ее шестидесятилетней старухой; она очень гордилась своим родством с знаменитым писателем [22]»*. А. Я. Бутковская получила прекрасное образование: знала и любила историю, русскую литературу, увлекалась политикой, с удовольствием читала древнегреческих и римских философов, «считая идеалом мужей Плутарха». Знакомство ее с будущим мужем состоялось в 1823 году, а в январе 1824 года она «поменяла свою фамилию Никоновой на фамилию Бутковской» [23].

Родился Николай Яковлевич Бутковский в 1782 году, в 13-летнем возрасте, хоть и с недостатком дворянских документов, был определен во 2-й кадетский корпус [24]. Уже упоминавшийся дальний вятский родственник поддерживал его на протяжении всего времени учебы, «выделяя на неделю по десяти копеек ассигнациями на все его нужды» [25].

Из формулярного списка о службе Инженерного корпуса подполковника Бутковского Николая Яковлевича: из дворян, отставного флота капитан-лейтенанта сын, крестьян не имеет; российской и немецкой грамоте читать и писать умеет, арифметике, геометрии, полевой и регулярной фортификации, гражданской архитектуре знает и рисует тушью; выпущен из 2-го кадетского корпуса кондуктором 2-го класса 4 января 1799 года в штат Артиллерийской экспедиции, переведен 7 марта этого же года в Инженерный корпус с причислением в собственный Его Императорского Величества Депокарт, где служил до отставки, последовавшей в 1820 году. Чин подполковника получен им 5 мая 1813 года. Всего в службе 21 год 8 месяцев. Н. Я. Бутковский в 1812 году был командирован в армию генерала Барклая-Де-Толли, в составе которой принимал участие в военных действиях под Плоцком, при крепостях Торна, Модлина, прошел через Шлезвию и Богемию в Саксонию, сражался под Донау и Пирной, под Дрезденом при селении Плауен, под крепостями Магдебурга и Гамбурга. Под Лейпцигом получил ранение в ногу. Кавалер Ордена Св. Владимира 4-й степени (жалован 24 июля 1810 года за понесенные труды в объезде по вновь строящимся крепостям, в том числе и крепости Кронштадт) и Св. Анны 2-го класса с Алмазами (жалован орденом 17 апреля 1812 года за усердие и трудолюбие во время ретирады и преследования неприятеля до Плоцка; Алмазными знаками — за отличие в сражении под Лейпцигом 6 и 7 октября 1813 года) и Королевско-Прусского за заслуги кавалер (жалован 31 мая 1814 года при блокаде и занятии крепости Гамбургской); имеет золотую шпагу с надписью «За храбрость» (за оказанную храбрость при осаде и занятии крепости Торна 20 апреля 1813 года) и серебряную медаль за 1812 год установленную; за отличие в сражении под Остроленкою объявлено Высочайшее благоволение приказом от 16 марта 1808 года. Кроме боевых наград награждался за труды по службе и в том числе 24 марта 1805 года за участие в составлении подробной столистной карты России [26]. В прошении об отставке написал, что *«большая расстроенность фамильных дел моих, необходимо требующих сближения моего с родными, вынудили просить меня от службы уволить»* [27]. Ему тогда было 37 лет.

Спустя 3 года, в 40-летнем возрасте дворянин Н. Я. Бутковский женится на дочери купца Никонова. На деньги от приданого жены семья приобретает имение — село Доброе Новгородского уезда и губернии, верст за сто от Петербурга. Их ближайшей соседкой была Е. В. Бестужева, *«сын которой был сослан в Сибирь за участие в заговоре декабристов, а две дочери, продав свое имущество, отправились на жительство к ссыльному брату... Мы часто навещали ее, учились у ней мудрости местного сельского хозяйства и слушали ее рассказы о временах Екатерины II, при дворе которой ей приходилось бывать»* [28].

Бутковские поселились в имении, занялись сельским хозяйством, и это продолжалось до вступления в 1825 году на престол Николая I, который знал лично Н. Я. Бутковского и пригласил его вновь на службу, назначив вице-директором Строительного департамента [29]. Семья переехала в столицу, где проживала до смерти Николая Яковлевича, последовавшей в 1848 году. В то время он

носил чин инженера генерал-лейтенанта и занимал должность директора морского строительства Строительного департамента [30]. Девиз Ордена Святого Владимира, кавалером которого был Н. Я. Бутковский, — «Польза, Честь и Слава» — абсолютно соответствует его жизни.

Удивительно, но в петербургский период жизни, уже будучи матерью большого семейства, А. Я. Бутковская посещает Академию художеств, где учится живописи у профессора Шебуева [31], и примерно в это же время в Петербургской Академии художеств становится вольноприходящим учеником Густав Яковлевич Бутковский (родился в Риге в 1813 году) [32]. В конце 1840-х годов он заканчивает Академию по классу Карла Павловича Брюллова и уезжает за границу, вероятно в качестве пенсионера Академии. По сведениям историка Булгакова, Бутковский Г. Я. получил звание академика исторической живописи. Он участвует во Всемирной Лондонской выставке в 1862 году картиной «Больной ребенок» (в каталоге она значится под № 1641), созданной в Париже в 1859 году. Позднее эта картина под названием «Визит доктора» попадает в коллекцию знаменитого московского коллекционера, старообрядца Кузьмы Терентьевича Солдатенкова, где и хранится до 1901 года, а потом по завещанию коллекционера передается в публичный Московский Румянцевский музей. Уже во второй половине 1920-х годов картина «Визит доктора» поступает в коллекцию Нижнетагильского краеведческого музея, и уже оттуда — в 1951 году в коллекцию музея искусств Нижнего Тагила, где экспонируется и сегодня [33]. Г. Я Бутковский жил во Франции, был известен как живописец домашних сцен, работал в стиле европейского бидермайера, его картины выставлены в галереях Варшавы. Умер художник в 1884 году. Попытка выявить родственные связи художника успешной не была, но кто знает, может быть, живописных дел мастер из Калуги Артемий Бутковский передал свой дар через поколения именно ему? Нет и сведений о родстве с художником семейства Бутковского Н. Я.

Теперь предстоит отступить от описываемого времени почти на 900 лет назад. Сложные взаимоотношения Киевской Руси и Великого Новгорода вынудили княгиню Ольгу к 947 году поставить вокруг вольного Новгорода погосты (пункты сбора оброка и дани, центры суда, в дальнейшем — являвшиеся опорой княжеской власти при распространении христианства на Руси и сохранявшие свое значение до XV–XVI веков). Среди них был и Бутковский погост, поставленный на землях Вотской пятины, примыкавшей непосредственно к Новгороду с севера и северо-запада и лежавшей по левую сторону Волхва и на большом протяжении вокруг Ладожского озера [34]. С начала XVII века в Дозорных книгах Полусской половины Вотской пятины упоминается как владение сына боярского Кирьяна Бестужева деревня Нестеровичи, лежащая на землях Бутковского погоста. Но имение Бестужевых в ближайшем соседстве с имением Бутковских, и стало быть, Бутковские купили земли либо части Бутковского погоста, либо совсем недалеко от него. Является ли этот факт обыкновенным совпадением, или Бутковские вернулись таким образом на земли своих предков, сказать трудно, однако сам по себе факт внимания заслуживает. Кстати, в начале XVII века на зем-

лях Бутковского погоста были имения Пушкиных, Пущиных, Бутурлиных, Аничковых, Милославских, князей Гагариных, Мещерских и еще многих иных, известных в русской истории родов. Установить, были или не были в те времена в тех местах имения Бутковских и почему погост именно Бутковский, пока не удалось.

В семье Н. Я. Бутковского было по меньшей мере трое сыновей: «в венгерском походе в восточной войне двое из моих сыновей были в действующих войсках…» [35]. Одним из этих двоих был Яков Николаевич, будущий владелец парохода «Курьер», на котором из Аяна во Владивосток в 1870 году была перевезена вторая партия старообрядцев, переселяющихся с Аянского тракта в Приморскую область (напомню, что в первой партии старообрядцев, пришедших с Аянского тракта посуху, были крестьяне Бутковские).

В формулярном списке о службе и достоинстве поручика лейб-гвардии Егерского полка Бутковского Я. Н. (составленном на 1854 год) значится: из дворян Новгородской губернии, православного вероисповедания; окончил курс наук в Школе гвардейских подпрапорщиков и удостоился производством в гвардию; в 1844 году, по экзамену в науках, произведен в прапорщики, имея от роду 17 лет (стало быть, родился в 1827 году), с определением в лейб-гвардии Егерский полк, куда прибыл 18 августа 1844 года. В этом же полку дослужился Яков Николаевич до производства 19 апреля 1853 года в штабс-капитаны, после чего был откомандирован для исправления должности воспитателя в Императорском училище правоведения с отпуском из полка 13 сентября 1853 года. Во время войны с Венгрией в 1849 году находился в походе гвардии к западным пределам империи с 25 мая 1849 года по 24 октября того же года.

Женат на дочери графа Малаховского Аделаиде Ильиничне. За матерью его состоит Новгородской губернии и уезда 96 душ крестьян, 1600 десятин земли и в Санкт-Петербурге деревянный дом [36].

После отставки Яков Николаевич занялся перевозкой казенных грузов в восточные порты России из европейской ее части [37] и был в числе тех предпринимателей, кто не только первым осознал необходимость регулярных пароходных сообщений между русским востоком и русским западом. Его проект морских перевозок переселенцев, количество которых увеличивалось с каждым годом, был подан на имя министра государственных имуществ еще 5 октября 1860 года — первым, но осуществлен не был: 16 октября того же года последовал отказ министра [38]. Удивляет скорость, с какой был рассмотрен проект — десять дней. Спустя короткое время, с подобным проектом выступил губернатор Приморской области адмирал П. В. Казакевич, но и его проект не был реализован [39]. То, что проекты были своевременны — несомненно. Можно только гадать, почему они не получили поддержки в Петербурге.

Человек незаурядный, обладающий даром политического предвидения, в 1874 году в «Морском сборнике» № 4 Яков Николаевич публикует статью «Сахалин и его значение», в которой предостерегает от недооценки политического значения российского Дальнего Востока: *«Недалеко то время, когда русская колония Росс, лежащая на восточном берегу Тихого океана, как ненужная и не приносящая*

пользы местность, уступлена была нами друзьям американцам. Местность эта оказалась богатейшим золотым рудником и менее чем в тридцать лет обратилась в Сан-Франциско, первый торговый город того берега Великого океана.

С тех пор границы наши отодвинулись на всю ширину Океана, и нашим передовым постом теперь служит Сахалин…

Один взгляд на карту Сибири достаточен, чтобы убедить в безусловной необходимости для России обладания этим островом, если только мы желаем удержать за собою западный берег уступленного Океана, участвовать в мировых событиях, совершающихся на крайнем Востоке, и придать какой-либо смысл нашему владению Восточною Сибирью… Укрепить его пушками дорого и неудобно, гораздо прочнее укрепится он за нами, если он будет заселен русским элементом…» [40].

В 1875 году Я. Н. Бутковский вышел в правительство с предложением принять от казны в аренду Дуйские угольные копи на о. Сахалин [41]. Это предложение отвечало намерениям правительства в отношении устройства Сахалинской каторги, и потому было принято.

В 1875 году, 19 сентября, был заключен с Надворным Советником Бутковским Я. Н. контракт на аренду Дуйских (на Сахалине) каменноугольных копей сроком на 24 года с обязательством использовать на каменноугольных работах ссыльно-каторжных [42].

18 июня 1876 года для осуществления этого предприятия Надворным Советником Бутковским Я. Н. было образовано акционерное общество под фирмою «Сахалин» [43].

3 сентября 1876 года с Бутковским подписан контракт по устройству и содержанию срочного почтово-пассажирского и грузового пароходства в Приморской области Восточной Сибири [44]. Пароходное сообщение должно быть открыто в течение навигации 1877 года и производимо ежегодно по следующим линиям: по линии Татарского пролива, между Владивостоком и Николаевском, через залив Святой Ольги, Корсаковский пост, Императорскую гавань, пост Дуэ, и залив де-Кастри — туда и обратно по три рейса в течение навигации; по заграничной линии между Владивостоком и Ханькоу, с заходом в Нагасаки и Шанхай — туда и обратно по два рейса в течение навигации; и по линии Амурского залива между Владивостоком и гаванью Посьет, с заходом каждый раз в пост Речной, где пароход встречается с другим пароходом, содержащим сообщение по реке Суйфун до поста Раздольный и далее, если глубина позволит, до Никольского [45].

8 октября 1876 года Бутковскому Высочайше разрешено ввести пароходство в состав общества «Сахалин» с разрешением обществу выпуска облигаций [46].

Бутковский вносит по контракту от 3 сентября 1876 года в Государственный Банк залог в сумме 30 тысяч рублей и предоставляет расписку в Министерство Финансов; для производства порейсной платы вносит в расходную смету Департамента торговли и мануфактур сумму в 65 039 рублей 72 копейки [47].

Короткие временные сроки между этапами образования общества «Сахалин» позволяют предположить, что в планах Бутковского с самого начала было объединение угледобывающего и судоходного предприятий, что разумно с экономической

точки зрения. Льготы и привилегии, предоставленные правительством обществу «Сахалин», обещали сделать предприятие выгодным, и это не миновало внимания столичных чиновников. В статье «Остров Сахалин» 1882 года Яков Николаевич пишет о том периоде своей деятельности: *«План, задуманный русским предпринимателем, был обширен: он хотел совершенно отстранить на Сахалине иностранную эксплуатацию, русским топливом намеревался заменить английский и японский угли на всех приморских рынках Китая и рассчитывал даже чайную торговлю с Россией направить морским путем вдоль Сахалина на Амур, вместо существующего способа странствования караванов по степям Гоби на Кяхту.*

Для осуществления такого плана было составлено акционерное общество под фирмою «Сахалин», но последовавшее воспрещение министерства финансов совершить заграничный заем, а вслед затем и разные другие стеснения и неблагоприятные обстоятельства с самого же начала нанесли смертельный удар новому обществу и парализовали его деятельность» [48]. Столичное промышленно-чиновничье лобби, предвкушающее огромные доходы от торговли сахалинским углем, вынудило Бутковского уступить права на общество «Сахалин» уже в 1876 году [49].

Еще в 1880 году пароходство Бутковского поддерживало связь Владивостока с Сахалином [50].

Антон Павлович Чехов был знаком со статьями Я. Н. Бутковского, цитировавшимися выше, использовал их при работе над книгой «Остров Сахалин». Чехов составил еще до поездки на остров список книг, статей, газетных корреспонденций, связанных с работой над книгой, и в этот список из 65 позиций вошли две работы Бутковского: под № 2 — Остров Сахалин — «Исторический вестник», 1882 года, т. X; и под № 51 — Сахалин и его значение — «Морской сборник», 1874 г. № 4 [51]. Деятельность общества «Сахалин», варварски эксплуатирующего природные и людские ресурсы острова, описана А. П. Чеховым, однако писатель деятельность общества с именем Я. Н. Бутковского не связывает и по его адресу ни малейших обвинений не направляет.

Защищая свободное развитие Сахалина, Я. Н. Бутковский считал, что экономическое процветание острова может быть обеспечено привлечением «добровольной русской эмиграции, в среде которой будет много и староверов, и интеллигенции» [52], что насильственной колонизацией благополучия не достичь: *«Удаляя больных членов своей семьи от мест, где они родились, следует позаботиться об их излечении нравственном, чтобы и они сплотились с населением, потому что России надо дорожить каждым из своих сыновей»* [53].

Более 100 лет назад, занимаясь вопросами внешней политики России и анализом интересов Европы в России и вокруг нее, Я. Н. Бутковский написал в 1888 году работу «100 лет австрийской политики в восточном вопросе». При создании Большой Советской Энциклопедии эта работа была востребована и использована в разделе «Австрия и Австро-Венгрия» [54].

Совсем недавно, в апреле — мае 1999 года в Санкт-Петербурге, Российская национальная библиотека совместно с консульством Германии проводила выставку «Гёте, Пушкин и мировая литература». На этой выставке Яков Николаевич Бутковский был представлен как писатель, переводчик Гете. Из-под его пера на русском языке появились «Похождения Рейнеке-Лиса», «Песни I–XII» (СПб., 1883 г.), «Похождения Рейнеке-Лиса», стихотворные переводы (СПб., 1887 г.).

Как писатель Я. Н. Бутковский упоминается в Большой энциклопедии под редакцией С. Н. Южакова, изданной в 1901 году. Среди его произведений, кроме уже упомянутых, есть и «Народные сказки» (СПб., 1891 г.) [55].

Нелишним будет напомнить, что сегодня, как и столетие назад, Россия вновь вынуждена защищать от посягательств со стороны ближних и дальних стран-соседей свои дальневосточные территории. Но целостность территории для государства и народа — базовое условие существования, и поэтому необычайно современны и сегодня слова Я. Н. Бутковского: *«Наш русский Восток... должен в себе находить силу и защиту; ему некогда ожидать присылки флота через будущий Панамский канал, или армии по сибирской железной дороге. Достаточно чтобы знали, что позади него вся Россия. Пусть он не остается младенцем на помочах; надо ему готовиться самому защищать свою мать»* [56]. Увы россиянам, но сегодня результаты опросов показывают, что противников отторжения для Японии части русских земель на Востоке больше среди самих жителей Дальнего Востока нежели в целом по России [57]; дальневосточники же обижены как невниманием, так и специфическим вниманием со стороны своего государства, что может зародить в них опасное ощущение ненужности для страны.

Главными целями дальнейшей работы по исследованию родословия Бутковских (как и изучение родословия вообще любой семьи) являются намерение выявления всей цепи поколений и попытка связать прошлое с будущим, чтобы облегчить последующим поколениям понимание предыдущих и тем самым избежать трагических разрывов в национальном сознании. Пора понять и обществу в целом, и каждому из нас, что именно семья — и главная ценность, и оплот отечества.

Примечания:

1. ***Болонев Ф. Ф.*** *Старообрядцы Забайкалья в 18–20 в. Новосибирск, 1994. С. 117*
2. *НАРС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1591. Л. 23–24.*
3. *Там же. Л. 81–82.*
4. ***Буссе Ф. Ф.*** *Исторический очерк заселения Южно-Уссурийского края в 1883–1893г. г. СПб, 1896. С. 27.*
5. *РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 190 об.*
6. *Там же. Л. 350.*
7. *РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1514. Л. 75–80 об.*
8. ***Бянкин В. П.*** *В дальневосточных морях. Очерки. Владивосток, 1981. С. 182.*
9. *Там же.*
10. *РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2483.*

11. Там же.
12. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1249.
13. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1252. Л. 252.
14. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1001. Л. 9–9 об.
15. Исторический архив г. Гродно. Беларусь. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 192.
16. **Болонев Ф. Ф.** Старообрядцы Забайкалья в 18–20 в. Новосибирск, 1994. С. 39.
17. Там же. С. 28.
18. **Хисамутдинов А. А.** Из Владивостокской старины. Владивосток, 2001. С. 55–57.
19. **Бутковская А. Я.** Рассказы бабушки. «Исторический вестник». 1884. Т. 18. С. 594–631.
20. Там же. С. 610.
21. Там же.
22. Там же. С. 596.
23. Там же. С. 618.
24. Там же. С. 610.
25. Там же. С. 611.
26. РГВИА. Ф. 395. Оп. 126 (1820). Д. 1079. Л. 8–11.
27. Там же. Л. 4–6.
28. **Бутковская А. Я.** Рассказы бабушки. «Исторический вестник». 1884. Т. 18. С. 619.
29. Там же. С. 622.
30. Там же. С. 631.
31. Там же. С. 625.
32. Информация Музея изобразительных искусств Нижнего Тагила.
33. Там же.
34. **Неволин К. А.** О пятинах и погостах Новгородских в 16 веке. СПб., 1853.
35. **Бутковская А. Я.** Рассказы бабушки. «Исторический вестник». 1884. Т. 18. С. 631.
36. РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 173. Л. 161–164.
37. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т. 14–15. Москва, 1978. С. 901.
38. **Буссе Ф. Ф.** Исторический очерк заселения Южно-Уссурийского края в 1883–1893 г.г. СПб., 1896. С. 29.
39. Там же.
40. **Бутковский Я. Н.** Сахалин и его значение //Морской сборник, 1874. № 4. С. 131–139.
41. РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–3 об.
42. Там же.
43. Там же.
44. РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 42. Л. 4–8 об.
45. Там же.

46. РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–3 об.
47. Там же.
48. **Бутковский Я. Н.** Остров Сахалин. «Исторический вестник». Т. X. 1882. С. 181.
49. Дальневосточное морское пароходство 1880–1980. Владивосток, 1980. С. 60.
50. Там же. С. 70.
51. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т. 14–15. Москва, 1978. С. 887–891.
52. **Бутковский Я. Н.** Остров Сахалин. «Исторический вестник». Т. X. 1882. С. 186.
53. Там же. С. 184.
54. Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Москва, 1949. Том 1. С. 191.
55. Большая энциклопедия. /Под ред. Южакова С. Н. и Милюкова П. Н. С-Пб., 1901. С. 138.
56. **Бутковский Я. Н.** Остров Сахалин. «Исторический вестник». Т. X. 1882. С. 185.
57. **Мунэо Судзуки.** Процесс углубления взаимопонимания в японо-российских отношениях //Проблемы Дальнего Востока. № 1. Москва, 2001. С. 24.

Научное издание

Арсеньевские чтения

Материалы международной
научно-практической конференции,
посвящённой 110-летию
ПГОМ имени В. К. Арсеньева

Редактор: А. Т. Храмцова
Корректор: Н. А. Павлова
Верстка: К. С. Тузиков

ЛР020277 от 18.02.97. Подписано в печать 08.05.2002.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 16, уч.-изд.л. 15,3.
Тираж 300 экз. Заказ 153.

© Приморский государственный объединенный
музей имени В. К. Арсеньева.

Издательство Дальневосточного университета.
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27.

Отпечатано в типографии «Эмпайр»,
г. Владивосток, ул. Вс. Сибирцева, 15, тел. 266-998.